

ISSN 1987 - 7293

E - ISSN 2720 - 832X

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj>

THE CAUCASUS AND THE WORLD

International Scientific Journal

Международный научный журнал

КАВКАЗ И МИР

2024, №28

**THE CAUCASIAN INTERNATIONAL RESEARCH CENTER FOR
GEOHISTORY AND GEOPOLITICS
КАВКАЗСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ
ГЕОИСТОРИИ И ГЕОПОЛИТИКИ**

ISSN 1987 - 7293

E - ISSN 2720 - 832X

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj>

კავკასია და მსოფლიო
საერთაშორისო სამეცნიერო ჟურნალი

**THE CAUCASUS AND THE WORLD
International Scientific Journal**

**Кавказ и Мир
Международный научный журнал**

№ 28

**Tbilisi – თბილისი - Тбилиси
2024**

UDC (უკ) 908 (479) + 908 (100)
K-126 C-35

მთავარი რედაქტორი - გურამ მარხულია

რედაქტორი - მარინა იზორია

რედკოლეგია

ომარ არდაშელია, ლია ახალაძე, ნოდარ ბერულავა, მერი გაბედავა, მანანა გაგომიძე, ნარგიზა გამისონია, ედიშერ გვენეტაძე, ვახტანგ გურული, ნოდარ დარსანია, ხათუნა დიასამიძე, დავით ზაქარაია, თამილა ზვიადაძე, მაკა კაჭარავა, კახა კვაშილავა, კახი კოპალიანი, კობა კორსანტია, ნესტან ლომია, მალხაზ მაცაბერიძე, მარიამ მირესაშვილი, კობა ოკუჯავა, ლევან ოსიძე, თეიმურაზ პაპასქირი, ზურაბ პაპასქირი, ოთარ ჟორდანი, კახაბერ ფიფია, ელგუჯა ქავთარაძე, კახა ქეცბაია, როინ ყავრელიშვილი, დავით შავიანიძე, ვაჟა შუბითიძე, სოფო ჩქოფოია, ავთანდილ ხაზალია, ბექან ხორავა, ნიკო ჯავახიშვილი, დაზმირ ჯოჯუა.

საერთაშორისო სარედაქციო კოლეგია

ასლან ასლანოვი (აზერბაიჯანი), მიხაილო ბაგმეტი (უკრაინა), საბაკათინ ბალჯი (თურქეთი), პაულა ანდრეა რამირეს ბარბოსა (კოლუმბია), ჯაბი ბახრამოვი (აზერბაიჯანი), მუსა გასიმლი (აზერბაიჯანი), თომას გოლტცი (აშშ), სალექ გუნეი (თურქეთი), არაზ გურბანოვი (აზერბაიჯანი), მასაიოში კამოჰარა (იაპონია), ლეონიდ კლიმენკო (უკრაინა), ვესნა კრინვიჩი (სლოვენია), ანდრეი კუდრიჩენკო (უკრაინა), ოლეგ კუპჩიკი (უკრაინა), აბდალ რახმან აბუ-ლაბან (საუდის არაბეთი), ზაინულ მაარიფი (ინდონეზია), ელმარ მაგერამოვი (აზერბაიჯანი), ქიამალ მაკალი-ალიევი (აზერბაიჯანი), სათარ მაჟიტოვი (ყაზახეთი), იაკუბ მახმუდოვი (აზერბაიჯანი), აითიან მუსტაფაევა (აზერბაიჯანი), მუჰამად ასიფ ნურ (პაკისტანი), სინან ოღანი (თურქეთი), ჰასან სელიმ ოზერტემი (თურქეთი), ტატიანა პოლოსკოვა (რუსეთი), სვეტლანა სიდუნე (პოლონეთი), სიჩან სივი (აშშ), ოიბეკ სიროჟოვი (უზბეკეთი), აჰმედ სულიმანი (სუდანი), ანდრიმანჯატო ნი ტოკი (მადაგასკარი), დავიდ რამირო ტროიტრინო (კოლუმბია), შოხისტახონ ულჟაევა (უზბეკეთი), აბდულაჰ ალი-ალ-ფარაჯ (ირანი), ლი ფენგლინი (ჩინეთი), ქამერ ქაზიმი (თურქეთი), ვლადიმირ შატუნი (უკრაინა), რუსლან შევჩენკო (მოლდოვა), აუმიკი შიგამი (იაპონია), აბრაჰამ შმულევიჩი (ისრაელი), სარფრაზ ხანი (პაკისტანი), აბდულ აზიზ აბდულ ჰაფიზ ელ ხოული (ეგვიპტე), კრისტიან იოჰან ჰენრიხი (გერმანია).

სტატიების შინაარსზე პასუხისმგებელია ავტორი

გეოისტორიის და გეოპოლიტიკის კვლევის კავკასიის საერთაშორისო ცენტრის პერიოდიული ჟურნალი „კავკასია და მსოფლიო“ წარმოადგენს რეფერირებად, საერთაშორისო სამეცნიერო გამოცემას. ჟურნალი გამოდის ყოველთვიურად. ჟურნალი დარეგისტრირებულია LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE, მისამართი: საქართველო, თბილისი 0179, კოსტავას ქ. 47, ტელ., (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76- 18

web: www.lazika.com.ge

E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com ტელ. (+995) 592 01 31 95

EDITOR –IN- CHIEF - Guram Markhulia

EDITOR – Marina Izoria

EDITOR BOARD

Lia Akhaladze, Omar Ardashelia, Nodar Berulava, David Chitaia, Sopo Chkopoia, Nodar Darsania, Khatuna Diasamidze, Dazmir Djodjua, Manana Gagoshidze, Meri Gabedava, Nargiza Gamisonia, Vakhtang Guruli, Edisher Gvenetadze, Nikolai Javakhishvili, Roin Kavrelishvili, Elguja Kavtaradze, Maka Katcharava, Kakha Ketsbaia, Koba Korsantia, Kakhi Kopaliani, Avtandil Khazalia, Bezhan Khorava, Kakha Kvashilava, Malkhaz Matsaberidze, Mariam Miresashvili, Nestan Lomaia, Koba Okujava, Levan Osidze, Teimuraz Papaskiri, Zurab Papaskiri, Kakhber Pipia, David Shavianidze, Vazha Shubitidze, Otar Zhordania, Tamila Zviadadze. David Zakaraia.

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Namiq Aliyev (Azerbaijan), Aslan Aslanov (Azerbaijan), Mykhaylo Bagmet (Ukraine), Jabi Bakhramov (Azerbaijan), Sabahattin Balci (Turkey), Paula Andrea Ramirez Barbosa (Columbia), Vesna Crinivec (Sloven), Abdullah Ali-Al-Faraj (Iran), Li Fenglin (China), Tomas Goltz (USA), Salih Güney (Turkey), Araz Gurbanov (Azerbaijan), Christian Johannes Henrich (Germany), Masayoshi Kamohara (Japan), Kamer Kasim (Turkey), Sarfraz Khan (Pakistan), Abdul Aziz Abdul Hafis El Khouli (Egypt), Ayumi Kishigami (Japan), Leonid Klimenko (Ukraine), Andrei Kudriachenko (Ukraine), Oleg Kupchik (Ukraine), Abdal Rahman Abu-Laban (Saudi Arabia), Zainul Maarif (Indonesia), Kamal Makili-Aliyev (Azerbaijan), Elmar Magerammov (Azerbaijan), Yaqub Mahmudov (Azerbaijan), Satar Mazhitov (Kazakhstan), Aitian Mustafaeva (Azerbaijan), Muhammad Asif Noor (Pakistan), Sinan Oğan (Turkey), Hasan Selim Özertem (Turkey), Tatiana Poloskova (Russia), Musa Qasimli (Azerbaijan), Svetlana Sidun (Poland), Oybek Sirjov (Uzbekistan), Sichan Siv (USA), Ahmed Suliman (Sudan), Vladimir Shatun (Ukraine), Ruslan Shevchenko (Moldova), Abraham Shmulevich (Israel), Andrimanjato Ny Toky (Madagascar), David Ramiro Troitrino (Columbia), Shokhistakhon Ulzhaeva (Uzbekistan).

The authors' opinion does not necessary coincide with position of editors.

Journal "The Caucasus and the World" is the periodical, monthly published, summarized scientific edition of The Caucasian International Research Center for Geohistory and Geopolitics. The journal is registered at LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE, address: Kostava St N 47, Tbilisi 0179, Georgia. Phone: (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76- 18,

web: www.lazika.com.ge

E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com, Tel. (+995) 592 01 31 95

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР - Гурам Мархулия
РЕДАКТОР – Марина Изория

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Омар Ардашелия, Лиа Ахаладзе, Нодар Берулава, Манана Гагошидзе, Нодар Дарсания, Хатуна Диасамидзе, Николай Джавахишвили, Дазмир Джоджуа, Мери Габедава, Наргиза Гамисония, Эдишер Гвенетадзе, Вахтанг Гурули, Отар Жордания, Давид Закараия, Тамила Звиададзе, Ройн Каврелишвили, Эльгуджа Кавтарадзе, Мака Качарава, Каха Квашилава, Каха Кецбаия, Кахи Копалиани, Коба Корсантия, Малхаз Мацаберидзе, Мариам Миресашвили, Нестан Ломаия, Коба Окуджава, Леван Осидзе, Зураб Папаскири, Теймураз Папаскири, Кахабер Пипия, Автандил Хазалия, Бежан Хорава, Давид Читаиа, Сопо Чкопоия, Давид Шавианидзе, Важа Шубитидзе.

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Намик Алиев,(Азербайджан) Аслан Асланов (Азербайджан), Михаило Багмет (Украина), Сабахаттин Балджы (Турция), Паула Андреа Рамирес Барбоса (Колумбия), Джаби Бахрамов (Азербайджан), Муса Гасымлы (Азербайджан), Христиан Йохан Генрих (Германия), Томас Гольтц (США), Араз Гурбанов (Азербайджан), Салих Гюней (Турция), Хасан Селим Ёзертем (Турция), Масаоши Камохара (Япония), Камер Касим (Турция), Ауми Кишигами (Япония), Леонид Клименко (Украина), Весна Кринвич (Словения), Абдал Рахман Абу-Лабан (Саудовская Аравия), Андрей Кудряченко (Украина), Олег Купчик (Украина), Зайнул Маариф (Индонезия), Саттар Мажитов (Казахстан), Кямал Макили-Алиев (Азербайджан), Эльмар Магераммов (Азербайджан), Якуб Махмудов (Азербайджан), Айтян Мустафаева (Азербайджан), Мухаммад Асиф Нур (Пакистан), Синан Оган (Турция), Татьяна Полоскова (Россия), Ойбек Сирожов (Узбекистан), Сичан Сив (США), Ахмед Сулиман (Судан), Светлана Сыдун (Польша), Андриманджато Ни Токи (Мадагаскар), Давид Рамиро Троитрино (Колумбия), Шохистахон Ульжаева (Узбекистан), Абдуллах Али-Аль-Фарадж (Иран), Ли Фенглин (Китай), Сарфраз Хан (Пакистан), Абдул Азиз Абдул Хафиз Эль Хоули (Египет), Владимир Шатун (Украина), Руслан Шевченко (Молдова), Авраам Шмулевич (Израиль).

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

Журнал „Кавказ и Мир” периодическое, реферированное международное научное издание Кавказского международного центра исследования геоистории и геополитики, публикуется ежемесячно. Журнал зарегистрирован в LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE, адрес: Грузия, Тбилиси 0179, ул. Костава 47, тел., (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76-18.

web: www.lazika.com.ge

E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com, Тел. (+995) 592 01 31 95

CONTENS

PHILOSOPHY

Manana Gagoshidze	9
Stoicism - History of the philosophical concept	
Nestan Lomaia	15
Philosophical Analysis of Authoritarianism	
Kakha Ketsbaia	22
Infinity questions in philosophy	

PHILOLOGY

Maka Kacharava	30
Modern neologisms of foreign origin in the Russian language picture of the world (based on materials from media outlets)	
Liliana Janashia	40
The evolution of the genre of dystopia in the context of the literary	
Ekaterine Maruashvili	44
Statistical Analyses in Language Usage	

HISTORY

Abraham Shmulevich	50
History of the Russo-Chicassian War	
Bezhan Khorava, Dazmir Jojua	60
Multicultural Georgia: the territorial and ideological foundation for caucasian Unity	
Nargiza Gamisonia	74
Some issues of education and upbringing in the middle ages	
Kakhaber Pipia	84
The Foreign Policy of Antonius and the Eastern Black Sea Coast	
Nodar Berulava	90
On the coverage of some controversial issues of the archeology of Abkhazia in modern Russian historiography	
Bezhan Khorava	105
The lost pages of the history of vi century Georgia review of Manana Sanadze's work the King of Kartli Darchil (the son of Vakhtang Gorgasali) and the chronicles describing his life (tbilisi, 2020).	

POLITICAL SCIENCE

Elguja Kavtaradze	112
Issues of Ethnopolitical Conflicts	

INTERNATIONAL RELATIONS

Omar Ardasheliya	121
Liberalism and world order in light of geopolitical philosophy	

Marina Izoria	134
Geopolitical struggle for a multipolar world order	

Dazmir Jojua	141
On the issue of India's foreign policy	

Guram Markhulia	147
Syria in the Middle East Geopolitical Philosophy	

PSYCHOLOGY

Kakhi Kopaliani, Tamar Adeishvili, Irma Meskhi	158
Relationship between subjective well-being and business and social status with young people living in Georgia	

GEOPOLITICS

Elguja Kavtaradze	164
Armenian geopolitical interests in occupied Abkhazia	

Samson Jojua	174
Occupied regions of Georgia - geopolitical mouthpiece of Russia	

СОДЕРЖАНИЕ**ФИЛОСОФИЯ**

Манана Гагошидзе	9
Стоицизм - История философского понятия	
Нестан Ломаия	15
Философский анализ авторитаризма	
Каха Кецбаия	22
Вопросы бесконечности в философии	

ФИЛОЛОГИЯ

Мака Качарава	30
Современные неологизмы иноязычного происхождения в русской языковой картине мира (на материале средств массовой информации)	
Лилиана Джанашия	40
К вопросу эволюции жанра антиутопии в контексте литературного процесса конца XX века	
Екатерина Маруашвили	44
Статистический анализ использования языка	

ИСТОРИЯ

Авраам Шмулевич	50
История Русско-Черкесской войны	
Бежан Хорава, Дазмир Джоджуа	60
Мультикультурная Грузия: территориальная и идеологическая основа кавказского единства	
Наргиза Гамисония	74
Некоторые вопросы образования и воспитания в Средние века	
Кахабер Пипия	84
Внешняя политика Антония и Восточное Причерноморье	
Нодар Берулава	90
Об освещении некоторых спорных вопросов археологии Абхазии в современной российской историографии	
Бежан Хорава	105
Утерянные страницы истории Грузии VI века. Рецензия на произведение Мананы Санадзе «Царь Картли Дарчил» («Сын Вахтанга Горгасали») и «Хроники, описывающие его жизнь» (Тбилиси, 2020)	

ПОЛИТОЛОГИЯ

Эльгуджа Кавтарадзе	112
Вопросы этнополитических конфликтов	

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Омар Ардашелия	121
Либерализм и мировой порядок в свете геополитической философии	
Марина Изория	134
Геополитическая борьба за многополярный мировой порядок	
Дазмир Джоджуа	141
К вопросу внешней политики Индии	
Гурам Мархулия	147
Сирия в Ближневосточном геополитическом философии	

ПСИХОЛОГИЯ

Кахи Копалиани, Тамар Адеишвили, Ирма Месхи	158
Связь между субъективным благополучием и деловым и социальным статусом среди молодых людей, проживающих в Грузии	

ГЕОПОЛИТИКА

Эльгуджа Кавтарадзе	164
Армянские геополитические интересы в Оккупированной Абхазии	
Самсон Джоджуа	174
Оккупированные области Грузии - геополитический рупор России	

PHILOSOPHY - ФИЛОСОФИЯ**MANANA GAGOSHIDZE****Doctor of Philosophy, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)****STOICISM - HISTORY OF THE PHILOSOPHICAL CONCEPT****DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.01>**

Stoicism is one of the oldest schools of philosophy. It originated in Athens around 300 BC. Stoicism was widespread during the period of antiquity not only in Ancient Greece, but also in Ancient Rome. The founder of the Stoic school is the ancient Greek philosopher Zeno of Citium. Other equally famous Stoics are: Seneca, Epictetus and Marcus Aurelius. Stoicism is the idea of a strong and active life position based on the discipline of reason. Ancient thinkers divided the doctrine into three parts: physics, ethics and logic. Let us consider in more detail what each part was responsible for. Logic is a fundamental part of Stoicism. It consisted of rhetoric and dialectics. Its purpose was to show how the universal laws of reason operate in the sphere of knowledge, and to explain philosophizing as a strict scientific procedure. The doctrine of physics implied that the world is a kind of living organism, which is governed by the immanent divine law of logos. Physics included ontocosmology and anthropology. According to the teachings of the Stoics, the cosmos is a living intelligent body, and the human soul is directly connected with it. Ancient thinkers argued that a person can resist fate and think independently contrary to logos, but this will only lead to the worst result. Ethics is an important element of the teaching of Stoicism. Its idea is based on the self-sufficiency of virtue. The ideal of this teaching is a sage with an infallible intellectual and moral attitude. The goal of such a person is self-improvement. It is also worth noting that the Stoics were against slavery. Since, according to their teaching, every person is God's creation and no person should have the right to subjugate another. Let's consider several basic ideas of Stoicism: Freedom from the influence of the outside world. The path of self-improvement (enrich yourself culturally and intellectually).

Refuse material goods. Be able to be content with little and feel inner freedom. Apply a logical approach to life. Be aware and understand every minute of your life. Follow the voice of conscience and reason. It is worth noting that the ancient Stoics were calm about death. They did not feel fear of it and could calmly talk about it, showing that this is an absolutely natural process that everyone will have to face sooner or later. Stoicism undoubtedly had a great influence on Christian theocosmology. In addition, the physics and ethics of Stoicism were widely influential in the Renaissance and Modern Times. Also, philosophical teaching had an indirect impact on economic science. Now let's consider modern Stoicism. The beginning of the development of modern Stoicism is considered to be the end of the 20th century. Its ideas are based on the ancient, but with some differences for the modern world. The most important distinctive feature is a respectful attitude to money and power. Modern Stoicism received its active distribution thanks to a group of British psychologists and scientists, which since 2012 has been holding events on Stoic topics. In addition, the organization Modern Stoicism Ltd. since 2013 has been holding a week of Stoics in cities such as London, New York, Toronto and Athens. Today, the Stoic movement has grown significantly in Western countries, manifesting itself in many articles in popular publications. At the beginning of the 21st century, the Stoicism Today project began to actively involve British historians and philosophers, who noted the positive features of ancient philosophy. Let's consider some principles of Stoicism that can be applied in the modern world. It is worth noting that the principles of Stoicism are in great demand today when practicing various martial arts. They manifest themselves in the form of

insensitivity to pain, complete concentration and control of the situation. The principles of Stoicism are also applied in psychological practice: for example, accepting all moments of your life instead of denying them. In addition, you should always be able to control your emotions, because many things are beyond our control, and we must be able not to resist them. Another important principle is the ability to value and manage your time. Because, unlike material values, it cannot be replenished.

The Stoics believed that excessive optimism does not lead to anything good, so instead of denying the severity of life, they accepted it as it is. Philosophers believed that if you constantly think about the worst, then a person develops immunity to dangers. For the Stoics, working on your character and gaining virtue was the meaning of life. They believed that only a kind person who lives not only for himself, but also helps others, is worthy of being called a useful person. It is such a person who is able to guide others on the true path. Today, a person has a wide range of opportunities. He sets a goal, then thinks about the result that its achievement will bring. Later, a person imagines the difficulties that he will have to overcome, and suddenly he gives up on fulfilling his dream. In such situations, it is worth remembering that all famous athletes overcame difficulties to achieve high results. Therefore, you must always work on yourself, become a better copy of yourself yesterday every day, only if you fulfill this condition will you succeed. To summarize, Stoicism can really be called a useful philosophy in the modern era. The ideas of Stoicism are understandable, as they are aimed at self-discipline, the ability to cope with any situation and self-improvement. For some, this philosophy may seem very strict, but I believe that some of its features are worth emphasizing for everyone. The history of Stoicism is traditionally divided into three periods: Early (Zeno, Cleanthes, Chrysippus and their students, 3rd-2nd centuries BC). Middle (Panaetius, Posidonius, Hecaton and others, 2nd-1st centuries BC) and Late Stoa (or Roman Stoicism): (Seneca, Musonius Rufus, Hierocles, Epictetus, Marcus Aurelius, 1st-2nd centuries AD). Complete works have survived only from the last period. This makes the reconstruction of Stoicism inevitable, which

is currently considered a strict system (finally formed by Chrysippus). Stoicism (like Cynicism, Epicureanism and Skepticism) is a practically oriented philosophy, the purpose of which is to substantiate “wisdom” as an ethical ideal, but the extraordinary logical-ontological problems play a fundamentally important role in it. In the field of logic and physics, Stoicism was most influenced by Aristotle and the Megarian school; ethics was formed under the Cynic influence, which in Chrysippus and in the Middle Stoa was accompanied by the Platonic and Peripatetic. The teaching of Stoicism is divided into logic, physics and ethics. The structural interrelation of the three parts serves as an expression of the universal “logicality” of being, or the unity of the laws of the world mind-logos (primarily the law of cause and effect) in the spheres of cognition, world order and moral goal-setting. The universal means of analyzing any subject matter are four interconnected classes of predicates, or categories: “substrate” (ὕποκειμενον), “quality” (ποιόν), “state” (πὼς ἔχον), “state in relation to” (πρὸς τί πὼς ἔχον), which are substantively equivalent to the 10 Aristotelian categories.

LOGIC is the fundamental part of Stoicism; its task is to substantiate the necessary and universal laws of reason as laws of knowledge, being and ethical obligation, and philosophizing as a strict “scientific” procedure. The logical part is divided into rhetoric and dialectics; the latter includes the doctrine of the criterion (gnoseology) and the doctrine of the designator and the designated (grammar, semantics and formal logic, created by Chrysippus). The gnoseology of Stoicism is the programmatic antipode of the Platonic one; it proceeds from the fact that knowledge begins with sensory perception. The cognitive act is constructed according to the scheme “impression” – “agreement” – “comprehension”: the content of the “impression” (“imprint on the soul”) is verified in the intellectual act of “agreement” (συγκατάθεσις), leading to “comprehension” (συγκατάληψις). The criterion of its non-deception is the “comprehension representation” (φαντασία καταληπτική), which arises only from the real present objectivity and reveals its content with unconditional adequacy and clarity. In “representations” and “comprehensions” only the primary synthesis of sensory data occurs

– the statement of the perception of a certain objectivity; but they do not provide knowledge about it and, unlike the logical propositions (ἀξιιώματα) correlative to them, cannot have the predicate «true» or «false». From homogeneous «comprehensions» in memory, preliminary general ideas (προλήψεις, ἔννοιαι) are formed, forming the sphere of primary experience. In order to enter the system of knowledge, experience must acquire a clear analytical-synthetic structure: this is the task of dialectics, which studies mainly the relations of incorporeal meanings. Its basis is semantics (which finds echoes in the logical-semantic concepts of the 20th century), which analyzes the relationship of the word-sign («expressed word», λόγος προφορικός), the designated meaning («inner word» = «lekton», λόγος ἐνδιάθετος, λεκτόν) and the material denotate. The relationship of sign and meaning at the level of «lekton» acts as the primary model of cause-and-effect relationships. The relationship of the corporeal and the incorporeal within the corporeal universe is a global (and unsolvable) meta-problem of Stoicism: only bodies really exist; the incorporeal (emptiness, place, time and «meanings») is present in another way. Formal logic (see Chrysippus) establishes a logical dependence between meanings, isomorphic to the causal dependence in the physical world and ethical obligation; therefore, its basis is implication (as a strict analytical procedure). The use of expanded statements (describing the real structure of «facts») as terms allows us to consider the formal logic of Stoicism the first «logic of propositions» in the history of European logic. PHYSICS - the last original physical teaching of the pre-Neoplatonic period - is distinguished by a total somatism that has no analogues in antiquity, underlying a consistently continuous picture of the world. The two main sections of physics are onto-cosmology and anthropology. The pantheistic identification of God with corporeal being leads to a fundamental shift in emphasis: the ontological model is not the antithesis of idea and matter, but of two eternally existing “principles”: active (god-Zeus = Logos) and passive (non-qualitative substrate, matter), which should be understood not as primary substances, but as principles of organization of a single being. At the first stage of cosmogony, two

pairs of elements, active (fire and air) and passive (earth and water), actualize the opposition of “principles” by condensation and rarefaction. All things arise from the elements according to individual “spermatic logoi”, in which Logos acts as the law of organization and development of each individual “nature”. Cosmos is a sphere surrounded by boundless emptiness with motionless earth in the center and fiery ether on the periphery. Time is understood as a measure of movement (space, time and body are infinitely divisible). The cosmos as an order is transient: at the end of the cycle, fire absorbs other elements (“ignition”), but in each subsequent cycle the world is reborn from the fiery proto-substrate in its previous form.

The ultimate manifestation of the Logos God on the physical level is the creative fire (πῦρ τεχνικόν), also known as nature (φύσις, that which carries within itself the beginning of generation and development). The creative fire is identified with pneuma, consisting of fire and air, an all-pervading warm breath, the “soul” of the cosmic organism. The main characteristic of pneuma is the “pressure of fire” (πληγὴ πυρός), or “tension” (τόνος), and bidirectional movement: centripetal ensures the stability of any thing and the cosmos as a whole, and centrifugal – the diversity of bodily qualities. This makes possible cosmic sympathy, the correlate of which is the “universal and complete mixture” (κρᾶσις δι’ ὅλων) as a consequence of the infinite divisibility and complete interpenetration of bodily structures and their qualities. A separate thing (a physical “fact”) is defined as a “state of pneuma”: the ontology of Stoicism registers not substances, but existing states, or phenomena-facts. The levels of organization of bodily structures are determined by the degree of purity and tension of pneuma: 1) the inorganic level, “structure” (ἔξις); 2) plant, “nature”; 3) animal, “soul” (impressions and impulses) and 4) rational, “logos”. A special section of physics is devoted to the causal interaction of structures. The identification of logical necessity with physical causality leads to absolute determinism (the psychological basis of ethical “therapeutics”): causality “from nothing” is impossible, the “possible” and “random” are postulated as unknown. The division of causes into known and unknown is accompanied by a

functional division into primary and secondary, or (in the moral projection) into the decision of the subject (τὸ ἐφ' ἡμῶν, προαίρεσις) and external (independent of the subject) causality. The all-cosmic “coupling” of causes is understood as “destiny” (εἰμαρμένη), and the necessity of such a “coupling” is understood as “fate” (ἀνάγκη). In the providential-teleological hypostasis, «fate» = «necessity» = Logos acts as «providence» (πρόνοια), purposefully arranging the universe (the basis for mantics). Theology, crowning cosmology, is built on the principle of allegoresis: various functions of the single Logos-Zeus are personified in traditional gods. The subject of early Stoic anthropology, modeled in the paradigm of macrocosm and microcosm, is an internally integral individual, entirely determined by his rational principle. The human soul - a «particle» of cosmic pneuma, permeating the entire body and separating from it after death - consists of 8 parts: five senses, speech, generative and «leading»; in the latter (located in the heart) the «abilities» of representation, consent, attraction and rationality are concentrated. Sensation arises as a result of the circulation of pneuma between the sense organ and the «leading» part, and attraction as a result of «consent» to the «impression» of the attractiveness of the object. Unlike Zeno, who considered attractions to be epiphenomena of judgments, Chrysippus identified them with judgments, giving psychology a complete intellectualistic character. The Middle Stoa carried out a Platonic correction of the doctrine, allowing for the independent existence of the affective principle in the soul.

ETHICS is the most important part of the teaching, which had a universal influence on the entire development of ethics from Christianity to Kant, based on the idea of the autarky of virtue when combining the concepts of virtue and happiness. The starting point of theoretical ethics can be considered the concept of «primary inclination» or «disposition» (οικείωσις) created by Zeno, establishing the «natural» scale of goal-setting and obligation: the actions of a living organism are determined by the desire for self-preservation. In a rational being, this egoistic inclination necessarily evolves with age through «disposition» to loved ones to respect for oneself and others as bearers of reason on a global scale.

The ultimate moral goal is life according to rational nature, identical to happiness and virtue («virtue is sufficient for happiness»). Virtue (“rationality”, φρόνησις, or knowledge of good, evil, and indifferent, applied practically) is the only good, its opposite is the only evil; the rest is indifferent (ἀδιάφορον), since it has no direct relation to virtue. The indifferent corresponds to the “proper” (καθήκον), τ. that is, an action that is “naturally” justified and expedient for every living organism, but lacks a truly moral character. Moral action, κατόρθωμα (the highest level of “proper”, at which nature fully realizes its rational potential), is determined not by instinctive common sense, but by a moral attitude to action. The embodiment of the ideal of virtue is the sage. Being internally autonomous (virtue is the only thing that «depends on us»), he has an infallible intellectual and moral attitude, corresponding to the ideal of apathy, and accepts his «fate» as a manifestation of good providence: knowledge of moral necessity coincides with the understanding of cosmic causality. The goal of the sage is his own perfection, similar to the perfection of the cosmos and expressed in action: the sage has friends, participates in the affairs of society, etc. Suicide was recommended under circumstances that make ideal-moral behavior impossible. Specific moral prescriptions constituted the main subject of practical ethics (moralistics). The rigoristic premise of ethics - everything that is not good is evil; everyone who is not wise is vicious - came into inevitable conflict with the absolutization of the original «natural» basis of any action. After Chrysippus (especially in the Middle Stoa), attempts were made, without abandoning the original rigorism, to soften it somewhat by introducing the «preferred» into the sphere of moral goal-setting, as well as recognizing the moral dignity of those «advancing» towards virtue. But despite all the attempts to justify moral autonomy with the help of a kind of «cosmodicy», the «kingdom of freedom» was (due to the insufficient formalism of ethical theory) sacrificed to nature, which acts as the general basis of ethics and law. Therefore, the theory of state and law, formally not included in the composition of ethics, is essentially its continuation, since it goes back to the theory of «primary inclination». The doctrine of the

«cosmopolis» as a world community of rational beings, based on the principle of justice as a norm of «natural law», testifies to the formation of a new political and legal thinking for antiquity, which had a universal influence on the development of European legal consciousness. The evolution of Stoicism reflects the hidden tendencies of the doctrine. In early Stoicism, logical-ontological issues are always present in the foreground. Middle Stoicism transforms anthropology and ethics, including Platonic and Peripatetic elements; logical-ontological issues gradually recede into the background. In late Stoicism, theorizing is finally limited to ethics,

which increasingly evolves into moralistics; in this form, it temporarily becomes the leading «philosophical ideology» of the Roman Empire. At the same time, there is a wide diffusion of Stoic terminology and dogmatics, marking the end of Stoicism: as a practical philosophy, it could not withstand competition with Christianity, and as a theoretical philosophy - with the reviving Platonism. Stoicism had a noticeable influence on Christian theo-cosmology, anthropology and ethics on Arab-Muslim thought, and then on Renaissance «naturalism» and modern European philosophy.

References:

- [1]. Stoicorum veterum fragmenta, coll. G. ab Arnim, vol. I–IV. Lipsiae, 1921–24. (Stuttg., 1968)
- [2]. Fragments of the Early Stoics, trans. and comm. A.A. Stolyarova, vol. 1. M., 1998, vol. 2 (part 1). M., 1999
- [3]. I frammenti degli Stoici antichi, trad. e ann. da N. Festa, vol. I–II. Bari, 1932–35 (2-d., Hildesheim – N. Y., 1971)
- [4]. vol. III, I frammenti morali di Crisippo, trad. da R. Anaslasi. Padova, 1962
- [5]. Hutser K.-H. Die Fragmente zur Dialektik der Stoiker, Bd. I–IV. Stuttg., 1987–88
- [6]. Bevan E. Stoics and Skeptics. Oxf., 1913
- [7]. Barth P. Die Stoa, 6 Aufl., völlig neu bearb. von A. Goedeckemeyer. Stuttg., 1946
- [8]. Arnold V.E. Roman Stoicism. L., 1958
- [9]. Pohlenz M. Die Stoa, Bd. 1–2. Gott., 1964–1965
- [10]. Christensen J. An Essay on the Unity of Stoic Philosophy. Cph., 1962
- [11]. Edelstein L. The Meaning of Stoicism. Cambr., 1966
- [12]. Rist J.M. Stoic Philosophy. Cambr., 1969

МАНАНА ГАГОШИДЗЕ

Доктор философии, ассоциированный профессор Сухумского государственного университета (Грузия)

СТОИЦИЗМ - ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКОГО ПОНЯТИЯ РЕЗЮМЕ

Стоицизм является одним из древнейших направлений в философии. Он зародился в Афинах около 300 г. до н. э. Стоицизм широко распространялся в период античности не только в Древней Греции, но и в Древнем Риме. Родоначальником стоической школы является древнегреческий философ Зенон Китийский. Другими не менее известными стоиками являются: Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий. Стоицизм — это идея про сильную и активную жизненную позицию, опирающуюся на дисциплину разума. Древние мыслители разделяли учение на три части: физику, этику и логику. Рассмотрим подробнее, за что отвечала каждая часть. Логика является основополагающей частью стоицизма. Она состояла из риторики и диалектики. Ее цель заключалась в том, чтобы показать, как действуют всеобщие законы разума в сфере познания, а также объяснить философствование как строгую научную

процедуру. Учение физики подразумевало, что мир является неким живым организмом, которым управляет имманентный божественный закон логос. Физика включала в себя онтокосмологию и антропологию. Согласно учениям стоиков, космос является живым умным телом, а человеческая душа непосредственно связана с ним. Древние мыслители утверждали, что человек может противиться судьбе и мылить самостоятельно вопреки логосу, но это приведет только к худшему результату. Этика является немаловажным элементом учения стоицизма. Ее идея основывается на самодостаточности добродетели. Идеалом этого учения является мудрец, обладающий непогрешимым интеллектуально-нравственным настроем. Цель такого человека представляет собой самосовершенствование. Также стоит отметить, что стоики были против рабства. Так как по их учению каждый человек является творением божьим и ни один человек не должен иметь права подчинять себе другого. Рассмотрим несколько основных идей стоицизма: Свобода от влияния внешнего мира. Путь совершенствования себя (обогащать себя культурно и интеллектуально). Отказываться от материальных благ. Уметь довольствоваться малым и чувствовать внутреннюю свободу. Применять логический подход к жизни. Осознавать и понимать каждую минуту своей жизни. Следовать голосу совести и разума.

Стоит отметить, что древние стоики спокойно относились к смерти. Они не чувствовали страха перед ней и могли спокойно о ней говорить, показывая тем, что это абсолютно естественный процесс, с которым рано или поздно все обязаны будут столкнуться. Стоицизм, несомненно, оказал большое влияние на христианскую теокосмологию. Кроме того, физика и этика стоицизма широко пользовались влиянием в эпоху Возрождения и Нового времени. Также философское учение оказало косвенное воздействие на экономическую науку. Теперь рассмотрим современный стоицизм. Начало развития современного стоицизма принято считать конец 20 века. Своими идеями он опирается на античный, но с некоторыми отличиями для современного мира. Самой главной отличительной особенностью является уважительное отношение к деньгам и власти. Свое активное распространение современный стоицизм получил благодаря группе британских психологов и ученых, которая с 2012 года проводит мероприятия на стоическую тематику. Кроме этого, организация Modern Stoicism Ltd. с 2013 года проводит неделю стоиков, в таких городах как Лондон, Нью-Йорк, Торонто и Афины. На сегодняшний день стоическое движение значительно выросло в западных странах, проявляя себя во многих статьях популярных изданий. В начале 21 века в проект «Стоицизм сегодня» стали активно привлекать британских историков и философов, отметивших положительные черты древней философии. Рассмотрим некоторые принципы стоицизма, которые можно применять в современном мире. Стоит отметить, что принципы стоицизма очень востребованы сегодня при занятиях различными боевыми искусствами. Они проявляются в виде нечувствительности к боли, полной концентрации и владению ситуацией. Принципы стоицизма также применяются в психологической практике: например, принятия всех моментов своей жизни вместо их отрицания. Кроме этого, всегда нужно уметь контролировать свои эмоции, ведь многие вещи не подвластны нам, и мы должны уметь не противиться им. Другим немаловажным принципом является умение ценить и распоряжаться своим временем. Так как в отличии от материальных ценностей его невозможно восполнить.

Эволюция стоицизма отражает скрытые тенденции учения. В раннем стоицизме логико-онтологическая проблематика неизменно присутствует на первом плане. Средний стоицизм трансформирует антропологию и этику, включая в нее платонические и перипатетические элементы; логико-онтологическая проблематика постепенно отходит на задний план. В позднем стоицизме теоретизирование окончательно ограничивается этикой, которая все более эволюционирует к моралистике; в таком виде он на время становится ведущей «философской идеологией» Римской империи. Параллельно происходит широкая диффузия стоической терминологии и догматики, знаменующая конец стоицизма: как практическая философия он не выдержал соперничества с христианством, а как теоретическая – с возрождавшимся платонизмом. Стоицизм оказал заметное влияние на христианскую тео-космологию, антропологию и этику на арабо-мусульманскую мысль, а затем – на ренессансный «натурализм» и новоевропейскую философию.

NESTAN LOMAIA

Doctor of Philosophy, Professor of Sukhumi State University (Georgia)

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF AUTHORITARIANISM

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.02>

The system of governance of social processes plays an important role in the formation of the social structure and is one of its components. The problem of the influence of the governance system on the change of social institutions and structures is especially relevant during the period of social transformations. The systems approach assumes that the social structures of society generate a certain nature of governance, and it, in turn, affects the course of social processes and the formation of new institutions. The social structure is not static, it has its own dynamics, and the vector of its development largely depends on the system of governance and power, which can take various forms, where tendencies towards the emergence of autocratic structures for managing social processes are often manifested.

Basically, authoritarianism (from the Latin *auctor* - initiator, founder, creator, maker and *auctoritas* - judgment, opinion, view, decision, power, law) - is presented as a characteristic and type of management structure in a social system. Interest in authoritarianism as the most important category of social sciences has especially increased in recent years. The range of varieties of authoritarianism in the modern world is very wide: one-party and multi-party regimes, constitutional monarchies, etc. Such a variety of forms of manifestation of authoritarianism in the structure of management of social processes, most likely, indicates that they are of a transitional nature. Historical experience shows that authoritarianism arises, as a rule, in countries where there is a change in the social system, accompanied by a sharp polarization of political forces; in countries where there are long-term economic and political

crises, overcoming which by democratic means becomes impossible. It seems relevant not only to identify the main aspects of the phenomenon of authoritarianism, but also to consider the consequences of the influence of one or another variant of its development on the social structure of society.

Authoritarianism in the conditions of socio-economic and political crisis at a certain historical stage, as the experience of many countries shows, can ensure a certain growth of economic development, the formation of political stability in society, the formation of social structures and strata with a new worldview. In these conditions, the authorities manage to organize anti-government and opposition protests, resolve ethnic and religious conflicts, pursue a fairly moderate social policy, regulate market relations, while maintaining the multi-structure of the economy and promoting its development. This creates favorable conditions for the formation of effective social structures, the transition from authoritarian regimes to civil society and the rule of law through the democratization of socio-political life.

Due to the fact that in the development of the world community there is a constant evolution of political forms, in many countries mixed and hybrid systems of governance arise, which can be considered within the framework of authoritarianism and its influence on the formation of social institutions and structures. This is currently a complex, multifaceted and not fully explored problem of sociology.

Peculiarities of the principle of separation of powers, distribution and redistribution of national income, economic and political instability, criminalization of society, corruption,

strengthening of nationalistic tendencies - all this required in the conditions of development of the socio-political situation in the countries of a sufficiently strong presidential power with rather strict methods of governing society, without which it is probably impossible to achieve economic and political stability of the social structure.

Thus, we consider it necessary to consider authoritarianism as a specific form of governing society, which in the process of democratic transformations and reforms would provide for a strong power with elements of political pluralism and democracy.

Social and structural processes of the last decade of the past century, which occurred in the countries of Eastern Europe, associated with changes in the existing system in them, attracted the attention of scientists working in different fields of knowledge. As the field of conducted research expanded, the methods of sociological science began to be used more and more actively.

Sociology, like political science, actively joined the study of political processes and phenomena, using its methods and its approach to the phenomena studied. The task of sociology is not only to study the social structure and subsystems of management, but also to comparatively analyze the processes of their influence on social development. One of the common methods of analysis is typology. This approach allows to create an analytical basis for comparative study of various communities and their social institutions. Typology can be considered as a conscious simplification of socio-political reality, which allows to systematize and most significantly combine the obtained knowledge about the social structure of society.

Considering authoritarianism as part of the social structure of society, it can be noted that the first analysis of the problem of socio-political structure was undertaken by Aristotle and Plato. Aristotle (IV century BC) gives two criteria by which it is possible to classify political structures of governance: 1) by who

holds the power; 2) by how this power is used. He identifies the «correct forms» of the state: monarchy, aristocracy, polity; «incorrect forms» - tyranny, oligarchy and democracy.

Modern development of the problem of the functioning of political subsystems in the structure of society is associated with the names of G. Almond, R. Aron, K. Deutsch, M. Duverger, D. Easton, T. Parsons, D. Powell and others. A feature of their approach is the study of society from the point of view of system analysis and the identification of certain variables underlying the classification. In the work of one of the leading representatives of the Frankfurt school of sociology T. Adorno «Authoritarian Personality» (1950), the concept of authoritarianism in the social structure of relations is revealed with the help of a socio-psychological analysis of the corresponding type of personality. According to T. Adorno, every personality is authoritarian: authoritarianism is expressed not only under certain established social conditions; it is a line of behavior conditioned by a constant characteristic of the personality. In the 20th century, through the efforts of such scientists as K. Friedrich, Z. Brzezinski, H. Arendt, R. Tucker, I. Ilyin, K. Gadzhiev and others, an analytical concept of totalitarianism and its role in the structure of society's governance appeared. Research in this direction was continued by M. Djilas, M. Voslensky, A. Golovatenko and others. Later, along with totalitarian regimes, post-totalitarian regimes of governance began to be distinguished (for example, in the territory of the former USSR). A great contribution to the development of these problems was made by R. Bart, R. Dahl, R. Pantham, G. Golosov, D. Dolenko, V. Zamkovoy, Yu. Shevchenko and others. In the 50-60s of the 20th century, numerous «hybrid countries» appeared, in which it was difficult to clearly define the system of governance. Researchers noted that the dichotomy «totalitarianism - democracy» does not fully reflect the essence of governance in the social structure of society. At the suggestion of the

American sociologist and political scientist H. Linz, all closed, non-democratic regimes began to be divided into two main types: totalitarian and authoritarian. The issues of typology of authoritarian structures and definition of their main features were analyzed in the works of E. Vyatra, E. Shils, C. Endrain, I. Ilyin, V. Ilyin, Yu. Sumbatyan and others.

In general, in modern sociology it is recognized that the category of «authoritarianism» has an important theoretical significance in the analysis of social structures and management of modern communities.

Like authoritarian, democratic management structures differ significantly from each other in many parameters. However, the concept of «democracy» is very difficult to interpret unambiguously. This problem attracted the attention of both ancient representatives of science (Plato, Aristotle, Cicero), and our contemporaries: G. Weinstein, R. Dahl, J. Schumpeter, C. Endrain, G. Golosov, V. Sergeev and others. An attempt to find an optimal model of modern democracy was undertaken, for example, by A. Lijphart.

For modern researchers, the issues of transitional social structures are quite significant. The problems of transitional societies were studied by such scientists as L. Bollen, T. Vanhanen, R. Jackman, S. Lipset, M. Olsen, F. Fukuyama, S. Huntington and others. They are characterized by the identification of socio-economic, political and cultural prerequisites for the transition to democracy. Among domestic researchers, we can name A. Achkasov, A. Smorgunov, A. Sukharev, A. Tsygankov, O. Shkaratan and others. A comparative analysis of theoretical constructs of the socio-political structure allows us to record the expansion of the problematic field of research due to the inclusion of various aspects of the manifestation of this phenomenon. The study of authoritarianism in different historical eras was characterized by several trends that determined its perception within the framework of socio-philosophical and political science discourse. The first is

the perception of authoritarianism as, first of all, a type of political power; the second is its analysis as a form of power that is temporary during the period of transition of the state from totalitarianism to democracy. However, the political realities of the modern global world convincingly demonstrate that authoritarianism can exist as an independent form of power, without being opposed to democracy and even using some of its features and practices. Such a perception of authoritarianism is possible and productive within the framework of its study, provided that it is analyzed not only as a political, but also as a socio-cultural phenomenon. Culture is considered as one of the factors determining the formation and development of authoritarianism; in this case, it is understood as a specific form of organization of human and social life, which has a decisive influence on the nature of spiritual and moral values, the system of social rules and norms affecting the peculiarities of relations between the individual, society and the state. Taking into account the cultural factor allows not only to conceptualize a new dimension in the study of authoritarianism, but also to consider the predisposition of democratic states to its manifestations. Authoritarianism is traditionally considered within the framework of the conceptual triad «totalitarianism-authoritarianism-democracy», or, going beyond it, researchers most often turn to the dichotomy «authoritarian-democratic». This is justified by the fact that in the conditions of the modern global world, the genesis of classical totalitarianism of the twentieth century is practically impossible. But this overly simple scheme has one significant flaw: given the complexity of the processes occurring in the world, it seems difficult to single out a «pure» form of democracy or authoritarianism. In addition, modern forms of authoritarianism often do not imply strict total control over the existence of society. The opinion of K. Clement is fair, according to which «the social reality of modern authoritarianism is characterized by the fact that specific forms of order, stability,

the presence of rules, the restoration of national sovereignty, a strong government are few and rarely infringe on political freedoms and the rights of ordinary people.» The European researcher is echoed by V. Ya. Gelman, who argues that «... authoritarian regimes do not always resort to mass repression, while using some institutions inherent in democracies for their own purposes.» The above points of view demonstrate that modern authoritarianism is not always based exclusively on coercive practices, but can also attract supporters due to a developed economy and a high level of scientific and technological development, an example of which is modern China. The actualization of authoritarianism in modern political discourse, among other things, is associated with some crisis aspects in the development of European or American democracies, the consequence of which is a global authoritarian rollback as a phenomenon denoting the decline and collapse of democracies around the world. Even if we agree with the overly categorical formulation of the author, it can be noted that the actualization of authoritarianism is a logical stage in the evolution of the world political system, associated with a gradual departure from totalitarianism; also, with such initial conditions, authoritarianism acts as a kind of guarantor of the impossibility of reproducing totalitarianism in the modern world. In favor of this statement, we can cite the point of view of S. Ringen, according to whom democracies and autocratic states are often not a model of effective governance, but contribute to the containment of totalitarian intentions. According to the author, this is achieved through the «restrained use of power», which S. Ringen interprets as achieving obedience as recognition of the legitimacy of a particular subject of power or political system. Although, of course, individual elements of total control over society are possible in the context of the need to confront existential threats, for example, the recent covid pandemic.

Authoritarianism can be defined as a socio-cultural and political phenomenon, conditioned

by the ontological situation and including political practices and the mechanism of the world's assumption by the ruling subject, allowing authoritarianism to be included in both democratic forms of government and independent existence. In the conditions of both normal development of the state and in the situation of an existential challenge, authoritarianism is capable of acting not as an intermediate, but as a middle form of political power between totalitarianism and democracy. The middle nature of authoritarianism is analyzed in more detail by E.A. Lazarev, using the concept of authoritarian equilibrium. With this concept, the author describes a situation in which democratic institutions are subject to authoritarian adaptation, meaning their transformation taking into account the peculiarities of the cultural, economic and political conditions of the existence of authoritarianism. The middle nature of authoritarianism as a form of political power is considered in more detail by F.S. Antonov. Within the framework of his theory of parademocratic authoritarianism, he believes that it is possible to use individual elements of democracy as a superstructure to an authoritarian governing basis. But, speaking about the middle nature of authoritarianism, it is also important to note the predisposition of democracies to its manifestations. A number of theories of both domestic and Western researchers are devoted to this aspect of the problem. An example of the former is the study by E.A. Lukyanova and I.G. Shablinsky, according to which modern authoritarian regimes massively mimic democracy by imitating democratic institutions and procedures. For an example of the latter, one can turn to the theories of illiberal democracy by F. Zakaria and liberal fascism by J. Goldberg. Despite some conceptual differences, the key idea of both concepts is as follows: Western democracies are largely predisposed to manifestations of authoritarianism, which is due not only to political and institutional, but also to socio-cultural factors. All of the above creates the prerequisites for the formation of

a conceptual block called the «philosophy of authoritarianism», understood as an applied form of research into authoritarianism not only as a type of political power, but also as a cultural phenomenon, the value-normative and ideological dominants of which determine the forms and methods of manifestation of the practices of the ruling subject. The analysis of culture allows us to identify the essential, existential grounds for the existence of authoritarianism. «The philosophy of authoritarianism» includes several theoretical sections. The first of them - «post-totalitarian» is expressed in the understanding of the formation of modern modifications of authoritarianism as a reaction to the disappearance of totalitarianism in modern political discourse. Authoritarianism in this case is perceived primarily as a restraining factor, due to which the reproduction of a totalitarian project in modern conditions is practically impossible, or only partially possible. The next section of the philosophy of authoritarianism – the “crisis” section – includes theories according to which authoritarianism is constituted as a phenomenon, the condition for the development of which is the crisis of democracy not only as a form of government, but also as a political concept (idea). It is in the situation of a crisis of democratic government that its predisposition to manifestations of authoritarianism is most clearly manifested. A. Magun pays much attention to the analysis of this aspect of the problem, using the concept of the predeterminedness of authoritarianism. Revealing its meaning, the author not only speaks of a predisposition to ..., but also of the existence in a democratic society of an existential demand for the introduction, use and - possibly - subsequent preservation of authoritarian practices of control and management. Within the framework of the “crisis” block, it is also necessary to mention E. Vyatra, who claimed that the new authoritarianism as a phenomenon of the 21st century is formed and supported due to those processes that destructively affect liberal democracy and are the cause of

its crisis. The author is right that the crisis of democracy contributes to the strengthening of authoritarianism. But, along with what J. Vyatr says, authoritarianism is also formed as a result of the normal development of the political system. This aspect of the problem is reflected in the theory of A. V. Zberovsky, who allows for the possibility of democracy developing towards tyranny and authoritarianism, respectively, highlighting, in particular, such a variety as democracy-dictatorship.

Another section of the philosophy of authoritarianism is the «pandemic» section, which defines the global pandemic of covid-19 as a factor in the evolution and transformation of modern modifications of authoritarianism. Within this block, covid-19 is considered by many researchers to be an existential threat, the overcoming of which can change the very essential foundations of the existence of authoritarianism. The condition for their cancellation is the restoration - in the terminology of J. Agabman - of the «state of normality», the right to determine which - as well as the introduction of a state of emergency - is reserved for the ruling subject. Within the framework of the theory of «anthropocentric authoritarianism» created by D. Chandler, he argues that «liberal freedoms in the current situation threaten the whole society, and therefore the state has to introduce emergency measures and powers everywhere, strengthening authoritarianism.» In this regard, the position of A.N. deserves attention. Kuryukina, who believes that the key problem is that COVID-19 can turn a democratic recession into a depression, which threatens to turn political systems towards authoritarianism. In general, within the framework of the pandemic block of studies of authoritarianism, it can be concluded that the global pandemic of covid 19 will either lead to an increase in the efficiency of modern autocracies, or will entail their deformation and destruction as a result of the inability to cope with the global existential challenge. On the other hand, the global pandemic has demonstrated the predisposition of many

democratic ruling entities to manifestations of both «soft» and «hard» forms of authoritarianism. In general, it can be stated that the intermediate result of the evolution of authoritarianism was its development towards a permanent, rather than temporary form of existence of political power. The analysis of this form, in addition to traditional political, economic and institutional

aspects, should also include the cultural factor. It is the understanding of the socio-cultural foundations of authoritarianism that contributes to the understanding of its existential essence as a type of political power capable of stable reproduction in the conditions of the modern global world.

References:

- [1]. Agamben J. *Homo Sacer. Sovereign Power and Naked Life*. Moscow: Europe, 2011.
- [2]. Antonov F. S. Institutional Reproduction of Parademocratic Authoritarianism: Causes and Consequences // *Economic and Social-Humanitarian Studies* No. 2 (18) 2018.
- [3]. Belov M. Return the State // *Sociological Review*. 2021. No. 1. pp. 302-318.
- Vyatr Y. I. New Authoritarianism: Crisis or the End of Liberal Democracy // *Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political Sciences*. 2019. No. 1.
- [4]. Gelman V. *Authoritarian Russia. Escape from Freedom, or Why Democracy Doesn't Take Root Here*. Moscow: Howard Roark, 2021.
- [5]. Goldberg J. *Liberal Fascism. History of the Left from Mussolini to Obama*. Moscow: Reed Group, 2012.
- [6]. Zberovsky, A.V. The Phenomenon of Inverted Social Crises in Ancient and Modern Democracies / A.V. Zberovsky // *Bulletin of KRASGAU*. - 2008. No. 4.
- [7]. Clement K. What's Wrong with Authoritarianism? // *Emergency Reserve*. 2018. No. 121.
- [8]. Kuryukin A.V. *Covid-19 as a Challenge to the Economy, Society, and Politics*. M.: MIR 2020
- Lazarev E. A. Political corruption: explaining the nature of post-Soviet transformations // *Polis*. 2010. No. 2.
- [9]. Lukyanova, E. A., Shablinsky, I. G. *Authoritarianism and democracy* / E. A. Lukyanova, I. G. Shablinsky. - M.: Mysl, 2018.
- [10]. Ringen S. *The people of devils. Democratic leaders and the problems of obedience*. M.: Delo, 2016.
- [11]. Chandler D. Biopolitics and the rise of «anthropocentric authoritarianism» // *Russia in global politics*. 2020 No. 3 May / June. URL: https://globalaffairs.ru/articles/biopolitika-avtoritarizma/#_ftn20. Access date: 06/10/2020.
- [12]. Bermeo N. On democratic Backsliding // *Journal of Democracy* / 2016 vol.27 #1 http://1.cuni.cz/pluginfile.php/1207371/mod_resource/content/1/Bermeo_2016_Democratic-backsliding.pdf
- [13]. Zakaria F. *The Rise of Illiberal Democracy*. *Foreign Affairs*, 1997. Vol. 76.No. 6 (November/December).

НЕСТАН ЛОМАИЯ

Доктор философских наук, профессор Сухумского государственного университета
(Грузия)

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ АВТОРИТАРИЗМА

Резюме

Система управления социальными процессами играет важную роль в формировании социальной структуры и является одним из ее компонентов. Проблема влияния системы управления на изменение социальных институтов и структур особенно актуальна в период социальных трансформаций. Системный подход предполагает, что социальные структуры общества порождают определенный характер управления, а он, в свою очередь, влияет на ход социальных процессов и формирование новых институтов. Социальная структура не статична, она имеет свою динамику, и вектор ее развития во многом зависит от системы управления и власти, которая может принимать различные формы, где часто проявляются тенденции к возникновению автократических структур управления социальными процессами.

В основном авторитаризм (от лат. *auctor* — инициатор, основатель, создатель, творец и *auctoritas* — суждение, мнение, взгляд, решение, власть, закон) — представлен как характеристика и тип структуры управления в социальной системе. Интерес к авторитаризму как важнейшей категории общественных наук особенно возрос в последние годы. Спектр разновидностей авторитаризма в современном мире весьма широк: однопартийные и многопартийные режимы, конституционные монархии и т. д. Такое многообразие форм проявления авторитаризма в структуре управления социальными процессами, скорее всего, свидетельствует о том, что они носят переходный характер. Исторический опыт показывает, что авторитаризм возникает, как правило, в странах, где происходит смена общественного строя, сопровождающаяся резкой поляризацией политических сил; в странах, где наблюдаются длительные экономические и политические кризисы, преодоление которых демократическим путем становится невозможным. Представляется актуальным не только выделить основные аспекты феномена авторитаризма, но и рассмотреть последствия влияния того или иного варианта его развития на социальную структуру общества.

Авторитаризм в условиях социально-экономического и политического кризиса на определенном историческом этапе, как показывает опыт многих стран, может обеспечить определенный рост экономического развития, формирование политической стабильности в обществе, формирование социальных структур и слоев с новым мировоззрением. В этих условиях власти удастся организовывать антиправительственные и оппозиционные протесты, разрешать этнические и религиозные конфликты, проводить достаточно умеренную социальную политику, регулировать рыночные отношения, сохраняя при этом многоукладность экономики и способствуя ее развитию. Это создает благоприятные условия для формирования эффективных социальных структур, перехода от авторитарных режимов к гражданскому обществу и правовому государству через демократизацию общественно-политической жизни.

В связи с тем, что в развитии мирового сообщества происходит постоянная эволюция политических форм, во многих странах возникают смешанные и гибридные системы управления, которые можно рассматривать в рамках авторитаризма и его влияния на формирование социальных институтов и структур. Это в настоящее время сложная, многогранная и не до конца изученная проблема социологии.

Особенности принципа разделения властей, распределения и перераспределения национального дохода, экономическая и политическая нестабильность, криминализация общества, коррупция, усиление националистических тенденций — все это потребовало в условиях развития общественно-политической ситуации в странах достаточно сильной президентской власти с достаточно жесткими методами управления обществом, без чего, вероятно, невозможно добиться экономической и политической стабильности социальной структуры.

КАХА КЕЦБАИЯ

Доктор философских наук, профессор Тбилисского Государственного Университета
им. Ив. Джавахишвили (Грузия)

ВОПРОСЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.03>

Введение. Тема бесконечности мира очень давняя. Красной нитью она проходит через многовековую философскую традицию. С тех пор как существует философия, попытки людей «познать бесконечное» не прерывались. По праву эту тему можно назвать вечной. И все же, тема не исчерпывается наличием разных мировоззрений, откуда можно было бы почерпнуть то или иное видение бесконечности. Нельзя сказать, что в решении этой «вечной» проблемы философия стоит на месте, так и не продвинувшись вперед. Конечно, у нее есть истоки, уходящие вглубь естества человека, которые постоянно подталкивают его задавать одни и те же не стареющие и всегда актуальные вопросы. Но вместе с тем, есть огромный материал традиции, множество новых направлений в познании, откуда в том или ином качестве высвечивается стародавняя проблема, есть, в конце концов, современный мир культуры. Все это формирует современное состояние проблемы бесконечности и нынешний интерес к ней.

Ключевые слова: *Философия античности, Парменид, Зенон, Демокрит, Зенон, Гераклит, Схоластики, Мышление.*

В философии концепция бесконечности занимает особое место, она имеет множество интерпретаций и значений. Бесконечность рассматривается не только из математической и естественно-научной точки зрения, но и как философская проблема, затрагивающая вопросы времени, пространства, бытия и сознания.

В философии античности бесконечность рассматривалась как нечто противоположное

понятию конечности. Идея бесконечности встречается в работах древних философов, таких как Парменид, Зенон, Демокрит. Эти мыслители выдвигали гипотезы о бесконечности миров, времени, пространства и атомов. Фалес из Милета, считал, что основное начало всего – вода, и что она бесконечно разделяется и преобразуется. Эти идеи впоследствии были развиты анаксименом и Гераклитом, которые также видели бесконечность в основных элементах мира.

Однако, наиболее полно тему бесконечности разработал парменид, который утверждал, что бытие бесконечно и неделимо. Он писал о том, что бесконечность является единственной, неподвижной и неделимой реальностью, и что мир воспринимаемый нами является лишь иллюзией.

Другой философ, затрагивавший тему бесконечности, был Платон. Он учил, что мир идеальных форм бесконечен, в то время как мир материальных вещей является ограниченным и изменчивым. Для него, бесконечность была символом совершенства и вечности.

Бесконечность была также обсуждаема аристотелем, который различал потенциальную и актуальную бесконечность. Он считал, что бесконечность является важной частью мироздания и движения.

Средневековая философия также занималась проблемой бесконечности, перенося вопросы о бесконечном боге и бесконечной вселенной в рамки религиозно-философских доктрин. Философы, такие как Августин Аврелий, Фома Аквинский, обсуждали вопросы об абсолютной бесконечности божественного бытия. Фома Аквинский рассматривал бесконечность как одно из свойств божественного

и объяснял, что вечное и бесконечное божество лежит в основе всего сущего. Он также рассматривал проблему бесконечности в контексте человеческого знания и абстрактных понятий.

Другим важным аспектом философского обсуждения бесконечности в средневековье была дискуссия о природе времени и пространства. Некоторые философы, такие как Августин Аврелий, утверждали, что бесконечность принадлежит только богу, а все создание ограничено и конечно.

Философы-схоластики также уделяли внимание математическим и логическим проблемам бесконечности, изучая бесконечно большие и малые величины. Учение о бесконечности также находило отражение в работах арабских и иудейских философов, которые оказали значительное влияние на европейскую мысль того времени.

В новое время идея бесконечности становится одной из ключевых проблем философии. Одним из ключевых факторов, повлиявших на понимание бесконечности в Новом времени, было развитие математики. Работы Галилео Галилея, Рене Декарта, Исаака Ньютона и Георга Кантора о бесконечности в математике имели огромное значение. Они внесли важный вклад в понимание бесконечно малых и бесконечно больших величин, а также в развитие идей о бесконечности в геометрии и алгебре.

Рене Декарт размышлял о бесконечности как о совершенной идеи, которая существует в божественном разуме. Другие философы Нового времени, такие как Барух Спиноза и Готфрид Лейбниц, также рассматривали бесконечность в контексте своих философских теорий и систем.

Важным моментом стало и развитие представлений о бесконечности в художественном и литературном творчестве. Новое время принесло новые взгляды на бесконечность в рамках художественного воображения, что нашло отражение в живописи, музыке и литературе. Философы Паскаль, Гегель, Кант, Гуссерль

занимались анализом понятия бесконечности в контексте человеческого сознания, математики, целостности мира и абсолютной реальности.

В современной философии бесконечность рассматривается с различных точек зрения: от математической концепции бесконечных множеств до метафизических и онтологических рассуждений о бесконечном мироздании и человеческом бытии.

Бесконечность в философии также нередко ассоциируется с этическими и культурными аспектами. Она может рассматриваться как символ бесконечного стремления к совершенству, бесконечной любви и духовному развитию.

Таким образом, концепция бесконечности в философии отражает сложность и многогранность этой проблемы, охватывая такие аспекты, как онтология, эпистемология, математика, этика, культура и религия. Она продолжает быть объектом философских рассуждений и исследований, оставаясь одной из важнейших и загадочных концепций человеческого мышления.

«Бесконечность в восточной традиции»

Одним из ключевых понятий в индуизме является ананта, что в переводе с санскрита означает бесконечный, без конца, вечный, безграничный. Теоретически ананта может иметь начало, но не иметь конца, в отличие от слова анадхи (без начала), которое также обозначает бесконечность, но относится к состоянию, у которого нет начала, но есть конец. И ананта, и анадхи являются аспектами Верховного Брахмана, а также Атмана (индивидуального Я), которые вечны, абсолютны, самосущи и не имеют ни начала, ни конца. Слово используется как существительное, как прилагательное и как префикс. Оно объединяется с другими словами для обозначения состояния бесконечности, величия, вечности, безграничности, превосходства и способности любого объекта

бесконечно расширяться, состояния, с которым оно связано. [1].

Это слово также используется как эпитет Брахмы, Шивы, Вишну, Кришны и Баларама. Согласно Пуранам, он или его аспект (амша) несколько раз появлялся на земле вместе с воплощениями Вишну. Лакшмана и Баларама считаются двумя его известными воплощениями. В вайшнавизме Ананта отождествляется с Самкаршаной, божеством, живущим в подземном мире (патала) в компании нескольких змей как их повелитель.

Согласно Махабхарате, его братьями являются великий змей Васуки, слон Айравата (вахана Индры) и змей Такшака. Ананта был праведным змеем, который совершил великое покаяние, развив отвращение к мирской жизни. Брахма был доволен его аскезами и даровал ему способность контролировать свой ум и оставаться стабильным. Он попросил его отправиться в подземный мир со стабилизированным разумом и остаться там, чтобы стабилизировать землю. Ананта отправился в подземный мир по его приказу и с тех пор оставался там, поддерживая землю своим мощным капюшоном.

В индуизме Ананта относится к Адишешу или Ананта-шеше, небесному змею с тысячей голов и бесконечными кольцами, который плавает в бесконечном океане первобытных вод (существования), на котором покоится Господь Вишну и наблюдает за мирами и существами. Ананта или Адишеша также могут быть древним указанием на Млечный Путь, который кажется людям на земле сияющей небесной змеей в ночи, простирающейся по небу без конца.

Шеша означает баланс, остаток, излишек и т. д. Адишеша относится к неделимому состоянию или состоянию, которое выше всего остального и остается таковым с начала (ади) творения до конца и далее. Как следует из его имени, он остается нерушимым и неизменным даже после того, как все исчезнет. Говорится, что в конце каждого цикла творения (кальпы), после того как все миры и существа

будут уничтожены или изъяты, то, что остается неизменным и стабильным, – это бесконечный змей. Он остается таким же нерушимым, бесконечным и совершенным, каким был в начале.

Следовательно, он по праву известен как Адишеша, вечный, изначальный остаток. Люди поклоняются ему в день Ананта Чатурдаши, который приходится на 14-й день светлой половины Бхадрапады. Раковина Дхармараджи известна как Анантавиджая. Вишну известен как Анантарупа, поскольку он имеет бесконечные формы. Изображения и иконография Ананты находятся в нескольких индуистских храмах.[2].

Символически Ананта относится к материальности всего творения. Его бесконечные витки представляют собой бесконечные витки энергии, которые остаются скрытыми во вселенной. Он также представляет эрудицию, силу речи, мудрость, знание, поддержку, нерушимость, стабильность, материальность и режим тамаса или инерции (свернутой энергии).

Божества и качества, связанные с Анантой, также появляются в буддизме и джайнизме. Змеи появляются в культуре и мифологиях разных народов как символы добра и зла. В индуизме змеи приравниваются к Смерти (Кали), а также к змеиной силе Кундалини. В индуистской мифологии Кали является богиней смерти, карающей уничтожительницей демонов. Она «заведует» всем, что касается войн, природных катаклизмов и насильственной смерти. Вместе с тем Кали почитают как созидательницу и дарительницу жизни, в цикле, где смерть – всего лишь обратная и неотъемлемая часть земного существования.

Кундалини – это направление древнего индийского учения, направленное на пробуждение скрытой в человеке энергии. Название происходит от санскритского «кундал», что можно перевести как «круговой». Символически энергию Кундалини представляют в виде скрученной змеи в основании позвоночника.

Змея, держащая собственный хвост, является символом бесконечности во многих

культурах. Идея гигантского змея как символа бесконечности хорошо представлена в индуизме в образе змея Ананты, но тем не менее, никто не может видеть его хвост, поскольку он остается скрытым в бесконечных клубках энергии, и ему нет конца.

Концепция Брахмана – это бесконечная, вечная и всеобъемлющая реальность, пронизывающая все во вселенной. Брахман часто рассматривается как конечная цель человеческого существования и путь к освобождению от цикла рождений и смертей.

Бхаскара II, индийский математик 12-го века, дал термин Кхара концепции бесконечности. Кхахара относится к чему-то неизменному и неделимому, независимо от добавления или вычитания других вещей.

По его словам, «бесконечная (Кхахара) фигура не изменится, если к ней что-то добавить или вычесть. Это похоже на: нет изменений в бесконечном Господе Вишну из-за растворения или создания множества живых существ»[3].

Именно математики из Кералы внесли значительный вклад в развитие понятия бесконечности, которое мы знаем сегодня. В 14 веке они ввели систематический метод работы с бесконечностями и развили идею бесконечных рядов. Эта работа заложила основы исчисления и на века предвосхитила его развитие в Европе.

Красота индийской математики заключается не только в ее сложности, но и в ее духовности. Для предков индусов математика была путем соединения с божественным, а их формулы были воплощением выражения Бхагвана (развития). Через хитросплетения математики они нашли способ понять и познать Параматму (высшая духовная сущность, верховный дух, высшая душа или сверхдуша, высший Атман).

Математика – это наука, в которую индийцы внесли наибольший вклад. Наша десятичная система, система счисления, числа от 1 до 9 и вездесущий 0 – все это основные вклады Индии в мировую науку. Без них наш

современный мир компьютерных наук, запускаемых с Земли спутников, микрочипов и искусственного интеллекта был бы невозможен.

Философская одержимость Индии бесконечностью и нулем привела к тому, что математики не только осмыслили идею нуля, но и придали ей форму (точку) и, наконец, использовали ее в десятичной системе. Это произошло примерно в то же время, когда короли Гупта построили храм в Деогархе. Математик Брахмагупта, 638 г. н.э., связан с приданием формы числу ноль и формулированием первых правил его использования. Возникновение десятичной системы позволило записывать огромные числа огромной ценности, практика, которая прослеживается даже в ведических текстах, написанных около 1000 г. до н.э., значений которых нет ни в одной другой части мира.[4].

Индуистское мировоззрение всегда было одержимо бесконечностью (все-есть), нулем (ничтожеством) и числом один (начало). Это больше, чем индуизм, это индийское мировоззрение, основа мысли, породившая три основные идеи: индуизм, буддизм и джайнизм, все из которых говорят о возрождении, циклическом времени и мире, в котором нет границ. Буддизм ввел такие идеи, как нирвана (забвение) и шунья (что буквально означает ноль). Джайнизм говорил о мире бесконечных возможностей (ан-эканта-вада).

Это резко контрастирует с греческим мировоззрением, согласно которому мир начинается с хаоса, пока боги не создадут порядок. А с порядком приходят границы, определенность и предсказуемость. Это также отличается от авраамического мировоззрения, согласно которому Бог создает мир из небытия, а мир, который он создает за семь дней, имеет определенный срок: Апокалипсис. Греческое и авраамическое мировоззрения формируют то, что мы сегодня называем западным мировоззрением, которое одержимо организацией и боится беспорядка и непредсказуемости, к чему индийцы привыкли и с чем довольно довольны, даже преуспевая в этом.

Джайнизм является частью индийской философской системы, хотя он не признает Веды источником знаний, как буддизм. Джайнизм относится к системам настика (неортодоксальным) индийской философии наряду с системами чарвака, адживака, мимамса, вайшешика и ньяя. Как особое течение в религии и философии Индии джайнизм зародился в поздневедийский период ее истории (в VII-VI вв. до н. э.), «благодаря альтернативности... в самой брахманистской культуре», когда теоретики брахманизма, стремясь «создать рациональный и герметический космос идеальной организации общества... вызвали к жизни хаос религиозно-аскетических течений, по своей идейной тенденции прямо антибрахманских» [5].

Идеи математической бесконечности в джайнской математике особенно интересны, и они развиваются во многом благодаря космологическим идеям джайнов. В джайнской космологии время считается вечным и бесформенным. Мир бесконечен, он никогда не был создан и существовал всегда. Пространство пронизывает все и не имеет формы. Все объекты вселенной существуют в пространстве, которое делится на пространство вселенной и пространство не-вселенной. Существует центральная область вселенной, в которой живут все живые существа, включая людей, животных, богов и дьяволов. Над этой центральной областью находится верхний мир, который сам разделен на две части. Ниже центральной области находится нижний мир, который разделен на семь уровней.

Джайнская математика различала пять различных типов бесконечности: бесконечный в одном направлении, бесконечный в двух направлениях, бесконечный по площади, бесконечный везде и вечно бесконечный.

Джайнизм вырос на главных философских мировоззренческих понятиях индуизма - веры в существование вечного закона бытия - дхармы, бесконечность существования души, и круговорота её перерождений в телесные оболочки - сансара, а также принципа возда-

ния за поступки в будущих перерождениях - кармы.

Так же как и в других дхармических вероучениях, последователи джайнизма считали высшим благом - достижение мокши - освобождение души из колеса сансары. Как и последователи Будды, джайны утверждали, что это возможно в одинаковой степени для представителей любой из варн. Всё зависит от личных усилий человека, на пути самосовершенствования.

Однако, джайны, предлагали свой путь достижения духовной свободы. Так, джайнизм учит, для того чтобы освободиться от телесных перерождений, нужно полностью очистить свою карму. То есть, изменить жизнь так, чтобы не совершать никаких дурных дел, даже по неосторожности. Для этого существует единственный способ - строгая аскеза (сознательное самоограничение).

Главное правило, которому следуют джайны - ахимса - не причинение вреда живому (одухотворенному). Причём, под «живым», понимается практически всё - люди, животные, растения.

Составной частью джайнистского канона являются также различные умозрительные построения, например, об упорядочении мира. Космос, согласно джайнистам, вечен, он не был никогда создан и не может быть уничтожен. Представления об упорядочении мира исходят из науки о душе, которая постоянно ограничивается материей кармы. Души, которые ею в большей степени обременены, помещаются наиболее низко и, по мере того как они избавляются от кармы, постепенно поднимаются выше и выше, пока не достигнут наивысшей границы. Кроме того, канон содержит и рассуждения об обеих основных сущностях (джива (живое) – аджива (неживое), об отдельных компонентах, из которых состоит космос, о так называемой среде покоя и движения, о пространстве и времени. Содержатся в нем кроме всего прочего и мифологические предания, которые касаются жизни и свершений отдельных тиртханкаров [6]. и

легенды, связанные с личностью Вардхаманы [7] и описания преисподней и срединного мира (нашей Земли).

Сикхизм, возникший на рубеже XV - XVI вв., сегодня является одной из религий Индии, ее последователи составляют примерно 2% от общего населения этой страны. Доктрина сикхизма представляет собой своеобразный сплав ислама и индуизма. Бог в сикхизме изображается в трех различных аспектах: Бог в себе, Бог в отношении к творению и Бог в отношении к человеку. Бог сам по себе является единой Предельной, Трансцендентной Реальностью, Ниргуной (без атрибутов), Вневременным, Беспредельным, Бесформенным, Вечно-существующим, Неизменным, Невыразимым, Самостоятельным и Незнаваемым во всей Своей полноте. Главные аспекты бога представлены в индийской философии понятиями ниргуна и сагуна. Сагуна находится между миром относительности и Абсолютом. За пределами Сагуны находится Ниргуна, неопределимый Брахман, который стоит вне причины, следствия, пространства и времени. Сикхские гуру часто использовали эти термины для описания трансцендентных и имманентных аспектов Бога.[8]. В сикхизме существует представление о бесконечной цепи перерождений человека в соответствии с его заслугам или проступками, совершёнными в жизни. Это учение есть в буддизме и в индуизме, которое там называется «сансара».

Буддизм – европейское обозначение древнейшей мировой религии, возникшей в Индии в сер. 1-го тыс. до н. э. и восходящей к учению отшельника Сиддхартхи. Будда – это просветленный, нашедший Дхарму, или закон природы. Его просветление реализует совершенное знание природы.

Дхарма уже была; это не было создано Буддой. Он, нашедший Дхарму, а не ее создатель. В дополнение к стадиям просветления Будды, буддийская теория говорит, что пространство и существа также бесконечны. Пространство не имеет границ. Существ во Вселенной невозможно сосчитать. Просветление Будды не

имеет ограничений.

Будда сравнил то, что он продемонстрировал, с несколькими листьями в своей руке, а то, что он не продемонстрировал, – с бесчисленными листьями леса.

Проблема бесконечности в буддизме заключается в следующем: «Каждый из нас» находится в процессе перерождения бесконечное время. Таким образом, «каждый из нас» подвергался воздействию Дхармы Будды бесчисленное количество раз, то есть предпринимал бесконечные попытки достичь Нирваны.

Буддисты, следуя традициям своих индийских предков, видели вселенную бесконечной во времени и пространстве и наполненной бесконечным числом миров, подобных нашему. Над нашим обычным миром есть два царства: царство формы (рупа-дхату) и еще более высокое царство бесформенности (арупа-дхату). Под ними находится царство желаний (кама-дхату), которое состоит из шести сфер (гати), в каждой из которых есть свои виды существ. Все вышеперечисленное, даже царства формы и бесформенности, находятся в сансаре, несовершенном существовании, и поэтому управляются кармой и ее плодами (випака). Мир простирается вокруг горы Меру. Над вершиной находится царство полей Будды (или небес). На верхних склонах вы найдете богов. Титаны живут на нижних склонах. Животные и люди живут на равнинах вокруг горы. Голодные призраки живут на поверхности или прямо под ней. А ад глубоко под землей. Все это окружено великим океаном.

Время в буддийской космологии измеряется кальпами. Первоначально считалось, что кальпа составляет 4 320 000 лет. Буддийские ученые расширили это с помощью метафоры: раз в сто лет протирайте куб камня длиной в одну милю куском шелка, пока камень не сотрется, а еще не прошла и кальпа. В течение кальпы мир возникает, существует, разрушается, и наступает период пустоты. Потом все начинается снова. [9].

Одно из ключевых понятий в индуизме и буддизме – сансара. Сансара – это концепция

реинкарнации, циклического существования, в котором наш дух или индивидуальная душа захвачены бесконечным колесом жизни, смерти и возрождения.

Йоги верят, что душа перевоплощается снова и снова, если она не достигла мокши, или освобождения. Концепция реинкарнации существует с древних времен и является частью верований буддизма, джайнизма и сикхизма.

Эти традиции описывают сансару как ци-

клическое состояние бытия, в котором у нас нет другого выбора, кроме как испытывать боль, печаль и разочарование. Тем не менее, у нас есть возможность выбирать, как мы реагируем на наш текущий жизненный опыт. Следующее воплощение в жизни зависит от кармы, полученной в текущей и предыдущей жизни. Если мы не выбираем мудро, мы накапливаем еще больше плохой кармы, которая еще больше заманит нас в ловушку этого круговорота страданий.

Литература:

- [1]. Катасонов В. Н. Бесконечное / Новая философская энциклопедия: В 4-х тт. – М.: Мысль, 2000. С. 89.
- [2]. Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.Л. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 113.
- [3]. Лифшиц Мих. А. Античный мир, мифология, эстетическое воспитание / Мифология древняя и современная. – М.: Искусство, 1979. – С. 38.
- [4]. Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.Л. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 122
- [5]. Захарьин Б.А. Теории познания в джайнизме // Вестник Московского университета. – 2014. – №4. – С. 19.
- [6]. Тиртханкар – человек, достигший просветления благодаря аскезе и ставший примером и учителем для всех тех, кто стремится к духовному наставничеству.
- [7]. Вардхаман – джина и исторический основатель джайнизма и джайнской философии, проповедник.
- [8]. Павлюченко К.С. К вопросу о возникновении, идеологии и структуре сикхизма // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2011. – Вып.1. – С. 156.
- [9]. Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 358.

КАКНА КЕТСБАИА

Doctor of Philosophy, Professor of the Iv. Javakhishvili Tbilisi State University (Georgia)

INFINITY QUESTIONS IN PHILOSOPHY

Summary

The theme of the infinity of the world is very old. It runs through the centuries-old philosophical tradition like a red thread. Since the existence of philosophy, people's attempts to «know the infinite» have not stopped. This theme can rightfully be called eternal. And yet, the theme is not exhausted by the presence of different worldviews, from which one could draw one or another vision of infinity. It cannot be said that in solving this «eternal» problem, philosophy stands still, without moving forward.

Of course, it has sources that go deep into human nature, which constantly push him to ask the same ageless and always relevant questions. But at the same time, there is a huge material of tradition, many new directions in knowledge, from which the ancient problem is illuminated in one quality or another, there is, in the end, the modern world of culture. All this forms the modern state of the problem of infinity and the current interest in it.

In philosophy, the concept of infinity occupies a special place, it has many interpretations and meanings. Infinity is considered not only from a mathematical and natural scientific point of view, but also as a philosophical problem affecting the issues of time, space, being and consciousness.

In the philosophy of antiquity, infinity was considered as something opposite to the concept of finitude. The idea of infinity is found in the works of ancient philosophers such as Parmenides, Zeno, Democritus. These thinkers put forward hypotheses about the infinity of worlds, time, space and atoms. Thales of Miletus believed that the basic principle of everything is water, and that it is infinitely divided and transformed. These ideas were subsequently developed by Anaximenes and Heraclitus, who also saw infinity in the basic elements of the world.

However, the theme of infinity was most fully developed by Parmenides, who claimed that being is infinite and indivisible. He wrote that infinity is the only, motionless and indivisible reality, and that the world we perceive is only an illusion. Another philosopher who touched upon the topic of infinity was Plato. He taught that the world of ideal forms is infinite, while the world of material things is limited and changeable. For him, infinity was a symbol of perfection and eternity.

Infinity was also discussed by Aristotle, who distinguished between potential and actual infinity. He believed that infinity is an important part of the universe and movement.

Medieval philosophy also dealt with the problem of infinity, transferring questions about an infinite god and an infinite universe into the framework of religious and philosophical doctrines. Philosophers such as Augustine Aurelius, Thomas Aquinas, discussed questions about the absolute infinity of divine being. Thomas Aquinas considered infinity as one of the properties of the divine and explained that the eternal and infinite deity underlies all that exists. He also considered the problem of infinity in the context of human knowledge and abstract concepts.

Another important aspect of the philosophical discussion of infinity in the Middle Ages was the debate about the nature of time and space. Some philosophers, such as Augustine of Aurelius, argued that infinity belongs only to God, and that all creation is limited and finite.

Scholastic philosophers also paid attention to the mathematical and logical problems of infinity, studying infinitely large and small quantities. The doctrine of infinity was also reflected in the works of Arab and Jewish philosophers, who had a significant influence on European thought of that time.

In modern times, the idea of infinity becomes one of the key problems of philosophy. One of the key factors that influenced the understanding of infinity in modern times was the development of mathematics. The works of Galileo Galilei, René Descartes, Isaac Newton and Georg Cantor on infinity in mathematics were of great importance. They made an important contribution to the understanding of infinitely small and infinitely large quantities, as well as to the development of ideas about infinity in geometry and algebra.

Infinity in philosophy is also often associated with ethical and cultural aspects. It can be seen as a symbol of the endless striving for perfection, endless love and spiritual development. Thus, the concept of infinity in philosophy reflects the complexity and versatility of this problem, covering such aspects as ontology, epistemology, mathematics, ethics, culture and religion. It continues to be an object of philosophical reasoning and research, remaining one of the most important and mysterious concepts of human thinking.

PHILOLOGY - ФИЛОЛОГИЯ

МАКА КАЧАРАВА

Доктор филологии, ассоциированный профессор Сухумский государственный университет(Грузия)

СОВРЕМЕННЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ)DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.04>

Проблемы описания неологизмов, их создания, а также их типы исследованы и разработаны давно, однако в последнее время в языкознании наметился новый подход к изучению неологизмов, заключающийся в рассмотрении взаимодействия между процессом создания новых слов и их употреблением в конкретном коммуникативном акте» [9, с. 32].

Параллельно с процессом неологизации, традиционно активизация наблюдается также в системе словообразования. Образование слов по ранее продуктивным моделям может по ряду причин затухать, и, наоборот, в активный словообразовательный процесс могут вовлекаться непродуктивные в прошлом модели. Причинами таких смещений акцентов являются либо потребности самого языка - недостаточность или избыточность тех или иных образований, либо определенный социальный заказ, наконец, просто языковая мода, когда под одну, полюбившуюся модель подгоняются разрозненные и часто неоправданные словообразовательными принципами формы. Например, при развитии техники, технологий, производства возникает необходимость в новых наименованиях, которые и создаются по типу имеющихся в языке, только значительно расширяется круг образованных таким образом слов. При усилении аналитических методов освоения новых фактов действительности увеличивается тяга к абстрактным именам, и, следовательно, особенно востребованными оказываются модели, по образцу которых создаются абстрактные существительные с набором характерных для них суффиксов. Неудивительно, что в определенный момент СМИ и особенно Интернет превратились в мощный инструмент, формирующий мысли и настроения сначала многочисленных читателей, а затем слушателей и зрителей. В России

интернет-технологии привели к шквалу языковых заимствований. В статье «Медиатекст за гранью» И. Н. Апухтин отмечал: «Кроме того, интернет-среда, сама став субкультурой, породила множество новых понятий, для обозначения которых (учитывая, что изначально Интернет – среда англоязычная) русский язык также усвоил многочисленные заимствования, создав новую разновидность сленга» [1, с. 32]. Но адаптация новых слов в русском языке по-прежнему вызывает другие новообразования.

Данная работа посвящена исследованию современных неологизмов иноязычного происхождения в русской языковой картине мира. Цель исследования — рассмотреть типы словообразовательной активности современных неологизмов с разной семантикой и рассмотреть словообразовательные цепочки и гнезда данных лексем.

В работе словообразовательные модели современных неологизмов будут рассмотрены по следующим признакам: современный неологизм иноязычного происхождения, его толкование, происхождение, грамматическая форма, словообразовательные гнезда, употребление в языке носителя, стилистическая принадлежность, пример из СМИ, типовая/лексическая сочетаемость, эквиваленты и однокоренные слова. Мы остановили свой выбор на самых популярных и актуальных примерах, которые чаще всего употребляются в современной речи и гармонично вжились в лексический фонд русского языка. Как известно, словообразовательное гнездо - это ряд однокоренных слов, которые следуют в определенном порядке и представляют собой словообразовательную цепочку. Она показывает какое слово от какого образовано. Исходным словом в цепочке (вершиной гнезда) является производное слово, от него образуются

другие однокоренные слова при помощи различных частей (суффиксов, приставок, чередующихся гласных и согласных и др.). Новые слова приобретают при этом новое звучание и новый оттенок лексического значения.

Именно по такому принципу выстроены в работе примеры современных неологизмов, которые активно употребляются в современном дискурсе и стали неотъемлемой частью русской языковой картины мира.

Все чаще мы слышим это новое слово, используемое по случаю и не очень — абьюз.

Как отмечает М. Белялова в своей статье «Абьюз и его действие в семейной жизни», абьюз — это понятие, которое обозначает оскорбление другой личности и плохое обращение. Человека, совершающего негативные деяния в адрес близкого человека, называют абьюзер. Бывают разные виды абьюза: психологический, физический, половой, экономический». [2, с. 34].

В статье «Абьюз в современном мире: маркеры абьюзера» Т. Лифоновой и Е. Роговенкиной раскрывается такое понятие как абьюзинг, выявляются предрасположенность человека к насилию. Дается общая характеристика проблемы абьюзинга, характеризуются его виды, указываются маркеры абьюзера. [7, с. 227-230]

Абьюз означает насилие, почему первое заменили вторым, не очень понятно, но все-таки мы дадим полный анализ этому и другим новым словам:

Абьюз, сущ., м. Ср.: англ. abuse — (noun) злоупотребление, the use of something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; насилие, жестокое обращение, violent, cruel treatment of someone; ругань, брань, rude and offensive words said to another person; abuse — (verb) совершать насилие, жестоко обращаться, to treat someone cruelly and violently; злоупотреблять, to use something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; оскорблять, to say rude and offensive words to someone. В языке психологов. Жарг. Физическое, психологическое, экономическое насилие, которое осуществляется одним человеком или группой лиц в отношении другого человека или группы лиц с целью подавления воли жертвы; то же, что абьюзинг, абьюзмент.

Например, Между тем уже пару недель спустя после введения режима самоизоляции психологи стали настаивать на том, что вынужденное пребывание людей в замкнутом

пространстве приведет не только к разводам, но и к многочисленным случаям того самого абьюза (С. Беднов. В горе и в радости. И в самоизоляции // Труд. 2020)

Типовая/лексическая сочетаемость: жертвы абьюза, признаки абьюза, случаи абьюза, жесткий / мягкий абьюз, страдать от абьюза, терпеть абьюз, сталкиваться с абьюзом, обвинять в абьюзе.

Эквиваленты: буллинг, газлайтинг, моббинг, насилие, неглект, подавление, прессинг, stalking, травля, троллинг, унижение, харассмент, хейтинг, шейминг.

Однокоренные слова: абьюзер, абьюзерить, абьюзерский, абьюзерша, абьюзивный, абьюзинг, абьюзить, абьюзмент.

Словообразовательная цепочка слова Абьюз:

Абьюзер, сущ., м. Ср.: англ. abuse — (noun) злоупотребление, the use of something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; насилие, жестокое обращение, violent, cruel treatment of someone; ругань, брань, rude and offensive words said to another person; abuse — (verb) совершать насилие, жестоко обращаться, to treat someone cruelly and violently; злоупотреблять, to use something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; оскорблять, to say rude and offensive words to someone; abuser — (noun) совершающий насилие, злоупотребляющий чем-либо.

В языке психологов. Жарг. Человек, который совершает физическое, психологическое или экономическое насилие в отношении другого человека или группы лиц с целью подавления воли жертвы.

Пример: Наказание по отношению к абьюзерам должно быть ужесточено, — сказала “Ъ” член Общественной палаты РФ Екатерина Курбангалеева. — Что касается экономического и морального насилия, здесь, возможно, требуется еще обсуждение, потому что практика не накоплена, прецеденты не описаны (К. Веретенникова. За домашними тиранами присматривает Кремль и Белый дом // Коммерсантъ. 2019).

Типовая/лексическая сочетаемость: психология абьюзера, жертва абьюзера, биография абьюзера, привлечение абьюзера к ответственности, отношение к абьюзерам, потенциальный абьюзер, семейный абьюзер, оправдывать абьюзеров, оказаться абьюзером.

Эквиваленты: агрессор, буллер, газлай-

тер, деспот, манипулятор, моббер, насильник, неглектер, сталкер, тиран, тролль, хейтер, шеймер.

Однокоренные слова: абьюз, абьюзер, абьюзерить, абьюзерский, абью зерша, абьюзивный, абьюзинг, абьюзить, абьюзмент; бандит абьюзер, женщина-абьюзер, летчик-абьюзер, мать-абьюзер, муж абьюзер, отец-абьюзер, отчим-абьюзер, родители-абьюзеры, супруг-абьюзер.

Абьюзерша, сущ., ж. Ср.: англ. abuse — (noun) злоупотребление, the use of something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; насилие, жестокое обращение, violent, cruel treatment of someone; ругань, брань, rude and offensive words said to another person; abuse — (verb) совершать насилие, жестоко обращаться, to treat someone cruelly and violently; злоу потреблять, to use something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; оскорблять, to say rude and offensive words to someone; abuser — (noun) совершающий насилие, злоупотребляющий чем-либо.

В языке психологов. Жарг. Женск. к абьюзер; женщина, которая совершает физическое, психо логическое или экономическое насилие в отношении другого чело века или группы лиц с целью подавления воли жертвы.

Пример: Яркая, современная, начитанная, саркастичная, абсолютно безобид ная внешне — абьюзерша может позволить себе принимать десятки обличий. Будучи слабее своего партнера в физическом плане, она выбирает хитрую тактику манипулирования близкими людьми, не гнушается коварными способами достижения цели (Л. Конопелько. Жена-абьюзер: за что страдают мужчины // Беларусь сегодня, sb.by. 2019).

Типовая/лексическая сочетаемость: анекдотический пример абьюзерши, признаки абьюзерши, реальная абьюзерша.

Эквиваленты: буллерша, газлайтерша, манипуляторша, мобберша, не глектерша, сталкерша, троллерша, хейтерша, шеймерша.

Абьюзерить, глаг. Ср.: англ. abuse — (verb) совершать насилие, жестоко обращаться, to treat someone cruelly and violently; злоупотреблять, to use something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; оскорблять, to say rude and offensive words to someone. В языке психологов. Жарг. Совершать физическое, психологическое или экономическое насилие в отношении другого

человека или группы лиц с целью подавления воли жертвы; то же, что абьюзить.

Пример: Вообще то решать должен он) Но почему то он просит тебя решать, что ему делать, а потом ожидаемо “ты виновата, все делаешь неправильно и вообще ты его то спросила, что он хочет?”. Человек явно хочет конфликтовать и абьюзерить тебя. И у него это пока прекрасно получается (Форум. Кашемир 5122 // forum.littleone.ru. 2021).

Типовая/лексическая сочетаемость: абьюзерить дочь, абьюзерить других, абьюзерить жену, (не) абьюзерить в отношениях.

Эквиваленты: буллить, боссить, газлайтить, критиковать, моббить, неглектить, оскорблять, подавлять, сталкерить, травить, трол лить, унижать, хейтить, шеймить.

Абьюзерский, прил. Ср.: англ. abuse — (noun) злоупотребление, the use of something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; насилие, же стокое обращение, violent, cruel treatment of someone; ругань, брань, rude and offensive words said to another person; abuse — (verb) совершать насилие, жестоко обращаться, to treat someone cruelly and violently; злоупотреблять, to use something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; оскорблять, to say rude and offensive words to someone; abuser — (noun) совершающий насилие, злоупотребляющий чем-либо. В языке психологов. Жарг. Относящийся к абьюзу, характеризующий поведение абьюзера (абьюзерши).

Пример: Для тех, кто хочет узнать, как заставить людей чувствовать себя ничтожеством, не говоря им этого в лицо, я составил краткий словарь фраз на абьюзерском языке, с комментариями (Кто такие абьюзеры. Слова рик начинающего манипулятора // liwli.ru. 2020).

Типовая/лексическая сочетаемость: абьюзерский прием / арсенал / подход / маневр / механизм / ход / способ, абьюзерский брак, абьюзерский пост / диалог / ролик, абьюзерское поведение.

Эквиваленты: буллерский, газлайтерский, неглектерский, троллерский, хейтерский, шеймерский.

Абьюзивный, прил. Ср.: англ. abuse — (noun) злоупотребление, the use of something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; насилие, же стокое обращение, violent, cruel treatment of someone; ругань, брань, rude and offensive words said to

another person; abuse — (verb) совершать насилие, жестоко обращаться, to treat someone cruelly and violently; злоу потреблять, to use something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; оскорблять, to say rude and offensive words to someone; abusive — (adjective) оскорбительный, жестокий, насильственный. В языке психологов. Жарг. Связанный с совершением одним человеком или группой лиц физического, психологического или экономического насилия в отношении другого человека или группы лиц с целью подавления воли жертвы.

Пример: Однако ей предстоит не только разобраться с причудами дочери, у которой проблемы с законом и абьюзивным бойфрендом, но и своими собственными чувствами, ведь Мэгги случайно встречает своего давнего возлюбленного Луку, который не прочь вернуть былые отношения (А. Хализова. Ялта, парус! Самые романтические фильмы про каникулы // Cosmopolitan, cosmo.ru. 2021).

Типовая/лексическая сочетаемость: абьюзивное поведение, абьюзивные отношения, абьюзивный брак, абьюзивный бойфренд, абьюзивный муж, абьюзивный партнер, абьюзивный человек.

Эквиваленты: буллинговый, газлайтинговый, газлайтный, насильственный, неглектный, подавляющий, унижающий, харассментовый, хейтинговый, шейминговый.

Абьюзинг, сущ., м. Ср.: англ. abuse — (noun) злоупотребление, the use of something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; насилие, жестокое обращение, violent, cruel treatment of someone; ругань, брань, rude and offensive words said to another person; abuse — (verb) совершать насилие, жестоко обращаться, to treat someone cruelly and violently; злоу потреблять, to use something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; оскорблять, to say rude and offensive words to someone; abusing (present participle of abuse). В языке психологов. Жарг. Физическое, психологическое или экономическое насилие в отношении другого человека или группы лиц с целью подавления воли жертвы; то же, что абьюз, абьюзмент.

Пример: Детский абьюзинг может выражаться в агрессивном отношении родителей к своим чадам. Взрослый, не умея держать гнев под контролем, срывается на малышах (Абьюз: как узнать психологического насильника // psyfiles.ru. 2020).

Типовая/лексическая сочетаемость: абьюзинг между мужем и женой, абьюзинг в от ношениях, абьюзинг в семье, абьюзинг на работе, история абьюзинга, ситуация абьюзинга, детский абьюзинг.

Эквиваленты: буллинг, газлайтинг, моббинг, насилие, неглект, подавление, прессинг, сталкинг, травля, троллинг, унижение, хейтинг, шейминг.

Абьюзить, глаг. Ср.: англ. abuse — (verb) совершать насилие, жестоко обращаться, to treat someone cruelly and violently; злоупотреблять, to use something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; оскорблять, to say rude and offensive words to someone. В языке психологов. Жарг. Совершать физическое, психологическое или экономическое насилие в отношении человека или группы лиц с целью подавления воли жертвы; проявлять аутоагрессию, заниматься самобичеванием.

Пример: И поэтому, с одной стороны, хочется согласиться вот с этим призывом: «Давайте, пожалуйста, все перестанем друг друга абьюзить: и мужчины женщин, и женщины мужчин» (Е. Красоткина. Насилие, в котором мы живем. Шоу «Больше всех надо» // Такие дела. 2020).

Типовая/лексическая сочетаемость: абьюзить друг друга, абьюзить других, абьюзить родственников, абьюзить себя, абьюзить сильного, не абьюзить никого, перестать абьюзить.

Эквиваленты: буллить, газлайтить, моббить, неглектить, подавлять, прессинговать, сталкерить, травить, троллить, унижать, хейтить, шеймить.

Абьюзмент, сущ., м. Ср.: англ. abuse — (noun) злоупотребление, the use of something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; насилие, жестокое обращение, violent, cruel treatment of someone; ругань, брань, rude and offensive words said to another person; abuse — (verb) совершать насилие, жестоко обращаться, to treat someone cruelly and violently; злоупотреблять, to use something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong; оскорблять, to say rude and offensive words to someone. В языке психологов. Жарг. Физическое, психологическое, экономическое насилие, которое осуществляется одним человеком или группой лиц в отношении другого человека или группы лиц с целью подавления воли жертвы; то же, что абьюз,

абьюзинг.

Пример: Партнер обвиняет во всех смертных грехах, проблемах в отношениях, часто кричит, оскорбляет, ругается и даже применяет физическую силу — это проявления абьюз-мента (А. Асти. Проблемные отношения: харассмент, абьюзмент и буллинг. Что это такое и что с этим делать? // Блог 4brain. 2020).

Типовая/лексическая сочетаемость: жертва абьюз-мента, последствия абьюз-мента, проявления абьюз-мента, распознать абьюз-мент, возникает абьюз мент, столкнуться с абьюз-ментом.

Эквиваленты: буллинг, газлайтинг, моббинг, насилие, неглект, подавление, прессинг, сталкинг, травля, троллинг, унижение, хейтинг, шейминг.

Таким образом, абьюз в современном обществе является деструктивной формой поведения. Возникновение любого вида абьюза в отношениях следует немедленно ловить и пресекать, поскольку абьюз всегда имеет трагические последствия для своих жертв. Не только физические травмы и потеря имущества, но, в первую очередь, тяжёлый психологический или даже психический осадок. Популярность и актуальность этого слова и огромное количество словообразовательных гнезд подтверждаются многочисленными примерами, приведенными нами выше.

В идеальном мире никто не нарушает чужих границ и не лезет со своим ценным мнением по поводу вашей внешности. Все мы разные, поэтому и выглядим тоже по-разному. Но каждый человек хоть раз в жизни сталкивался с такого рода проблемой. Речь пойдет о слове Бодишеймер и его производных формах. Об этом слове и других англоязычных заимствованиях читателю в статье А.В. Зориной «Англицизмы в современном русском языке»: К англоязычным заимствованиям, которые перешли в категорию неологизмов или еще находятся на стадии перехода, можно отнести следующие лексические единицы, использование которых в современном русском языке было зафиксировано в сети-Интернет: Бодишейминг (от англ. body (тело) и shame (стыдиться, порицать, позорить) – критика, порицание недостатков внешности. Производные – бодишеймер (образование существительного мужского рода при помощи суффикса -ер); бодишеймеры (добавление суффикса -ер и морфемы множественного числа -ы).» [4, с. 5–14].

Рассмотрим подробнее этот неологизм:

Бодишеймер, сущ., м. Ср.: англ. body — (noun) тело, to shame — (verb) пристыдить, to make someone feel embarrassed and guilty about something. Язык СМИ. Жарг. Тот, кто выражает, в том числе публично, негативное отношение к человеку, внешность которого из-за полноты или других особенностей не отвечает.

Пример: Очень часто бодишеймеры — это люди с низкой самооценкой. Ища недостатки у других, они пытаются поднять собственную значимость. Так они кормят своего «черного волка». Особенно им не нравятся люди успешные. Их внутренняя неуверенность растет и выливается в открытую агрессию. Такие люди очень часто прячут свое лицо, прикрываясь фейковыми или пустыми страницами в социальных сетях (Несколько слов о бодишейминге и советы, как от него защититься! // Блог отношений с любимыми. Яндекс Дзен. 2020).

Типовая/лексическая сочетаемость: атаки бодишеймеров, битва бодишеймеров, действия бодишеймеров, из числа бодишеймеров, белые бодишеймеры, черные бодишеймеры, можно стать бодишеймером, обращаться к бодишеймерам, ответить бодишеймеру.

Эквиваленты: абьюзер, буллер, газлайтер, моббер, преследователь, хейтер, тролль, шеймер.

Однокоренные слова: бодипозитив, бодипозитивить, бодипозитивный, бодишеймерский, бодишеймерша, бодишейминг, бодишейминговый, бодишеймить, шеймер, шеймерша, шеймерский, шейминг, шеймить. современным стандартам красоты.

Слообразовательные гнезда слова Бодишеймер:

Бодишеймерский, прил. Ср.: англ. body — (noun) тело, to shame — (verb) пристыдить, to make someone feel embarrassed and guilty about something. Язык СМИ. Жарг. Относящийся к бодишеймингу, бодишеймеру

Пример: Некоторые люди, начитавшись явно или скрыто бодишеймерских статей часто доводят себя в своем желании ограничить еду до другой крайности — до анорексии, что есть медленное самоубийство (комментарий к статье «Компульсивное переедание» // b17.ru. 2021).

Типовая/лексическая сочетаемость: бодишеймерская картинка, бодишеймерская коман да, бодишеймерская статья, бодишеймерская фетфобия, бодишей мерские высказывания, бодишеймерские коменты, бодишеймер-

ские со общения, бодишеймерское настроение, бодишеймерское поведение.

Эквиваленты: абьюзерский, буллерский, газлайтерский, мобберский, троллерский, хейтерский.

Бодишеймерша, сущ., ж. Ср.: англ. body — (noun) тело, to shame — (verb) пристыдить, to make someone feel embarrassed and guilty about something. Язык СМИ. Жарг. Женск. к бодишеймер; женщина, которая выражает, в том числе публично, негативное отношение к человеку, внешность которого из-за полноты или других особенностей не отвечает современным стандартам красоты.

Пример: Тут явная мамкина бодишеймерша и карманная мизогинистка. Не могу только понять: она в принципе такая дрянь противная или у неё столько комплексов и неуверенности, что она пытается это на других компенсировать? (Shuma в Твиттере // Твиттер. 2020).

Типовая/лексическая сочетаемость: мамкина бодишеймерша, мерзкая бодишеймерша, проклятая бодишеймерша.

Эквиваленты: абьюзерша, буллерша, газлайтерша, мобберша, троллерша, хейтерша, шеймерша.

Бодишейминг, сущ., м. Ср.: англ. body — (noun) тело, to shame — (verb) пристыдить, to make someone feel embarrassed and guilty about something. Язык СМИ. Жарг. Негативное отношение, в том числе публично выражаемое, к чело веку, внешность которого из-за полноты или других особенностей не отвечает современным стандартам красоты.

Пример: «Я впервые столкнулась с бодишеймингом после того, как мой вес стал колебаться. Люди начали нападать на меня по поводу этого. Я не хотела жить», — призналась Гомес (Личные драмы Селены Го мес: абьюз Бибера, проблемы с весом и нервный срыв // Cosmopolitan, cosmo.ru. 2021).

Типовая/лексическая сочетаемость: причины бодишейминга, проявления бодишейминга, социальный бодишейминг, заниматься бодишеймингом, об винить в бодишейминге, подвергаться бодишеймингу, столкнуться с бодишеймингом.

Эквиваленты: абьюз, абьюзинг, абьюзмент, буллинг, газлайтинг, моб бинг, травля, троллинг, унижение, шейминг.

Бодишейминговый, прил. Ср.: англ. body — (noun) тело, to shame — (verb) пристыдить, to make someone feel embarrassed and guilty about something. Язык СМИ. Жарг. Выражаю-

щий, в том числе публично, негативное отношение к человеку, внешность которого из-за полноты или других особенно стей не отвечает современным стандартам красоты.

Пример: Это будет нетолерантный, сексистский, бодишейминговый пост. 40 % пациентов в моей реанимации, в настоящий момент, имеют сопутствующий диагноз «ожирение 3». И все они женщины (С. Саяпин. Это будет ... // vk.com. 2021).

Типовая/лексическая сочетаемость: бодишейминговая пародия, бодишейминговая тема, бодишейминговое прозвище, бодишейминговое слово, бодишейминговый комментарий, бодишейминговый контент, бодишейминговый кошмар, бодишейминговый мусор, бодишейминговый пост, бодишейминговый прогноз, бодишейминговый скандал, бодишейминговые намеки, бодишейминговые продукты.

Эквиваленты: абьюзивный, буллинговый, газлайтинговый, газлайтный, насильственный, неглектный, подавляющий, унижающий, харасс ментовый, хейтинговый, шейминговый.

Еще одно новое слово, которое часто встречается в СМИ- это буллинг и производные от него.

На сегодняшний день проблеме исследования и профилактике буллинга уделяется большое внимание. Как отмечает Х. Рагаб в своей статье «Лингвистический анализ языковых единиц, выражающих буллинг в российских школах (морфологический и синтаксический анализ)», феномен «буллинг» привлекает внимание к себе среди актуальнейших проблем нашей жизни, он находится в фокусе всестороннего изучения и исследования. Опираясь на нарастающую распространённость такого явления, увеличиваются психические и социальные исследования, направленные на изучение такого глобального явления, поэтому, на наш взгляд, наступает время пролить свет на роль языка в выражении буллинга. [12, С. 476-483].

Значение современного и нового слова «буллинг», производного от английского слова «bullying», по сей день отсутствует во всех толковых, психологических, социологических, юридических словарях, что и привлекает внимание на необходимость и важность введения толкового значения такого глобального феномена во всех толковых словарях с целью комплексного и точного изучения та-

кого широко и быстро распространённого феномена со всех сторон, включая и языковую. На наш взгляд, изучение словообразовательных гнезд и дериватов, а также синонимического ряда, лексической сочетаемости и эквивалентности, семантического поля, отсутствующего в толковых словарях, слово «буллинг» вносит ощутимый вклад в понимание значения такого заимствованного слова.

Одним из первых российских исследователей, проливших свет на такую проблему, считается выдающийся социолог И. С. Кон в работе «Что такое буллинг и как с ним бороться?». В 2006 г. И. С. Кон предположил, что буллинг «обозначает запугивание, физический или психологический террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его себе. Раньше это было просто житейское понятие, но в последние 20 лет оно стало международным социально-психологическим и педагогическим термином, за которым стоит целая совокупность социальных, психологических и педагогических проблем» [5, с. 15].

Разберем слово буллинг и его дериваты:

Буллинг, суш., м. Ср.: англ. bully — (verb) запугивать, to intentionally frighten someone who is smaller or weaker than you; (noun) задира, обидчик; bullying — (noun) запугивание. В языке психологов. Язык СМИ. Агрессивное преследование с целью унижения одного из членов коллектива или нескольких лиц другим его членом или группой лиц (чаще всего в школьном коллективе); травля.

Пример: Сравнение травли офлайн и буллинга в Сети показывает, что агрессия в интернете намного опаснее и защитить ее жертв практически невозможно (Г. Мурсалиева. Общество седых подростков ... // Новая газета. 2017).

Ранее в социальных сетях появился видеоролик с дракой школьников. очевидцы сообщили, что драка произошла из-за одного из учеников учреждения, который ранее подвергался буллингу (Г. Портнов. Про куратора расследует драку учеников в самарской школе // Коммерсантъ Самара Коммерсантъ. Волга. Самара. 2020).

Типовая/лексическая сочетаемость: буллинг детей, жертвы буллинга, механизмы буллинга, последствия буллинга, поход против буллинга, признаки буллинга, проблема буллинга, профилактика буллинга, свидетель буллинга, слушай буллинга, правда о буллин-

ге, борьба с буллингом, реальный буллинг, школьный буллинг, защититься от буллинга, заниматься буллингом, подвергаться буллингу, бороться с буллингом, участвовать в буллинге.

Эквиваленты: абьюз, боссинг, газлайтинг, неглект, троллинг, хейтинг, шейминг.

Однокоренные слова: антибуллинг, антибуллинговый, буллер, буллерский, буллерша, булли, буллинговый, буллить, кибербуллинг, кон трбуллинг.

Буллинговый, прил. Ср.: англ. bully — (verb) запугивать, to intentionally frighten someone who is smaller or weaker than you; (noun) задира, обидчик; bullying — (noun) запугивание. В языке психологов. Язык СМИ. Характеризующий что-либо как относящееся к буллингу.

Пример: Есть другая форма работы с буллинговыми ситуациями – работа с жертвой («мишень-жертва»). Существует некое убеждение, что жертва сама провоцирует такое отношение к себе. У нее всегда есть то, к чему можно прицепиться: очки, цвет кожи, привычки ... Жертве часто предлагается поработать над собой, исправить какой-то недостаток. Но при таком подходе мы переносим ответственность с виновника на жертву, а она может отличаться чем-то таким, что неисправимо (Избить, унижить, объявить бойкот: особенности российского буллинга // РИА Новости. 2019).

С этой целью мы создали на базе своей школы кабинет детского доверия, группу в Контакте куда мог бы обратиться со своими проблемами любой ученик школы. Он даже может выбрать того, кому хотел бы рассказать о своём заболевании. И это правильно, ведь часто школьные проблемы могут быть решены теми, кто в них участвует, то есть самими детьми. Создав кабинет детского доверия, мы решаем две задачи. Первая: помогаем тем, кто попал в буллинговую среду; даём понять, что он нам нужен, мы с ним; его проблемы – это и наши проблемы тоже, он в социуме не один (Э. Хабиров. Буллинг-проблема XXI века // school-science.ru. 2020).

Типовая/лексическая сочетаемость: буллинговая ситуация /среда, буллинговая структура, буллинговое поведение, буллинговое содержание, буллинговые группировки, буллинговые отношения, буллинговые правила. Эквиваленты: абьюзивный, агрессивный, газлайтовый, моббинговый, неглективный, хейтинговый, шейминговый.

Однокоренные слова: антибуллинг, антибуллинговый, буллер, буллерский, буллерша, булли, буллить, кибербуллинг, контрбуллинг.

Буллить, глаг. Ср.: англ. bully — (verb) запугивать, to intentionally frighten someone who is smaller or weaker than you. Жарг. Агрессивно преследовать одного из членов коллектива или не скольких лиц с целью унижения; травить.

Пример: Легче всего буллить молодых неопытных коллег, которые не могут дать отпор во многом из-за неуверенности в своих силах. По такому принципу жертвой травли стала Елена Лондарь, сейчас эйчар-эксперт HeadHunter, а 15 лет назад — 24-летняя руководительница HR отдела одной из IT-компаний. Вскоре после назначения команда пока зывала ей электронное письмо, высланное всем 400 сотрудникам ком пании, исключая ее, где говорилось, что она «неизвестно каким обра зом получила свою должность» (IsTOPnik. Называли толстым, дымили в лицо: что такое офисный буллинг ... // Fishki.net. 2020).

ПРИМЕР: МЗ: Дети на самом деле очень отзывчивы, какой бы ни был слож ный класс. Они с удовольствием вовлекаются в любую деятельность, когда им показывают, что иначе тоже можно. Часто тот же самый булли не имеет возможности выйти из своей роли просто потому, что он по теряет авторитет — начнут буллить его (Е. Красоткина. Буллинг: кого и за что травят // Такие дела. 2021).

Типовая/лексическая сочетаемость: буллить коллег, буллить их, буллить за что-то, буллить просто так, не должен буллить, буллить в частной школе, систематически буллить, начать буллить.

Эквиваленты: абыздить, газлайтить, неглектить, преследовать, унижать, травить, троллить, хейтить, шеймить.

Однокоренные слова: антибуллинг, антибуллинговый, буллер, буллерский буллерша, булли, буллинговый, кибербуллинг, контрбуллинг.

Буллерша, сущ., ж. Ср.: англ. bully — (verb) запугивать, to intentionally frighten someone who is smaller or weaker than you; (noun) задира, обидчик; bullying — (noun) запугивание. Жарг. Женск. к буллер; женщина, которая выступает агрессором в пре следовании члена коллектива или нескольких лиц с целью его или их унижения.

Пример: Д.Н.: Вмешиваться тоже можно по-разному... Некоторые родители, напри-

мер, не получив поддержки учителей и администрации школы, начинают заниматься самоуправством. В Риге был случай, когда полицейский сам наказал буллершу своей дочери. Он пришел в класс и выпорол ее ремнем. У него просто не было других возможностей пристру нить агрессора (У жертвы, насильника и свидетеля одинаковая картина мира // МОББИНГУ.НЕТ. 2017).

Пример: «Я зашла в класс, а там на доске было написано: «Дружить с Жако — зашквар». Жако — мой ник, я сразу поняла, кто настраивает класс против меня. Буллерша у нас была одна». Жадыра, 14 лет (bullying_1.pdf - Яндекс.Документы // docs.yandex.ru. 2020).

Типовая/лексическая сочетаемость: наказать буллершу, с помощью буллерши, оказалась буллершей, главная буллерша, юная буллерша, школьная буллерша, такая же буллерша, позорная буллерша, несимпатичная буллерша, малолетняя буллерша, явная буллерша. Эквиваленты: абыюзерша, газлайтерша, мобберша, сталкерша. Однокоренные слова: антибуллинг, антибуллинговый, буллер, буллерский, буллинговый, буллить, кибербуллинг, контрбуллинг.

Таким образом, в средствах массовой информации неологизмы иноязычного происхождения выполняют ту же функцию, что и в языке в целом. Они служат для обозначения новых явлений, предметов, событий. По мнению ученых, появление новых слов определяется экстралингвистическими факторами, одним из которых является разнообразие тем, которые освещаются журналистами. По мнению Е. Скороходовой и М. Щеголевой, к основным причинам употребления новых слов в современных СМИ, относят:

1. Усиление информативности. Большая часть новых слов приходится на сферы, в которых еще нет системы русских терминов и обозначений.

2. Возникает необходимость дифференцировать различные узкоспециальные понятия.

3. Наличие в международном употреблении устойчивой терминологии.

4. Следование «языковой моде», то есть иностранные заимствования используются для предания тексту престижности, внесения в него эффекта новизны. [11, с.2].

Е.А. Назарова характеризует современную реальность «этапом проникновения англоязычных слов в русский язык» [8, 3], на

котором происходит образование от заимствованных основ новых лексем по моделям языка-реципиента. Такое заимствование ученый называет одной из характерных тенденций функционирования современного русского литературного языка. Следует отметить, что многие заимствования в русском языке «обрастают» дериватами, тем самым получая шанс закрепиться в языке. Словообразовательная практика средств массовой информации позволяет выработать такие типы образования неологизмов, которые просты в своем морфологическом построении и в то же время разнообразны в семантическом отношении. Однако многие новообразования СМИ нарушают

словообразовательные нормы русского языка. Они создаются с нарушением ограничений в сочетаемости морфем, а также нетиповыми способами, помогая выявить системные механизмы преобразования новых слов и определить формирование зависимостей между их сущностными характеристиками. Очевидна также оценочная и эмоциональная маркированность многих новообразований СМИ, позволяющих отразить субъективное отношение автора к высказыванию в целом.

В конечном итоге все это приводит к обогащению лексического фонда русского языка новыми заимствованиями.

Библиографический список

- [1]. Апухтин И. Н. Медиатекст за гранью // Мир русского слова. – 2017. – № 4. – С. 25–32)
- [2]. Белялова М. «Абьюз и его действие в семейной жизни» ФОРУМ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ 6(34) 2019 <http://forum-nauka.ru>
- [3]. Гуськова А.С. О словообразовательной активности современных англицизмов в русскоязычном дискурсе (Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Том 23 № 1.1 2017)
- [4]. Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики) // Казанский лингвистический журнал. 2018. том 1, № 2 (1). С. 5–14.
- [5]. Кон И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться? // «Семья и школа». – М., 2006. № 11. — С. 15–18 // режим доступа: http://valery-159.narod.ru/mnd/bullying_kon.htm
- [6]. Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2021. — 424 с
- [7]. ЛИФАНОВА Т.Е., РОГОВЕНКИНА Е.А. «Абьюз в современном мире: маркеры абьюзера»/ Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, статья в сборнике трудов конференции Язык: русский Год издания: 2021
- [8]. Назарова Е.А. Место и роль заимствований из английского языка в современном русском языке (конец XX – начало XXI вв.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2008. – 3с
- [9]. Русский язык конца 20 столетия. М., 2000, 480 с.
- [10]. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания, 2024, 2: 7–34.
- [11]. Скороходова Е.Ю. 1, Щеголева М.М. 2 1 Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы; 2 магистрант, кафедра журналистики. Российский государственный социальный университет РОЛЬ И УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ
- [12]. Хаттаб, Мохаммед Рагаб. Лингвистический анализ языковых единиц, выражающих буллинг в российских школах (морфологический и синтаксический анализ) / Мохаммед Рагаб Хаттаб. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 46 (493). — С. 476-483. — URL: <https://moluch.ru/archive/493/107694/>

МАКА КАЧАРВА

PhD in Philology, associated professor Sukhumi State University(Georgia)

**MODERN NEOLOGISMS OF FOREIGN ORIGIN IN THE RUSSIAN LANGUAGE
PICTURE OF THE WORLD
(BASED ON MATERIALS FROM MEDIA OUTLETS)**

Summary

The paper presents modern neologisms of foreign origin in the Russian language picture of the world such as абьюзер «abuser», бодишеймер «body shamer», буллинг «bullying», and so forth. It analyses factors facilitating the use of the lexemes, noting that the model is productive. The paper says that neologisms of foreign origin play the same role in the mass media as in the language in general. They denote new phenomena, things, and events. The conclusion is that the derivational practice of the mass media allow to develop types of production of neologisms with simple morphological structures, being varied in their semantics.

Key words: Neologisms, derivational activity, derivational family, discourse, Internet editions, Russian language picture.

ЛИЛИАНА ДЖАНАШИЯ

Доктор филологии, ассоциированный профессор Сухумский государственный университет (Грузия)

**К ВОПРОСУ ЭВОЛЮЦИИ ЖАНРА АНТИУТОПИИ В КОНТЕКСТЕ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА КОНЦА XX ВЕКА**

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.05>

Целью данной работы является проследить эволюцию жанра антиутопии с учетом реалий литературного процесса конца XX века. К этому периоду в русской прозе сформировались три основных направления: постмодернизм, постреализм и проза non-fiction (литература существования).

Постмодернизм оформился и утвердился к 1991 году. Для него характерно эсхатологическое умонастроение, тотальная ирония, игровое начало. В. Курицын называет две главные особенности постмодернизма: «интерактивность» и «виртуальность». Вторая особенность связана с появлением сетей массовой коммуникации, с усилением в жизни человека роли компьютеров, возникает возможность замены реального мира компьютерной иллюзией. Теперь человек в большей или меньшей степени соприкасается с виртуальной реальностью, существование которой порой ставит под сомнение существование действительной реальности. Именно на этом сомнении, как основном принципе, и строятся почти все произведения постмодернистской эстетики конца 20 века.

Другие особенности этого направления - ремейк, палимпсест (наслоение двух или нескольких разных текстов), эстетика чужого слова. Все это весьма характерно для многих произведений, созданных в рассматриваемый нами период, например, такое «наслоение текстов» в «Жизни насекомых» В. Пелевина связано со «Стрекозой и муравьем» И. А. Крылова и «Из жизни насекомых» Карела и Йозефа Чапеков. «Рус-арт», представляющий собой своеобразное «перепрочтение» хрестоматийных текстов русской классической литературы с целью разрушения их стереотипного восприятия – стал также одним из ярчайших постмодернистских явлений того времени. В

качестве примера рус-арта необходимо здесь вспомнить творчество Владимира Сорокина и Евгения Попова. Жанр литературной антиутопии стал одним из самых востребованных в этико-эстетическом контексте вышеуказанных реалий истории литературы рассматриваемого периода.

Литературная антиутопия как самостоятельный жанр сформировалась еще в самом начале XX века, когда были созданы романы Е. Замятина «Мы», О. Хаксли «О, дивный новый мир» и Дж. Оруэлла «1984». Тогда высказывались мысли о том, что у этого жанра нет перспективы дальнейшего развития. Например, литературоведу М. Шеферу принадлежит мысль о том, что в этих ранних антиутопиях «границы жанра были проведены окончательно, а его возможности, пожалуй, исчерпаны» [1, с. 153]. Действительно, формирование структуры антиутопии завершилось в первой половине XX века. Однако дальнейшее развитие процессов в литературе показало, что даже сейчас, в 2020-х годах XXI века все еще слишком рано говорить об исчерпанности жанровых возможностей антиутопии. Во второй половине XX века и рубеже столетий создается большое количество произведений этого жанра: («Вальс для К.» Д. А. Савицкого (1985), повести В. С. Маканина «Лаз», «Стол, покрытый сукном и с графином посередине», «Долог наш путь» (1990), «Кысь» Т. Толстой (2000) и другие). Авторы, каждый по-своему раскрывает жанровые потенциалы антиутопии, это указывает на гибкости жанра, его способность к развитию и трансформации.

Антиутопия ведь долгое время существовала в качестве корректива к утопии и лишь в XX веке обрела собственную жанровую форму, когда четко выявились те жанровые возможности, которые отличают ее от утопии.

Такой возможностью или жанрообразующим началом антиутопии стал субъектный строй произведения. (Мы здесь придерживаемся позиции Н. Лейдермана, считающего субъектную организацию повествования основным носителем жанровой модели.) Именно субъектный строй антиутопии, оформляя ее структуру таким образом, что она оказывается способной передавать «личностное» содержание, раскрывает художественный мир антиутопии таким, в котором истины не постулируются, как в утопии, а проживаются кем-либо из героев.

Можно предположить, что эстетические возможности антиутопии связаны с этим носителем ее жанровой организации, однако в традиционных антиутопиях они не были до конца выявлены. В антиутопиях конца XX века субъективность повествования становится ценностно-смысловым ядром произведения. Это оказывается возможным потому, что авторы по-новому расставляют акценты во взаимоотношениях героя с окружающим миром, в отличие от традиционной антиутопии. В последней герой воплощает субъективное начало в той степени, в какой является носителем конфликта личного и общественного. Причем именно окружающий мир изображается изначально заданным и первичным, а мир героя самоопределяется относительно него.

В повести писателя, поэта, бывшего ведущего передачи «49 минут джаза» на радио «Свобода» Дмитрия Петровича Савицкого (25 января 1944, Москва - 11 апреля 2019, Париж) «Вальс для К.», изображена тоталитарная Москва, где появляются люди, способные летать. Этой способностью обладают и главные герои повести: фотограф Охламонов, его возлюбленная Катенька и поэт Николай Петрович. «Летающих» людей начинают преследовать за «отрыв от действительности». Поэт погибает, а Охламонов с Катенькой, перелетев океан, оказываются во Франции, где спустя некоторое время Катенька, утратив дар летать, разбивается.

Элементы традиционной антиутопической схемы прочитываются в повести достаточно четко: дана действительность с реализованным идеалом, оцениваемым автором

резко отрицательно, конфликт личного и общественного организует повествование таким образом, что государство, стремясь подчинить бытие человека, выступает в роли сверх силы, в борьбе с которой человек обречен. В повести Савицкого бытие персонажа показано самодостаточным, а внешний мир обнаруживает свое качество через героя. Антиутопия, будучи по природе своей персоналистичной, содержит тенденцию к антропоцентризму. В связи с этим в конце XX века происходит функциональное переосмысление присущих антиутопии способов жанрового моделирования.

В классических антиутопиях герой живет в поле ценностного притяжения внешним миром и, по сути, никогда его не преодолевает. Р. Гальцева и И. Роднянская пишут, что «Уинстон Смит, герой «1984», сдался и предал свою суть потому именно, что не смог побороть пиетета перед интеллектуальным палачом О. Брайеном, который не перестает быть для него учителем, даже становясь мучителем»[2, с.230]. Сцена поражения Уинстона Смита выявляет глубинную логику построения антиутопического текста: герой, пытающийся осознать свою автономность, обречен на поражение, потому что это попытка стать другим в рамках той нормативной системы, которая господствует в данном обществе. Даже бунтуя против внешнего мира, герой не порывает с ним. Здесь мы встречаемся с совершенно особым, свойственным антиутопии принципом жанрового моделирования.

В антиутопиях конца XX века бытие героя изначально самодостаточно, мир его противопоставлен государству не как противоположный, а как качественно другой. Благодаря этому он выстраивается иначе, нежели в традиционной антиутопии. Прежде всего, в этих антиутопиях отсутствует пространственная ограниченность мира, сознательно создаваемая автором в качестве альтернативного государственному порядку (таков город за Стеной у Замятина, резервация у Хаксли и районы, где живут пролы у Оруэлла), и герой остается наедине с режимом. Художественную логику такого отсутствия можно определить с помощью понятия «минус-прием»: видимое упрощение жанровой структуры антиутопии на фоне культур-

ной традиции свидетельствует о ее смысловом усложнении, которое проявляется в том, что, например, в «Вальсе для К.» Савицкого особым образом выстроено пространство героя.

Один из героев, Николай Петрович, имеет свою комнату. Автором подчеркивается, что это не дом и не квартира, а комната в коммуналке. Здесь нужно обязательно сказать о том, что никто из героев классических антиутопий никогда не может иметь своего пространства, будь то дом или отдельная комната. «Свой» мир, творимый Николаем Петровичем, населен Карамзиным и Гоголем, Булгаковым и Бемом, отграничен от окружающего не стенами - они не прочны, а тем, что это островок духовности и культуры в океане пошлости и глупости. Однажды Николай Петрович сочинял стихи и на минуту вышел на кухню, где в этот момент происходил обычный для коммунальной квартиры скандал. И случилась трагедия: поэт навсегда потерял строчку. С пространством героя в повести связан и мотив полета. Полет для героя - форма самообретения, поскольку его суть, как учит Охламонова Николай Петрович, - в нахождении внутренней, а не внешней точки опоры. Полет в повести - это способ придать объемность личностному пространству, утвердить его реальность. Т. е., пространство героя в антиутопии Савицкого обособлено от внешнего мира, но пространственные отношения здесь заданы с помощью непространственных границ: пространство героя очерчено как эстетическое.

Это принципиально ново для антиутопии, в которой традиционно эстетическое присутствовало в качестве предмета обсуждения, но никогда не становилось углом зрения. Охламонов переделывает обычный мир по законам красоты, он фотографирует «лужи после дождя, пьяниц на Тишинском рынке, людей на эскалаторе метро, листья, опавшие в парке», из «банального каждодневного устраивает сон» [3, с. 276]. Герой, таким образом, делает видимое достоянием личностного пространства, и все идеологические рамки оказываются

бессильны этому помешать.

В конце XX столетия в арсенал антиутопической мысли писателями вводится следующую закономерность: тоталитаризм не может простить не только инакомыслия, на чем делался акцент в традиционных антиутопиях, но и эстетического взгляда на мир. Для антиутопий конца XX века непосредственная данность мира не равнозначна его сути. Так, вес человеческого тела в повести Савицкого предстает как характеристика реальности, но это лишь реальность физиологии, и потому она не выражает сущность человеческого бытия. Полет героя, рождающийся в процессе «преодоления» собственной тяжести, в большей степени близок реальности, поскольку обнаруживает ее способность к эстетическому перевоплощению, что первично для автора и его героя. Т. е., автор, стремясь избежать форм жизнеподобия, в пародийном ключе высвечивая их эстетическую несостоятельность, ищет новые, нетрадиционные художественные формы для раскрытия тех тенденций действительности, которые могли бы противостоять тоталитарной идеологии. Повесть Д. Савицкого «Вальс для К.» дает пример напряженного взаимодействия авторского сознания с сознанием жанра. Оно драматично в своей основе, поскольку жанровая структура антиутопии, сложившись в виде предельно строгой и схематичной, как бы изначально перекрывает авторскую волю. Однако, по мысли Ю. Тынянова, «...самое-то сознание жанра возникает в результате столкновения с традиционным жанром» [4, с. 257]. В данном случае такое столкновение осуществляется в форме попытки сделать безличную жанровую норму достоянием индивидуального творческого сознания. В этом смысле художественный опыт Дмитрия Савицкого, во-первых, выявляет способность антиутопии к модификациям, определяющим ее жизнеспособность и, во-вторых, раскрывает общую тенденцию развития литературы в конце XX века, которую С. Аверинцев характеризует как конец традиционалистской установки как таковой.

Литература:

- [1]. Цит. по: Душенко К., Шефер М. Science Fiction как критика идеологии: Утопический элемент в американской science fiction//Социокультурные утопии XX века. М., 2012. Вып.5.
- [2]. Гальцева Р., Роднянская И. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий//Новый мир. 1988. N 12.
- [3]. Савицкий Д. Ниоткуда с любовью. Вальс для К. Рассказы. Стихи. М., 2014.
- [4]. Тынянов Ю. Литературный факт//Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

LILIANA JANASHIA

**PhD in Philology, associated professor Sukhumi State University
(Georgia)**

**THE EVOLUTION OF THE GENRE OF DYSTOPIA IN THE CONTEXT OF THE
LITERARY**

Summary

The paper aims at tracing the evolution of the genre of dystopia taking into account the realities of the literary process at the end of the 20th century. Three major trends had taken shape in the Russian prose by that time - postmodernism, postrealism, and non-fiction prose (literature of existence).

The fact that writers of the late 20th century often apply dystopia and expose its genre and artistic potential makes it clear that the genre is flexible and able to develop and be transformed. In modern dystopias, the subjectivity of narration becomes the notional nucleus of the works. The authors place accents in the relations between the heroes and the surrounding world in a new way, different from traditional dystopias. In the dystopias of the late 20th century, the existence of the heroes is all-sufficient. Their universes are opposed to the State not as contrary to it, but different in quality. The heroes' spaces are isolated from the surrounding world and the isolation of the spaces is of the aesthetic nature.

Key words: Postmodernism, postrealism, literary dystopia, genre modelling, dystopic scheme, subjectivity of narration, dystopia, utopia, anthropocentrism.

EKATERINE MARUASHVILI

**Associated Professor LEPL Georgian State Teaching University
of Physical Education and Sport (Georgia)**

STATISTICAL ANALYSES IN LANGUAGE USAGE

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.06>

Language has a fundamental social function, it is a widely used mean of communication, dynamic, robust and still so simple; a specific human capacity, capable of carrying our thoughts and maybe the only feature that make us humans fundamentally different from other species, and still so vaguely understood. Approximately from 3000 to 7000 languages are spoken nowadays, all of them hold remarkable distinctions one from another, but still have much in common. Recent research on cognitive sciences have concluded that patterns of use strongly affect how language is perceived, acquired, used and changes over time. It is argued that languages are self-organizing systems, and that language usage creates and shapes what languages are. The linguistic competence of a speaker is attributed to self-organization phenomena, but not to a nativist hypothesis. The purpose of this study is to develop statistical analyses of language usage based on a detailed investigation of the Zipf's law and other laws of quantitative linguistics. We will develop a systematic empirical investigation of phenomena via statistical, mathematical and computational techniques. We carry out, first, a horizontal analysis across different languages using the UCLA Phonological Segment Inventory Database. This analysis is followed by a vertical investigation of English patterns in different linguistic structural levels. In addition to the results obtained with Zipf's law, information theoretical analyses are done in order to understand the trade-off between the efficiency of language information transmission and language complexity. We observe that the features of linguistic elements and their interrelations abide by universal laws (in the stochastic sense). These analyses are

important for a quantitative comprehension of linguistic concepts that are already well known qualitatively, providing a means to understand the processes underlying language usage and evolution. Understanding how languages work and evolves might be the only hope to create technological artifacts that truly exhibit human-level communication capabilities, being able to understand and produce human-like sentences/utterances.

Language is a biological, psychological and social process. The study of language as a communication process involves insight on these subjects and a scientific analysis of data produced as a mean of information transfer. Performing a statistical analysis of language is a way of acknowledging its unpredictable nature, as the uncertainty intrinsic to it is the way in which it is possible to carry information. Although language has a random nature, it holds an order, coordination and structuration that imposes an amount of redundancy to the transmitted message. It is important to characterize the process and understand what variables are into play in the communication process. Language is not a process controlled by a single agent, rather it is driven by interactions of multiple agents, it is wholly decentralized or distributed over all the components of the system. All languages attain such characteristics and therefore it is important to analyze languages from this common ground and try to understand, based on the common patterns observed in languages, how languages work. We need then to change our paradigm of 'linguistic universals'. As we might observe, language speech inventories are quite diverse and there are vanishingly few linguistic universals in direct sense left. On the

other hand, as we regard language as a adaptive complex system, we shall observe that there are patterns in language that are also usual in natural phenomena. The ubiquity of power laws is the most notorious one and for that reason we will deeply investigate the well know Zipf's law.

In this study the focus will be on a statistical analyses of language usage, performing a detailed investigation of quantitative linguistics laws. The approach chosen consist on first analyze different languages and then perform a deep examination on English patterns. The communication process is observed under the information theoretical point of view to understand the relation existing between the efficiency in information transfer and the complexity of the system. These analyses are important to comprehend how the language communication phenomenon works and correlate the findings with the well-known linguistic concepts. The analysis of language as a complex system is radically different from the traditional analysis based on a static system of grammatical principles, as a result of the generativist approach. This new approach to language is important for it may allow a unified understanding of seemingly unrelated linguistic phenomena, such as: "variation at all levels of linguistic organization; the probabilistic nature of linguistic behavior; continuous change within agents and across speech communities; the emergence of grammatical regularities from the interaction of agents in language use; and stage like transitions due to underlying nonlinear processes" (Beckner et al., 2009). The language patterns are important for language usage, acquisition and efficiency. A well-known example is the word frequency effect on lexical access (Whaley, 1978; Grainger, 1990; Andrews, 1989). Low frequency words require greater effort than high frequency words on recognition task, leading to a poorer performance on speed and accuracy tests. Words might be ranked in order of their frequencies of occurrence and that leads to the observation of a power law relation between word rank and frequency. Length of words is also not a mere hazard but a rational

deliberation aiming a thrifty and efficient use of resources in a communication process. The way a language sound system is organized seeks a maximal dissimilarity between stimuli. This is an important choice in order to convey maximal information transfer between speaker and listener in a noisy environment. In this huge universe of multiple possible combination of structures, we believe the formation of a language is guided by choices, which organize and structure the random process of communication. Languages are complex systems whose emergence is an event of central importance to human evolution. Several remarkable features suggest the presence of a fundamental principle of organization that seems to be common among all languages.

In this dichotomy of 'language as chance' - 'language as choice', applying quantitative methods are fundamental to let us draw insights on nature of this communication phenomenon. This dichotomy, rightly understood, might appear as the bridge between the two dichotomies proposed by Saussure: 'langue-parole' and 'significant-signifies. "In fact, the relation is quite close: language as change refers to the langue-parole dichotomy in its interpretation as that between statistical universe and sample, whereas language as

"If a statistical test cannot distinguish rational from random behavior, clearly it cannot be used to prove that the behavior is rational. But, conversely, neither can it be used to prove that the behavior is random. The argument marches neither forward nor backward" (Miller, 1965). Contrary to Miller's belief, we argue that a statistical characterization of language as a communication process is of central importance to trace the line that distinguishes a mere random event from another, also random in nature, but that stands in the watershed between chaos and order, establishing a balance between information transfer and communication cost. The idea of statistical treatment of language data is not new, and we might even say that linguistics is not possible without some degree of statistical classification. Linguists have

always used patient recording, annotations and classifications in order to imagine what would be a possible grammar for that language. Moreover, a regularity in the historic observation of language, like the Grimm's law consonantal shift, could only be realized after an investigation on a long and patient collection of data. Comparative philology also uses the comparison of a great mass of linguistic data to establish the relationships among languages and families.

"The effectiveness of language as a means of communication depends, naturally, on its being highly patterned, and hence on its users' behavior being predictable, not necessarily as to the meanings they will convey in each individual situation, but as to the phonological, morphological, and syntactical paths they will follow in so doing. Yet no set of speech-habits is entirely rigid or ultra systematic... There are always loose ends within the system of speech behavior. It is this inherent looseness of linguistic patterning, together with built-in redundancy, that makes change not only normal but inevitable, and thus a basic part of language. The great mistake of the idealists (determinists) is their overemphasis on vocabulary choice as the only source of linguistic change, and their consequent neglect of the habitual aspects of language. Our linguistic behavior is very largely a matter of habit, and, in Twaddell's words, 'below and above the control of the individual' – below because it is so largely unreflecting habit in brain, nerve, and muscle; above, because it is so largely influenced, from its very inception in each of us, by the behavior of other members of the community.

Each individual builds up his own set of speech-habits, his idiolect, in himself, and of course the idiolect is the only ultimate linguistic reality. Entities such as 'dialect' or 'languages' are always abstractions formed on the basis of a comparison of two or more idiolects... Yet this does not mean that each individual 'creates' his language *ex novo*; virtually all our speech-habits are built up through imitation of those of

other individuals, and what little is 'original' with each speaker derives from combination of already existing patterns. An idiolect is effective as a means of communication only because it closely resembles the idiolects of other speakers. There is never an absolute identity between any two idiolects, but there can be a very close similarity which justifies our abstracting (naively or analytically) what is common to them and treating it as an entity. Each language, each dialect has its phonemic structure, and only what is within that structure is possible for the speaker and listener of the language or dialect. And within the limits of structure imposed by the community, the individual speaker makes his choices... He sees his choices as free and... comes to ignore the limitations and move about them comfortably, so that the real choices become the only choices he sees" (Hall, 1964). In order to capture language as an emergent identity on the vast universe of idiolects and spoken realizations, it is important to observe the recurring patterns on a large dataset and extract linguistic meaning from it. The quantitative analysis of languages is important to produce a systematic empirical investigation of the language phenomenon via statistical, mathematical or computational techniques. It is grounded on a large data of empirical observations, which are used to develop and employ mathematical models, theories and hypothesis pertaining the phenomenon.

The quantitative approach to language analysis data back to the ancient Greek who have used combinatorics to investigate the formation of linguistic structures. Later, the philologist and lexicographer Al-Khalil ibn Ahmad (718-791) used permutations and combinations to list all possible Arabic words with and without vowels. William Bathe (1564-1614) published the world's first language teaching texts, called 'Janua Linguarum', where he had compiled a list with 5.300 essential words, according to their usage. From the end of the 19th century many scientific works on language started using the quantitative approach. Augustus De Morgan

(1851), for example, on the statistical analysis of literary style, suggested that one could identify an author by the average length of his words. Many scientific counts of units of language or text were published in the 19th century as a means of linguistic description: in Germany, Föörstemann (1846, 1852) and Drobisch (1866); in Russia, Bunjakovskij (1847); in France, Bourdon (1892); in Italy, Mariotti (1880); and in the USA, Sherman (1888). From the 20th century on, many scientific works have been produced on quantitative linguistics.

The linguistic analysis of a language is the observation of certain recurring patterns, their transformation over time and interactions. Patterns that occur systematically across natural languages are called linguistic universals. An important goal of linguistics is to explain the reason why these patterns, emerge so often, which is also a concern of cognitive studies. Some approaches might be used to carry out systematic research and to analyze the role of these regularities on languages. We are here concerned with a statistical analysis based on real world data, through the usage of linguistic corpora, and with computer simulations of models mimicking language interactions.

We know that speech sounds used in spoken communication vary from one language to the other. We propose to perform a statical analysis of the speech inventories used in different languages. For this purpose, we will use the UCLA Phonological Segment Inventory Database (UPSID) which has 451 languages in its database. We will observe the different speech inventories used and their characteristics. Among these various languages, we will observe that some speech sounds are very common while others are quite rare. All these analyses presupposes that a speech utterance might be segmented into distinctive speech segments, phones. The UPSID has a detailed description of the phones used in each language and much information might be extracted by means of this database. It is still unclear what is the nature of the language constituent elements, how they

are used and organized, and how they change over time. The phoneme, taken as a mental representation, the basic element of spoken language, has been questioned over its status on the study of language. Port (2007) argues that “words are not stored in memory in a way that resembles the abstract, phonological code used by alphabetical orthographies or by linguistic analysis”. According to him, the linguistic memory works as an exemplar memory, where the information stored is an amalgam of auditory codes which include nonlinguistic information. The acceptance and usage of the phonetic model is a reflex of our literacy education (Port, 2007; Coleman, 2002). The assumption of a segmental description of speech is also desired since it guarantees a discrete description at the lower level, what implies discreteness at all other levels. All formal linguistics is based on one a priori alphabet of discrete tokens. There are many interactions between speech and writing. Lev S. Vygotsky was a psychologist who took an active interest in the cognitive consequences of writing, studying how speech affected writing and vice versa. “Writing requires deliberate analytic action on the part of the speaker¹. In speaking, he is hardly conscious of the sounds he produces and quite unconscious of the mental operations he performs. In writing, he must take cognizance of the sound structure of each word, dissect it, and reproduce it in alphabetic symbols, which he must have studied and memorized before” (Vygotsky, 1934). The relationship between writing systems and spoken language is also a theme covered by Coulmas (2003). According to him, “the introduction of writing implies a cognitive reorientation and a restructuring of symbolic behavior. Names of objects are conceptually dissociated from their denotata, as signs of physical objects are reinterpreted as signs of linguistic objects, names. In a second step, signs of names are recognized as potentially meaningless signs of bits of sound, which are then broken down into smaller components” (Coulmas, 2003).

Considering words as unities of mental

processing, it is important to investigate the aspects involving this hypothesis. Miller (1956) suggested that the short-term memory storage capacity is constant in terms of the number of chunks. If we could consider words as chunks, then the short-term memory capacity should be the same regarding the size or duration of words. Baddeley et al. (1975) explores the relations between the memory span and length of words. They observed that memory span is inversely proportional to word's length. Word's duration was recognized as an important aspect, since it was recognized that words of short temporal duration were better recalled than words of long duration, even when the number of syllables and phonemes are held constant. The results achieved by Baddeley et al. (1975) have some implications on Miller (1956)'s suggestions, "that memory span is limited in terms of number of chunks of information, rather than their duration. It suggests a limit to the generality of the phenomenon which Miller discusses, but does not, of course, completely negate it. The question remains as to how much of data subsumed under Miller's original generalization can be accounted for in terms of temporal rather than structural limitations" (Baddeley et al., 1975).

In this study we have focused on applying a statistical analysis on language use data, in special investigating some already know quantitative linguistic laws. Initially we have performed a horizontal analysis across different languages, using the UPSID. Afterwards we have attained our attention to the patterns of use of only one language: English, performing the in multiple linguistic levels. We have also the classical Information Theory to carry out a systematic inquiry to examine language under this perspective, in order to understand the trade-off

between efficiency in information transmission and complexity of the system. These analyses have shown important to achieve a quantitative comprehension of linguistic concepts which are already well known and described in the literature. Such study is important to understand the processes underlying language use and evolution, what is necessary to create a better model that might be applied to create technological artifacts that truly exhibit human-level communication capabilities.

In order to better understand the role played by these aspects into the way a language is structured, organized and used, we propose here a statistical analysis using a corpus. It would be time-consuming and would require a great amount of work to collect a speech corpus and make use of it. Instead, we propose the usage of a text corpus, pronunciation dictionary and speech samples provided by online dictionaries. The analysis here will concern only the statistical aspects of written and spoken words length, what is important as length is regarded as an aspect of mental representation, among other features (Port, 2007). Mendenhall realized that the study of word length, specifically, the analysis of the distribution of words of different lengths was important to establish comparisons of styles. Mendenhall (1887) investigated the differences in the literary styles of Dickens and Thackeray insofar as word-length distribution was concerned. The same approach was afterwards used (Mendenhall, 1901) to analyze the authorship of Shakespeare's plays. In count of words of length three. Comparing with Bacon, the count of words of length three was greater than four, and Bacon also present a distinctly higher proportion of longer words than Shakespeare.

Bibliography:

- [1]. Manin, D. Y. (2008). Zipf's law and avoidance of excessive synonymy. *Cognitive Science: A Multidisciplinary Journal*, 32(7):1075–1098.
- [2]. Manin, D. Y. (2009). Mandelbrot's model for Zipf's law: Can Mandelbrot's model explain Zipf's

- law for language? *Journal of Quantitative Linguistics*, 16(3):274–285.
- [3]. Odden, D. (2005). *Introducing Phonology*. Cambridge University Press
- [4]. Port, R. (2006). *Second Language Speech Learning: The Role of Language Experience in Speech Perception and Production*, chapter the graphical basis of phones and phonemes. John Benjamins, Amsterdam.

ЕКАТЕРИНА МАРУАШВИЛИ

Доцент LEPL Грузинский государственный педагогический университет физического воспитания и спорта (Грузия)

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКА

Резюме

В этом исследовании мы сосредоточились на применении статистического анализа данных об использовании языка, в частности, на исследовании некоторых уже известных количественных лингвистических законов. Сначала мы провели горизонтальный анализ по разным языкам, используя UPSID. После этого мы обратили внимание на закономерности использования только одного языка: английского, выполняя на нескольких языковых уровнях. У нас также есть классическая теория информации для проведения систематического исследования языка с этой точки зрения, чтобы понять компромисс между эффективностью передачи информации и сложностью системы. Эти анализы показали важность достижения количественного понимания лингвистических концепций, которые уже хорошо известны и описаны в литературе. Такое исследование важно для понимания процессов, лежащих в основе использования и эволюции языка, что необходимо для создания лучшей модели, которая может быть применена для создания технологических артефактов, которые действительно демонстрируют возможности общения на уровне человека.

Чтобы лучше понять роль, которую играют эти аспекты в том, как язык структурирован, организован и используется, мы предлагаем здесь статистический анализ с использованием корпуса. Это заняло бы много времени и потребовало бы большого объема работы, чтобы собрать речевой корпус и использовать его. Вместо этого мы предлагаем использовать текстовый корпус, словарь произношения и образцы речи, предоставленные онлайн-словарями. Анализ здесь будет касаться только статистических аспектов длины написанных и произнесенных слов, что важно, поскольку длина рассматривается как аспект ментального представления, среди прочих особенностей (Port, 2007). Менденхолл понял, что изучение длины слова, в частности, анализ распределения слов разной длины, важно для установления сравнений стилей. Менденхолл (1887) исследовал различия в литературных стилях Диккенса и Теккерея в той мере, в какой это касалось распределения длины слова. Тот же подход впоследствии использовался (Mendenhall, 1901) для анализа авторства пьес Шекспира. По подсчету слов длиной три. По сравнению с Бэконом, количество слов длиной в три слова было больше, чем у четырех, и у Бэкона также было заметно большее количество длинных слов, чем у Шекспира.

HISTORY - ИСТОРИЯ

АВРААМ ШМУЛЕВИЧ

Политолог (Израиль)

ИСТОРИЯ РУССКО-ЧЕРКЕССКОЙ ВОЙНЫ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.07>

«Сочи — земля геноцида!», «Нет Олимпиаде на крови!», «Путин, не пытайся построить свой авторитет на черкесских могилах!», «Свободу и право Черкесии!» — эти лозунги впервые были показаны камерами ведущих мировых ТВ каналов 4 октября 2007 г., когда одновременно в США и Турции прошли массовые демонстрации протеста черкесской диаспоры против проведения Олимпиады в Сочи. Более 200 человек вышли на акцию протеста перед зданиями российского посольства в Стамбуле, российского консульства и офиса ООН в Нью-Йорке. [Черкесская диаспора провела в США и Турции акции протеста против политики России на Северном Кавказе. «КАВКАЗСКИЙ УЗЕЛ» от 7/10/2007].

Можно быть уверенным, что для подавляющего числа россиян эта новость осталась абсолютно непонятной — как это вдруг «все-союзная здравница» Сочи оказалась землей какого-то геноцида, чья кровь имеется ввиду, и кто такие вообще эти черкесы.

Но незнание истории, как известно, не освобождает от исторической ответственности.

Еще полтора столетия назад слов «черкес» знал на Руси каждый. Большинство современных курортных поселков на черноморском побережье были возведены в ходе Кавказской (русско-черкесской) войны как русские крепости. И почти все эти крепости были на том или ином этапе войны захвачены горцами — черкесами.

Ныне же в восприятии рядового россиянина слово «черкес» осталось лишь в составе русских фамилий, ведущих своё происхождение от черкесов (сама известная — род князей Черкасских), да в названии маленькой кавказской республики Карачаево-Чекресия, не очень часто мелькающей в новостях. Кто

такие «карачаево-черкесы» и где все это точно распложено — знает не каждый.

К сожалению, российские политики, чиновники, отвечающие за «национальный вопрос», депутаты Госдумы, как показывает опыт, также осведомлены не лучше, чем «рядовые граждане» — то есть никак.

Между тем «черкесский вопрос» был до 1870-х годов на протяжении более чем века главной военной, экономической и политической проблемой Российской империи. Ныне он имеет все шансы вновь стать фитилем, от которого может разгореться «подземный пожар» на Кавказе (как охарактеризовал ситуацию в регионе Владислав Сурков).

* * *

Адыги, они же черкесы — весьма интресный народ.

Их предки были автохтонным населением северо-западного Кавказа и Восточного Причерноморья. Адыги — самоназвание, прочие этнонимы были присвоены им окружающими народами. В России их обычно именовали черкесами, именуют и сейчас в западных языках.

Ближайшие и единственные их родственники — абхазы. Адыгский язык вместе с абхазским выделяется в отдельную северо-западную группу иберийско-кавказских языков и весьма своеобразен, и сложен — 2-3 гласных и до 80 согласных.

Черкесия (Адыгэ Хэку по-адыгски) — это географическое и политическое понятие, включавшее в себя территорию от Тамани до впадения реки Сунжа в Терек и обозначавшее место исторического обитания адыгского народа. Течением реки Лаба Черкесия разделялась на Восточную (куда включались терри-

тории Кабарды и Бесленея) и Западную (в которую входили Темиргой, Бжедугия, Хатукай, Абадзехия, Большая и Малая Шапсугия, Натухай, Убыхия и некоторые другие территории). Таким образом, Черкесия занимала всю западную и центральную часть Северного Кавказа, т.е. еще в середине 19 века адыги занимали, в числе прочего, современное черноморское побережье Кавказа.

История адыго-русских взаимоотношений насчитывает много веков.

В VIII—X веках адыги жили в Прикубанье, в том числе вблизи Тмутараканского княжества. Известен ряд военных походов (965, 1022) русских князей на адыгов-касогов, упоминаются они и в «Повести временных лет» и в «Слове о полку Игореве».

В Куликовской битве (1380-й г.) в войсках Мамай, в числе прочих сражались касоги (черкесы).

В 16 веке часть черкесских феодалов заключила военно-политический союз с Русским государством, а дочь главного князя Кабарды Темруко Идара Мария стала супругой царя Ивана Грозного.

Существуют гипотеза [См. Темботов А. «Анализ попыток создания адыгского государства»], что, кроме целей военного сотрудничества против Крымского ханства, кабардинцы (адыги-черкесы) при заключении военно-политического союза с Россией ставили еще цель повторения мамлюкского сценария, осуществленного адыгами в Египте. Мамлюки, т.е. офицеры и воины адыгского и тюркского происхождения, служившие арабским правителям Египта, тогда свергли их, и попросту захватили власть в стране. То же самое предполагалось сделать и в Московии. После женитьбы Грозного тысячи черкесов устремляются в Москву. Черкасская слобода в Москве насчитывает уже 400 дворов. Формально при Иване Грозном Россией 8 лет правил Симеон Бекбулатович, полу-черкес, внук отца жены Грозного Темрюка, от второй дочери, бывшей замужем за ханом Ногайской Орды. Реализации этого сценария в России помешала ранняя смерть наследника русского престола, рожденного адыгской княжной Марией. Но еще и после воцарения династии Романовых большое количество выходцев из Черкесии за-

нимали высшие должности в Боярской Думе и приказах.

После восшествия на престол Петра I Российская империя ставит основной государственной задачей выход к морям, как к северным, так и к южным — Черному и Каспийскому.

К концу 18 века область расселения адыгов (Черкесия) охватывала земли от Тамани на западе до восточного побережья Каспия на востоке, включала земли в бассейне Кубани и по Восточному Причерноморью на северо-запад от современного Сочи. Ещё в XV—XVI вв. часть адыгов, изначально живших на западе Кавказа, переселилась на северо-восток, где образовались феодальные княжества Большая и Малая Кабарда.

Датой начала Кавказской войны, точнее, современного, идущего и по сию пору её этапа, является 1763 год, когда на левом берегу реки Терек, на адыгских землях, русскими была заложена крепость Моздок. Крепость стала первым звеном Азово-Моздокской укрепленной линии, на которой, к тому же, были расселены казаки.

В результате русско-турецкой войны 1735-1739 г.г., по Белградскому мирному договору между Россией и Турцией в 1739 г. Большую и Малую Кабарду признали независимой от обеих империй — Российской и Османской.

Вполне естественно, адыги претендовали на суверенитет над своими землями.

Название Моздок происходит от кабардинского «мэз дэгу» — «глухой (тёмный) лес», и, как показала дальнейшая история, место оказалось так названным не случайно — ибо оно, видимо, обладало какими-то особыми свойствами.

Мало того, что основание Моздока стала той искрой, из которой запылал грандиозный пожар столетней Кавказской войны.

Именно Моздоком связана «точка невозврата» в цепи событий, ставших началом кровавой эпопеи пугачёвского восстания.

8 февраля 1772 года через Моздок проезжал никому неизвестный тогда казак Емельян Пугачев. Направлялся он в Петербург по поручению переселившихся на Терек донских казаков, чтобы передать в Военную коллегию просьбу об улучшении их положения и увели-

чения хлебного и денежного жалования. Для Пугачева это была, как оказалось, последняя попытка «встроиться в систему». Утром 9 февраля при выезде из Моздока он был арестован, посажен на гауптвахту и прикован цепью к стулу. На цепи он просидел три дня, после чего ему удалось бежать. А уже через год Пугачев объявился среди яицких казаков грозным предводителем народного восстания. (Буганов В.И..Пугачев. М., Молодая гвардия. Серия: Жизнь замечательных людей. 1984 г. С. 7).

Моздок был основана на землях, принадлежавших кабардинским князьям, переход одного из них в христианство (за это его наградили чином подполковника с приличным жалованием, золотой медалью и титулом князя Черкасского-Кончокина) и послужил русским формальным основанием и для «присоединения» его земель к Империи, и для строительства крепости.

Ни сам предлог, ни, конечно, факт аннексии не понравился кабардинцам, и они попытались восстановить статус-кво. Сам новоиспеченный князь Черкасский-Кончокин был заочно приговорен к смерти, его имущество объявлено вне закона, т.е. всякий мог его теперь ограбить, обратить в рабство его подданных, и увести скот.

Однако наступление на Кавказ рассматривалось в Петербурге как стратегическая необходимость ввиду длившихся не одно десятилетие русско-турецкий и русско-персидских войн.

Но новооснованная крепость отрезала черкесов от их пастбищ, соляных озер, нарушала традиционную систему землепользования.

Как пишет выдающийся русский историк Кавказской войны начальник генерального штаба Кавказской армии генерал-лейтенант Василий Александрович Потто:

«Русское правительство считало моздокское урочище вне кабардинских владений, основываясь на белградском договоре с Турцией, а кабардинцы присваивали его себе.... В 1764 году кабардинцы отправили в Петербург своих депутатов. ... Депутаты жаловались на стеснения, выявленные постройкой Моздока, основывая права свои на Моздокское урочище

тем, что они издавна пользовались там лесом и пастбищами. Им отвечали категорически, что это доказывает только снисходительность русского правительства, дозволявшего кабардинцам пасти свой скот. Однако же, желая смягчить хоть немного резкость такого отказа и вместе с тем задобрить кабардинцев, депутатам вручили в знак императорской милости три тысячи рублей для раздачи их на общем собрании народа всем владельцам и узденям в награду за помощь, оказанную при усмирении чеченцев в 1757 году. Отказ, объявленный депутатами на собрании народа, так раздражил кабардинцев, что они, не приняв трех тысяч рублей, удалились в верховья Кумы и, соединившись с закубанцами (т.е. тамошними адыгами-черкесами — А.Ш.), до конца 1779 года производили набеги на всем протяжении наших границ. И первый набег их в июне 1765 года отличался таким необычайным упорством и дерзостью, которые только и можно объяснить себе еще не остывшим раздражением, вызванным неудачей ходатайства. ... шесть недель стояли под стенами Кизляра, грабя и опустошая его окрестности». [Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и биографиях. Т. 1 Гл. IV. Генерал Медем (Кавказская линия с 1762 по 1775 год. СПб., 1885.)]

Начался первый этап Большой Кавказской войны — 14-летняя война с кабардинцами (1765- 1779 годы), во время которой Кавказская линия была продлена и образовано новое казачье войско — Моздокское, размещенное на землях Кабарды.

6 октября 1768 года вспыхнула очередная русско-турецкая война.

И уже в апреле 1769 года в районе Кубани отряды кабардинских князей объединились с отрядами западных адыгов и пошли походом на Моздок.

В этот момент регулярных русских войск на Кавказе было очень мало. Границы Империи защитили калмыки, чьи многочисленные улусы приняли живейшее участие в боевых действиях. Калмыцкий хан Убаша с 20.000 всадников выступил на встречу адыгского ополчения, двигавшегося на Моздок.

Битва произошла 29 апреля 1769 г. на р. Калаус.

«Калмыцкий хан Убаша, со всей своей двадцатитысячной конницей, стоял уже на берегах Калауса и зорко следил за противником.

Бой произошел двадцать девятого апреля. Небольшого роста, черномазые, безобразные, но ловкие, «как черти», калмыки превосходили своей воинственностью все азиатские народы и представляли собой противников опасных и грозных. Само собой разумеется, что бой при таких условиях должен был скоро решиться. Черкесы дали тыл, и калмыки надели на них, как дикие звери: они их рубили, резали, загоняли в болота, топили в Калаусе. Все пять знамен, множество оружия и панцирей, пять тысяч лошадей, обозы и вьюки — все это осталось в руках победителей.

Пленных взято было немного, немногие же успели бежать, а все остальные пали на поле сражения. На самом месте побоища Убаша велел тогда же насыпать курган и назвал его Курганом победы, а на той стороне Калауса, где кончилась битва, — другой курган, который был назван им Курганом пиршества».

В дальнейших боевых действиях главную силу составляли именно «двадцать тысяч калмыков, которые хотя не подчинялись ему (русскому командующему генералу И.Ф. де Медему — А.Ш.) непосредственно, однако же ему поставлено было в обязанность «командовать ханом, но так, чтобы это командование ему не было приметно». (Искусство, ныне полностью утраченное новыми русскими наместниками Кавказа). [Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и биографиях. Т. 1 Гл. IV. Генерал Медем (Кавказская линия с 1762 по 1775 год. СПб., 1885.)

В нескольких последующих кровопролитных столкновениях черкесы были разбиты окончательно, большая их часть присягнула на верность России.

Екатерина II придавала большое значение этим победам. В письме Вольтеру от 22 сентября 1769 года она радостно сообщила, что горцы приняли подданство России и в крае воцарился вечный мир.

...От Екатерины великой до Рамзана Кадырова тянется эта долгая череда реляций о «воцарении окончательного спокойствия на Кавказе»...

Но отдохнуть черкесы не дают; То скроются, то снова нападут.

Они, как тень, как дымное виденье, И далеко и близко в то ж мгновенье.

М. Ю. Лермонтов. «Черкесская песня». Полное собрание сочинений, том 2. Стр. 282. Гос. изд-во художественной литературы. Москва, 1956 г.

Несмотря на победные реляции генералов «Царя-Женщины» (как называли Екатерину II черкесы), присоединение Кабарды, начатое строительством Моздока, заняло 59 лет.

Лишь в 1822 году Кабарда была окончательно завоевана. «Победу русского оружия» дала лишь разразившаяся (возможно, специально вызванная) среди адыгов эпидемия чумы, она унесла 90% населения и от трёхсот тысяч жителей Кабарды осталось тридцать тысяч. [Рапорт гн. Дельпоццо Тормасову 16.04.1811]

Через семь лет настал черёд и западных черкесов.

В 1829 г. завершилась очередная русско-турецкая война 1828 -1829 гг.

Согласно четвертой статье Адрианопольского мирного договора Россия получила в «вечное владение» все восточное побережье Чёрного моря от устья Кубани до пристани святого Николая (южнее современного Поти) с крепостями Анапа, Суджук-кале (в 1839 г укрепление Суджук-Кале было переименовано в Новороссийск) и Поти, включая земли черкесов.

Приобретение было весьма сомнительным.

Мало того, что этот договор повлек за собой вмешательство Англии и Франции в кавказские дела против России, т.к. явился открытым нарушением лондонского договора от 6 июля 1827 года между Россией, Англией и Францией, по которому Россия обязалась не делать никаких попыток к территориальному расширению за счет Турции. Главное же, что, кроме указанных морских крепостей, Турция никогда не контролировала земли черкесов. Когда те узнали, что в каком-то неизвестном им Адрианополе неизвестные дяди передали их в русское подданство, то очень удивились.

Когда же русские попытались овеществить это подданство — черкесы взялись за оружие.

Федор Федорович Торнау, впоследствии генерал-лейтенант и писатель-этнограф, а в ту пору молодой офицер, вспоминает:

«Уступка, сделанная султаном, горцам казалась совершенно непонятною. Горцы говорили: «Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотим принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить».

Десять лет спустя, когда черкесы уже имели случай коротко познакомиться с русской силой, они все-таки не изменили своих понятий. Генерал Раевский, командовавший в то время черноморскою береговою линией, пытаясь объяснить им право, по которому Россия требовала от них повиновения, сказал однажды шапсугским старшинам, приехавшим спросить его, по какому поводу идет он на них войной: «Султан отдал вас в пеш-кеш, — подарил вас русскому царю». «А! Теперь понимаю, — отвечал шапсуг и показал ему птичку, сидевшую на ближнем дереве. — Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!» Этим кончились переговоры.

Очевидно было, что при таком стремлении к независимости одна сила могла переломить упорство черкесов. Война сделалась неизбежною. Оставалось только сообразить необходимые для того средства и отыскать лучший путь к покорению горцев, занимавших новоприобретенную часть Кавказа». [Ф. Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера». Гл. 1. М., 1865]

Николай I в рескрипте от 25 сентября 1829 г. на имя И.Ф. Паскевича, в то время главнокомандующего на Кавказе, повелевал:

«Кончив, таким образом, одно славное дело (войну с Турцией), предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Кончить это «другое славное дело» удалось, однако, не скоро.

Николай, во всяком случае, до этого мо-

мента не дожил.

Как не дожило еще несколько сот тысяч человек.

«Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Здешняя сторона полна молвой о их злодействах.

Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвижение.

Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таким народом?

Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением.

Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре. Кавказ ожидает христианских миссионеров» — писал Пушкин в первой главе «Путешествия в Арзрум».

Миссионеров, впрочем, никто не посылал, посылали пехоту, артиллерию и кавалерию.

Война была крайне тяжёлой и велась в крайне тяжёлых для русских условиях. Назва-

ния Пицунда и Гагра вызывали тогда ужас в России.

Служивший в Гагре в 5-м Черноморском батальоне писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, «Письма из Гагр»: «Не знаю, как-то перенесу я подлежащее мне испытание в Абхазии, куда я назначен. Батальон этот расположен в Гагре и Пицунде, в самых гробовых местах Черноморского побережья. Места эти имеют только морем сообщение между собой, и то чрезвычайно редко... Полтора комплекта в год поедается там цингою и лихорадками, и не было примера, чтобы кто-нибудь выжил там более 2-х лет или после 2-х лет возвратился бы без страданий до конца жизни, а жизнь коротка после Гагр».

С 1834 в течение пяти лет русские построили цепь береговых фортов, призванных полностью блокировать черкесов с моря. Среди прочих в 1838 году был заложен, на месте существовавшего минимум с VI-го века черкесского поселения, форт Александрия — теперешний город Сочи.

Официально Черноморская Береговая линия была открыта в 1839 году. Уже в 1840-м большая часть ее фортов была штурмом взята черкесами.

Из показаний выкупленного из плена казака Василия Корнеенко о взятии горцами Михайловского укрепления в 1840 году:

«Поутру, тотчас по пробитии зари, необозримая толпа горцев, вероятно, еще ночью залегшая под укрепление, мгновенно чикнула и бросилась на вал. Все строения вдруг загорелись, провиантские бунты и сараи подожжены были нашими. У казаков было по 30, а у солдат по 60 патронов, вскоре все были выпущены. Тут в одну минуту горцы выломали двери, влезли на бруствер и на крышу. Я был схвачен, и меня проводили через все сборище. И видел я между горцами множество наших дезертиров, которые все были вооружены и действовали с ними заодно. В это время последовал взрыв порохового погреба». [Цит. по: Б.И. Соболев. «Штурм будет стоять дорого... Кавказская война в лицах». М., 2001. Стр. 53-54.]

Этот взрыв прогремел тогда на всю Россию.

Рядовой Архип Осипов со словами «Пора,

братцы! Кто останется жив — помните мое дело!» бросил горящий фитиль в пороховой погреб и взорвал себя вместе с нападавшими.

Осипов впервые в истории Русской армии был навечно зачислен в списки полка. В приказе №79 военного министра А. И. Чернышева значит:ся:

«Для увековечения же памяти о достохвальном подвиге рядового Архипа Осипова, который семейства не имел, его императорское величество высочайше повелеть соизволил сохранить навсегда имя его в списках 1-й гренадерской роты Тенгинского пехотного полка, считая его первым рядовым, и на всех переключках при спросе этого имени первому за ним рядовому отвечать: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении».

Между прочим, одновременно с Осиповым в Тенгинском 77-м Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича пехотном полку служил Михаил Лермонтов.

Михайловское укрепление было переименовано в Архипоосиповку.

Ныне бывшая крепость превратилась в курортный поселок, на месте всеми забытых подвигов располагается санаторий и пансионат.

В течение первой половины 1850 года горцы нанесли еще ряд чувствительные поражения русским войскам. Весной 1851 года русские переходят в широкомасштабное контрнаступление.

Но во время Крымской войны, в конце апреля 1854 г., было решено «Черноморскую Береговую линию упразднить, форты взорвать, а гарнизоны снять», что и было исполнено в течение месяца. Лишь Анапа и Новороссийск оставались занятыми русскими войсками.

В 1859 г. война на Северо-Восточном Кавказе завершилась капитуляцией и пленением имама Чечни и Дагестана Шамиля.

Русские получили возможность сконцентрировать все свои силы против черкесов. Методы применялись примерно те же, что и в Чечне. Но война на Северо-Западном Кавказе против адыгов (черкесов) продолжалась еще пять лет.

Наконец, 21 мая 1864 года в урочище Красная Поляна близ Сочи, где тогда располагался адыгский аул Кбааде, а ныне — горнолыжный курорт, один из ключевых объектов Олимпиады, соединились четыре мощных русских отряда, завоевывавших Западный Кавказ с четырех разных направлений. День этой встречи, 21 мая 1864 года, и был объявлен днем окончания Кавказской Войны.

Расположенное на высоте 550 метров над уровнем моря, урочище Красная Поляна была древним культовым местом адыгов, там, в числе прочего, располагались древние родовые кладбища. Даже сейчас в Красной Поляне сохранились дольмены и развалины древних сооружений.

Место было символичным, и победители решили добавить еще и своей символики: именно здесь Великий князь Михаил Николаевич, брат царя, официально провозгласил об окончании Кавказской войны. Состоялись торжественный молебен и военный парад.

Территория, занятая адыгами, считали в Петербурге, имела ключевое значение и с геополитической точки зрения — как плацдарм для дальнейшего движения России на Юг.

Но опыт более чем столетних боевых действий на Кавказе показал, что горцы очень быстро оправляются от поражения, и буквально через несколько лет после «окончательного разгрома» вновь готовы к войне — причем войне той же степени интенсивности, что и до «поражения».

Но столетняя кавказская война и так стоила России очень дорого.

«В последние годы войны на Кавказе мы должны были держать громадные силы: пехоты 172 батальона регулярных, 13 батальонов и 7 сотен иррегулярных; конницы 20 эскадронов драгун, 52 полка, 5 эскадронов и 13 сотен иррегулярных, 242 полевых орудиях. Общий годовой расход на содержание этих войск достигал 30 млн. рублей» — вспоминал Дмитрий Алексеевич Милютин, в ту пору уже граф и военный министр.

В конце войны российская армия на Кавказе насчитывала 300 тыс. человек, ежегодные потери составляли по 30 тыс. человек. На войну уходила шестая часть всего государственного дохода. [Д. А. Милютин. Воспоминания.

1856—1860. М., 2004. С. 198]

Возобновления широкомасштабных боевых действий на Кавказе, да еще ввиду намечавшихся реформ, экономика Российской Империя просто могла бы не выдержать.

И царское правительство приняло решение: полностью очистить Западный Кавказ от горцев.

Впервые идея о выселении горцев Западного Кавказа была сформулирована еще в 1857 году тогдашним начальником главного штаба Кавказского корпуса Дмитрием Алексеевичем Милютиным в специальной записке «О средствах к развитию русского казачьего населения на Кавказе и к переселению части туземных племен».

В поздравительном письме от 21 мая 1864 г. Александру II по случаю окончания Кавказской войны наместник на Кавказе князь А. И. Барятинский предлагал:

«Без потери времени и, насколько возможно, выселять в Турцию горцев, а раз страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда». [Русский архив. 1890, кн. 3, с. 389, цит. По: Ф. Бадерхан. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иорданни (вторая половина XIX — первая половина XX века). М, Институт востоковедения РАН. 2001, с. 22]

Генерал-майор Ростислав Андреевич Фадеев (1824-1883), участник боев с черкесами, официальный военный историк (в 1860 г. по поручению главнокомандующем на Кавказе князе А. И. Барятинском он написал официальную историю Кавказской войны, вышедшую в свет под заглавием «Шестьдесят лет кавказской войны») и видный консервативный публицист первых пореформенных десятилетий [См. монография о нём: Кузнецов О.В. «Р.А. Фадеев: генерал и публицист». — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. — 182 с.], писал:

«Цель и образ действий в задуманной войне были совсем иные, чем покорение восточного Кавказа и во всех предшествующих походах. Исключительное географическое положение черкесской стороны на берегу европейского моря, приводившего ее в соприкосновение с целым светом, не позволяло ограничиться покорением населявших ее народов в обыкновенном значении этого слова. Не было другого средства укрепить эту землю за Рос-

сией бесспорно, как сделать ее действительно русской землей.

Меры, пригодные для восточного Кавказа, не годились для западного. Нам нужно было обратить восточный берег Черного моря в русскую землю и для того очистить от горцев все побережье.

Надобно было истребить значительную часть закубанского населения, чтобы заставить другую часть безусловно сложить оружие.

Изгнание горцев и заселения западного Кавказа русскими — таков был план войны в последние четыре года. Русское население должно было не только увенчать покорение края, оно само должно было служить одним из главных средств завоевания. Земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности (...)

Густые массы черкесского населения занимали равнины и предгорья: в самих горах жителей было мало. Главная задача черкесской войны состояла в том, чтобы сбить неприятельское население с лесной равнины и холмистых предгорий и загнать его в горы, где ему было невозможно долго прокормиться; а затем перенести к подошве гор самое основание наших операций (...)

Горцы потерпели страшное бедствие: в этом нечего запыряться, потому что иначе и быть не могло. Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа, потому только, что горцы не хотели покориться.

Надо было истребить горцев наполовину, чтоб заставить другую половину положить оружие. Но не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения — женщины, дети. Когда горцы скопились на берегу для выселения в Турцию, по первому взгляду была заметна неестественно малая пропорция женщин и детей против взрослых мужчин.

При наших погромах множество людей разбегалось по лесу в одиночку; другие забивались в такие места, где нога человека прежде не бывала». [Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа к редактору московских ведомостей. СПб., 1865]

Российские историки царской поры и участники тех событий писали вполне откровенно — жили они еще до эпохи политкорректности, во времена расцвета колониализма.

Так что тогда скрывать что-либо русские не считали нужным.

По официальным (и заниженным) российским данным из более чем миллиона адыгов (черкесов) погибло в войне свыше 400 тыс. человек, было выселено 497 тыс. человек, на исторической родине осталось около 80 тыс. Одну адыгскую народность пехов (убыхов) депортировали поголовно, кроме 14 селений, не ушедших в Османскую империю. Их объявили военнопленными и посемейно «распылили» в Костромской губернии по различным деревням.

Вот как описывает события 1863-1864 гг. офицер русской армии Иван Дроздов:

«В конце февраля пшехский отряд двинулся к речке Мартэ, чтобы наблюдать за выселением горцев, а если понадобится, так и силою выгонять их... Поразительное зрелище представилось глазам нашим по пути: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полубьюденные собаками; изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изнеможения и еще заживо сделавшиеся добычей голодных собак... Едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество; но только ужасом и можно было подействовать на воинственных дикарей и выгнать их из неприступных горных тущоб... Теперь в горах Кубанской области можно встретить медведя, волка, но не горца. ...Весь северо-западный берег Черного моря был усеян трупами и умирающими, между которыми сохранялись небольшие оазисы еле живых, ожидавших своей очереди отправления в Турцию». [И. Дроздов. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. 1877. Т. 2. С. 548].

Адольф Петрович Берже, российский археолог и исследователь Кавказа, в ту пору чиновник в канцелярии кавказского наместника и официальный историк Кавказской войны, прикомандированный к штабу командующе-

го русскими войсками фельдмаршала графа Н.И.Евдокимова, так описывал ход депортации в новороссийской гавани:

«Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между горцами эпидемия тифа и оспы делали положение их отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся со смертью, в то время как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупa матери. А подобных сцен встречалось немало...» [А. П. Берже. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. XXXIII, январь. С. 170].

«Живым и здоровым некогда было думать об умирающих; им и самим перспектива была не утешительнее; турецкие шкиперы из жадности наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочермы до Малой Азии, и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни... Едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество» [И. Дроздов. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. 1877. Т. 2. С. 548].

Официальная статистика, впрочем, неполна. Как писал тот же Берже,

«Число выселившихся душ... должно быть значительно более показанного, так как все переселенцы, отправляющиеся за свой счет на турецких кочермах из портов, нам не подвластных, большею частью остались неизвестны для официальных лиц, а это составляет весьма солидную поправку».

Османские официальные данные за 1865 г: только за этот год в Османскую империю прибыло 520 тыс человек. Всего депортация продолжалась почти 7 лет.

Положение адыгов, оставшихся в России, также было тяжёлым. Долгие годы кавказской войны вызвали крайнее ожесточение между ними и казаками, и теперь казаки мстили черкесам.

«Горцы до такой степени запуганы последними событиями, что не оказывают со-

противления никому и никогда, что бы с ними ни делали.

Казаки же не великодушны, и с черкесами сбывается басня об умирающем льве; всякий их топчет. От безнаказанных убийств до мелких оскорблений, побоев, захватов отведенной им земли им пришлось много вытерпеть. Как казаки вне дома вооружены, а горцы безоружны, то первым легко позволить себе насилие; побить без причины горца для многих составляет забаву. Когда горец приходит в станицу для продажи своих произведений, казак дает ему, что хочет, половину, четверть того, что он требует, и затем гонит его вон... Захваты земли производятся также без зазрения совести не только казаками, но войсками, которые выкашивают у горцев покосы, как сделал ставропольский полк и многие станицы по Кубани и Лабе, или даже хлеба, отданные им начальством, как сделал крымский полк... Бывают насилия и покрупнее. Я слышал о многих случаях убийства и разбоя, совершенных казаками над горцами» [Р. А. Фадеев. «Дело о выселении горцев», Собр. соч. СПб., 1890. Т. 2. С. 71]

«Кроме распада общественного быта закубанские черкесы испытали в последнее время такое невероятное нравственное потрясение, что им уже невозможно от него оправиться, они отданы во власть России как малые дети.

Понятия их до того спутались неслыханным разгромом, что они ничему не удивятся, что бы с ними ни сделали, и малейшее снисхождение примут как благодеяние. Едва веришь глазам, смотря, как черкес, несколько месяцев тому назад отчаянно прорывавшийся для грабежа сквозь тройной ряд военных линий, теперь на своей земле, в глухом лесу робко сторонится перед встречным крестьянином, мальчишка бьет его, и он не смеет отводить его ударов, чему я сам был свидетелем. Понимая бессилие свое для борьбы против русской империи, но не понимая еще своих прав русского гражданина, черкесы покорились постигшей их участи и безропотно переносят непрерывные притеснения и насилия от соседей своих казаков и всякого чужого человека. Даже глядеть они стали какими-то рабами польского пана. Подобной деморали-

зации никогда не было видно. Все нынешнее закубанское туземное население составляет запуганную толпу, которой правительство может дать какое угодно направление... Нечего больше опасаться напуганных и истер-

занных остатков черкесского населения». [Р. А. Фадеев. «Дело о выселении горцев», Собр. соч. СПб., 1890. Т. 2. С. 65].

Продолжение следует

AVRAHAM SHMULEVICH

Political scientist (Israel)

HISTORY OF THE RUSSIAN-CIRCASSIAN WAR

Summary

The last outbreak of hostilities between Russian troops and the Adyghe occurred in 1878. The deportation of the remaining Adyghe to Turkey did not cease until 1910, sometimes several thousand people per year. In 1888, 3,421 people were expelled, in 1890 - 9,153 people, in 1895 - 3,999 people. On March 9, 1857 (seven years before the end of the Caucasian War), the government of the Sultan adopted a law on the resettlement of the highlanders of the North Caucasus to the territory of the Ottoman Empire, which promised that: anyone wishing to move to Turkey will be under the personal protection of the Sultan; the lands provided to the settlers are exempt from all taxes; everyone who moves to Thrace is exempt from military service for 6 years, and to Anatolia - for 12 years. In 1860, three years after the adoption of this law, the Administration for Muhajir (Emigrant) Affairs was established in the Ottoman Empire [Fasih Baderkhan. «The North Caucasian Diaspora in Turkey, Syria and Jordan (the second half of the 19th - first half of the 20th century)». Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2001. p. 25.]. However, as a modern Russian historian, one of the leading experts on Adyghe history, Professor Anzor Kushkhabiyev writes: «On the Ottoman coast of the Black Sea, the Circassian exiles found themselves in rather difficult conditions. Local authorities, not expecting the arrival of such a significant number of Circassians, did not have time to provide them with temporary housing and a minimum of food. The exiles were housed on the coast in tents, empty barracks, etc. Fearing the spread of epidemic diseases among the local population, the authorities created quarantine camps along the coast where the Circassian exiles had gathered. Epidemic diseases (typhus, smallpox), food shortages, and inability to adapt to new climatic conditions caused the death of a significant number of exiles. The Ottoman authorities took certain measures to assist the Circassian exiles. State funds were allocated for their needs; a campaign to collect donations was launched. However, despite these measures, the assistance received by the exiles was insufficient and did not always reach their destination. According to eyewitnesses, in 1863-1864 the number of Circassian exiles who died in the Ottoman Empire amounted to over 100,000 people. According to official data from the Ottoman government in 1867, the number of Circassian exiles in the Ottoman Empire (excluding those killed) was 595,000 people.» Review of D. Syromyatnikov's article «War as a means of constructing a nation.»

A Circassian officer of the Turkish army, Nuri, who endured the hardships of emigration, later recalled: «... We were thrown like dogs into sailboats; suffocating, hungry, ragged, sick, we awaited death as the best for our fate, nothing was taken into account: neither extreme old age, nor illness, nor pregnancy!

All the money that your (Russian) government allocated to support the settlers, it all went somewhere, but where? We didn't see them, we were treated like cattle, we were dumped on common beds by the hundreds, without distinguishing who was healthy, who was sick, and thrown out on the nearest Turkish shore. Many of us died, the rest were stuck wherever they could.»

Soon after, Generals Nuri Pasha and Yusuf Izzet Pasha, having formally resigned from the Ottoman army, took up the posts of commanders-in-chief of the armed forces of Azerbaijan and the North Caucasus, respectively. Many of the officers and soldiers under their command also expressed their willingness to remain in the Caucasus, having concluded military contracts with the aforementioned republics.

BEZHAN KHORAVA

Doctor of History, Professor, The University of Georgia (Georgia)

DAZMIR JOJUA

Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)

**MULTICULTURAL GEORGIA: THE TERRITORIAL AND IDEOLOGICAL
FOUNDATION FOR CAUCASIAN UNITY**

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.08>

From ancient times, Georgia has been home to representatives of diverse ethnicities and ethnocultural groups. Periodic migrations of Greeks, Jews, Armenians, Persians, Turkmens, and others, along with centuries-long interactions with them, constitute one of the main trends in the development and building of nation-state of Georgia.

The first Greek settlements in Georgia are linked to the intensive colonization of the Black Sea coast by the Greeks (VIII-VI c. BC). Modern Greeks are primarily the so-called Pontian Greeks, who emigrated from the north-eastern regions of the Ottoman Empire. Their first settlements appeared in Georgia from the 18th century onwards (Kurshavishvili, 1959: 281-285, 297; Kaukhchishvili, 1942: 219-239; Pashaeva, Komakhia, (1), 2008: 149-162).

Ancient Georgian historiography associates the arrival of Jews in Georgia with the conquest and destruction of Jerusalem by King Nebuchadnezzar II of Babylon in 586 BC: "... King Nebuchadnezzar conquered and destroyed Jerusalem and Jews fled to Georgia" (Qartlis ckhovreba, 1955: 15). Subsequent waves of Jewish exiles came to Georgia, including after the siege of Jerusalem by Roman Emperor Vespasian in 70 AD. It appears that a Jewish colony existed in Mtskheta during the Hellenistic period from at least 169 BC (Melikishvili, 1970: 452-453; Davarashvili, Tsagareishvili, 2008: 90-103; Topchishvili, 2015: 183-184).

The Armenian population emerged in Georgia from the beginning of II century BC. Armenia and Georgia have had close relations since then. Armenian statehood was brought to an end in XI century, and by XVI-XVII centuries, historical Armenian territories were divided between Persia and the Ottoman Empire, leading many Armenians to seek refuge in Georgia due to national-political or religious persecution (Janiashvili, Komakhia, (1), 2008: 104-127;

Topchishvili, 2015: 184-188).

After the fall of the Byzantine Empire, Christian communities of the Near East, including Assyrians, considered Georgia their homeland. A small wave of Assyrians, persecuted by Muslims, must have settled in eastern Georgia during that period. In the second half of XVIII century, Assyrians fleeing the Near East were resettled in Kakheti by King Erekle II. Several more waves of Assyrians arrived in Georgia in XIX-XX centuries (Abashidze, Komakhia, 2008: 198-209).

After centuries-long relations with Persians, Arabs, and Turks, representatives of these peoples were coming to settle in Georgia. Kurds and Turkmens settled in Georgia during the late medieval period. Kurdish tribes appeared in southern part of Georgia, Meskheta, from XVI century. They were mostly Muslims. Some Kurdish people, namely Yazidis, were accepted by the Government of Georgia in 1918, during World War I (1914-1918) due to the fact that they were persecuted by the Turks and a part of the Muslim Kurds on religious and political grounds. From the early XVII century, Turkmen tribes (Borchalu, Hasanlu, Nasibu, Baidari, Demurchi-Hasanlu) settled in Kvemo Kartli and Kakheti. Later, they started to gradually integrate into the Georgian feudal system and have since actively participated in the life of the Georgian state (Pashaeva, Komakhia, (2), 2008: 163-173; Janiashvili, Komakhia, (2), 2008: 128-148).

Ethnic groups settled in Georgia preserved their languages, customs, traditions, and cultures. Georgia became their destination because they were well aware that they would not be deprived of their identities in this country. Alongside Georgian Orthodox churches, there have been synagogues, Armenian churches, mosques, and even a fire temple - Atashgah in Georgia (Religions in Georgia, 2008).

The Georgians enjoyed special relations with

Caucasian peoples.

In X-XIV centuries, Georgia had significant political and cultural influence over the peoples of the North Caucasus, such as people from Lesser Abkhazia (Abaza-Adyghe people), Kasogs (Circassians), Alans-Ossetians, Durdzuks (Vainakhs), Khunzakh people and the Lezgians (Avars and other peoples living in Dagestan). These peoples fell within Georgia's sphere of influence. The Georgian state sought to closely connect these peoples to Georgia by introducing them to and spreading the Georgian language, Christianity, and Georgian culture among them.

Following the devastating Mongol-Tatar and Tamerlane invasions in XIII-XIV centuries, the ethno-political situation in Fore-Caucasus changed dramatically. Indigenous populations were forced to cede the plains of Fore-Caucasus to the invaders and flee to the inaccessible to enemies and at the same time incommensurable mountains. "The population of Fore-Caucasus, suffering from the scarcity of resources in the incommensurable mountains, tried to occupy and settle in the Georgian lands at the foot of Greater Caucasus" (Berdzenishvili, 1940: 287). The raids of the Mongols and Tamerlane brought about disastrous consequences for Georgia: the country suffered dramatic casualties, cities and villages were devastated, and internal feudal conflicts exacerbated. In the second half of XV century, the Kingdom of Georgia fragmented into the kingdoms of Kartli, Kakheti, and Imereti, and the Principality of Samtskhe. In XV-XVI centuries, Georgia found itself bordered by extremely aggressive Muslim states: the Ottoman Empire from the southwest and Safavid Iran from the southeast. These powers fought for dominance in the Near East and for the conquest and subjugation of Georgia. Georgia became a battlefield of constant struggles. The resettlement of Caucasian highlanders - Vainakhs and Dagestanis - in Georgia took place in this period.

The migration of the Vainakhs to Georgia dates back to ancient times. According to «The Georgian Chronicles,» the second king of Kartli, Sauromaces, brought the Durdzuks and settled them in the country (Qartlis ckhovreba, 1955: 27). After the Mongol invasions in XIII century, the Vainakhs retreated to the mountains and mingled with the Georgian highlanders. Georgian highlanders—Mokheves, Mtiuls, Pshavs, Tushs, and Khevsurs - referred to their neighboring Chechens and Ingush as the Kists and their country as Kistet (Shavkhelishvili,

1980: 68-72; Khangoshvili, 2005: 25, 240-248, 263). In XVIII-XIX centuries, the Vainakh tribe of the Kists settled in Georgia (Khangoshvili, 2005: 279, 300, 303). The Kists living in Georgia consider themselves Chechens, although they are from the mountainous region of modern Ingushetia, from the valley of the River Armkhi (Kistetistskali) (Khangoshvili, 2005: 25). The Kists living in Georgia have preserved their customs, language, and religion (Khangoshvili, 2005: 25; Albutashvili, 2005).

In the late Middle Ages, starting from XVII century, Dagestanis began to settle in Georgia.

The traditional Georgian name for the Dagestanis is the Lekians [the Lezgians]. In Georgian historical literature mountainous Dagestan, or Avaria, is referred to as Khundzeti/Ghundzeti, and its inhabitants, the Avars, are known as Khundzis/Ghunzis.

Starting from XVI century, Dagestan, which used to be under Georgian influence and subjugation, began to launch attacks against Georgia. Until the end of XVI century, the Kingdom of Kakheti managed to effectively repel them. Under these conditions, Dagestanis settled in the eastern part of Kakheti, historical Hereti, on the condition of serving the kings of Kakheti as serfs. King Levan of Kakheti (1520-1574) «brought the Lezgins and settled them in Pipineti» (Vakhushti Batonishvili, 1973: 575). Once the Lezgins settled there, Pipineti became known as Chari. Tired of economic hardship, Dagestani Lezgins would come to Kakheti, settle there and start serving some nobles as serfs. Meanwhile, episodic attacks by Dagestani people that began in XVI century intensified in XVII century. This process is known as Lekianoba*. These were small-scale attacks by Dagestanis on Georgia, aimed at looting property, livestock, crops, and taking people captive, and later at conquering settlements and levying tribute on the subjugated population. After the campaigns of Shah Abbas I of Persia in Georgia in the early XVII century, Lezgins began to settle on the deserted lands of eastern Kakheti. Gradually, the local Georgian population converted to Islam and became assimilated with the Lezgins, while others were sold as captives by the Lezgins. In XVIII century, Avar and Tsakhur Lezgins formed so called «free communities» of Chari, Belakani, Tali, Katekhi, Matsekhi, Mukhakhi, Mamrukhi,

* The term is derived from Leki, by which the Georgians knew the Lezgin people.

and Gogami, in eastern Kakheti (Berdzenishvili, 1966: 263-270; Botsvadze, 1968: 82-130).

It is noteworthy that Georgian feudal historiography viewed the Dagestani raids as a form of internal feud. According to the Georgian national concept, Lezgins were also considered Georgians, albeit ones who had deviated from Georgian customs. This is why King Alexander II of Kakheti (1574-1605) lamented the alienation of «serfs serving them for thousand years». The invasions of Lezgins were explained by cultural differences and the disruption of economic relations. According to Prince Vakhushti, all Caucasians were considered «Georgians.» In the Middle Ages, the term «Georgian» or «Georgian by kin» referred both to those who were ethnically Georgian and those who were culturally Georgian. Cultural Georgian identity did not imply the levelling of language, ethnicity, religion, customs, and traditions; on the contrary, protection and preservation of these cultural values was guaranteed within the Georgian state.

Today, Dagestanis still reside in Kakheti and have preserved their language, religion, customs, and traditions (Jalabadze, 2008: 174-183).

The beginning of the Ossetians movement into and the emergence of their first settlements in Georgia is linked to Mongol dominance in the North Caucasus. Ossetians appeared in Georgia in the 1270s and, with the help of the Mongols, attempted to settle there, occupying Gori and beginning to plunder and devastate Kartli. In the 1330s, King Giorgi the Brilliant of Georgia (1318-1346) defeated the Ossetians and drove them beyond the Caucasus Mountains (Лордкипанидзе, Отхмезури, 2015: 31).

Following the Mongol-Tatar and Tamerlane raids on the plains of Fore-Caucasus inhabited by the Ossetians, the Ossetians retreated to the Caucasus mountains. They fought for and occupied their new settlements west of the Terek River, exterminating or assimilating the local population, including the Georgian Dvali tribe, who lived in the upper reaches of the Ardoni River in the historical Georgian province of Dvaleti. Living in the mountains without access to the plains has never been possible; thus, the Ossetians, who were denied the access to the plains of Fore-Caucasus, gradually began to move into Shida Kartli and near the headwaters of the Rioni River tributaries (Лордкипанидзе, Отхмезури, 2015: 31-34; Гвасалиа, 2015: 59-62; Топчিশвили, 2015: 202-217).

The first Ossetian settlements in the

mountainous regions of Shida Kartli, at the sources of the Greater Liakhvi River, emerged in XVII century. «No Ossetians could be found in Upper Java,» notes a Georgian document of the 1660s (Dokumentebi, 1940: 364). Despite the developments, the process of resettlement of the Ossetians in Shida Kartli mainly proceeded peacefully. They would come as asylum seekers - whole families, or villages, and communities, settling in the estates of Georgian nobles as landless highlanders. Prince Vakhushti wrote about them: «As for the places, where the Ossetians are being registered, they had been initially settled with Georgian peasants. Later, the Ossetians were resettled in these places, and the Georgians moved to the plains, as the plains were depopulated due to invading enemies» (Vakhushti Batonishvili, 1973: 363-364).

Georgians and Ossetians generally enjoyed peaceful co-existence, disputing only with their landlords and demanding a reduction in feudal duties.

In the late Middle Ages, Ossetian literary language was Georgian, and they were educated mainly in this language. The situation changed after Russia conquered Georgia in XIX century, making Russian the language of education for Ossetians, which was accompanied by other negative consequences.

The term «Ossetia» first appears as the name for the mountainous areas settled by Ossetians in the valleys of Greater and Lesser Liakhvi Rivers in a report to the Russian Emperor dated March 26, 1802, by Governor General of Georgia, Karl Knorring. Subsequently, in the period of 1802-1837, in various reports by different representatives of Russian Empire, the mountainous region of the Liakhvi River settled by Ossetians was often referred to as «Грузинская Осетия» [«Georgian part of Ossetia»], «Карталинская Осетия» [«part of Ossetia situated in Kartli»]. Since 1830, the binary terms: «Южная Осетия» [«South Ossetia»] and «Северная Осетия» [«North Ossetia»] became established, and in 1842, «Осетинский округ» [«District of Ossetia»] was created in the territory of Georgia (Songhulashvili, 2009: 86-87); Лекишвили, 2015: 206-218).

In 1918, Georgia regained its independence and established the Democratic Republic of Georgia. A faction of the Ossetians, forming the «National Council of Ossetians,» demanded cultural autonomy from the Government of Georgia. The Government of the Democratic

Republic of Georgia was willing to grant local autonomy to the Ossetians and was prepared to create Java District, where the Ossetian language would be used alongside the Georgian language and the language of school education could be optional - Georgian or Ossetian. However, the Ossetians refused to accept the offer, as they wanted Russian-language schools. The Government of Georgia planned to let the Ossetians decide the issue related to Java District and the Ossetian cultural autonomy through a democratic survey, but was overthrown before being able to implement the plan.

Ossetian Bolsheviks fought to make the lands inhabited by the Ossetians part of Soviet Russia. The first uprising occurred in February 1918, during the rule of the Transcaucasian Sejm. Later, the Caucasus Regional Committee of the Russian Communist Party established the South Ossetian Revolutionary Committee (Revcom) in Vladikavkaz on March 23, 1920, tasking it with organizing an uprising against the Democratic Republic of Georgia. In April 1920, an uprising began in the upper reaches of the Liakhvi River, involving units from the North Caucasus. The rebels captured Tskhinvali and declared the Republic of Ossetia, requesting being included in Soviet Russia. The North Caucasian units treated the local Georgian population violently; therefore, when the Georgian authorities recaptured Tskhinvali and expelled the Bolshevik forces, some Ossetians fled with them, fearing retribution (Лордкипанидзе, Отхмезури, 2015: 39-42; Джанелидзе, (1), 2010: 366-381).

In February 1921, units of the Russian Red Army captured Tbilisi. On March 5, Red Army units, led by Ossetian Bolsheviks, entered Tskhinvali. The South Ossetian Revolutionary Committee (Revcom) raised the issue of creating an Autonomous Republic of Ossetia before the Georgian Revolutionary Committee (Revcom). Ossetian Bolsheviks claimed a number of Georgian and Georgian-Ossetian villages in addition to Tskhinvali. On July 20, 1921, the Government of the Georgian SSR declared Java the administrative centre of South Ossetia, but with the support of the Caucasus Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party, the South Ossetian Autonomous Oblast was established on April 20, 1922, with Tskhinvali as its centre. The Oblast covered 3,800 square kilometers, including not only the northern part of Shida Kartli but also the middle and upper reaches of the Ksani, Lekhura, Greater and

Lesser Liakhvi rivers, the upper reaches of the Prone River, a significant part of the Ptsi River Valley, and the sources of the Kvirila and Dzirula rivers (Тоидзе, 2015: 231-246; Джанелидзе, (2), 2010: 366-381). Later, many Ossetians dispersed and settled throughout almost all of Georgia.

Thus, the situation created in Shida Kartli in XIX century laid the groundwork for naming the territorial-administrative unit created by the Bolsheviks «South Ossetia.» It is noteworthy that South Ossetia was created at a time when no Ossetian administrative-political unit existed in the North Caucasus. The North Ossetian ASSR was established only in 1924 (Лордкипанидзе, Отхмезури, 2015: 41).

The Abkhazians mainly live in the Autonomous Republic of Abkhazia. The contemporary Abkhazians (Apsua) belong to the Abkhaz-Adyghe ethnic group. Their language, Abkhazian, belongs to the Northwest Caucasian branch of the Ibero-Caucasian language family.

Until the late Middle Ages, Abkhazians were ethnoculturally similar to the populations of other historical provinces of Georgia and actively participated in the formation of the Georgian state and culture. In the late Middle Ages, the resettlement of mountain-dwellers (Apsua) from the western Caucasus in Abkhazia led to significant ethnic changes in the region. The modern Abkhazian ethnic group emerged as a result of the amalgamation of these mountain-dwellers and the local Georgian population (Beradze, Khorava, 2007: 7).

Apart from the Autonomous Republic of Abkhazia, a small number of Abkhazians (about 2,000 people) have lived in Batumi and its surroundings (in the Autonomous Republic of Adjara) since their deportation by Russian authorities in 1864. These Abkhazians living in Adjara have preserved their customs, language, and religion.

Starting from XIX century, with the establishment of Russian rule in Georgia, the process of separating the Abkhazians from Georgia and the Georgian ethno-cultural world has been underway. Russia began to cultivate a pro-Russian intelligentsia in Abkhazia and to instil anti-Georgian sentiments among the Abkhazians. There were attempts to undermine the cultural-historical unity between the Georgians and the Abkhazians, particularly targeting the Georgian language, which formed the basis of this unity. This objective was furthered by introduction of church Slavonic as the language of church

services in Abkhazian churches, as well as by establishing a Cyrillic-based script for written Abkhazian language in 1862 (Khorava, 2007: 256-257). This script was intended not for cultural but political purposes, as recognized by Russian officials. E. Weidenbaum, a member of the Caucasus Viceroyalty, wrote: «The Abkhazian language, which has no script or literature, is doomed to disappear sooner or later. The question is, which language will replace it? We should ensure that cultural ideas and concepts should be disseminated not in Georgian, but in Russian. Therefore, I believe that the establishment of the Cyrillic-based Abkhazian script should be treated not as an end in itself but as a means to weaken the use of the Georgian language at church and schools and gradually replace it with the state language» (Анчабадзе, 1970: 96).

After Georgia regained its independence in 1918, the newly elected People's Council of Abkhazia adopted an Act on Autonomy on March 20, 1919 (Гамахария, Гогия, 1997: 435). This act allowed Abkhazia to join the Democratic Republic of Georgia with the right of autonomous conduct of local affairs.

Following the Soviet Russia's occupation and annexation of Georgia in February-March 1921, separatism movement significantly intensified. Abkhazians and Ossetians were granted the right to autonomous governance, which served as an obstacle to the National Liberation Movement in Georgia and Georgia's exit from the Soviet Union. Additionally, this autonomy was a tool for Russification. For Abkhazians and Ossetians, the Russian language became the language of education, culture, literacy, communication, and public affairs.

Georgia was the hub of a unified Caucasian geo-civilization, and the Georgian culture was the foundation of the idea of the Caucasian Unity. The Georgian language and Orthodox Christianity formed the historical mortar that helped to keep together a multicultural but, from the viewpoint of civilization, a unified complex in the Caucasus. Therefore, the peoples of the Caucasus never ceased striving to establish close political and cultural relations with Georgia.

In 1920, the ruler of Avaria, Kaitmaz Alikhanov, applied to the Government of Georgia with a request to incorporate his country into Georgia. On June 2, he wrote to Evgeni Gegechkori, Foreign Minister of the Democratic Republic of Georgia: «The bloody chaos brought to the North Caucasus first by the volunteers and

then by the Bolsheviks has dragged the people of Dagestan, the Avars, into a vicious circle... The Avars, who see and understand all this, on the one hand, and on the other hand, do not forget that Avaria was an inseparable part of Georgia before the invasions of Tamerlane from Samarkand, look at the Georgian people through hopeful eyes... To this end, a meeting of all influential figures of Avaria was held under my chairmanship. The participants of this meeting concluded to address Georgia, asking it to accept Avaria as part of Georgia on autonomous principles, meaning that foreign policy, military affairs, finances, and education should be common, while our self-government and judicial matters should be based on Sharia» (Central Historical Archive of Georgia, f. 1864, c. 25; Джавахишвили, 2005: 40-41).

Kaitmaz Alikhanov was sent to Tbilisi to inform the Government of Georgia about the «will of Avar people and to learn about the viewpoint of Georgian people on this matter.» However, the Government of Georgia failed to fulfil the Avars' request at that time.

In 1920-1922, the Udi ethnic group relocated from Azerbaijan to Georgia due to prolonged feud between the Azerbaijanis and the Armenians. Udi people are considered one of the surviving tribes of Albania. Currently, they live in the village of Zinobiani (Kvareli Municipality) in Georgia and in the villages of Vartashen and Nij in Azerbaijan. The Udis who settled in Georgia have preserved their native language, Orthodox Christianity, and traditions (Jeiranishvili, 1971: 5-6; Sharabidze, Komakhia, 2008: 210-222).

In January 1925, the first Congress of Soviets of North Ossetia considered the issue of unifying the two Ossetias by joining Georgia. On July 15, 1925, at the session of the Central Executive Committee of the Georgian SSR, Chairman of the North Ossetian Autonomous Oblast Executive Committee, A. Takoev, addressed the audience and, in his brief speech, noted that supporting this issue would be an indicator of the «correct and sound resolution of the painful national question» of the Ossetians. The session adopted a resolution on the unification of South and North Ossetia, but owing to Moscow's intervention, this plan remained unrealized (Songhulashvili, 2009: 124-126).

Georgia has always been a source of hope during the political unrest among the Caucasian peoples. In March 1930, an anti-Soviet uprising began in Didoeti, Dagestan. Dido (Tsez) people

were dissatisfied with their cultural and socio-economic conditions under the Russian SFSR, exacerbated by the forced pace of collectivization. One of the rebels' demands was joining Georgia. Dido (Tsez) people blocked entrances to Didoeti. The authorities responded by isolating the region with military units and securing the roads and mountain passes leading to Georgia and north-eastern part of Dagestan. On April 7, 1930, a secret telegram was sent from Makhachkala to Moscow, signed by A. I. Muravyov, Secretary of the Dagestan Regional Committees of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks), and I. V. Korkmasov, Chairman of the Council of People's Commissars of the Dagestan ASSR. The telegram read: «The rebels sent a delegation to Tbilisi to negotiate the unification of Didoeti with Georgia.» A delegation of Dido (Tsez) people travelled to Tbilisi, expressing the people's desire for 40 Dido villages to join Georgia (Россия XX век. Лубянка, 2003: 241-242, 243).

The Political Bureau (Politburo) of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks) adopted a special resolution on April 10, 1930, «On the Didoeti District.» The authorities rejected the proposal of the Dagestan Regional Committee to take military and political measures to suppress the uprising in Didoeti and instead opted for a gradual suppression by isolating the area from the outside world and causing internal decay (Россия XX век. Лубянка, 2003: 243).

On October 12, 1943, the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR abolished the Karachay Autonomous Oblast. On November 2, 1943, the Karachay people were deported, followed by the deportation of the Chechens and Ingush from the Chechen-Ingush ASSR on February 23, 1944, and the Balkars from the Kabardino-Balkar ASSR on March 8-10, 1944, to the Soviet republics in Central Asia and Kazakhstan (Россия XX век. Сталинские депортации, 2003: 389, 438).

The Uchkulansky District of the former Karachay Autonomous Oblast and part of the Mikoyanovsky District were transferred to the Georgian SSR. A new administrative unit, the Klukhorsky District, was established in the territory, with its center in the town of Klukhori (Natmeladze, Daushvili, 2004: 235; Beradze, Topuria, Sanadze, Khorava, 2013: 110). On March 7, 1944, the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR abolished the Chechen-Ingush ASSR. Part of the lands belonging to

the autonomous republic was transferred to the Georgian SSR: the Itum-Kalinsky District was renamed Akhalkhevi District, and some of its lands became part of the Kazbegi District. The lands of the former Chechen-Ingush ASSR were also distributed among the Stavropol Krai, the Dagestan ASSR, and the North Ossetian ASSR. Thus, the Georgian SSR received part of the Jeirakh Valley (the Armkhi River Valley or Kistetistskali) and part of the Assa River Valley, as well as part of the Argun River Valley (Itum-Kalinsky District). Approximately 25,000-35,000 Ossetians and Georgians resettled from the territory of Georgia in the former Ingush territories. On April 8, 1944, the Kabardino-Balkar Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR) was renamed to the Kabardian ASSR. After the deportation of the Balkars, their lands, including the southwestern part of the Elbrusky and Nagorny districts, were annexed to the Zemo Svaneti District of the Georgian SSR. Over 5,000 Georgians were resettled in the Klukhorsky District from the regions of Georgia, which suffered from a shortage of usable land area, such as mountainous regions of Racha and Svaneti (Россия XX век. Сталинские депортации, 2003: 439; Natmeladze, Daushvili, 2004: 232-236; Lobzhanidze, 2005).

On March 10, 1955, the Presidium of the Supreme Soviet of the Georgian SSR issued a resolution transferring the territory of the Klukhorsky District to the Russian SFSR. Other annexed lands were also transferred from the Georgian SSR to the Russian SFSR. On December 11, 1957, a law was issued confirming the resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the Georgian USSR on the restoration of national autonomies for Balkar, Chechen, Ingush, and Karachay peoples.

Thus, in 1957, the Karachays, Balkars, Chechens, and Ingush returned to their homelands. The Georgians warmly welcomed them and peacefully transferred the lands to their original owners, assisting them in settling down, generously leaving behind well-maintained yards, gardens, livestock, and provisions. The Georgians respected the cultural monuments and tended to the graves of ancestors of the original owners of the lands. Notably, during this period, Georgians did not bury their deceased in foreign lands. All this fostered goodwill towards the Georgians among the peoples of the Caucasus (Lobzhanidze, 2005: 73, 461-465, 473-476; Eradze, 2009).

In early 1991, the Ingush public-political organization «Niiskho» (Justice) led debates with the participation of broader public and concerning the issue of whether Ingushetia should remain as part of Chechnya in a single republic, create an autonomous republic within the Russian SFSR, or join Georgia. It is worth noting that the leader of «Niiskho,» Isa Koazoy (Kodzoev), attended a meeting held in Kazbegi on March 23, 1991, between Boris Yeltsin, Chairman of the Supreme Soviet of the Russian SFSR, and Zviad Gamsakhurdia, Chairman of the Supreme Council of the Republic of Georgia. Yeltsin made a special trip to Ingushetia and promised the Ingush his support for the creation of an Ingush ASSR within the Russian SFSR, the adoption of a special law on the rehabilitation of repressed peoples, which would consider the Ingush's interests. Consequently, the Republic of Ingushetia was established within the Russian Federation (as reported by M. Chukhua). On April 26, 1991, the Supreme Soviet of the Russian SFSR adopted the law «On the Rehabilitation of Repressed Peoples,» which included provisions for the rehabilitation of repressed peoples and the «restoration of territorial integrity» of the repressed peoples. However, the provisions of the law, specifically regarding the «restoration of territorial integrity,» were not implemented for the Ingush (Анчабадзе, 2002: 110).

In 2010, Dido (Tsez) people repeatedly requested to join Georgia. In December, 2010, during his visit to Georgia, a representative of Dido (Tsez) people, Mohammed Ramzanov, voiced this request while addressing the members of the Diaspora and Caucasus Issues Committee of the Parliament of Georgia. Dido (Tsez) people were dissatisfied with their cultural and socio-economic situation within the Russian Federation. According to Mohammed Ramzanov, approximately 40,000 Dido (Tsez) people lived in Didoeti, and 15,000 of them had signed the request for their territories to become part of Georgia. He presented this documentation to the Parliament of Georgia (<http://1tv.ge/ge/news/view/20953.html>), confirming that the majority of adult Dido people desired to join Georgia. However, no decision acceptable to Dido (Tsez) people could be made. Shortly after returning home, Mohammed Ramzanov was murdered.

Despite North Caucasians' active support of the separatists during the 1992-1993 War in Abkhazia, the enemy image of Abkhazians, Adyghe (Circassians), Chechens, or Dagestanis

have never been present among the Georgians (the Ingush, Balkars, and Karachays did not participate in this conflict). Notably, in recent times, the attitude of North Caucasians towards Georgians has radically changed for the better: Chechens have become more benevolent towards Georgians, often expressing sentiments such as «no other nation in the world has ever been closer to us than Georgians.» A similar attitude exists among Circassians. Traditionally, the Ingush and Karachay-Balkars have been well-disposed towards the Georgians.

For centuries, Georgia, as a unique bridge between civilizations, has been distinguished by ethnic and religious tolerance. There has never been a recorded conflict on religious or ethnic grounds in the history of Georgia. As for the conflicts in Abkhazia and the Tskhinvali region, it is clear that they were instigated from outside by the country that occupied these regions. The Abkhazians and the Ossetians had all conditions for preserving and developing their national culture within Georgia, but they chose a different path. Despite Kremlin-supported Abkhazian and Ossetian separatism, the peoples of the Caucasus have never stopped viewing Georgia as a guarantor for the preservation of their ethnic, linguistic, and religious identities and supporting their cultural and socio-economic development. Hence, the Avars (1920), North Ossetians (1925), Ingush (1991), and Dido (Tsez) people (1930, 2010) sought to join Georgia, seeing in this step a guarantee for preserving their national identity.

Despite the physical-geographical, ethnic, linguistic, and religious-cultural diversity, the Caucasus remains a unified geographical and cultural-civilizational entity. This perspective often raises questions, especially considering the history of the region replete with internal conflicts, tensions between autochthonous and migrant ethnic groups, active armed involvement of North Caucasians and their support for the separatists during the 1992-1993 War in Abkhazia, territorial crises between Armenia and Georgia and Armenia and Azerbaijan, the clash of seemingly incompatible «values,» etc.

In spite of the fact that the region is characterized by ethnic heterogeneity and a multi-layered historical, cultural and religious structure, this diversity provides a fundamental foundation for a continuum of common Caucasian historical-cultural roots and values, which serves as the basis for the idea of Caucasian unity across all epochs and geopolitical structures.

The unity of the Caucasus can be viewed through the lens of geo-civilization. Geo-civilization is defined as a local, regional historical-cultural system, bound together by fundamental values inherent to the ethnic groups living and states existing in that region. Geo-civilization is also a variable of geopolitical analysis, where the emphasis is placed on the common genetic origin and geo-cultural and spatial-territorial "bonds."

The concept of the Caucasus is tied to the idea of a certain unity that stands above its constituent nations and relevant states, languages, or religions. Thus, it represents a supranational, supra-confessional, and supra-state unity, which should establish its identity in relation to the «non-Caucasian.»

«Caucasia» was first and foremost created within the «Caucasian ideology,» in the understanding of the Iberian-Caucasian unity. Iberian-Caucasian ideology is the realization of the idea of Caucasian unity. Therefore, the Caucasus is primarily an idea. The idea of the Caucasus has proven to be robust and historically stable, as it has withstood numerous attacks, from nomadic barbarian invasions to Russian imperialism. The resistance against these attacks had been generated by the Iberian-Caucasian ideology and the common historical memory of the Caucasian peoples and ethnic groups.

The core idea of Iberian-Caucasian ideology and common Caucasian historical memory lies in the belief that Caucasians share a common genetic origin and a single line of historical development. This concept has linguistic, ethno-genetic, anthropological, and historical layers that together form a single structure: the connection between Kartvelian, Abkhaz-Adyghe, and Nakh-Dagestanian language systems and a common lexical fund; the genetic kinship of indigenous ethnic groups; racial-anthropological unilateralism, expressed in the Mediterranean race being part of the Balkan-Caucasian type (with local anthropological subtypes - such as Adyghe, Western Caucasian, and Pre-Asian subtypes - showing varying degrees of difference); convergence of major trends in historical development and shared historical fate. These are the foundations for Caucasian unity and identity. Medieval Georgian historical ideology is focused on these foundations. Although its basis is mythology, myths and mythologemes capture the rational layers of real historical development present in the consciousness of a given people; in a certain sense, a myth conveys real historical

tradition in an idealized form.

According to XI-century Georgian chronicler Leonti Mroveli, «the Armenians, Georgians, Ransians and Movkanians, Hers and Lekians, Megrelians, and Caucasians are all descended from a common ancestor - Targamos» (Qartlis ckhovreba, 1955: 3). This is a genealogical scheme of the kinship of the native Caucasian ethnic groups, based on the genetic kinship between the personified origins of these ethnic groups, or ethnarchs. Leonti Mroveli tried to establish the metahistorical foundation of Caucasian unity using mythology, to find the substrate phenomenon of the Caucasian image — Targamos, the common eponym and ethnarch of the Caucasian ethnic groups. This genealogical scheme adequately reflects the common Iberian-Caucasian origin and its genetic projection in historical memory: a common ethnarch and the construction of a hierarchy of eponym-ethnarchs based on their kinship, i.e., the principle of a common house in the genetic matrix.

It is notable that the genetic kinship of Georgians and autochthonous Caucasians is confirmed using modern scientific methods. The Caucasian linguistic-ethnic unity is evidenced by archaeological and linguistic materials (Chukhua, 2012: 126-147).

One more essential trend in Georgian historical ideology, explained by academician Niko Berdzenishvili through theoretical attribution to «The Georgian Chronicles» - a principal source of the history of ancient and medieval Georgia and the peoples of the Caucasus - highlights an important point: every war between the ethnic groups and states of the Caucasus in «The Georgian Chronicles» is viewed as an internal war. Consequently, according to the Georgian ideology of that time, none of the armed conflicts among the subjects within the intra-Caucasian space was considered an inter-ethnic or interstate conflict.

In both cases, the projection of Iberian-Caucasian ideology in historiography is clear, and it adequately, deeply, and vividly reflects the spiritual-cultural layers of the existence of a unity.

The Iberian-Caucasian ideology represents the foundational idea of the geo-civilization of the Caucasus, which is based on the archetype or the primal fore-image of Caucasian unity. Due to its archetypal nature, this ideology also functions as a certain supra-ideological concept, placing it even above religious ideology. Every

Caucasian or Caucasian ethnic group, despite certain ethnocentrism and differences in religions and the patterns of thinking, identifies themselves with the common Caucasian culture.

The first signs of discord among the Caucasians were associated with Islamic aggression and the Islamization of ethno-cultural systems in different sectors of the Caucasian space. The first wave of Islamization led to the fragmentation and Turkification of the Albanian ethnos; the second - Mongol-Tamerlane-Ottoman - wave resulted in the Islamization of the North Caucasus; the third wave, in the form of Turkification, led to the Islamization of the Georgian-Laz ethno-cultural zone in the eastern part of Asia Minor, resulting in the separation of the Pontic-Cappadocian sector from the single Caucasian proto-civilizational space.

The history of Caucasian geo-civilization holds a completely unique and qualitatively distinct period spanning nearly five centuries. In XI-XV centuries, the Caucasus was a single geo-civilizational complex having its roots in the religious-cultural and political hegemony of Georgia. This development - the establishment of a Georgia-centered geopolitical and geo-cultural geopolitical landscape in the Caucasus - had objective prerequisites. The most crucial factor was Georgia's central location in the Caucasus. Georgia is the centre of the Caucasus, functioning as the «geographical hub» or «hub area» of the Caucasus. This reality, in the realms of history, used to determine Georgia's strategic position in the Caucasian space during the formation of any geopolitical landscape, and especially of a distinctly Caucasian order.

Georgia's functioning as a hub was most prominently reflected in the political-geographical dynamics of the Caucasus region in XI-XV centuries. In XI-XIII centuries, Georgia controlled (regardless of the differences between David the Builder's annexation tactics and King Tamar's vassal-tributary tactics, as the focus here is on civilizational rather than political boundaries) almost all of Armenia (including the territory of Northern Armenia, the former Kingdoms of Vanand and Shirak, and the southern part of the former Kingdom of Tashir-Dzoraget, which was under direct control of the Georgian monarchy), the kingdoms of Shirvan and Arran in Azerbaijan, and the entire horizontal belt of the North Caucasus (Lesser Abkhazia (Georgian: Jiqeti), Adygea-Cherkessia (Georgian: Kashageti), Alania-Ossetia, Durzuket, Ghunzeti, Leketi, and

Darubandi (Derbend and its area)), which also functioned as a buffer against the formation of Turkish geopolitical landscape of Kipchakia.

The first crack in this system was introduced by the Mongols. Only Armenian communities remained under Georgian influence, while Arran-Shirvan became part of the Ilkhanate. During the reigns of Giorgi the Brilliant (1318-1346) and Alexander I the Great (1412-1442), the Caucasian geo-civilization was almost fully restored within its previous boundaries.

The aggression of Tamerlane and the Ottomans resulted in a large-scale geopolitical transition in the Caucasus region. The weakening and subsequent disintegration of Georgia in the second half of XV century led to the loss of its function as a hub. As a result, the Caucasian space transformed into a chaotic-turbulent area with significant disintegration processes. Additionally, the Islamization of the North Caucasus, which started in XIV century, and the association of this religious factor with the pan-Turkic geopolitical interests of the Ottoman Empire, led to the crisis of Caucasian identity.

In XV-XVI centuries onward, Islam became a cultural-civilizational factor in the North Caucasus. According to Prince Teimuraz, «The Ghlighvs, Durdzüks, Lekians, and others were Christians and spoke the Georgian language... Tamerlane, after having conquered them, commissioned Arab mullahs... to teach their children to write and speak Arabic, forbidding them to read and study Georgian books» (Botsvadze, 1968: 19). However, Islam failed to change the culture, traditions, and ethnopsychology of the indigenous ethnic groups of the Caucasus. In their ideology, national and common Caucasian awareness dominates over religious awareness. Islam managed to only superficially change traditional Caucasian ethno-cultures but failed to reach the deeper layers. As K. Z. Gamsakhurdia observed, «Customs were so strong here that even during the period of Shamil's Imamate, they competed with 'Sharia'—Islamic law» (Gamsakhurdia, 1997: 139).

Thus, Caucasian identity was preserved despite the spread of Islam. The dissemination of Islam weakened the Caucasian ideology but failed to completely destroy it. The Caucasus geo-civilization represents a cultural-historical unity with a shared cultural-genetic code and awareness of being «Caucasian.»

Georgia's function as a hub in the Caucasus, from the perspective of specific geopolitical and

geostrategic parameters, can be grouped into three main blocks: (1) Geopolitical Sovereignty: Georgia is the main source of the Caucasian geopolitical sovereignty, as without Georgia, each territorial sector of the region automatically becomes an enclosed enclave. For example, the North Caucasian sector gets «locked» between Russia and Georgia, Azerbaijan - between Georgia and Iran, and Armenia - between Georgia and Turkey. Only Georgia, with its access to the Black Sea, provides an alternative to the isolation and enclosure of these areas; (2) Intra-Caucasian Integration: Georgia is one of the sources of intra-Caucasian integration, as this integration is possible only through its territory; (3) Cultural-Civilizational Unity: As a country located in the middle of the region, only Georgia can create a culturally unified space in the Caucasus, forming a unique common-Caucasian complex based on shared cultural values, Caucasian ideology, and common political interests.

The realization of this functional triad and the creation of a Georgia-cantered geo-civilization in the Caucasus began in X-XI centuries with a series of events, such as the missionary activities of the Georgian Church in the North Caucasus, the incorporation of Armenian political units by Byzantium (eliminating an intra-Caucasian rival for the hegemony of the Georgian Monarchy), and the expansion by the Seljuk Turks (creating favourable conditions for establishing control in the South Caucasus using anti-Seljuk ideology). The culmination of this process occurred during the reigns of David the Builder, George III, and King Tamar. The classical formulation of its conceptual understanding by the Georgian elite is expressed in the following words of King Tamar's chronicler: «This is witnessed by the Houses of Shirvanshah, Darubandians, Ghundzis, Osetians, Kashags, Durdzüks, the city of Karnu, and Trapezuntine, who lived in freedom and were protected from enemies» (Qartlis ckhovreba, 1959: 147). This formulation provided by XIII-century Georgian chronicler implies «living in freedom» as the cultural independence of the peoples of the Caucasus and «protection from enemies» as protection from the aggression of foreign geopolitical forces.

Although almost the entire Caucasus fell under the influence of the Georgian monarchy, the central unifying trends implied not political conquest but the awareness of Iberian-Caucasian unity, anti-Seljuk ideology, and the dissemination of the elements of Georgian culture—Christianity,

the Georgian language, and Georgian script — which were considered as common and thus completely acceptable to all Caucasian ethnic groups.

Therefore, Georgia-cantered integration was a fully conscious and acceptable phenomenon for the Caucasus, not a sociocultural stress imposed by a foreign element, as was the case during the policies of conquest implemented by Tamerlane, the Ottoman Empire, and the Russian Empire. The process of building the geo-civilization of the Caucasus was Georgia-cantered, not pancultural or nationalist. The major intention of the process was not the Georgianization of the Caucasus, the absorption of the individuality and identity of various ethnic groups by Georgia, but their unification around the Georgian territorial-political and religious hub while preserving their own languages, traditions, and customs. To use classical culturological terms, this was intra-Caucasian acculturation, a process of adaptation of individual ethno-cultural units of the Caucasus to the dominant Georgian culture, rather than their cultural identity being absorbed by inculturation. Every ethno-culture preserved their «soul»— the essence of culture and individual style, together with their capabilities to regulated their own norms and values.

Thus, Georgia-centrism should be understood as a non-imperial (even anti-imperial) ideological concept, which considers Georgia as the hegemon of the ideological-cultural process of the Caucasus and the centre of geo-civilization, viewing this assertion as a completely natural and a priori determined worldview.

The Caucasian geo-civilization is the space of influence of Georgian culture, its vital realm of geopolitical and cultural-civilizational interests. Georgia, in turn, is the system-forming country of this geo-civilization, and its weakening or disintegration, or the loss of its function of a hub, is equivalent to the destruction of the entire geo-civilization. This was the dominant understanding during the reigns of David the Builder and King Tamar, and we should have the similar understanding of the issue.

Beginning from XV century, the disintegration of Caucasian geo-civilization and the negative transformation of the Georgia-cantered geopolitical landscape was underway in the region. This laid the foundation for a new geopolitical era in the history of Casasia, which can be called the «geopolitical era of Amasya.» The Amasya Treaty, signed between Iran and the

Ottoman Empire in 1555, for the first time on the international arena, marked the division of the large part of the Caucasus and its transformation into a battleground for the geopolitical giants of that time.

The «geopolitical era of Amasya» was followed by the dominance of the Russian Empire in the region. Although the Caucasus was restored as a political unity, unlike the Georgia-centered unity, this was a territorial-administrative unity with the status of a colony of the Russian Empire, formed within the frame of Russian-imperial unification. The new geopolitical arrangement of the Caucasus was accompanied by highly negative and purely anti-Caucasian phenomena — the abolition of all local unions, the genocide of part of the indigenous ethnic groups and the expulsion of some to the Ottoman Empire, the Slavic-Cossack colonization of certain parts of the region to create a supportive population

along the southern border of the Empire, the encouragement of Armenian immigration, and the formation of Armenian demographic enclaves there, etc.

The «geopolitical era of Amasya» continues to date. A significant part of the Caucasus is within the Russian Federation and Turkey, while the states located within the internal space of the Caucasus have diametrically opposite geopolitical interests, including the incompatibility of their foreign orientation vectors.

Over the past century and more, there have been numerous attempts to abolish the «geopolitical era of Amasya» and restore the Georgia-centered geo-civilization of the Caucasus. Almost every project developed within this framework has been ideologically and conceptually based on the «idea of the Caucasian Unity.»

References:

- [1]. Abashidze N., Komakhia M., Assyrians// Ethnos in Georgia, Tbilisi, 2008. (In Georgian).
- [2]. Albutashvili M. Pankisi Gorge, Tbilisi, 2005. (In Georgian).
- [3]. Beradze T., K. Topuria K., Sanadze M., Khorava B., Historical Atlas of Georgia, I, Abkhazia, Tbilisi, 2013. (In Georgian).
- [4]. Beradze T., Khorava B., Historical-geographical review, _ Essays from the History of Georgia, Abkhazia from Ancient Times to the Present, Tbilisi, 2007.
- [5]. Berdzenishvili N., History of Georgia from Ancient Times to Our Times, with the copyright of the manuscript, Tbilisi, 1940. (In Georgian).
- [6]. Berdzenishvili N., From the Past of Eastern Kakheti // Issues of Georgian History, Vol. III, Tbilisi, 1966. (In Georgian).
- [7]. Botsvadze T., From the History of Georgian-Dagestan Relations (XV-XVIII Centuries), Tbilisi, 1968. (In Georgian).
- [8]. Central Historical Archive of Georgia of the National Archives of Georgia, f. 1864, an. 1, c. 25.
- [9]. Chukhua M., Pan-Caucasian Culture According to Linguistic Data// Caucasiological Searches, 4, 2012. (In Georgian).
- [10]. Davarashvili Z., Tsagareishvili T., Jews// Ethnos in Georgia, Tbilisi, 2008. (In Georgian).
- [11]. Documents from the Social History of Georgia, I, edited by N. Berdzenishvili, Tbilisi, 1940. (In Georgian).
- [12]. Eradze E., Caucasian Labyrinth. Interview with Prof. J. Kvitsiani// Newspaper „Kviris Palitra~, February 9-15, 2009. (In Georgian).
- [13]. Gamsakhurdia K., Against the Current, Tbilisi, 1997. (In Georgian).
- [14]. Jalabadze N., Avars and Other Dagestan Peoples// Ethnos in Georgia, Tbilisi, 2008. (In Georgian).
- [15]. Djaniashvili, M. Komakhia, Armenians// Ethnos in Georgia, Tbilisi, 2008. (In Georgian).
- [16]. Janiashvili L., Komakhia M., Azerbaijanis// Ethnos in Georgia, Tbilisi, 2008. (In Georgian).
- [17]. Jeiranishvili E., Udmurt language. Grammar. Chrestomathy. Dictionary, Tbilisi, 1971. (In Georgian).
- [18]. Kauhchishvili S., History of Greek settlement in Georgia// Proceedings of the A. Tsulukidze

- Kutaisi State Pedagogical Institute, vol. IV, 1942. (In Georgian).
- [19]. Khangoshvili Kh., Kists, Tbilisi, 2005. (In Georgian).
- [20]. Khorava B., Abkhazia in 1810-1880// Essays from the History of Georgia, Abkhazia from Ancient Times to the Present, Tbilisi, 2007.
- [21]. Kurshavishvili S., The Origin of Greek Colonization// Proceedings of the Tbilisi Pedagogical Institute of Foreign Languages, Vol. 2, 1959. (In Georgian).
- [22]. Lobzhanidze D., Georgians in Klukhori, Tbilisi, 2005. (In Georgian).
- [23]. Melikishvili G., Georgian Political and Ethnic Formations in the Hellenistic Era// Essays on the History of Georgia, I, Tbilisi, 1970. (In Georgian).
- [24]. Natmeladze M., Daushvili A., Modern History of Georgia (1921-2000), Tbilisi, 2004. (In Georgian).
- [25]. Pashaeva L., Komakhia M., Greeks// Ethnos in Georgia, Tbilisi, 2008. (In Georgian).
- [26]. Pashaeva L., Komakhia M., Kurds// Ethnos in Georgia, Tbilisi, 2008. (In Georgian).
- [27]. „Qartlis Ckhovreba~, Text ed. 2009. Edited according to all the main manuscripts by S. Kaukhchishvili, vol. I, Tbilisi, 1955. (In Georgian).
- [28]. „Qartlis Ckhovreba~”, text established according to all the main manuscripts by S. Kaukhchishvili, vol. II, Tbilisi, 1959. (In Georgian).
- [29]. Religions in Georgia, Tbilisi, 2008. (In Georgian).
- [30]. Shavkhelishvili A., Georgia - Chechen-Ingush relations in the XVI-XVIII centuries, Ts., 1980. (In Georgian).
- [31]. Sharabidze T., Komakhia M., Udias// Ethnos in Georgia, Tbilisi, 2008. (In Georgian).
- [32]. Songhulashvili A., „South Ossetia~ in Georgia?! Tbilisi, 2009. (In Georgian).
- [33]. Topchishvili R., Migrations of Peoples, Tbilisi, 2015. (In Georgian).
- [34]. Vakhushthi Batonishvili, Description of the Kingdom of Georgia, «Life of Kartli», text established according to all the main manuscripts by S. Kaukhchishvili, vol. IV, Tbilisi, 1973. (In Georgian).
- [35]. Anchabadze G., Vainakhs (Chechens and Ingush), Tbilisi, 2002. (In Russian).
- [36]. Anchabadze Z., Essay on the Ethnic History of the Abkhaz People, Sukhumi, 1970. (In Russian).
- [37]. Gamakharia Gogia, Gamakharia J., Gogia B., Abkhazia is a historical region of Georgia, Tbilisi, 1997. (In Russian).
- [38]. Gvasalia J., Shida Kartli and the Ossetian Problem//Collection. Ossetians in Georgia, Tbilisi, 2015. (In Georgian).
- [39]. Javakhishvili N., The Struggle for Freedom of the Caucasus, Tbilisi, 2005. (In Georgian).
- [40]. Janelidze O., The Ossetian Question in the Democratic Republic of Georgia (1918-1921)// Some Questions of the History of the Ossetians of Shida Kartli, Tbilisi, 2010. (In Russian).
- [41]. Janelidze O., How the South Ossetian Autonomous Region Was Created// Some Questions of the History of the Ossetians of Shida Kartli, Tbilisi, 2010. (In Russian).
- [42]. Lekishvili S., When Did the Term „South Ossetia~ Originate?// Coll. Ossetians in Georgia, Tbilisi, 2015. (In Russian).
- [43]. Lordkipanidze M., Otkhmezuri G., Shida Kartli (historical excursion), _ in the collection Ossetians in Georgia, Tbilisi, 2015. (In Russian).
- [44]. Russia 20th century. Documents. Lubyanka. Ed. by academician A. N. Yakovlev, January 1922-December 1956, Moscow, 2003. (In Russian).
- [45]. Russia 20th century. Documents. Stalin's deportations. 1928-1953. Ed. Academician A. N. Yakovlev, January 1922 - December 1956, Moscow, 2003. (In Russian).
- [46]. Toidze L., Formation of the Ossetian Autonomy in Georgia // collection Ossetians in Georgia, Tbilisi, 2015. (In Russian).
- [47]. <http://1tv.ge/ge/news/view/20953.html>

БЕЖАН ХОРАВА

Доктор исторических наук, профессор, Университет Грузии (Грузия)

ДАЗМИР ДЖОДЖУА

Доктор исторических наук, ассоциированный профессор Сухумского государственного университета (Грузия)

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ГРУЗИЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КАВКАЗСКОГО ЕДИНСТВА**Резюме**

С древнейших времен Грузия была домом для представителей различных этнических и этнокультурных групп. Периодические миграции греков, евреев, армян, персов, туркмен и других, а также многовековое взаимодействие с ними, составляют одну из основных тенденций развития и строительства национального государства Грузии.

Первые греческие поселения в Грузии связаны с интенсивной колонизацией побережья Черного моря греками (VIII-VI вв. до н. э.). Современные греки — это в первую очередь так называемые понтийские греки, эмигрировавшие из северо-восточных регионов Османской империи. Их первые поселения в Грузии появились с XVIII века.

Древняя грузинская историография связывает прибытие евреев в Грузию с завоеванием и разрушением Иерусалима царем Вавилона Навуходоносором II в 586 г. до н. э.: «...Царь Навуходоносор завоевал и разрушил Иерусалим, и евреи бежали в Грузию». Последующие волны еврейских изгнанников пришли в Грузию, в том числе после осады Иерусалима римским императором Веспасианом в 70 г. н. э. Похоже, что еврейская колония существовала в Мцхете в эллинистический период по крайней мере с 169 г. до н. э.

После многовековых отношений с персами, арабами и турками, представители этих народов стали приезжать и селиться в Грузии. Курды и туркмены поселились в Грузии в период позднего средневековья. Курдские племена появились в южной части Грузии, Месхетии, с XVI века. Они были в основном мусульманами. Часть курдского народа, а именно езиды, были приняты правительством Грузии в 1918 году, во время Первой мировой войны (1914-1918) из-за того, что они подвергались преследованиям со стороны турок и части курдов-мусульман по религиозным и политическим мотивам. С начала XVII века туркменские племена (Борчалу, Хасанлу, Насибу, Байдари, Демурчи-Хасанлу) поселились в Квемо Картли и Кахети. Позже они начали постепенно интегрироваться в грузинскую феодальную систему и с тех пор активно участвовали в жизни грузинского государства.

Этнические группы, обосновавшиеся в Грузии, сохранили свои языки, обычаи, традиции и культуру. Грузия стала для них местом назначения, потому что они прекрасно понимали, что в этой стране их не лишат идентичности. Наряду с грузинскими православными церквями в Грузии были синагоги, армянские церкви, мечети и даже огнепоклоннический храм — Атешгах.

В X-XIV веках Грузия оказывала значительное политическое и культурное влияние на народы Северного Кавказа, такие как народы Малой Абхазии (абаза-адыгейцы), касоги (черкесы), аланы-осетины, дурдзуки (вайнахи), хунзахцы и лезгины (аварцы и другие народы, проживающие в Дагестане). Эти народы попали в сферу влияния Грузии. Грузинское государство стремилось тесно связать эти народы с Грузией, знакомя их и распространяя среди них грузинский язык, христианство и грузинскую культуру. После опустошительных нашествий монголо-татар и Тамерлана в XIII-XIV веках этнополитическая ситуация в Предкавказье резко изменилась. Коренное население было вынуждено уступить завоевателям равнины Предкавказья и бежать в недоступные для врагов и в то же время труднопроходимые горы. «Население Предкавказья, страдая от скудости ресурсов в неудобных горах, пыталось

занять и обосноваться на грузинских землях у подножия Большого Кавказа. Набеги монголов и Тамерлана имели катастрофические последствия для Грузии: страна понесла огромные потери, города и села были опустошены, обострились внутренние феодальные конфликты. Во второй половине XV века Грузинское царство распалось на царства Картли, Кахети, Имеретинское и княжество Самцхе. В XV-XVI веках Грузия оказалась граничащей с крайне агрессивными мусульманскими государствами: с юго-запада — с Османской империей, с юго-востока — с Сефевидским Ираном. Эти державы боролись за господство на Ближнем Востоке, за завоевание и подчинение Грузии. Грузия стала полем постоянной борьбы. В этот период произошло переселение в Грузию кавказских горцев — вайнахов и дагестанцев.

Переселение вайнахов в Грузию относится к глубокой древности. Согласно «Грузинским летописям», второй царь Картли Савромак привел дурдзуков и поселил их в стране. После монгольских нашествий в XIII веке вайнахи отступили в горы и смешались с грузинскими горцами. Грузинские горцы — мохевы, мтиулы, пшавы, туши и хевсуры — называли своих соседей чеченцев и ингушей кистами, а их страну — Кистети. В XVIII-XIX вв. в Грузии поселилось вайнахское племя кистов. Кистинцы, проживающие в Грузии, считают себя чеченцами, хотя они родом из горного района современной Ингушетии, из долины реки Армхи (Кистетисцкали). Кистинцы, проживающие в Грузии, сохранили свои обычаи, язык и религию. В позднем средневековье, начиная с XVII века, в Грузию стали заселяться дагестанцы.

Традиционное грузинское название дагестанцев — лекцы [лезгины]. В грузинской исторической литературе горный Дагестан, или Авария, упоминается как Хундзети/Гундзети, а его жители, аварцы, известны как Хундзисы/Гунзисы. Начиная с XVI века Дагестан, находившийся под грузинским влиянием и подчинением, начал совершать нападения на Грузию. До конца XVI века Кахетинскому царству удавалось эффективно отражать их. В этих условиях дагестанцы поселились в восточной части Кахети, исторической Эрети, при условии службы царям Кахети в качестве крепостных. Царь Кахети Леван (1520-1574) «привел лезгин и поселил их в Пипинети».

После того, как лезгины поселились там, Пипинети стал известен как Чари. Устав от экономических трудностей, дагестанские лезгины приходили в Кахетию, селились там и начинали служить некоторым дворянам в качестве крепостных. Между тем, эпизодические нападения дагестанцев, начавшиеся в XVI веке, усилились в XVII веке. Этот процесс известен как Лекианоба. Это были мелкомасштабные нападения дагестанцев на Грузию, направленные на разграбление имущества, скота, урожая и взятие людей в плен, а позднее на завоевание поселений и взимание дани с покоренного населения. После походов персидского шаха Аббаса I в Грузию в начале XVII века лезгины начали селиться на безлюдных землях восточной Кахетии. Постепенно местное грузинское население приняло ислам и ассимилировалось с лезгинами, в то время как другие были проданы лезгинами в качестве пленников. В XVIII веке аварские и цахурские лезгины образовали в Восточной Кахетии так называемые «свободные общины» Чари, Белакани, Тали, Катехи, Мацехи, Мухахи, Мамрухи и Гогами.

Примечательно, что грузинская феодальная историография рассматривала набеги дагестанцев как форму внутренней распри. Согласно грузинской национальной концепции, лезгины также считались грузинами, хотя и отклонившимися от грузинских обычаев. Вот почему царь Кахети Александр II (1574-1605) сетовал на отчуждение «крепостных, служивших им тысячу лет». Вторжения лезгин объяснялись культурными различиями и нарушением экономических связей. По словам князя Вахушти, все кавказцы считались «грузинами». В средние века термин «грузин» или «грузин по роду» относился как к этническим грузинам, так и к культурным грузинам. Культурная грузинская идентичность не подразумевала нивелирования языка, этнической принадлежности, религии, обычаев и традиций; напротив, защита и сохранение этих культурных ценностей гарантировались в рамках грузинского государства. Именно рассмотрение этих вопросов ставит задачей представленная

NARGIZA GAMISONIA

Doctor of Historical Sciences, Professor of Sukhumi State University (Georgia)

SOME ISSUES OF EDUCATION AND UPBRINGING IN THE MIDDLE AGES

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.09>

Introduction. The formation of the educational system in medieval Europe was a necessary element of the evolution of the culture of that time and was conditioned by many complex social factors and problems of the era: tensions in relations between secular and religious authorities, centralization of the state, growth of cities and the needs of public life, development of the Church. In general, it should be recognized that educational centers and the union of scholars focused on the search for truth acquired a special social status. Scholars demonstrated not only a passion for abstract philosophical research, but also the real social power of their guild; they laid the intellectual and legal foundations of medieval urban society. In this sense, the university remains a symbol of high morality, faith in science and devotion to truth.

Keywords: *Education, upbringing, Christianity, Islam, cultural centers, ideology of education.*

The first Christian communities emerged already in the 1st century. Christianity attracted people with the idea of equality of all, rich and poor, before heaven. Moreover, it promised heavenly retribution to the most disadvantaged in earthly life (“the last will be first, the first – last”). Another consolation was that “it is easier for a camel to fit through the eye of a needle than for a rich man to enter heaven.” One of the most dangerous results of the new religion was the refusal to submit to the “divine” Roman emperors. All this was the reason for the cruel persecution of the teachings of Christ and his followers. For at least two centuries, Christians with fanatical courage, not broken by monstrous tortures and executions, defended the new teaching, until those in power understood their own, entirely earthly benefit. There was no need to waste efforts on suppressing slaves, to live in eternal fear of them – the slave lot was now accepted with enlightened hope. The new religion also became a means of strengthening the state. The most powerful European state of

the Middle Ages emerged as the successor of the Roman Empire after its collapse in 395 into Western and Eastern (Byzantium), with its capital in Constantinople (now Istanbul). The capture of Constantinople («the second Rome») by the Turks in 1453 ended the thousand-year history of Byzantium. A number of researchers use these time frames to designate the Middle Ages. Of course, they are quite arbitrary, especially if we consider that not only the 15th century, but also half of the 14th century (at least in Italy) belong to the Renaissance. The name «Middle Ages» arose back when the coming Renaissance was unknown. Considering the profound religiosity of medieval culture, a more convincing version is that these centuries were seen as the middle ones between the first and second comings of Christ, i.e. the Last Judgment that never came. In reality, the Middle Ages are counted from the 3rd–4th centuries, i.e. the establishment of Christianity, until the 13th–14th centuries, when the medieval type of culture with its inherent feudal relations was already fading away. As for the geographical boundaries of the Middle Ages, they extend to all of Western Europe.

The Middle Ages put forward a completely different type of personality than in antiquity - submissive, «knowing his place». Its formation was influenced by the complementary strong feudal way of life and the Christian worldview. Therefore, not only political and economic relations were outlined by strict frameworks, but also the sphere of spiritual and intellectual life. It is difficult to name another era where one of the forms of social consciousness and social behavior would have dominated so clearly. Religiosity determined the entire way of thinking, way of life, even hopes and expectations during the thousand-year history of the Middle Ages.

Christian ideology of education. According to the Gospel, the first apostles were traveling teachers - preachers. The main book, the source of any knowledge for Christians was the Bible. The Bible was considered the main and defining book and consisted of the Old Testament and the

New Testament, created in the 1st - 2nd centuries and substantiating Christian values, goals and content of education. While preaching universal moral commandments – love for people, equality, justice, Christianity nevertheless focused on heavenly life, considering the earthly path as preparation for the salvation of the soul. The ideologists of early Christianity (3rd–5th centuries) – Gregory of Nazianzus, Basil the Great, St. Jerome, John Chrysostom, Augustine the Blessed rejected the ancient interpretation of the essence of man and his upbringing. The Middle Ages were characterized by a rejection of antiquity, which was proclaimed under the pretext of fighting paganism. “It is not fitting to praise Jupiter and Jesus Christ with one’s lips,” – this is how Pope Gregory I (6th century) formulated the position of the church. At the same time, a complete denial of the rich ancient heritage was completely unthinkable, and in reality, a long, complex and contradictory transformation of ancient culture and its adaptation to Christian doctrine took place. It is no coincidence that even in the Middle Ages the word “teacher” continued to be used to refer to Aristotle, who remained (after appropriate revision) the greatest authority.

The ambivalent attitude of the Middle Ages to antiquity was expressed in this way: “Christian authors harshly criticize the self-contained discussions of philosophers, the external nature of rhetorical education, the hedonism of the theater, music and the plastic arts, as well as the connection of all this with paganism.” At the same time, “the historical appearance of Christianity forever bears the imprint of Greco-Roman culture: the role of ancient philosophical idealism in the formation of the conceptual apparatus of Christian dogma is especially great” [1. P. 758]. The «seven liberal arts» underwent a drastic transformation: dialectics became the «handmaiden of theology», the art of rhetoric was intended for composing sermons, astronomy - for determining the dates of Christian holidays, musical art was limited to church services, etc. Particularly unacceptable from the ancient education for the early Middle Ages was aesthetic education, declared a «spiritual abomination». As we remember, a negative attitude towards it was formed back in the Roman period. The purely religious nature of culture, the general way of thinking determined the «namelessness» of medieval art - the names of the authors of divine masses, the architects of majestic cathedrals («sermons in stone») have not reached us: their

creators glorified not themselves, but the Creator.

John Chrysostom (354–407), so called for his gift as a preacher, reproached the schools of the ancient type for their main goal being “to teach how to speak well” and thereby earn despicable money, rather than “to instruct the soul.” In education, he called for turning to the divine principle in man, placing emphasis on admonitions and spiritual warnings. Other church fathers also had ambivalent attitudes toward antiquity and its pedagogical tradition. Gregory of Nazianzus (c. 329–390) was an admirer of Greek literature. Clement of Alexandria (? – 215) studied and interpreted the ideas of Plato, who was revered as the forerunner of Christianity. The philosophers Proclus, Porphyry, and Iamblichus devoted many works to commenting on Plato’s works and Christian reinterpretation of his ideas. The dialectical views of Basil of Caesarea (330–379) were consonant with the pedagogical views of Plutarch. Basil of Caesarea was the author of a treatise with a more than characteristic title, «On how young people can benefit from pagan books.» Archbishop Martin de Braga (6th century) based education on the commandments formulated by the ancient Stoics - prudence, caution and circumspection, courage, justice and abstinence. Christian interest in the soul made memory work and awakened other natural abilities to action, in its own way supporting the ancient principles of self-knowledge and self-education. Aurelius Augustine (354–430) also recognized the achievements of ancient education and pedagogical thought. Augustine called for careful treatment of the child, not to harm his psyche with punishments. Accepting the entire program of the «seven arts», Augustine at the same time warned that the ancient educational tradition was mired in «fictions», «the study of words, but not things.» Therefore, secular knowledge was considered secondary and auxiliary, subordinated to the study of the Bible and Christian dogma.

Pedagogical thought in Byzantium. If we trace the main stages of Byzantine pedagogical thought, we should start with the Neoplatonists of the 4th–5th centuries from the Athenian Academy and other schools of Asia Minor, Syria and Alexandria, which at that time could rightfully be attributed to European culture. The Neoplatonists, continuing the traditions of antiquity, believed that upbringing and education should form the highest spiritual world of eternal ideas. The path to their comprehension was the achievement of «divine illumination» and «ecstasy», thanks to

concentration of attention, focus on the soul, and constant prayers.

Abba Dorotheus (6th century) considered secular education as a path to the knowledge of divine truth: the closer knowledge is to God, the more love for one's neighbor should grow. A unique Christian humanism based on religious commandments was developed by Maximus the Confessor (7th century), John of Damascus (675–753), and Patriarch Photius (820–897). Maximus the Confessor's credo was the fight against the fall, which relied on the will as a force for merging with nature. John of Damascus supported the idea of encyclopedic education. Patriarch Photius considered the acquisition of universal moral standards to be the main moral principle. Michael Psellus (1018–1096) was a particularly striking figure. His educational program included two stages: teaching secular knowledge that did not contradict Christian dogma, and the highest level, religious education. Psellus called for the education of an ideal person, not subject to religious fanaticism, noble and just. Similar ideas were developed by the late Byzantine thinker George Gemistus Plethon (1355–1452). In his opinion, perfection is achieved through moral education, overcoming evil, primarily through personal efforts, self-education.

According to the tradition established in antiquity, knowledge was obtained in public educational institutions. The full cycle of education (*enkyklos paideusis*) included three stages. Elementary education (*propaedia*), existing everywhere, began at the age of 5-7 and lasted 2-3 years. Having preserved the mnemonic methods of antiquity, the letter-subjunctive method of teaching literacy with mandatory choral melodeclamation, the medieval school replaced papyrus with paper, the stylus with a bird or reed pen.

Education above primary (*pedia*) was not the lot of everyone. It was received in grammar schools, church or secular (private and state). Such schools taught children from 10-12 to 16-17 years old and were located in Constantinople, where by the 11th century there were about ten of them.

There were also unique higher education institutions, often with a certain specialization, most of which have survived from antiquity (in Alexandria, Antioch, Athens, Beirut, Damascus).

In 425, in Constantinople, under Emperor Theodosius II, a higher school, the Auditorium (from the Latin *audire* - to listen), was

established. From the 9th century it was called Magnaura (Golden Room). In Magnaura, Leo the Mathematician gathered the cream of Byzantine scholarship - «consuls of philosophy», «chief rhetoricians». Its high level of legal education, which was based on Roman law and the famous Justinian Code, was famous throughout the world. Cyril and Methodius, the founders of Slavic writing, studied in Magnaura.

A unique propaganda of an educational nature was associated with the name of Emperor Constantine VII Porphyrogenitus (913-959). Under him, new educational institutions were opened, and works of encyclopedic content appeared. One of them was the emperor's own work on Russian-Byzantine relations. Activities in the field of education and theoretical works on its organization were encouraged in the country.

Long before the creation of the Byzantine state, already in the 1st century, the Christian church began organizing its own schools - catechumens for those who, wishing to become members of the Christian community, had not yet tasted the teachings of Christ. All classes could study in them without hindrance. A higher form of church education was achieved in catechism schools, which trained clergy. The first such school arose in 179 in Alexandria, combining elements of ancient and Christian education in the curriculum itself. Soon similar schools arose in Antioch, Edessa, Nisibis. Catechism schools gave rise to cathedral and episcopal schools, which opened in the 3rd century. The children of the nobility and eminent citizens studied in them. Church control over education. Over time, the church completely monopolized education. This was facilitated by both the coincidence with the interests of an increasingly authoritarian state and by profound changes in public consciousness. Science was declared the «handmaiden of the devil,» and a negative attitude toward it was not only sanctioned by social institutions, but also became an organic feature of «common sense.» The statements of thinkers of that time best characterize this state of affairs. Indeed, «is a lantern necessary to see the Sun?» (Damian). And «is it worthwhile for travelers heading toward their goal to study the things they come across on the way and thereby surrender themselves to their power, to linger on the road, or to turn off it?» (Hugo of Saint Victor). «And what good was the education of the ancients to Christians? When Truth became incarnate, she rejected it. Let human arrogance be silent when the Divine word has

spoken» (Peter Beda the Venerable). Let us add here the immutability of everything in any of the worlds: «What has been, will be done, and there is nothing new under the Sun. There is something about which they say: «Look, this is new, but it has already been in the centuries that were before us.» If in early Christianity they treated «pagan» philosophers with due respect, inevitable caution and delicacy, then in the 13th century such a position resulted in moral and physical torture for Pierre Abelard, imprisonment in a monastery. They did not forgive him for his earthly love, and his appeal to dialectics as a method of searching for truth, comparing opinions, since it concealed innumerable dangers for church dogma. The main method became scholastic (from the Greek «school»), which required memorizing dogmas, approved definitions, «proofs» leading to a predetermined result.

Designed to strengthen faith, scholastic exercises often gave rise to new questions. Even Gnosticism (from the Greek «gnosis» - knowledge), which arose in the 2nd century to interpret the Holy Scriptures, posed a serious danger. It was in scholastic exercises that the first heresies were born, for example, the idea of the eternity of the world, deduced from the eternity of God (Origen). Moreover, «if God created the world, then he lacked something» (Christian followers of Averroes); «And if the human soul is from God, then where do the parts in it worthy of punishment come from? It turns out that by punishing a person, he punishes parts of his soul» (Yeznik Kokhbatsi). Another Armenian theologian, Gregory Pahlavuni, a master of the Byzantine Emperor Constantine Monomakh, comes to the conclusion that «there is no other way to approach God than to enlighten oneself through science.» The canonized picture of the world bizarrely combined “the most logically established conclusions of the ancients with the indisputable truths of Scripture and church tradition... It is easy to see that criticism of any part of the picture of the world was considered much more serious than simple intellectual improvement, and was viewed rather as an attack on the entire order of society, religion, and the Universe itself” [3].

Is it any wonder that already in 529, Emperor Justinian closed the Platonic Academy in Athens. His ban on paying salaries to teachers – grammarians and rhetoricians – led to the closure of most schools of the ancient type. Nevertheless, it was precisely in this truncated

and deformed form that education was declared in the imperial decree to be “the greatest of virtues,” and the ideal of education was seen in the combination of the Greco-Roman body of knowledge with the Christian worldview. The contradictory peculiarity of such a combination can become clear to our contemporaries if we take a closer look at the most important features of medieval culture as a whole. It is not only a matter of monotheism, which distinguishes Christianity from antiquity. Ancient gods often went about their own business, full of whims and fancies, and only occasionally interfered with earthly and natural events if they began to get out of control. In the Middle Ages, every blade of grass, every human step was determined by Divine Providence. That is why, if the ancient «book of nature» could be imagined as written in the language of mathematics, then now the very thought of it was a sin. Preserving the image of the «book of nature», the Middle Ages sees its comprehension in the painful, intense guessing of the symbols of divine design, hidden sympathies and antipathies. Thus, the effect of a headache potion made from the core of nuts was explained by the sympathy between the structure of nuts and the brain, a textbook on snakes contained descriptions of snakes found not only in nature, but also on the family coats of arms of noble persons. The most characteristic phenomena of medieval scholarship were astrology and alchemy. The scholar was a magician and sorcerer, and he could only pass on his craft of a magician to his students directly. A soul was put into any work of medieval art, it did not tolerate a cliché, repetition, and it was this area that gave a certain scope for fantasy and individuality. Learning a craft was also an important aspect of medieval education and upbringing. The bookish nature of medieval culture was reflected in the fact that education was memorization, cramming, and was textual and reproductive in nature. Not everyone even understood the meaning of prayers recited in Latin. It is characteristic that even in universities the lecture was read by the teacher, and only then its text was commented on with the participation of the audience. The motto of medieval education was perseverance: «How many letters the schoolchildren write on parchment, so many blows they will inflict on the devil.» In medieval education, the dual authority of the church and the teacher was indisputable. At the same time, although not a single line of the Bible could be questioned (even if inconsistencies

and contradictions were discovered), significant scope for thought was preserved in the commentaries and interpretations of Scripture, organic to book culture (in particular, to eliminate inconsistencies). In the «imaginary assumptions» of medieval scholastics, the logical possibility of the infinity of the Universe, the movement of the Earth, and so on was discussed, allowing one to bypass, at least speculatively, many of the limitations and prohibitions of the dogmatic picture of the world.

The leading scholastic method in science and education acted as a «medieval dialectic» and logic, developing algorithms for syllogisms, inductive and deductive mental constructions. To present Christian doctrine in a logically coherent, systematized form, the scholastic philosopher Raymond Lully (1235-1315) constructed a «logical machine». Acting on the principle of a modern arithmometer, it could combine not only «divine qualities», but also their embodiment in nature, and draw logical conclusions. Scholasticism demanded clarity and precision of concepts. A constructive role in clarifying the status and origin of concepts was played by a purely scholastic, at first glance, dispute between «nominalists» and «realists»: do general concepts, ideas exist objectively, «really» (in the highest mind) or are concepts just names (Latin *nomine*). In search of the «golden mean», «Occam's razor» was formulated: «Do not multiply entities beyond measure» (i.e. do not resort to explaining the unknown through the «bad infinity» of ever new concepts, but make maximum use of the possibilities of the existing conceptual apparatus). In a more accessible form, the same idea was expressed by Hugo of Saint Victor (1096-1142): «Do not multiply side paths until you have taken the main path.» In this form, this position was interpreted in complete agreement with Christian doctrine, where the «main path» is Divine Truth. Hugo of Saint Victor was the head of the Paris Cathedral School and asserted the inseparable connection in education between religious and secular principles. In his «Didascalion» (a treatise on the educational system), he brought together all medieval knowledge on teaching in higher education. An interesting characteristic of scholasticism is given by the Russian historian G.N. Granovsky: «It was a strong, courageous knightly science, which was afraid of nothing, which seized upon questions that far exceeded its strength, but did not exceed its courage» [7]. Theodicy – the justification of

God for the evil existing in the world – belonged to such questions. The first steps in its solution were purely scholastic (Augustine: «Evil is not substantial, i.e. it does not exist in itself, but is only the absence of good, just as darkness is the absence of light»). However, then, over the course of dozens of centuries, it was transformed into the Renaissance-pantheistic deification of nature as an «inner master» (G. Bruno), and then – into the addition of divine will to natural necessity, in relation to which the concepts of good and evil are meaningless. The scholastic respect for logic was so great that in the Natural Theology of Thomas Aquinas (1225-1274) even the divine will made a choice on rational grounds, and the laws of the world created and directed by God were in accordance with the laws of logic.

In the millennial evolution of medieval thinking, a significant shift occurred: from «I believe in order to understand» (Anselm of Canterbury) to «I understand in order to believe» (P. Abelard). P. Abelard (1079-1172), teaching at the Paris Cathedral School, taught the logic of thinking, the art of debate. Allowing for the combination of faith and reason, he wrote: «The shortcoming of our time is that we think that it is no longer possible to find something new.»

A very characteristic expression of the socio-cultural evolution of the Middle Ages was the concept of «two truths» (from Augustine to Thomas Aquinas). In the typically scholastic formulation of St. Thomas it looks like this: «There are two kinds of truths - truths of faith and truths of reason, and truths of faith are not contrary to reason, but supra-reasonable.» With this position, Thomas rendered an invaluable service to both religion and science. «Truths of faith» were beyond discussion, and science could pursue its own searches without claiming «higher truths.» It is not for nothing that Thomas was canonized by the Catholic Church during his lifetime.

Thomas had important ideas in the field of education, and some of them, such as the «inner teacher», have survived the centuries. It is natural that Thomas, Roger Bacon, Hugo of Saint Victor, and other religious theorists and philosophers headed educational institutions of the Capuchin order - Franciscans (founded in 1212) and Dominicans (founded in 1216) and participated in the organization of monastic schools. Monastic education and its secularization. Although not going beyond the appropriate framework, monasteries and monastic schools provided a fairly

thorough education, with an emphasis on moral improvement, as well as work skills. Already in the early Middle Ages, by decree of the heads of the Catholic Church, monastic and cathedral schools were established. Even before the 11th century, students were cruelly beaten, and the grammar textbook had the eloquent title «Back-Saving». However, the inevitable secularization of public life also affected education. Thus, the main textbook along with the Psalter, the Abecedarium, was translated from Latin into native languages. In Alexander's textbook (14th century), grammar and the Bible were presented in rhymed form, easy to remember. Physical punishment was abolished. Sometimes even «days of fun» were organized, when games, wrestling, and modest entertainment were allowed. Although formally there were no vacations, rest was provided during numerous church holidays. A characteristic phenomenon, especially in the late Middle Ages, were wandering monks. Having dedicated many years to prostrations and mortification of the flesh, they often wandered the roads for the rest of their lives, leaving the walls of the monastery. Some became wandering artists, earning a piece of bread with jokes and buffoonery songs, in which the years of cultivated piety and rough humor were curiously intertwined. An extremely indicative document of this peculiar worldview was the collection of troubadours and vagants of the 13th century - «Carmina Burana». In the verses of the collection, recited by students of monastery schools in Latin, incomprehensible to the townspeople, moral instructions (often in an ironic form) and descriptions of love joys coexisted. Although the vagants and gallards - wandering students - were not distinguished by excessive piety, however, it was from their midst that many ascetics of science and education emerged. Inevitable and steady secularization affected the general attitude to learning. At first, it was class-based, cultivating the virtue of hard work in peasants, valor in the aristocracy, and piety in the clergy. Most of the nobility did not strive for literacy. The founders of the Merovingian dynasty did not know how to write in Latin, the first Carolingians (8th century) were completely illiterate. The change in attitudes towards education during this turning point in medieval culture can be seen even within the span of a single lifetime, using the example of one of the founders of the dynasty, Charlemagne (742–814). Remaining illiterate until the age of 30, he then invited teachers and learned monks

from Italy, England, and Ireland (the “Island of Scholars”) to his court, who compiled for him the “Carolingian Miniscule” – an easy-to-read Latin letter. One of the invited, the Irish theologian Albinus Alcuin (735–804), wrote the “Letter on the Study of the Sciences” and the treatise “General Exhortation”, which justified the need for universal education and the training of teachers. Charlemagne himself did not consider it shameful to become a scholar, mastering Latin literacy, the basics of astronomy, rhetoric, and literature in two years. The palace school, created under the Merovingians, was called the Academy and moved with the royal court, educating not only the children of the emperor, his entourage and high-ranking officials of the church, but also those from lower classes. Since that time, St. Charles' Day has been celebrated in France as a school holiday.

The socio-cultural changes of the Middle Ages can also be traced in the education of knights, a typical product of feudal culture. It was expressed in a specific interweaving of barbarity (cruelty, gluttony), antiquity and Christian piety. If at first knightly education rejected Roman education and emphasized physical development and military art, then the number of «knightly virtues» expanded to the essential seven: spearmanship, fencing, horseback riding, hunting, playing chess, singing poetry of one's own composition, playing a musical instrument (usually the lute or harp). In Scandinavia, knowledge of runes (epic and magical signs), navigation skills and the ability to work with metal were also required. In knightly education, the spirit of the Middle Ages was reflected in a bizarre combination of simplicity and sophistication; knightly concepts of friendship, loyalty, honor, duty, courage, and valor became household words.

Creation of universities and city schools. The pinnacle of medieval education were universities, which began to be created in the 12th–13th centuries as unique educational corporations, quite in the spirit of the times. The first university in Bologna (Italy) was already in operation at the end of the 11th century. The basis for them, as a rule, was the system of church schools – cathedral and monastery. Thus, the University of Paris arose in 1160 from the Sorbonne, the theological school at Notre Dame Cathedral, adding to itself medical and law schools. The no less famous Oxford (1206) and Cambridge (1281), universities in Naples (1224) and Lisbon (1290) were organized in a similar way. In 1224,

the University of Salamanca (Spain) opened, and in 1228 – in Padua (Italy). New universities grew rapidly, and their specialization expanded. A significant phenomenon was the establishment of the Inquisition (from the Latin *inquisitio* – search) in 1183, which lasted until the end of the 18th century. The Church retained control over education during the Renaissance and even in the New Age. The growth of universities was caused by the development of cities, the cultural demands of citizens, and contributed to production and trade. Thus, the goal of the University of Florence, founded in 1348, was to improve the situation in the city devastated by war. In the 13th century, there were 19 universities in Europe, and in the 14th century, 25 more were added, including in Pisa, Heidelberg, Cologne, Vienna, Prague, Krakow (Jagiellonian University). They were often established by secular authorities.

The rights of newly opened universities were confirmed by privileges - special documents signed by the pope or royal persons, securing university autonomy (court, administration, awarding of academic degrees), exemption from military service (already in the 13th century!). Sometimes graduates, like knights, were crowned with loud titles like «Count of Law». Unofficial titles were also given to outstanding scientists and teachers even earlier: Doctor Mirabilis (Wonderful) - Roger Bacon, Doctor Universalis - Albert the Great, Doctor Angelicus - Thomas Aquinas, Doctor Subtilis (Refined) - Duns Scotus, Doctor Illuminatus (Illuminated) - Raymond Lully, Doctor Seraphicus - Bonaventure, etc.

The first universities were very mobile, moving in case of plague, war and other disasters. Students often moved from university to university, and professors were invited. The practice of a «visiting professor» is still widespread in Europe and the United States. Students and teachers united into national communities, and later departments by specialty were formed - faculties and colleges. These formations determined the life of universities. Representatives of nations (procurators) and faculties (deans) jointly elected the rector of the university.

The city schools, which arose from the apprenticeship system, guild and guild schools, and schools of numeracy for the children of merchants and artisans, also became the imperative of the times. City schools, supported by artisans, provided general education in the native language. Usually, a city school was headed by a teacher hired by the city community,

who himself selected assistants. There were also itinerant teachers, moving from place to place in search of a contract. Universities opposed scholasticism, «the science of empty words and shaking the air», with vigorous intellectual activity, the characteristic form of which were disputes on the most diverse topics («about everything»). Reviving the spirit of antiquity, they prepared the scholarship of the Renaissance. Outstanding figures of science and education, and the renewed religion emerged from the walls of ancient universities – Jan Hus, Dante Alighieri, Francesco Petrarck, Nicolaus Copernicus, Galileo Galilei, Francis Bacon.

Universities were the most striking embodiment of socio-cultural changes, which, according to the precise expression of the German philosopher of the last century E. Cassirer, «forced us to seek a balance between the medieval faith in God and the Renaissance faith in ourselves.» F. Petrarch gave a magnificent definition of the changes at the junction of the Middle Ages and the Renaissance. To the words of Augustine: «The noble human spirit will rest on nothing but God, the purpose of our existence,» the poet added: «except on itself and its inner aspirations.» The «autumn of the Middle Ages» was replaced by the spring of the Renaissance.

Education and upbringing in the Islamic world. When studying the Middle Ages, it should be borne in mind that this concept can rightfully be attributed to Christian Europe. At the same time, in the period from the 7th to the 14th century, a significant flourishing of science and education, as well as conditions for their free development, took place in Islamic, or Muslim (from the Arabic muslim - obedient, submissive), culture. The vast region conquered by the Arabs in the 7th-8th centuries - Iran, most of Central Asia, Syria, North Africa, Moorish Spain - developed under the sign of the cultural values of Islam. The last of the world religions arose in approximately the same area as Christianity, initially developing under its obvious influence. The basis of Islamic culture was the «Koran», in which many commandments and even the Arabized names of saints and apostles have a clear similarity with the biblical ones. It is important to emphasize, especially in the current situation of extremely ambiguous attitudes towards Islam, that at first it did not contain any aggressive provisions, there was no condemnation of infidels, much less the idea of a “holy war” with them. Moreover, during the period when progressive ideas were being persecuted in

Christian Europe, it was the Islamic world that accepted and mastered ancient philosophy, and brought many ideas and works of antiquity to the European Renaissance. Suffice it to say that a number of works by ancient philosophers and writers, now kept in world collections of ancient manuscripts, have been preserved in a single copy in Arabic translation. During the cruel times of the European Middle Ages, the prophet Mohammed (560–632), the founder of Islam, said that “the ink of philosophers is much more important than the blood of martyrs.” Islam arose and developed on the basis of the interrelation and unique mixture of the cultures of the Arab Caliphate, Byzantium, India, China... The time of the «Arab Renaissance» began in the 9th–13th centuries, much earlier than the European one. Based on the study of antiquity, Arab-Muslim thinkers developed ideas of harmonious development of the individual, just as in antiquity, demanding that philosophers be models of moral behavior and education. The prestige of knowledge was highly valued.

One of the first encyclopedic scientists, Abu Al Kindi (801–873), placing science above religion, demanded that in the process of education, not Muslim fanaticism be formed, but high intellect. Al Farabi (870–950) believed that only madmen can admit the highest good outside the existing world. The goal of education is to lead a person to the real good, which can be distinguished with the help of knowledge. Fruitful pedagogical ideas are contained in more than 150 treatises of Al Biruni (970–1048): systematicity and clarity of knowledge, encouragement of cognitive interests. The main goal of education is cleansing from inhuman customs, fanaticism, and thirst for power. «The Lord of Sciences», an adviser to the rulers of a number of countries in the Near and Far East, Ibn Sina (Avicenna, in European transcription, 980–1037), among his scientific and philosophical works, also left behind «The Book of the Soul», «The Book of Knowledge», «The Book of Instructions and Advice» related to upbringing and education. Ibn Sina saw the path to universal education and development in the means of music, poetry, and philosophy. In the very organization of knowledge, the spirit of free, open, healthy competition was encouraged. The outstanding philosopher of the East, Al-Ghazali (1056–1111) dedicated his four-volume work «The Resurrection of the Sciences of Faith» to the development of abilities from childhood, methods of observing children, their creative

growth and development, including physical exercise and everyday culture. According to Al-Ghazali, the child's soul takes the necessary shape if educators, including parents, follow pedagogical recommendations, the foundations of which are laid in the family, passing the baton to the teacher. The moral principle is formed, first of all, through self-education and imitation of wise mentors. Self-education begins with self-observation and self-knowledge. It is not without reason that the «Sage of Sages» Ibn Bajjah (late 11th century - 1139) chose the most pressing problems of moral and ethical education as the leading theme of his treatises on psychology, logic and ethics. The outstanding philosopher, popularizer of Aristotle and original thinker from Andalusia (in modern Spain) Ibn Roshd (Averroes, 1126–1198) provided a solid scientific and philosophical basis for education, set out in the «System of Evidence». The problems of education and upbringing are the most important in 150 treatises of the Iranian philosopher Nasir ad-Din Tusi (1202–1273), including «Teaching Wisdom», «Book of Wisdom», «On the Education of Learners». Knowledge is the medicine that a person uses throughout his life. Abdurrahman Ibn Khaldun (1332–1406), developing the teachings of Aristotle, proved that a person realizes himself in relationships with other people. Reason helps to organize them as a result of observations, generalizations and experience - «what time teaches». In particular, he called for not rushing in teaching what is not yet understood in childhood, including the Koran. Such teaching only frightens and disgusts, fetters independence. All of the listed teachings emphasize the inseparability of education and upbringing: «Without upbringing, knowledge is fire without wood, upbringing without knowledge is like a spirit without a body.» Centers of Islamic education. The language of instruction was Persian and Arabic, which, having arisen from Aramaic, still remains the leading language in Islamic countries. The center of education was the mosque. Already in the 8th–9th centuries, “houses of wisdom” began to appear, and the first one was in Baghdad. In the 11th–12th centuries, the first educational institutions, madrassas, emerged. The Arabic education system gave birth to the first “tests” – with a choice of one answer from several proposed ones.

A major cultural center of the Islamic world was Spain under the rule of the Moors, where education reached its peak under Abdurrahman III

(912–961) and his successor Halem II (961–976). Women also studied in the educational institutions of Seville, Salamanca, Toledo, Granada, and Cordoba, and representatives of various faiths taught. It is characteristic that during its Christian period, Spain became a stronghold of religious obscurantism and the atrocities of the Inquisition for a long time. No less sad transformations occurred much later in the former centers of Muslim scholarship – Baghdad (the capital of modern Iraq), Tehran (the capital of modern Iran). Islamic “fundamentalists”, demanding a “return to the basics”, include here the rejection of secular education, law, secular forms of communication and habits (including television), and a ban on secular clothing. The most radical of them do not stop at killing «infidels». Without setting the task of a special analysis of the issue, it should be noted, however, a direct connection between the growth of «fundamentalism», threatening the entire world, with the deplorable economic situation and the totalitarian political regimes inevitably associated with it. Iraq, Iran, Algeria, Libya, characterized by aggressive regimes or movements, are states with a depressing economic situation. The conditions

for the expansion of fundamentalist forces are created by the wars in Chechnya and Afghanistan. Meanwhile, Turkey, which has inspired fear throughout Europe, is now doing everything to join the world economic and cultural system. Developing tourism and industry, Egypt, Saudi Arabia (the country of Islamic capitals, Mecca and Medina), Kuwait and the United Arab Emirates, which until recently were not on the political map of the world, are conducting a restrained foreign and domestic policy. Of course, even in these prosperous countries there is a danger that they have in common with other Islamic states – too “unanimous public opinion”, completely uniform education throughout the country, etc. These are signs of fertile ground for totalitarian regimes, fanaticism and extremism – as soon as the economic situation falters (the example of Iran is quite indicative in this regard). It is no coincidence that in rich Kuwait, people from other countries have no chance of climbing the social ladder. This once again proves that the true evolution of culture, education and upbringing can only occur in a natural historical way. This is how the European Renaissance came about.

References:

- [1]. Anthology of Pedagogical Thought of the Christian Middle Ages. In 2 volumes. / Ed. V.G. Bezrogov and O.I. Varyash M., 1994.
- [2]. Documents on the History of European Universities of the 12th-15th Centuries. / Ed. G.I. Lipatnikova. Voronezh. 1973.
- [3]. Averintsev S.S. Christianity // Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, 1983.
- [4]. Anthology of Pedagogical Thought of the Christian Middle Ages: in 2 volumes. Moscow, 1994.
- [5]. Bernal J. Science in the History of Society. Moscow, 1956.
- [6]. Byzantine Culture (10th–12th Centuries). Moscow, 1968.
- [7]. Gurevich A.Ya. Categories of Medieval Culture. Moscow, 1981.
- [8]. Gurevich A.Ya. Problems of Medieval Folk Culture. Moscow, 1979.
- [9]. Dzhurinsky A.N. History of Pedagogy. Moscow, 1999.
- [10]. Freethinking and Atheism in Antiquity, the Middle Ages and the Renaissance. M., 1986.
- [11]. Sokolov V.V. Medieval philosophy. M., 1979.
- [12]. Tallashev H.H. General pedagogical ideas of scholars-encyclopedists of the Near and Middle East of the Middle Ages. Tashkent, 1985.
- [13]. Reader on the history of foreign pedagogy. M., 1982.
- [14]. Resolution of the papal legate Robert de Courson on students and masters of Parisian schools (1215) // Documents on the history of European universities in the 12th-15th centuries. Voronezh, 1973.
- [15]. Bull of Pope Gregory IX to the University of Paris dated April 13, 1231 // Documents on the history of European universities in the 12th-15th centuries. Voronezh, 1973. P. 49-51.
- [16]. N.Gamisonia. Development of Medieval Education in Western Europe.//

THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // International Scientific Journal THE CAUCASUS AND THE WORLD. DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16> №27, Тб., 2024

НАРГИЗА ГАМИСОНΙΑ

Доктор исторических наук, профессор Сухумского Государственного университета
(Грузия)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Резюме

В средние века (V – XVII) облик западноевропейского общества, его культуры, педагогики и образования существенно изменился по сравнению с античной эпохой. Это объяснялось и утверждением нового типа социально-экономических отношений, и новыми формами государственности, и трансформацией культуры на основе проникновения религиозной идеологии христианства.

Философско-педагогическая мысль раннего средневековья основной своей целью ставила спасение души. Главным источником воспитания считалось, прежде всего, Божественное начало. Носителями христианской педагогики и морали являлись служители католической церкви.

В педагогике раннего средневековья господствовал элемент авторитарности и усредненности верующей личности. Многие идеологи христианства открыто демонстрировали враждебность к идеалам античного воспитания, требуя устранить из программы образования греко-римскую литературу. Они считали, что образцом воспитания могло быть лишь монашество, которое получило заметное распространение в раннесредневековую эпоху.

Аскетизм, усердное чтение религиозной литературы, устранение пристрастия к земным благам, самоконтроль желаний, мыслей и поступков – вот основные человеческие добродетели, присущие средневековому идеалу воспитания.

К VII веку в средневековой Европе школы античного типа полностью исчезли. Школьное дело в молодых варварских государствах V - VII вв. оказалось в плачевном состоянии. Повсеместно царили неграмотность и невежество. Неграмотными были многие короли и верхушка общества – знать и чиновники. Между тем необходимость в грамотных подданных и священнослужителях постоянно увеличивалась. Существующее положение пыталась исправить католическая церковь.

Преемником античной традиции оказались церковные школы. На протяжении V – XV вв. церковные школы выступали сначала единственными, а затем преобладающими учебно-воспитательными учреждениями Европы. Они являлись важным инструментом религиозного воспитания. Основными предметами изучения являлись: Библия, богословская литература и сочинения «отцов церкви». Сквозь сито христианства просеивался весь учебный материал.

В средневековой Европе сложились три основных типа церковных школ: монастырские школы, епископальные (кафедральные) и приходские школы. Основная цель всех типов школ состояла в подготовке духовенства. Они были доступны, прежде всего, высшим сословиям средневекового общества.

КАХАБЕР ПИПИЯ

**Доктор истории, профессор Сухумского Государственного
Университета (Грузия)**

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АНТОНИЯ И ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.10>

С 60-х гг. I в. до н.э. Восточное Причерноморье, историческая Колхида оказалась включена в ареал геополитических сдвигов, являвшихся следствием понто-римского противостояния. Вслед за бежавшим Митридатом в Колхиду, которая в 105/90-65 гг. до н.э. входило в состав обширной причерноморской монархии Митридата VI (120-63 гг. до н.э.), вошли восточные легионы Гнея Помпея [App., Mithr., 101]. В результате успешных походов сначала Лукулла, а затем Помпея, вся Малая Азия перешла под контроль римлян. В сфере их влияния оказалось и пространство Южного Кавказа [25, 27-31].

Одержав победу на Востоке, Помпей вплоть до 62 г. до н. э. занимался перекройкой политической карты Передней Азии. В Передней Азии начался период больших перемен. Естественно, что установившийся в Малой Азии новый «Римский порядок» подразумевал и новую организацию управления. Фундаментальные изменения коснулись почти всех сфер местной жизни. В 64 г. до н.э., находясь в г. Амисе, Помпей приступил к административному устройству и реорганизации завоеванных стран [26, 42-45; 10, 28-30]. По словам Аппиана (прим. 90-170 гг.), Помпей «из завоеванных народов одних оставил автономными за оказанную военную помощь, других он подчинил римлянам, а третьих передал под власть царей, отдав Тиграну Армению, Фарнаку Боспор, Ариобарзану Каппадокию и все другие области... Антиоху из Коммагены он отдал Селевкию и все другие области Месопотамии, которые он захватил во время набега. Он назначил и тетрархов над галло-греками, — это нынешние галаты, соседи Каппадокии, — Дейотара и других, над Пафлагонией

Аттала, а над колхами Аристарха. В Команы он назначил великим жрецом богини Архелая, так как эта власть равна царской, а фанагорийца Кастора назвал другом римского народа. И другим он дал много земель и денег...» (App., Mithr., 114). Таким образом, в результате походов римлян Армения, Албания и Иберия оказались в политической зависимости от Рима. Сирия, Коммагена и Киликия попали под власть Рима. Помпей выделил Колхиду в качестве отдельной политической единицы, а ее бывшую метрополию – Понтийское царство – упразднил. Боспорское царство и Херсонес Таврический остались за Фарнаком II, сыном Митридата VI, выступившим против отца и за это объявленным «другом и союзником римского народа» [15, 28-31; 23, 41-47; 29, 360].

Выведение Колхиды из состава новообразованной Понтийской провинции и назначение ее правителем Аристарха было одним из значительных элементов помпеевской реорганизации Востока. Колхида, как и другие страны Закавказья (Иберия, Албания), представляла надежный тыл и удобный стратегический плацдарм против Парфии в борьбе за Армению. как видно, Рим не имел существенной материальной заинтересованности в Колхиде. Здесь Империей экономические интересы мало двигали. Главным для нее было геостратегическое положение Колхиды и охрана кавказских перевалов [25, 29-31]. Помпей назначил «династом колхов Аристарха» [App., Mithr, 114]. Аристарх очевидно был достаточно энергичным правителем. По крайней мере, он сумел навести в Колхиде порядок и при поддержке Римлян восстановить единство страны [26, 47].

Однако относительная стабильность до-

стигнута при Аристархе продлилась недолго. В 49 г. до н.э. между Цезарем и Помпеем вспыхнула гражданская война. Результаты этого конфликта оказали большое влияние на политическое положение Колхиды. Вооруженные силы Колхиды активно помогали своему сюзеру Помпею. По сведению Цицерона (106-43 гг. до н.э.) колхи в 48 г. до н.э. участвовали в решающем сражении между Помпеем и Цезарем, который произошел в Балканах, у города Фарсал [Cic., Att., IX, 9; Cic., Att., IX, 10]. Несмотря на то, что после поражения и гибели Помпея, Аристарх смог временно удержать власть в Колхиде, его судьба уже была решена [26, 91-100].

В 48-47 гг. до н.э. Колхида стала ареной новых военных действий. Боспорский царь Фарнак воспользовался сложившейся после битвы при Фарсале ситуацией, вторгся в Малую Азию и попытался восстановить Понтийскую державу Митридата. Ослабленные в результате последних событий войска колхов не сумели остановить врага [26, 103-104]. По словам Диона Кассия, Фарнак «легко подчинил себе Колхиду и всю Армению в отсутствие Дейотара и покорил некоторые города Каппадокии и Понта, приписанные к Вифинской области» [Dio Cass., XLII, 45, 1-3]. Для защиты римских территорий из Александрии срочно вернулся сам Цезарь и у города Зелы в Понте наголову разбил Фарнака, который вынужден был бежать на Боспор. После разгрома Фарнака II Цезарь назначил царем Боспора Митридата Пергамского [App., Mithr., 120; Dio Cass., XLII, 45-48]. Митридат двинулся берегом Черного моря через Колхиду, по пути разграбил святилище Левкотеи, которое до этого уже грабил Фарнак. По словам Страбона, находившееся в Колхиде святилище Левкотеи, «некогда богатый...был ограблен Фарнаком и несколько позднее Митридатом Пергамским. Ибо, по словам Еврипида, после разорения страны «страдает божество, не жаждет поклонения» [Strabo, XI, 2, 17]. Контекст явно указывает на разорение страны. Какова была ситуация в Колхиде после этих событий, кто

управлял ею, неизвестна. Об этом источники ничего не говорят. Не исключено, что после походов Боспорского царя Фарнака, а затем Митридата Пергамского, в Колхиде снова пало центральная власть и страна распалась на отдельные административно-территориальные единицы - «скептухий», что вызвало хаос и внутреннее противостояние [24, 265-289]. Тем более, что после отъезда Цезаря на запад, военно-политическая обстановка на восточных границах Рима резко изменилась. Первым серьезным ударом по политической системе, созданной Цезарем на востоке, была гибель его верного союзника Митридата Пергамского. В 47 г. до н.э., когда же армия Митридата Пергамского приблизилась к непосредственной территории Боспора, то была разбита силами Асандра, провозглашенного царём боспора после смерти Фарнака [App., Mithr., 120; Dio Cass., XLII, 45-48; 11, 110-113; 12, 56-64]. Смерть Митридата Пергамского поколебала политическую ситуацию, сложившуюся в Малой Азии после победы Рима над Фарнаком.

После неудачной попытки Фарнака II восстановить Понтийское царство, Цезарь оставил в силе основные результаты реформ Помпея. Но созданная Помпеем на Ближнем Востоке политическая система долго не продержалась, причиной чего являлась радикальная трансформация восточной политики Рима, вызванная обострением римско-парфянских противоречий.

В 60 -х гг. I в. до н.э., после походов Помпея на Ближний Восток, непосредственным соседом Рима стало Парфянское царство. Период мирного сосуществования Парфии и Рима оказался кратким и с 50 - ых гг. I в. до н.э. начинается долгое противостояние между ними за господство в Передней Азии. Большое значение имела решительная победа, одержанная парфянами над римскими войсками, вторгшимися в их владения под начальством Марка Лициния Красса. В битве возле города Карры (53 г. до н. э.) римские войска были почти полностью истреблены. Погиб также сам Красс,

один из членов «первого триумvirата». Фиаско Красса должно было поставить Парфию наравне, если не выше, с Римом, в глазах людей от Средиземноморья до Инда [Strabo, XL, 9.2; Dio Cass., XL, 14; Plin., NH. V, 88; Justin., XLI, 1,1; Herodian., IV. 10; Plut., Antonius 34]. Земли к востоку от Евфрата отныне безусловно принадлежали Парфии, и Евфрат оставался границей между Римом и Парфией до 63 г.н. э.

Победа парфян над Крассом имела для народов Востока большое значение. Она приостановила дальнейшее продвижение римлян на Евфрате, поколебала их положение в Малой Азии, Сирии и Палестине и установила ту систему политического равновесия между Римом и Парфией, которая с небольшими перерывами существовала вплоть до падения державы Аршакидов. По данным античных источников, Парфия по своему политическому значению не уступала Риму. Борьба между Парфией и Римом приняла перманентный характер и в результате этого противостояния на Востоке сложилась система т. н. «политического дуализма». Борьба за гегемонию на Ближнем Востоке не ограничивалась только военными действиями. Вокруг Парфии и Рима начинается объединение различных политических и социальных сил. Римляне объявляют себя продолжателями политики эллинистических царей и пользуются большой поддержкой греко - эллинистического населения Востока. Парфянское царство напротив, стало объединительным центром всех антиэллинистических кругов и недовольных римским порядком социальных или политических групп. Парфяне считали себя наследниками Ахеменидского Ирана и заявляли претензии на находившиеся под римским владычеством территории, некогда принадлежавшие Ахеменидам [21, 67-70; 6, 49-78; 7, 138-140].

Цезарь попытался окончательно решить восточный вопрос и аннексировать Парфию. В последние месяцы своей жизни Цезарь начал планировать большую кампанию против парфян [22, 37]. К ней были готовы 16 легионов и десятитысячная кавалерия [Arrian.,

Bell. Civ. II. 110]. Экспедиция должна была проследовать в Парфию через территорию Малой Армении [Suet., Iulius., 44; ср.: Plut., Caesar., 58]. Победа над парфянами сделала бы Цезаря в глазах всего Востока прямым преемником Александра Македонского и законным монархом, но убийство Цезаря в марте 44 г. до н. э. положило конец его планам и спасло парфян от очень серьезной войны с римлянами [12, 62].

После смерти Цезаря в Риме вновь началась внутренняя смута. В Италии утвердились члены «второго триумvirата» - Октавиан, Антоний и Лепид, восточные провинции - Сирия, Азия, Греция и Македония перешли в руки республиканцев. Осенью 42 г. до н. э. при Филиппах республиканцы были разбиты. Триумвиры произвели передел провинций. Восток достался Антонию и он сразу же отправился в Азию [App., Bell. Civ., V, 1; 4. 325].

Обстановка на Востоке была довольно сложной. Города и провинции сильно пострадали от последней гражданской войны. Зависимые от Рима царства враждовали между собой. С появлением в Азии Марка Антония в 42/41 гг. начался новый этап в жизни Римского Востока. Антоний вновь изменил политическую карту Ближнего Востока. Он провёл ряд мероприятий, которые значительно изменили систему управления, введенную Помпеем и продолженную Цезарем [App., Bell. Civ., V, 75; Dio Cass., XLXIX].

Антоний беспрепятственно распоряжается в Азии: приказал городу Тиру возвратить Иудейскому царству завоевание им области [Jos. Flav., Ant. Jud., XIV, 12; Bell. Jud., I, 12]; признал Асандра царём Боспора; Аминта, управлявший Писидией и Фригией, сделан был царем Галатии с присоединением областей Ликаонии и части Памфилии; Пафлагонию же передал династу Дейотару Филадельфу [16, 329], а Киликию Трахею – Клеопатре [12, 74; 20, 34]. Для укрепления восточных границ Марк Антоний отказался от созданной Помпеем системы управления и восстановил упраздненные им государства, поставив во

главе их угодных ему династов. Целью данных мероприятий было создание прочного кольца буферных государств вокруг восточных владений Рима. В числе прочих, на небольшой территории вокруг Амиса, Амасии и в Фаземонитиде было возрождено и Понтийское царство, во главе которого в 39 г. до н. э. был поставлен сын Фарнака Дарий. владения Дария включали Фаземонитиду с Неаполем, территории Амиса, Амасии, а также Газелонитиду и побережье от Фарнакии до Колхиды [28, 300; 29, 433].

О правлении Дария известно, что он выплачивал дань Риму [App., Bell. Civ., V. 74] и правил недолго. Вскоре его сменил бывший правитель Киликии Полемон, сын ритора Зенона из Лаодикеи на Лике [Dio Cass., XLIX, 25]. Полемон, вместе с отцом успешно отразил в 40 г. нападение парфян [App., Bell. Civ., V. 75; Strabo, XL. 8. 16; XIV. 2. 24; 3, 438]. За твердую антипарфянскую позицию Антоний сделал Полемона I сначала царем Киликии Трахеи и части Ликаонии [App., Bell. Civ., V. 75; Strabo, XII. 6.1; 8,16; XIV, 5, 6], а в 37 г. объявил царем Понта. Этим Антоний обеспечил себе верного союзника против парфян. Уже в 36 г. до н. э. Полемон в качестве царя Понта участвовал в экспедиции Антония против парфян [Cass. Dio., XLIX, 25, 4]. Обстоятельства устранения Дария и династии Митридатидов с понтийского престола неясны. Как видно, замена на престоле Понта старой династии на новую, не имевшую никакого отношения к Митридатовскому дому, было обусловлено недоверием Антония к Дарию, внуку Великого Митридата [28, 302-308;].

Что же касается Колхиды, она была введена в состав восстановленного Понтийского царства. По словам Страбона, «После крушения могущества Митридата вся его держава распалась и была разделена между многими правителями. В конце концов Колхидой завладел Полемон, а после смерти последнего правила супруга его Пифодорида, которая была царицей колхов, городов Трапезунта и Фарнакии и лежащих выше варварских областей»

[Strabo, XI, 2, 18]. Однако, когда Колхида конкретно вошла в состав Понтийского царства Полемонидов, нам неизвестно. Античные авторы – Плутарх, Аппиан, Дион Кассий - ничего не сообщают об этом. Существует мнение, что Колхида была присоединена к Понту не при Антонии, а позднее, при Августе [14, 240; 13, 1232]. Но, по мнению большинства исследователей, исходя из сложившейся в то время на Востоке политической конъюнктуры, Колхида была присоединена к Понту во время Антония [15, 126; 28, 312-313; 17, 911]. Вряд ли Антоний оставил без внимания Колхиду, которая после гибели Митридата Пергамского оказалась без правителя, что создавала опасность вообще потерять эту страну [15, 127]. При этом, передача Колхиды Полемону должна была иметь место не непосредственно в момент воцарения Полемона, а несколько позже, поскольку воцарение Полемона совпало по времени с началом римско-парфянской войны, продлившейся до 35 г. до н.э., поэтому Антоний не имел возможности решить вопрос Колхиды [18, 75]. Тем более, что Полемон активно помогал римлянам и в 36 г. до н.э. попал в плен союзникам парфян мидийцам [Plut., Ant., 38; Cass. Dio., XLIX. 25. 4], в котором находился в течение одного года. А без полемона Антоний конечно же не стал бы решать вопрос Колхиды [18, 75].

В 35 г. до н.э. Полемон был освобожден из плена за выкуп [Plut., Ant., 39]. В том же году закончилась война с Парфией. Весной 34 года Антоний провёл успешный поход в Армению. Столица Армении Арташат была взята и разграблена. Царь Артавазд был казнен, а Армения объявлена завоеванной [Plut., Ant., 52; Tac., Ann., II; Cass. Dio, XLIX, 39-40; Strabo, XI, 14-15]. В следующем, 34 г. до н.э. Антоний занялся азиатскими делами: Ариарат Каппадокийский был казнен за измену, а его владения были переданы Архелаю Коммагенскому [Dio Cass., XLIX, 32]. Та же участь постигла и правителя Итурей [Dio Cass., XLIX, 32]; Клеопатра получила титул «царица царей», а ее владения были значительно увеличены путём присоединения к Египту острова Кипра и Келесирии [Plut., Ant., 54; Cass. Dio, XLIX, 41];

«затем сыновей, которых Клеопатра родила от него, он провозгласил «царями царей» [Plut., Ant., 54]. Малолетний сын Антония и Клеопатры, Александр Гелиос, был провозглашен царем Армении, Мидии и даже царём Парфии (как только эта страна будет завоевана – Plut., Ant., 54), а младший сын, Птолемей - царём Финикии, Сирии и Киликии [Plut., Ant., 54; Cass. Dio, XLIX, 41].

Как уже отмечалось, в 35 г. до н.э. Полемон был освобождён из плена. Он прибил к Антонию, в Александрию в качестве посла царя Мидии Атропатени. Полемону удалось добиться союза между Мидией и Антонием. В награду царь Понта в 35—33 гг. получил

в управление Малую Армению (Cass. Dio, XLIX, 33, 2 – 44, 3). Именно в это время Полемон должен получить и Колхиду [28, 312-313; 18, 75-76].

В период правления Антония в состав владения Полемона, кроме Колхиды и Малой Армении, входили земли бассейна рек Лика и Ирисса, Восточная Фаземонитида, Амасия, Амис, Фарнакия и Трапезунт с частью Черноморского побережья [28, 310; 29, 434-435].

Несмотря на кратковременность правления Антония, созданное им Понтийское царство просуществовало довольно долго, до 63 г. н.э. и на протяжении всего этого периода Колхида являлась его неотъемлемой частью.

References:

- [1]. Appian. Roman History: The Civil Wars. Translated By H. White. Harvard University Press, 1979.
- [2]. Appian. History of Rome: The Mithridatic Wars. translation by H. White and J. Lendering. Harvard University Press, 2004.
- [3]. A.A. Barrett. Polemo I of Pontus and M. Antonius Polemo. - *Historia*. 1978. Bd. 28, T. 3. P. 438-440
- [4]. H. Bengtson. Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1977.
- [5]. H. Buchheim. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg, 1960.
- [6]. A. G. Bokshchanin. Parthia and Rome. part. 2, M., 1966 (in Russ.).
- [7]. N.C. Debevoise. A political history of Parthia. Chicago, 1938.
- [8]. Cicero. Letters to Atticus. Vol. II. Edited and translated by D.R. Shackleton Bailey. Harvard, 1999.
- [9]. Dio's Roman History. Volume 1. London: W. Heinemann; New York: MacMillan, 1974.
- [10]. M. Dreher. Pompey in the Caucasus. - *Journal of Ancient History*, 1994, N 1.
- [11]. V. F. Gaidukevich. Bosporan Kingdom. М.-Л., 1949 (in Russ.).
- [12]. E. S. Golubtsova. Northern Black Sea region and Rome at the turn of our era. М., 1951 (in Russ.).
- [13]. W. Hoffmann. Polemon // *RE*. 1952. Bd. 21. Hbd. 42.
- [14]. M. P. Inadze. Cities of the Black Sea coast in ancient Colchis. Тб., 1968 (in Russ.).
- [15]. N. Lomouri. Georgian-Roman Interrelationship. Tbilisi, 1981 (in Russ.).
- [16]. Th. Mommsen. The History Of Rome. Vol. 5. Cambridge, 1995.
- [17]. E. Olshausen. Pontos und Rom (63 v.Chr.—64 n.Ch.). - *ANRW*. 1980. Bd. II, T. 7, 2.
- [18]. T. T. Todua. Colchis part of the Pontic Kingdom. Тб., 1990 (in Russ.).
- [19]. The Geography of Strabo: An English Translation, with Introduction and Notes D. W. Roller. Cambridge University Press, 2014.
- [20]. The Cambridge Ancient History. Vol. X. Cambridge, 1963.
- [21]. K. Pipia. Relations of Parthia-Rome in the Middle of the 1st Century B.C. and Formation of the System of „Political Dualism” in West Asia. - *Caucasian Messenger*, XII, 2005. (in Georg.).
- [22]. K. Pipia. The Roman Empire and integrative processes in the Black Sea region (I century B.C. - I century A.D.)» – *HALK 2017. 2nd International Conference on History, Art, Literature and Culture in South Caucasus and Black Sea Region.*» abstracts book. Тб., 2017, p. 36-38. (in Georg.).

- [23]. K. Pipia. The Issue of Separation of Colchis from the Kingdom of Pontus. - Marie Brosset-210, Tbilisi, 2012, p. 37-51. (in Georg.).
- [24]. K. Pipia. Pompeys and Aristarchos. - Bedia, N 8-9, Tbilisi, 2010, p. 257-289 (in Georg.).
- [25]. K. Pipia. Rome and the Eastern Black Sea Coast in the I-II Centuries (Political Relations). Tbilisi, 2005. (in Georg.).
- [26]. K. Pipia. Aristarchus of Colchis. Tb., 2023.
- [27]. Plutarch. Parallel Lives. Chicago University Press, 2022.
- [28]. S. Saprykin. The Pontic Kingdom. M., 1996.
- [29]. D. Magie. Roman rule in Asia Minor. vol. I. Princeton, New Jersey, 1950.

KAKHABER PIPIA

Doctor of history, Professor of Sokhumi State University (Georgia)

THE FOREIGN POLICY OF ANTONIUS AND THE EASTERN BLACK SEA COAST

Summary

After the campaigns of Gnaeus Pompey, the “Roman order” was established in in Nearer asia and the transcaucasus. In 64 B.C. the Eastern Coast of the Black Sea were officially declared as the Roman lands by the act of Amisus. In 65-35/33 B.C. Colchis as a separate, whole administrative-political entity was subdued to Rome. During the certain time, Colchis was directly dependent to the Roman Empire. After the death of Caesar, during Antonius the eastern policy of Rome changed. Antonius gave up his predecessor’s policy and began restored the Asian kingdoms liquidated by Pompey. In 39 BC the Pontic kingdom was also restored, headed by Polemon of Laodicea. Later, Antony further enlarged kingdom of Pontus. In 35-33 BC Lesser Armenia was given to Polemon. It is highly probable that, together with Lesser Armenia, Polemon obtained from Antony Colchis. Since then Colchis became part of Pontus of Polemons for a long time.

НОДАР БЕРУЛАВА

Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского Государственного
Университета (Грузия)

**ОБ ОСВЕЩЕНИИ НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ АРХЕОЛОГИИ АБХАЗИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.11>

Имя Александра Юрьевича Скакова хорошо известно всем, кому довелось заниматься проблемами археологии и истории Кавказа. Однако, археология и история – лишь один из аспектов деятельности А. Скакова. Кроме этого он был координатором рабочей группы Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН, известным политологом и, вообще, специалистом по делам Кавказа «широкого профиля», работающим на правительстве РФ и, соответственно, являющимся своего рода рупором кремлёвской антигрузинской пропаганды.

Представленный нами материал является откликом на публикацию А. Ю. Скакова «Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников». Автор в данной работе преследует цель очередной раз обосновать давно вынашиваемый им тезис – о неоднородности Колхидской культуры и этнического состава носителей этой культуры. Скажем прямо, ничего предосудительного в подобном подходе, в научном отношении, конечно, нет, если бы не изначально предвзятое стремление автора (причём нескрываемое и прямо декларированное уже в первых строках рассматриваемой публикации), – во что бы то ни стало, опровергнуть общепризнанное (как это признает сам А. Скаков) в науке положение о древней Колхиде, как о колыбели древнегрузинской государственности и отождествление данной культуры с картвельскими племенами, известными в античных источниках, как колхи, а также исконном ареале проживания протокартвельских (точнее, мегрелочанских и сванских) племен.

Однако, для ниспровержения устоявшей-

ся, общепринятой концепции недостаточно просто найти ряд аргументов, подвергающих сомнению некоторые ее положения и допускающих иное толкование. Для этого следует если не создать свою, более убедительную версию, то, как минимум, доказать наличие значительного числа фактов, объяснение которых в рамках существующей концепции невозможно. Именно с этой задачей, несмотря на долгую и тщательную подготовку, собирание и соответствующую интерпретацию фактов, автор, на наш взгляд, не справился. Факты, как их ни интерпретируй, вещь упрямая и объективно картина, нарисованная А. Скаковым, несмотря на все старания и риторику автора, едва ли может соответствовать намеченной им цели.

Эта довольно обширная статья делится на ряд глав, каждая из которых заслуживает отдельного рассмотрения.

Начнём с главы: «Многоплеменность Западного Закавказья», которая особенно насыщена критическими замечаниями и собственными оригинальными версиями. По утверждению А. Скакова, Западное Закавказье имело разноплеменное население и было этнически пестрым. Поэтому «ставшие своего рода аксиомами» представления о единой колхидской, тем более – «колхидско-кобанской» археологической культуре, должны быть пересмотрены». Учёный на этом не останавливается и призывает пересмотреть также и тезис о «якобы могущественном Колхидском царстве», подчинившем греческие колонии побережья. Эта точка зрения ему кажется малодостоверной из-за того, что сведения о нем почерпнуты из мифов и «крайне незначительного числа

источников». Ссылаясь на довольно спорный вывод грузинского нумизмата Г. Дундуа, А. Скаков отрицает и «факт существования единого Колхидского царства в II-I вв. до н. э. ... на основании нумизматического материала». Что же касается «страны Кулха» урартских источников он её помещает «в значительно более южных районах Восточного Причерноморья (область Кларджети в течении реки Чорох)» и считает, что она не имеет отношения к Абхазии.

В этой связи, вольно трактует А. Скаков сведения Страбона. Приводя сообщение древнегреческого географа о том, что цари Колхиды «владели страной, разделенной на скептухии» и «благополучие их было невелико», учёный проводит параллель с явно отсталыми племенами региона – гениогами, имевшими 4 «царства», поделенные еще и на «скептухии», и соанами у которых власть царя ограничивалась советом из 300 племенных вождей. «Тем самым, – пишет А. Скаков, – в один ряд встают якобы могущественные колхи, отсталые пиратские племена... и горцысоаны: царская власть и у тех и у других была достаточно слабой, говорить о существовании устойчивых государственных образований для этого времени не приходится». Вместе с тем, и «имеющиеся археологические и лингвистические данные не позволяют говорить о культурном и этническом единстве населения Западного Закавказья во II-I тыс. до н.э.». Исходя из этого, российскому исследователю представляется необоснованным «напрямую связывать его (Колхидское царство – авт.) с исключительно с картвельским или же только с абхазо-адыгским кругом».

То, что Западное Закавказье, в целом, на самом деле, было разноплеменным - вряд ли серьезно кто-либо будет оспаривать, но это вовсе не означает, что вся территория исторической Колхиды представляла собой сплошной «интернационал». Совершенно очевидно, что Большая часть региона, в том числе, по меньшей мере центр и побережье Абхазии – окрестности Диоскурии-Сébastополиса, Пи-

тиунта и т.д. были сугубо колхскими. Вообще, идея о разноплеменности Колхиды не нова. В абхазской историографии и ранее были попытки объяснять отсутствие в античных письменных источниках упоминаний об абхазских и прочих племенах на основной территории Колхиды тем, что последние в глазах иностранцев обычно ассоциировались с колхами. Однако, упоминание по соседству с колхами кораксов, колов и др. означает, что имя колхов в раннеантичный период еще не «перекрывало» названий других, более менее автономных (хотя, вполне вероятно, этнически близких колхам) племен Колхиды, в т. ч. «колхских», по словам Скилака племен («колхских» этнически или политически? Или и то и другое?) – кораксов и мосхов. Соответственно, на остальных территориях Колхиды жили именно колхи, иначе бы названия других неколхских племен сохранились в источниках, подобно кораксам и колам. А это были центральные, ведущие районы Колхиды, в т. ч. и нынешней Абхазии, так что если даже «уступить» живущих где-то в горных ущельях кораксов и колов абхаз-адыгам, картвелы (или, если угодно, протокартвелы) в Абхазии в ту эпоху все равно выглядят не пришельцами, а основным этническим элементом, занимающим большую часть этого края, включая его ведущие, приморские районы.

К тому же, интересно, если, как считает автор, в Колхиде были и другие племена кроме колхов, то чем объяснить молчание о них письменных источников эллинистического периода? Как уже отмечалось, отсутствие упоминаний до н.э. предков абхазов в письменных источниках традиционно пытались объяснить именно тем, что иностранцам трудно было их отличить от колхов – Иначе говоря доминированием колхов (что, кстати, говорит в пользу версии о едином Колхидском государстве, столь рьяно отрицаемом А. Скаковым).

Что касается греческих мифов, то они имеют свойство подтверждаться. Ведь Троя, Минойская держава, Великая Фригия и др.

государства были известны сперва исключительно по древнегреческому мифологическому наследию, и лишь позже эти сведения нашли научное подтверждение. Почему доантичная Колхида должна быть исключена? Возможно, археологический материал прямо и не подтверждает факт существования Колхидского царства, но и не отвергает. В. Голенко, основываясь именно на нумизматических данных, говорит о наличии устойчивых монархических традиций в Колхиде. А территория Кулхи действительно начиналась в южной Грузии, где она граничила с Урарту. Но неясно, докуда она доходила на севере и западе. Страна, оказавшаяся столь серьезным противником для сверхдержавы раннежелезного века, маленькой быть не могла. Ведь не говоря уже, что захват лишь одного ее пункта – Илдамуша (не столицы, как иногда полагают, а города, управлявшегося царским наместником) урартский царь считает большим достижением, надо помнить, что Кулха первая дерзнула бросить вызов находящемуся тогда на пике могущества Урарту, захватив ее данника – Диаохи. И что сумелатаки ее удержать в итоге долгой борьбы, а все ответные походы урартов в Кулху были лишь попыткой вернуть утраченные земли Диаохи!

Малоубедительным представляется и попытка А. Скакова, провести параллель между колхским государством Савлака и разделенными на 4 условных «царства» племенами генихов. Следует отметить, что эта идея не новая и активно мусировавшаяся в свое время Ю. Вороновым. На самом деле общим у колхов и генихов (кроме материальной культуры) можно назвать только наличие института «скептухов». Но это неоднозначный термин, обозначающий в зависимости от контекста то вождей, то князей, наместников и т.д. И если генихи (как и соаны) выглядят в источниках отсталыми племенами, это не значит, что все выводы о них следует автоматически переносить на колхов. Сказочное богатство, например, Плиний Секунд приписывает именно Савлаку. К тому же отмечает, что тот владел

«землей соанов», которая по контексту не была всем его царством, или даже основной его частью. Так что, он явно правитель довольно солидного образования, которое неверно было бы ставить в один ряд с генихами и пр. Другое дело, что государства (и центральная власть в них) то усиливаются, то слабеют, что собственно и имел ввиду Плиний, говоря об «умеренной власти» наследовавших Савлаку колхских царей. Если Колхида, ослабев после Савлака, все же сохраняла хоть относительное единство, то, очевидно, она представляла собой нечто большее, чем рыхлый союз племен типа генихов с их 4 «царствами». Даже тот факт, что Плиний, Страбон и др. невысоко оценивают «благополучие» или «власть» поздних колхских царей, не противоречит существованию государства: их, очевидно, сравнивали с более ранними царями, периода расцвета страны. Бедность или слабая власть какого-нибудь гениховского царька никого бы не удивили, но от колхов явно ждали большего.

Что же касается утверждения А. Скакова о необоснованности прямой связи археологического и лингвистического материала Колхидского царства «исключительно с картвельским или же только с абхазо-адыгским кругом», то с картвельским он соотносится точно, а с абхазо-адыгским – только предположительно, да и то маловероятно для тех времен. Ниже будет видно, что автор реально сам же отводит неколхским (причем не-колхским опять же лишь предположительно) племенам весьма скромную долю даже на территории нынешней Абхазии, да и эти племена открыто называть «абхазскими» не решается. В любом случае, Колхида в течении многих веков признавалась окружающим миром страной в определенных, стабильных границах. Т.е., это не было случайное, аморфное объединение и ведущий этнический элемент в ней должен был быть.

А. Скаков явно выдаёт желаемое за реальное, когда говорит о том, что «Представление о существовании единой колхидской или, тем более, «колхской» культуры постепенно ухо-

дит в прошлое и становится не более чем фактом историографии» и отвергает положение о том, что в Колхидском царстве «превалировал картвельский (колхский и сванский) этнический элемент». «Колхи», – в понимании А. Скакова – «это собирательное название значительного числа племен, вероятно, разноразличных», локализуемых античными авторами «с одной стороны ... между Диоскуриадой и Апсаром» а с другой – «в окрестностях Трапезунта». И «именно в данном контексте следует понимать определение Гекатеем Милетским кораксов и мосхов как «племен колхов». В подтверждение вышесказанного, А. Скаков ссылается на «Схолии к Эсхилу», где «скифским племенем» признаны «халибы, населяющие север Анатолии, а сама Колхида располагалась в Скифии» а также и на сообщение Гезихия Александрийского, в котором кораксы названы «скифским народом». Учитывая данное обстоятельство, А. Скаков предостерегает от выводов относительно «этнокультурной ситуации в Восточном Причерноморье на основании информации такого характера».

Что сказать в связи с этим? Практически любую культуру можно при желании дробить на локальные варианты. Автор подтверждает данный тезис ссылками только на свои собственные публикации, а его мнения (явно субъективного и имеющего политический контекст) недостаточно для столь безапелляционного опровержения давно всеми признанного тезиса о существовании единой колхидской культуры. Это, впрочем, тема для отдельного разговора. А на то, что картвельский «этнический элемент» в любом случае «превалировал» в Колхиде (даже если предположить параллельное проживание предков абхазов где-нибудь в нагорье), указывают при внимательном прочтении и данные, приводимые самим А. Скаковым, в чем можно будет убедиться ниже.

Относительно авторской трактовки сообщений о том, что колхи проживали «с одной стороны ... между Диоскуриадой и Апсаром» а с другой – «в окрестностях Трапезунта».

Даже Прокопий Кесарийский в VI веке еще замечает, что «соседей трапезундцев обычно называют колхами», хотя сам же обычно относит последний этноним к лазам. Как известно, ещё Геродот называл «колхами» племена 19-й сатрапии Персии, шедшие в войске Ксеркса вместе с марами, а за ним и другие греки, тоже различали колхов-фасианов (т.е., фазисских колхов) и др. колхов, живущих южнее. Самое естественное объяснение этому – то, что Западная Грузия политически являлась Колхидой, а племена рна Трапезунда так называли из-за их близкого родства с ее ведущим этническим элементом. В историографии общепринято (на основе сведений Псевдо-Скилака Кариандского), что Колхида простиралась от Диоскурии до Апсара, а дальше жили уже отдельными группами небольшие племена колхов.

Все просто и понятно, гадать и придумывать что-либо ни к чему. Ситуация довольно типичная: есть государство, объединившее только часть близкородственных племен, остальные более или менее сохранили независимость (как было и со всеми эллинскими, славянскими, германскими и прочими государствами, из которых ни одно ни на каком этапе не смогло охватить все этнически близкие себе объединения, хотя никто на этом основании не считает какой-либо из данных этнонимов собирательным для разнородных племен). Следует отметить, что независимые или автономные колхские племена жили не только к югу, но и к северу от собственно Колхиды.

Тезис о том, что «колхи – это собирательное название значительного числа племен, вероятно, разноразличных...» - расплывчат и недоказуем. А главное, он даёт повод для отрицания того очевидного факта, что например трапезундские колхи, которые политически в Колхиду не входили, фазисским царям не подчинялись, колхами, соответственно, назывались не в «собирательном» значении, а именно из-за их этнической близости с фасианами. Примерно также как этнонимы «германцы», «славяне», «кельты» и прочие тоже

собираательные, распространявшиеся, очевидно, от какого-нибудь одного племени на группу родственных, хотя часто независимых друг от друга племен. Родственных прежде всего в языковом плане. Почему с колхами ситуация должна была быть иной? Конечно, в Колхиде, как и в любом государстве, могли жить иноязычные племена, которых также иногда собирательно называли колхами. Например – сваны, а также мосхи и кораксы Скилака. Из них, мосхи и сваны, уж точно картвелы (пусть и не колхи в узком смысле), а кораксы вполне могли быть и колхоязычным племенем и сваноязычным, но автономным, хотя едва ли полностью независимым.

В любом случае, вероятнее всего будет предположить политическое господство колхов над кораксами, а затем и колами, а позже – интеграцию и ассимиляцию этих племен с колхами, поскольку в эллинистический период они исчезают из источников. Позже, в начале н.э., они вновь фрагментарно всплывают в некоторых источниках, но это (как, кстати, замечает и А. Скаков) – явно компиляция с раннеантичных данных. Впрочем, все сказанное имеет значение лишь в том случае, если колы и кораксы действительно жили на территории Колхиды. Но по мнению А. Скакова, как будет видно дальше, кораксы и часть мосхов, хотя и считались, согласно Гекатею Милетскому, колхскими племенами, жили вне собственно Колхиды, несколько северо-западнее. В этом случае о них можно сказать то, что было сказано выше о трапезундских колхах, т.е. что «колхами» они, очевидно, должны были считаться не в собирательном, а в прямом (этническом) значении. Впрочем, А. Скаков в данном случае проявляет известную осторожность и называет прямолинейную трактовку таких определений «сомнительной», не исключая ее полностью.

Упоминания же «Схолии к Эсхилу» и Гезихий Александрийского о халибах и кораксах как о «скифских племенах», на самом деле сомнительная параллель. Тем более, что – это отрывочные сведения, а Восточное Причерно-

морье связывали с колхами постоянно и стабильно.

Далее А. Скаков отмечая, что «Наиболее ранние античные источники подтверждают наличие в регионе, занимаемом выделенной в середине XX в. Колхидской культурой, нескольких племенных общностей», критикует утверждение Н. Ломоури о том, что «все античные авторы, описывающие ситуацию в Восточном Причерноморье, называют здесь лишь один народ – колхов». При этом учёный обращает внимание на то, что чуть ниже Н. Ломоури «опровергает сам себя: «для VI-I вв. до н. э. реальным остается проживание в Северной Колхиде колхов, колов и кораксов». «Кроме того, – справедливо заключает А. Скаков, – этническую карту и этническую номенклатуру региона следует рассматривать в динамике, так как сомнительно, что на протяжении более чем полтысячелетия границы племен и племенных общностей оставались неизменными».

Мы, конечно, не можем не согласиться с выводом А. Скакова, о том, что ареал Колхидской культуры в целом (от р. Кызыл-Ирмак, почти до Геленджика), а тем более – Колхидскокобанской (включающей Северный Кавказ), едва ли мог быть на протяжении стольких веков этнически неизменным и однородным. Это относится к любому более-менее крупному этнокультурному ареалу и вряд ли стоит на этом заикливаться. Но нас ведь интересует в первую очередь территория современной Абхазии, на которой Н. Ю. Ломоури и др. исследователи (М. П. Инадзе, Д. Л. Мухелишвили) выделяют вместе с колхами кораксов и колов, что и дает повод говорить о том, что территория Абхазии была не чисто колхской. Однако, как увидим ниже, сам А. Скаков размещает эти племена (кстати, довольно убедительно) вне границ Абхазии, чем и обесценивает данную свою ссылку.

Иначе говоря, упрекая Н. Ю. Ломоури в том, что он противоречит себе, А. Скаков сам впадает в противоречие, настаивая на этнической пестроте античной Абхазии и в то же

время вынося за ее пределы два единственных, (кроме колхов) известных по письменным источникам этнонима, относимых другими исследователями к данному региону. Но даже если предположить, что он ошибается и кораксы с колами все же жили в нагорье нынешней Абхазии, то уверено это можно утверждать только для VI-IV вв. до н.э. (или даже только для VI, ведь упоминающий их в IV в. до н.э. Псевдо-Скилак также считается компилятором со Скилака Кариандского, автора VI в. до н.э.).

Упоминания колов и кораксов в I в. столь туманны, что здесь вполне вероятно простое, механическое калькирование с древних источников. По наблюдению М. Инадзе, именно §15 Плиния, где упомянуты кораксы – компиляция с древних текстов. А в предыдущем, 14 параграфе, при описании тех же мест, он их не упоминает. А есть ли сведения о них в промежутке между этими веками? Похоже, что они слились с колхами, либо (в лучшем случае) можно предположить, что территории данных племен, войдя в эллинистический период в состав Колхиды в качестве территориальных единиц, не замечаются по этой причине источниками и лишь с распадом Колхидского царства на составляющие единицы вновь ненадолго «всплывают», однако вскоре окончательно исчезают в водовороте бурных этно-политических процессов того времени. В любом случае, говорить о существовании этих племен в I в. можно лишь с большой долей скепсиса.

Безусловно прав А. Скаков, когда говорит о том, что «этническую карту и этническую номенклатуру региона следует рассматривать в динамике», но можно предположить как сужение, так и расширение этнического ареала колхов. В частности, в этом ключе следует рассматривать и наличие в определенные периоды весьма значительного картвельского элемента на Северо-Западном Кавказе (например, топонима «Старая Лазика» в р-не Туапсе, «колхских» племен кораксов и мосхов, помещаемых А. Скаковым севернее Колхиды,

«сваноколов» Птолемея и др.), о чем поговорим ниже.

Третья глава работы А. Скакова: «Этническая карта региона: от ПсевдоСкилака до Плиния» посвящается разбору сведений древнегреческих источников об исторической Колхиде раннеантичного и эллинистического периодов. В ней автор пытается обосновать свой основной тезис – многоэтничность восточного Причерноморья различного рода аргументами. В целом, к аргументации автора по этому вопросу у нас нет серьезных замечаний, хотя кое-что, на наш взгляд, всё же требует определённых разъяснений.

Например, мы не можем согласиться с выводом (лишь на основании сообщений Геродота о «соседях колхов», проживающих между их областью и Кавказским хребтом...);) А. Скакова о том, что «область колхов начиналась только у реки Фасис, то есть современной Риони». Эти «соседи» вполне могли обитать не между колхами и Кавказским хребтом, а рядом, восточнее колхов, но к югу от хребта. В любом случае, эти соседние объединения уже тогда, похоже, были под влиянием колхов (в частности, персидский протекторат приняли явно по их примеру) и не обязательно этнически чуждые им. Ведь на северо-востоке Колхиды жили сванские, а за ними – иберийские племена. Как будет видно ниже, сам А. Скаков этих «соседей колхов» ассоциирует с выделенной им же «джантух-лариларской» археологической культурой, а последнюю при всех оговорках связывает со сванами (т.е., опять же с грузинами). И это, по нашему мнению, вполне логично, т.к. у сванов должна была быть определенная специфика в рамках единой колхидской археологической культуры.

Кроме того, тезис о том, что северная граница исторической Колхиды проходила по р. Фасис, обычно подкрепляется следующей фразой Геродота: «...до Фазиса и владений колхов 30 дней пути». Однако, следует отметить, что данный текст слишком общий и не ясно, имеется ли в виду конкретно северная граница колхов, или центр их страны. Ведь

если, к примеру, сказать какому-нибудь иностранцу, что «от Тбилиси до Еревана, находящегося в Армении, можно доехать на поезде за день», то это вовсе не означает, что Ереван первый армянский пункт на пути из Тбилиси и лежит на самой границе с Грузией. Тем не менее, эта фраза не будет содержать конкретной ошибки и вполне приемлема в данном контексте, поскольку адресанта интересует путь до Еревана, а не подробности о границах. Абсолютно то же самое можно сказать и о вышеприведенной фразе Геродота. В конце концов, когда Ксенофонт говорит, что в его время потомок Аэта царствовал «на Фазисе», никто (включая и А. Скакова, как будет видно ниже) ведь не принимает этой фразы буквально и не пытается «впихнуть» все его «царство» (что бы оно из себя ни представляло) в названную реку или одноименный город. «Фазис» в обоих случаях – лишь приблизительный ориентир и как предполагаемое царство ксенофоновского «потомка Аэта», так и геродотовские «владения колхов», судя по контексту, должны были лежать на обоих его берегах.

То же самое можно сказать и в отношении сообщения ПсевдоСкилака Кариандского, согласно которому, «колхи занимали территорию от Диоскурии (район Сухума) до Апсара (ныне Гонио) : «за ними народ колхи и город Диоскуриада и Гиен, город эллинский». Диоскурия тут упоминается в северо-западном регионе Колхиды, но не обязательно на границе. Позже, когда появился Питиунт, его ведь также относили к Колхиде, а расширение Колхиды в северо-западном направлении в позднеэллинистический период (время предполагаемого появления Питиунта), когда эпоха колхского могущества была позади – мало вероятно.

Что же касается созвучия этнонимов: «колы» и «колхи», мы согласны, что это, действительно, не очень весомый аргумент для доказательства наличия прямой связи «этнонима «колы» с наименованием колхов». но это все же аргумент и одним махом отбрасывать его вряд ли оправдано. Тем более, что проти-

воположное мнение никакими аргументами вообще не подкреплено. Относительно же кораксов существует аргумент более веский – их упоминание Гекатеем, как «колхского племени».

В принципе мы не возражаем против точки зрения А. Скакова относительно локализации «колов» и «Колики» «северо-западнее современной Абхазии». Это, возможно, самый важный вывод в статье российского исследователя – своеобразный «момент истины», поскольку с «удалением» кораксов и колов (которых абхазские ученые однозначно считают предками нынешних абхазов и коренным населением Абхазии) за пределами современной Абхазии, единственными её обитателями практически остаются одни колхи. Если учесть, что наш российский коллега «за гениогами (и керкетами), на границе Колхиды» (гдето в р-не бассейна р. Псоу) помещает и мосхов, картвельское происхождение которых вряд ли ктонибудь может опровергнуть, то тогда предкам апсуа-абхазов автор места на территории нынешней Абхазии почти не оставляет. Причем, доводы автора звучат довольно убедительно. Здесь же отметим только, что автор фиксирует наличие западнее Сочи племени, имеющего какое-то отношение к Колхиде и колхам.

Нам представляется верной также и этническая картина Черноморского побережья, воспроизведённая на основе свидетельств Псевдо-Скилака и других античных авторов, хотя считаем необходимым отметить, что этно-племенная мозаика (а нередко и чехарда) наблюдается как раз к северу от Колхиды, а не в самой Колхиде. Неслучайно, что большая территория между Сухумской бухтой и р. Чорохи выглядит гораздо более стабильной и однородной.

Относительно же тезиса А. Скакова о необоснованности отождествления двух племен региона – соанов (сванов), и санигов, на том основании, что ...«саниги всеми античными авторами локализируются западнее Диоскуриады-Сébastополиса или же в районе этого го-

рода, а санны-соаны, наряду с фтирофагами, размещаются либо в горах над Диоскуриадой, либо значительно восточнее последней», то этот вывод далеко небесспорен. В этой связи, весьма надуманной кажется нам попытка учёного игнорировать совершенно чёткое указание Ипполита Римского (III в. н.э.), об идентичности суанов и санигов и объявить его «невразумительным высказыванием».

Следует обратить внимание на то, что соаны «размещаются» не только «либо в горах над Диоскуриадой, либо значительно восточнее последней», но они проживали и северо-западнее от Диоскуриады (Птолемеевские «свано-колхи»). Да и сообщение Ипполита Римского: «савны, т.н. саниги, которые распространены до самого Понта...». на наш взгляд, не содержит ничего «невразумительного». Возможно, в смысле точной географической локализации текст не совсем конкретен (ясно, что «савны» живут в Восточном Причерноморье, между горами и морем, но не совсем понятно, в каком именно пункте), но идентификация савнов (сванов) с санигами, «знак равенства» между ними вряд ли подлежит сомнению. И здесь ничего не меняет констатация факта, что «Не тождественны соаны и саннам, которых Арриан помещает недалеко от Трапезунта», так как соанов обычно идентифицируют со сванами (что, как будет видно ниже, при всех оговорках, в общем принимает и А. Скаков), в то время как, санны Трапезундского района, это чаны, хорошо известное мегрело-колхское племя, живущее в этом районе, сохранившем даже в нынешней Турции грузинское название «Чанети».

Не до конца внятно высказывается А. Скаков относительно самой этнической принадлежности соанов. По его мнению, «соаны, являющиеся... союзом племен, безоговорочно тождественны предкам современных сванов, хотя нельзя полностью исключать возможность некоторой преемственности между ними» При этом, А. Скаков не скрывает, что «Тождественность соанов и сванов не вызвала, кстати, сомнений у большинства как

абхазских, так и российских ученых» и ссылается на труды абхазского историка В. Ф. Бутба и некоторых российских исследователей. Несмотря на это, автор всё же считает неправомерной «проводить линию прямой преемственности между союзом племен конца I тыс. до н.э. и современным этносом затруднительно».

Скажем прямо, это утверждение (т.е. отрицание «прямой преемственности между союзом племен конца I тыс. до н.э. и современным этносом») в случае со сванами-соанами – не более «затруднительно», чем с любым другим этносом региона. Довольно путаное предложение данного отрывка должно, очевидно, означать, что соанское объединение автор считает союзом племен под доминированием сванов, но не чисто сванским. В принципе, мы не имеем ничего против подобного взгляда и считаем его вполне приемлемым. В частности, кроме сванов в него очевидно, входили мегрело-колхские племена (отсюда и двойное название «свано-колхи» у Птолемея), а также, не исключено, и иберийские и какие-нибудь северокавказские, или скифо-сарматские племенные группы (влияние соанов ведь не обязательно ограничивалось Кавказским и Лихским Хребтами). Но в любом случае, разделять соанов и нынешних сванов нельзя.

Конец главы посвящен проблеме гениохов, северо-западных соседей колхов. Автор склонен принимать версию о том, что гениохи были древнейшими обитателями практически всего Восточного Причерноморья, позже (очевидно, к началу раннеантичного периода) вытесненными из большей его части колхами и др. племенами, вследствие чего автор разделяет мнение Г. К. Шамба о том, что «со второй половины I тыс. до н.э. гениохийские племена в Восточном Причерноморье выглядят как отдельные островки». Соответственно, тех «гениохов», что основали вместе с махелонами в I в. царство в юго-восточном Причерноморье, он считает сохранившимся осколком многочисленного одноименного этноса, обитавшего там еще в доантичные времена, хотя

не исключает и их появления там на рубеже н.э., в результате бурных этно-политических процессов того времени на северо-западном Кавказе. При этом он, однако, отмечает, что «изменение этнической номенклатуры может и не означать изменения этнической карты региона» и вновь, очевидно, сводит на нет надежды абхазских историков, фактически отказываясь высказать четкое мнение об этнической принадлежности гениохов. Он выступает как против попыток связать гениохов (и санигов) со сванами, так и против выделения на территории Абхазии собственно «культуры гениохов» и их объявления, предками современных абхазов», на чём упорно настаивает абхазская историография.

Версия о том, что гениохи предшествовали собственно колхам на большей части исторической Колхиды, и ранее была популярна в Абхазии не только в ней. Повод для нее дает наличие еще в урартский период где-то на югозападе Грузии схожего (хоть и не идентичного) этнонима – «иганиехи», как и легендарные данные о проживании некогда гениохов на месте Диоскурии Фазиса. Сразу оговоримся, что ничего не имеем против данной версии, хотя считать ее доказаной, учитывая качество источников (и особенно – то обстоятельство, что греки при всем при этом все же всегда считали Восточное Причерноморье «Колхидой», а не «Гениохийей»), считаем преждевременным. Соответственно, вызывает удивление, что А. Скаков, при все своем осторожном отношении к письменным (а тем более – легендарным) источникам, практически безапелляционно заявляет, что «первоначальный ареал расселения гениохов (в качестве союза племен) в самом деле мог включать как Колхиду в узком смысле, так и прилегающие к ней с севера и юга территории». Тогда почему не сказать, что «первоначальный ареал обитания колхов» был от Геленджика до турецкого Орду? Что, кстати, совпадает с ареалом так нелюбимой А. Скаковым Колхидской Культуры?!

Сравнение же, гениоховских племен исто-

рической эпохи с «отдельными островками» явно служит цели представить их осколками некогда обширного одноименного объединения, ранее охватывавшего практически весь ареал археологической «Колхидской культуры» и, вероятно, создавшего ее. На самом деле гениохи в I тыс. до н.э. вполне компактно проживают на территории между Бзыбью (или Псоу), и Шахэ. Их владения не меньше, чем у прочих северных соседей Колхиды. Другое дело, что для четырех «царств» места действительно маловато. Но следует помнить, что греческие термины «басилей» и «басилей» неоднозначны и далеко не всегда относятся к настоящим царствам и царям, были «басилеи», представлявшие собой один городок с хорошей или несколько сел. Это – еще один повод не валить гениохов в одну кучу с Колхидой, стабильно локализуемой на довольно значительной территории. Однако в конце эллинистической эпохи на северо-западе Кавказе начались сложные миграционные процессы, вызванные перемещением джикских племен.

Этому весьма способствовали распад и безвластие в Колхиде после Митридатских войн и смерти Аристарха (в 48 г. до н.э.), создавшие в западном Закавказье вакуум сил, который просто не мог не вызвать активизации «горской стихии». Сам А. Скаков неоднократно и вполне справедливо связывает с этой активизацией перемещение части северокавказских этнонимов в Колхиду. Именно в рамках данных процессов начале н.э. гениохи, по-видимому под натиском зигов (джиков?) и санигов, действительно исчезают из мест основного обитания, а последний их осколок перемещается к макронам/махелонам, которыми впоследствии и поглощается. Эта миграция, скорее всего могла произойти по морю, что, впрочем, не должно было быть серьезным препятствием для известных мореходов-гениохов. Их нападение на Питиунт также могло быть результатом давления с севера или запада. В свете данных обстоятельств, версия (существующая, кстати, и в грузинской исто-

риографии) о каких-то таинственных «южных гениохах» – потомках упоминавшихся в урартских надписях «иганиехов», якобы прозябавших в забвении много веков и вдруг, в начале позднеантичного периода, воспрянувших из ниоткуда, кажется нам весьма надуманной.

И наконец, стоит ли проводить столь резкую грань между гениохами и колхами? Ведь если предположить, что гениохи – название одного из колхских племен, часть которого, оттесненная на север после создания Колхидского царства, сумела избежать поглощения победившими в данном процессе фасианами и сформировалась в отдельную племенную группу, то все вопросы снимаются сами собой. Но об их этнической принадлежности поговорим ниже.

В главе «Корреляция письменных источников с данными археологии» автор пытается подкрепить ранее выдвинутый тезис о полиэтничности колхидской культуры археологическими материалами, а также (несмотря на то, что сам же вполне справедливо выступает против отождествления археологических культур с конкретными этносами) – провести параллель между известными по греко-римским источникам этнонимами и выделенными им на территории Колхиды «археологическими культурами». Но давайте по порядку:

А. Скаков опирается на выдвинутую им же ранее (в том числе и на основании «некоторых, еще не введенных в научный оборот» данных) гипотезу о существовании в эпоху поздней бронзы – раннего железа «кобано-колхидской культурно-исторической общности, в рамках которой выделяется ряд самостоятельных, хотя и родственных культур» («Бзыбская», «Ингури-Рионская», «Джантухско-Лариларская», «Лечхумо-Имеретинская» и др. не вызвавшей, по его словам, «скольконибудь обоснованных возражений, исходящих из анализа археологического материала». По его мнению, материал из Тамышского, Бомборского и др. поселений того периода в Абхазии, «заставляет усомниться» в единстве

керамического комплекса этой эпохи в Западном Закавказье.

Хорошо еще, что именно «усомниться», а не огульно отрицать. Еще раз отметим, что говорить о «родственных археологических культурах, составляющих единую общность» или о единой культуре, поделенной на локальные варианты можно при желании применительно к одному и тому же явлению. Все дело в смысловом контексте, вкладываемом в эти слова, что опять же выходит за рамки археологии. Тем более, что составляющие «общность» культуры, раз уж они признаются «родственными», то стало быть, должны иметь и общее происхождение (т.е., опять же исходят из какойто одной культуры?). Так стоит ли «хоронить» единую Колхидскую культуру практически только на основании «еще не введенных в научный оборот» некоторых материалов? Ведь археология Колхиды не стоит на месте и что делать, если подобные материалы найдутся завтра в других ее районах, опять пересматривать концепцию?

Далее автор вновь выступает против отождествления «материальной и этнографической культур», т.е. археологической культуры и конкретного этноса. В данном случае он имеет ввиду прежде всего традиционное отождествление Колхидской культуры с картвельскими племенами. Особый интерес вызывает его фраза: «Как ни странно, доминирующие среди абхазских археологов ревнители тезиса о существовании единой колхидской культуры в своих построениях полностью единодушны с господствующей в грузинской исторической науке парадигмой».

Спрашивается, почему-же это «как ни странно»? Т.е. получается, что по «авторитетному» мнению (или может быть желанию?) нашего уважаемого коллеги, они обязательно должны во всем противоречить друг другу? Здесь, очевидно, самое время вспомнить о второй специальности автора, тем более, что он сам же признается, что это замечание имеет «не научный, а скорее, политический характер».

Следующая мысль А. Скакова находится в некотором противоречии с предыдущей. Теперь он пытается идентифицировать вычлененные им в Колхиде «археологические культуры» с упоминаемыми в античных источниках племенами. Так, территорию собственно колхов он соотносит с «Ингури-Рионской колхидской культурой», северные границы которой, впрочем, не ограничивает (несмотря на такое название) рекой Ингури, а включает в нее р-н Диоскурии вместе с Эшерой. Племена гелонов и меланхленов он с некоторыми сомнениями отождествляет соответственно, с «бзыбской культурой» и памятниками типа Гагринского могильника, либо «культуры, представленной обнаруженными недавно поселениями в районе Адлера». В нагорье восточной Абхазии и прилегающих районах Сванети он выделяет «джантухско-лариларскую культуру», которую с некоторыми оговорками относит к сванам, а также - «племенам, проживающим, согласно Геродоту, между колхами и Кавказскими горами».

Т.о. получается, что большая часть Абхазии, включая ее ведущие, приморские районы, остается за грузинами – колхами и сванами, не

считая «живущих где-то на границе Абхазии и Краснодарского края» мосхов. Остается добавить, что если уж относить Диоскурию, на основании письменных свидетельств, к территории колхов, то надо помнить, что и Пити-унт источники относили туда же. Остальная часть (фактически лишь междуручье Бзыби-Псоу) осталась племенам неясной принадлежности, абхазо-адыгское (и вообще некартвельское) происхождение которых на данный момент недоказуемо в принципе.

В результате, А. Скаков, несмотря на все старания, сумел выделить на территории античной Абхазии и соотнести с конкретными племенами всего 3 или 4 «археологических культуры» (из которых две крупнейшие сам же отнес к картвелам). Однако, на основании этих данных он тут же умудряется прийти к выводу о невероятной этнической пестроте данного региона. Что и пытается подкрепить сообщением Страбона о том, что в Диоскуриаду собирается если не 300, то уж не менее 70 народностей, причем «все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости» (XI,II,16).

Литература:

- [1]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа письменных источников. – Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института Востоковедения РАН. Т. 1. Абхазия. М., 2013. Электронную версию см.: Абхазская интернет-библиотека. http://apsnyteka.org.srv2.planethost.ru/1070-skakov_a_abkhaziya_v_antichnosti.html
- Наиболее наглядно это показано: А. Ю. Скаков. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа. – Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М., 2008. с. 143-172.
- [2]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 24-25.
- [3]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа ..., с. 24
- [4]. Г. Ф. Дундуа. Нумизматика античной Грузии. Тб., 1987, с.100 и след. Надо отметить, что Г.Дундуа не отрицает, как и не подтверждает существование Колхидского царства, а лишь констатирует недостаточность нумизматического материала для конкретных выводов по данному вопросу.
- [5]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с.25.
- [6]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 24, 49.
- [6] Страбон. География, гл.II, #5; В.Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб, 1893, т.1, с.137.

- [8]. Страбон. Ук.соч., с.138.
- [9]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 25.
- [10]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 25.
- [11]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 25.
- [12]. С. Н. Джанашиа. Историческая география Причерноморья. – Труды, VI. Тб., 1988, с. 296-314 (на груз. яз.); В. Джапаридзе. О некоторых проблемах археологии Северо-Западной Колхиды. Абхазия. – Исторические разыскания. Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтиме Такашвили. X-XI. Тб., 2008, с. 419. Электронную версию см.:
<https://sites.google.com/site/saistoriodziebani/dziebani2007-2008>
- [13]. З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 131-134; Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 195 и др.
- [14]. К. В. Голенко. Аристарх Колхидский и его монеты. К истории Колхиды I в. до н.э. – Вестник древней истории (ВДИ). №4, 1974, с. 110.
- [15]. Подробно см. Очерки истории Грузии, т. 1., Тб., 1989, с. 205-208.
- [16]. Ю. Н. Воронов. Некоторые проблемы социальной истории Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации. Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб., 1979.
- [17]. См. Д.Каллистова, А. Павловский, В.Струве. Всемирная история. М., 1956, т.2, с.414.
- [18]. Плиний Секунд. Естественная история, кн.33; В.Латышев, ук.соч., т.2, с. 197-198.
- [19]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 25. На этот раз автор ссылается исключительно на свои публикации: А. Ю. Скаков. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье. – Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010, с. 48-67; А. Ю. Скаков. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа. – Краткие сообщения Института археологии (КСИА). Вып. 223. М., 2009, с. 143-149; А. Ю. Скаков. Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X-VII вв. до н.э. – Российская археология. 2008. № 1, с. 15-27.
- [20]. Н. Ломоури. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. Тб., 1997, с. 5, 6.
- [21]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 26.
- [22]. Прокопий Кесарийский. Война с готами, М., 1950, с. 376.
- [23]. Геродот. VII, 79, см., В.Латышев, Известия..., т.1, с.57; об этом см., также, комментарии Г.Меликишвили. Очерки истории Грузии, т.1. Тб., 1989, с.219-222.
- [24]. Псевдо-Скилак. Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии; Латышев. Известия..., т.1, с.85-86.
- [25]. См. М. Инадзе. Древнеколхидское общество. Тб., 1994, с.258-259 (на груз.яз., с рус. резюме).
- [26]. О границах Колхиды см. там же, с.259.
- [27]. Псевдо-Скилак. Описание..., в кн.: В.Латышев, ук.соч., с.85.
- [28]. Плиний Секунд. Естественная история, кн.6, #15. Латышев..., с.179.
- [29]. А.Скаков. Абхазия..., с.28-30.
- [30]. Н. Ломоури. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи, с. 6-7.
- [31]. Н. Ломоури. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи, с. 16.
- [32]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 26.
- [33]. М.Инадзе. Вопросы этнополитической истории..., с.61; Д. Мухелишвили. Исторический статус Абхазии в Грузинской государственности. – Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тб., 1999, с. 115.
- [34]. М. П. Инадзе. Описание Колхиды в «Естественной истории» Плиния Старшего. «Кавказско-Ближневосточный сборник». Тб., 2001, с. 201 (на груз. яз.).
- [35]. Геродот. История..., гл.6. В кн. В. Латышев, Известия..., т.1, с.9.

- [36]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 27.
- [37]. Herod., I, 104. См. В.Латышев, т.1, с.9.
- [38]. Псевдо-Скилак, ук.соч., с.85-86.
- [39]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 28.
- [40]. Гекатей Милетский. Землеописание. См. Латышев, т.1, с. 2-3.
- [41]. Г.Шамба. К истории Абхазии в раннеантичную эпоху. Проблемы греческой колонизации Северного и восточного Причерноморья. Тб., 1978, с.339-340.
- [42]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 31.
- [43]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 32.
- [44]. Птолемей. Географическое руководство. Латышев, т.1, с.239.
- [45]. Иполит Римлянин, §233.
- [46]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 32.
- [47]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 32.
- [48]. В. Ф. Бутба. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». Сухум, 2001, с. 112.
- [49]. В.П. Буданова. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М. 2000, с. 346; А. В. Подосинов, М.В. Скржинская. Римские географические источники: Помпонию Мела и Плиний Старший. Тексты. Перевод. Комментарий. М. 2011, с. 310, примечание 463.
- [50]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 32.
- [51]. Г. К. Шамба. Культура племен Абхазии в первом тыс. до н.э. Авториферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ереван., 1987, с. 22.
- [52]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 34-35.
- [53]. Данная точка зрения берёт начало от З. В. Анчабадзе (З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 136-137), затем её отстаивал Ш. Д. Инал-ипа (Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 188), но наиболее активно этот тезис отстаивают авторы т.н. «учебного пособия» по истории Абхазии. См. О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии. С древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007, с. 61-67.
- [54]. Ю.Воронов. Ук, соч. с.27-36.
- [55]. З. Папаскири. Так не пишется история. Некоторые замечания по поводу т.н. «учебника» «Истории Абхазии» О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба. – „Кавказ и мир“. Международный научный журнал. №8, 2010. – Данную публикацию см. также в кн.: З. Папаскири. Моя Абхазия. Воспоминания и размышления. Тб., 2012, с. 324. http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/29851/1/Moia_Abkhazia.pdf.
- [56]. Страбон («География», гл.11, п.14) сообщает, что им принадлежит береговая полоса длиной в 1000 стадий (вдвое больше, чем у ахеев!), между Питиунтом и владениями Ахеев, т.е., до р. Шахэ.
- [57]. См. Л.Морган. Древнее общество. Л., 1935, с.142-143. Об этом подробно см.: С. М. Первалов. Проблема гомеровской царской власти в современной историографии. – Общество и государство в древности и средние века. Под ред. Ю. М. Сапрыкина. Изд-во МГУ. М., 1986, с. 14-34. Там же соответствующая лит.
- [58]. А. Ю. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 33,75.
- [59]. М.Инадзе. К истории племен, населявших Восточное побережье Черного моря (гениохи) Материалы По Истории Грузии и Кавказа, 1995, с.32 (на груз.яз.); Н.Ломоури. Западная Грузия в политической системе Рима (I-IV вв. н.э.). грузинская дипломатия, №6. Тб., 1999, с.78 (на груз.яз.). Г.Меликишвили. К истории древней Грузии. Тб., 1959, с. 114.
- [60]. См. А. Мошинский, А. Скаков. Кобано-колхидская культурно-историческая общность; внутренняя структура и отражающие ее понятия. – В. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения. 1 Всероссийские Миллеровские чтения. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008, с. 28-29.
- [61]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с.37-38
- [62]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 38.

- [63]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с.38.
- [64]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 40. Об этом см. также: А. Скаков. Хронология могильников Колхиды раннего железного века. – Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. 2. СПб., 2003, с. 142-144.
- [65]. Р. Мимоход, А. Скаков, А. Клещенко. Новые данные о поселениях р-на Сочи в эпоху раннего железа (по материалам раскопок в Имеретинской низменности). – Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова. Сухум, 2011, с. 61-74.
- [66]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 40.
- [76]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 41.

NODAR BERULAVA

Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)

ON THE COVERAGE OF SOME CONTROVERSIAL ISSUES OF THE ARCHEOLOGY OF ABKHAZIA IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Summary

The name of Alexander Yuryevich Skakov is well known to all who have had the opportunity to study the problems of archeology and history of the Caucasus. However, archeology and history are only one aspect of A. Skakov's activities. In addition, he was the coordinator of the working group of the Center for the Study of Central Asia and the Caucasus of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, a well-known political scientist and, in general, a "broad-based" specialist in Caucasus affairs, working for the government of the Russian Federation and, accordingly, being a kind of mouthpiece for the Kremlin's anti-Georgian propaganda. The material we present is a response to the publication of A. Yu. Skakov "Abkhazia in Antiquity: An Attempt to Analyze Written Sources." In this work, the author pursues the goal of once again substantiating the thesis he has long cherished – about the heterogeneity of the Colchian culture and the ethnic composition of the bearers of this culture. Let's be honest, there is nothing reprehensible in such an approach, in a scientific sense, of course, if it were not for the initially biased desire of the author (moreover, undisguised and directly declared in the first lines of the publication under consideration) - at all costs, to refute the generally accepted (as A. Skakov himself admits) position in science about ancient Colchis as the cradle of ancient Georgian statehood and the identification of this culture with the Kartvelian tribes, known in ancient sources as the Colchians, as well as the original area of the Proto-Kartvelian (more precisely, Megrelo-Chan and Svan) tribes. However, to overthrow an established, generally accepted concept, it is not enough to simply find a number of arguments that cast doubt on some of its provisions and allow for a different interpretation. To do this, it is necessary, if not to create your own, more convincing version, then, at a minimum, to prove the presence of a significant number of facts that cannot be explained within the framework of the existing concept. It is precisely with this task, despite the long and careful preparation, collection and appropriate interpretation of facts, that the author, in our opinion, failed. Facts, no matter how you interpret them, are stubborn things, and objectively the picture painted by A. Skakov, despite all the efforts and rhetoric of the author, can hardly correspond to the goal he has set.

In this regard, A. Skakov freely interprets Strabo's information. Citing the ancient Greek geographer's report that the kings of Colchis «owned a country divided into skeptukhia» and «their

well-being was not great», the scientist draws a parallel with the clearly backward tribes of the region - the Geniokhs, who had 4 «kingdoms» divided into «skeptukhia», and the Soanians, whose king's power was limited to a council of 300 tribal leaders. «Thus,» writes A. Skakov, «the supposedly powerful Colchians, backward pirate tribes ... and the Soanian mountaineers stand in the same row: the royal power of both was quite weak, and it is impossible to talk about the existence of stable state formations for this time.» At the same time, «the available archaeological and linguistic data do not allow us to speak of the cultural and ethnic unity of the population of Western Transcaucasia in the 2nd-1st millennia BC.» Based on this, the Russian researcher finds it unfounded «to directly connect it (the Colchis Kingdom - author) exclusively with the Kartvelian or only with the Abkhaz-Adyghe circle.» The fact that Western Transcaucasia, as a whole, was in fact multi-tribal is unlikely to be seriously disputed by anyone, but this does not mean at all that the entire territory of historical Colchis was a continuous «international.» It is quite obvious that the greater part of the region, including at least the center and coast of Abkhazia – the environs of Dioscuria-Sebastopolis, Pitiunt, etc. were purely Colchian. In general, the idea of the multi-tribal nature of Colchis is not new. In Abkhaz historiography, there have been previous attempts to explain the absence of references to Abkhaz and other tribes in the main territory of Colchis in ancient written sources by the fact that the latter, in the eyes of foreigners, were usually associated with the Colchians. However, the mention of the Koraxes, Kols, etc. in the vicinity of the Colchians means that the name of the Colchians in the early antique period did not yet “overlap” the names of other, more or less autonomous (although, quite probably, ethnically close to the Colchians) tribes of Colchis, including the “Colchian”, according to Skilak, tribes (“Colchian” ethnically or politically? Or both?) – the Koraxes and Moskhs. Accordingly, it was the Colchians who lived in the remaining territories of Colchis, otherwise the names of other non-Colchian tribes would have been preserved in the sources, like the Koraxes and Kols. And these were the central, leading regions of Colchis, including present-day Abkhazia, so that even if we “concede” to the Abkhaz-Adyghe who live somewhere in the mountain gorges of the Koraks and Koly, the Kartvelians (or, if you like, the Proto-Kartvelians) in Abkhazia in that era still do not look like newcomers, but like the main ethnic element occupying the greater part of this region, including its leading, coastal regions.

BEZHAN KHORAVA

Doctor of History, Professor, The University of Georgia (Georgia)

**THE LOST PAGES OF THE HISTORY OF VI CENTURY GEORGIA REVIEW OF
MANANA SANADZE'S WORK THE KING OF KARTLI DARCHIL (THE SON OF
VAKHTANG GORGASALI) AND THE CHRONICLES DESCRIBING HIS LIFE
(TBILISI, 2020).**

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.12>

The work *The Life of Vakhtang Gorgasali* by Juansher Juansheriani relates that after the death of King Vakhtang Gorgasali, his eldest son, Dachi, ascended the throne: "And his son Dachi sat on his throne". According to the same work, Vakhtang Gorgasali had two children, twins - a son and a daughter, with his wife Queen Balendukht, who was the daughter of the king of Persia. The queen "passed away during childbirth". Vakhtang "named his son Darchil in Persian and Dachi in Georgian".

Little information has survived to the present day about Dachi of Ujarma, also known as King Darchil. Until recent times, even the years of his reign were not determined. Scholarly and reference literature mentions him as Dachi of Ujarma, the king of Kartli in the early VI century. He was brought up in Ujarma and therefore is known by this epithet. According to Juansher's account, King Dachi completed the construction of the city walls of Tbilisi, which had been started during Vakhtang Gorgasali's reign, and in accordance with his father's will, he moved the capital from Mtskheta to Tbilisi. That is all.

Professor Manana Sanadze has dedicated a special monographic study to the life and deeds of Dachi of Ujarma, titled *The King of Kartli Darchil (The Son of Vakhtang Gorgasali) and The Chronicles Describing his Life* (Tbilisi, 2020).

Recently, M. Sanadze has been actively researching issues related to the history of ancient and early medieval Georgia, especially the reign of Vakhtang Gorgasali and his successors, the composition of the opening part of *The Kartlis Tskhovreba (A History of Georgia)*, etc. Notably, the researcher has provided a completely new

dating for the reign of Vakhtang Gorgasali.

Specifying the date of Vakhtang Gorgasali's death is crucial for the determination of the years of his reign. In contemporary Georgian historiography, the date of his death is accepted as 502 AD, as proposed by Ivane Javakhishvili. This date is based on Juansher's account, which states that Vakhtang Gorgasali died at the beginning of the second Byzantine-Persian war which took place during his reign. The researcher referred to the Anastasian War fought from 502 to 506 between the Eastern Roman Empire and the Sassanid Empire and dated Vakhtang Gorgasali's death to the fall of 502. Later, researcher Vakhtang Goiladze, based on a Syrian source, dated Vakhtang Gorgasali's death to 491 AD.

According to Manana Sanadze, Vakhtang Gorgasali's reign, instead of the traditionally accepted second half of V century, covers the end of V century and the first third of VI century. She dates his death to 531 AD and links it to his battle with the Persian Shah, Khosrow Anushirvan (531-579). It should also be noted that historian Mose Janashvili, in his *History of Georgia* published in 1906, dated Vakhtang Gorgasali's death to 532 AD, linking this event to the battle with Khosrow Anushirvan, a fact that M. Sanadze also highlights.

Scant information about King Dachi (Darchil) is preserved in *The Life of Vakhtang Gorgasali* by Juansher Juansheriani and in the *Chronicle of The Conversion of Kartli*. However, as M. Sanadze has found, the chronicles, which supposedly recount the lives of the Princes of Kartli - Mir and Archil, actually describe the life and deeds of Dachi (Darchil) and his half-brother, Mhrdat

(Mir). The reason for this is that Leonti Mroveli (XI century) mistakenly identified Darchil and his brother Mihrdat as the sons of King Stephanos III of Kartli, Mir and Archil.

After the death of Vakhtang Gorgasali and following the Persian occupation of much of Kartli, Dachi of Ujarma moved to Western Georgia and sought help from the Byzantine Emperor Justinian I (527–565). Meanwhile, in 532, a peace treaty was signed between Byzantine Empire and Sassanid Persia, known as the Treaty of Eternal Peace.

Earlier, researcher Tamaz Beradze speculated that the provisions of the 532 Byzantine-Persian Treaty of Eternal Peace were reflected in the will of Vakhtang Gorgasali, but he believed that Juansher Juansheriani had mixed the events of Vakhtang Gorgasali's period with those of the Great Persian-Byzantine War of 542-562 AD. New dating of Vakhtang Gorgasali's reign by M. Sanadze has clarified that the provisions of the Treaty of Eternal Peace were indeed reflected in his will.

According to Vakhtang Gorgasali's will, Dachi (Darchil), as his heir, succeeded to the royal throne, while his half-brothers received the principalities ranging from Tashiskari and Tsunda to the lands bordering with Armenia (Kvemo Kartli) and to the lands bordering Greece - Samtskhe, Klarjeti, and Javakheti (Zemo Kartli). They also received the region between Egristskali and Klisura rivers as their inheritance from their mother. According to the terms of the Treaty of 532, Vakhtang Gorgasali's second wife, Queen Elena, and her children inherited the three principalities in the southwestern part of Kartli — Tsunda, Klarjeti, and Odzrkhi. In fact, this territory came under the Byzantine protectorate. The ruler of this part of Kartli, holding the title of patricius (Byzantine governor), was Vakhtang Gorgasali's son, Mihrdat also called Mir.

As it turns out, Dachi of Ujarma was in Egrisi (Western Georgia) between 532 and 542 AD, before the start of military actions between the Byzantines and Persians in Georgian territories. At that time, Kartli was governed by a Persian

official, a Marzpan, appointed by the Shah, who was stationed in Tbilisi. During the period of the treaty, Dachi of Ujarma asked his brother, Mihrdat, to yield him control over the territory between Egristskali and Klisura rivers, while offering Mihrdat the northern part of Javakheti, from the Mtkvari River to Lake Paravani. For Dachi, who was stationed in Egrisi, the territory between Egristskali (the Enguri River) and Klisura (Kelasuri) was more important than the northern part of Javakheti, which lay between the Mtkvari River and Lake Paravani; for Mihrdat, however, the region between the Mtkvari River and Paravani Lake was of greater significance. Therefore, their interests aligned, and the exchange of the territories took place.

M. Sanadze correctly emphasizes that the cause of the military conflict between the Byzantine empire and Persia in VI century was control over the Great Silk Road and associated trade routes. The Byzantine empire sought to maintain control over the northern branch of the Silk Road, which passed from China and Sogdiana through the North Caucasus, Egrisi, and the Black Sea, to the Byzantine territory. Persia, on the other hand, sought to seize control of this route. In order to achieve this goal, both empires needed to gain control over Egrisi, but for Persia, this required first subduing Kartli. The researcher correctly draws attention to the fact that the best way for Persia to subdue Kartli would be by severing its spiritual ties with the Byzantine empire and eradicating Christianity. This would break spiritual, cultural, and ultimately political connections of Kartli with the Byzantine empire, which could only be achieved through converting the Royal Court of Kartli to Zoroastrianism or through abolishing the monarchy. Therefore, Vakhtang Gorgasali addressed Patriarch Peter with the following words: "You should be aware, for it is not the payment of tribute that they demand, but the abandonment of Christ" (The Kartlis Tskhovreba, I, 1955, p. 201).

According to M. Sanadze, the reign of Vakhtang Gorgasali and his successors became unacceptable to Persia because the King of Kartli

had offered the Byzantine empire the right to pass the northern branch of the Silk Road through his kingdom. To facilitate this, Vakhtang Gorgasali conquered and subdued the historical regions of Khunzeti and Tsukhiti in southern Dagestan and built or strengthened a chain of fortresses: Khornabuji, Cheremi, Ujarma, Mtskheta, and Artanuji, in the territory from the sources of the River Samur to the Black Sea. The latter – Artanuji – was connected to the Black Sea through the Nigali Gorge. Earlier, researcher Manana Gabashvili studied the circumstances surrounding the founding of Artanuji. Through Artanuji and the Pontic city of Trapezus, the Kingdom of Kartli was involved in international trade between the East and West, particularly Levantine trade, with the northern key point of this network being Tbilisi, which was also founded by Vakhtang Gorgasali.

The prince Dachi (Darchil) played an important role in carrying out his father's foreign-political agenda. As a co-regent, he was entrusted with the governance of the principality of Hereti. It was Dachi who, together with his father, and sometimes on his own, subdued Khunzeti, Tsuketi, and the “mountains of Kakheti” as described in *The Kartlis Tskhovreba*.

Under the Treaty of 532, Persia, which had established control over Kartli, blocked the Silk Road leading from the sources of the River Samur toward Kartli. Following this, the main goal of Persia was to reach the Black Sea, to directly subjugate Egrisi (known as Lazica in Byzantine sources), and to close the northern route of the Caucasus Mountain pass leading through western Georgia to the Byzantine empire.

In 541, hostilities resumed between Persia and the Byzantine empire in the historical region of Mesopotamia. In this context, the ruler of Egrisi, King Gubaz I, invited the Persians to Egrisi to free his territory from Byzantine rule. As a result, in 542, a Persian army entered Georgia. Due to the significance of the campaign, it was led by the Persian Shah, Khosrow Anushirvan himself. According to M. Sanadze, the battle between Dachi of Ujarma (Darchil)

and his younger brother Mihrdad (Mir) against the Persians invading Egrisi and the subsequent events are reflected in Georgian chronicles. One of these, likely written in Greek, formed the basis for an unknown author's XI-century hagiographical work *The Martyrdom of David and Constantine*. In 2013, M. Sanadze and Goneli Arakhamia published the reconstructed text and relevant research on this VI-century historical chronicle (M. Sanadze, G. Arakhamia, “The VI Century Historical Chronicle in „*The Martyrdom of David and Costantin*”, Tbilisi, 2013).

As it turns out, the hagiographer used the era of the Arabs as a historical backdrop when rewriting the events described in the VI-century historical chronicle. This resulted in the narrative being placed two centuries later than its actual historical timeframe. M. Sanadze, based on relevant excerpts from *The Martyrdom of David and Constantine*, *The Kartlis Tskhovreba*, and *The Martyrdom of Archil by Leonti Mroveli*, has restored the lost pages of VI-century history of Georgia.

M. Sanadze also observes that Leonti Mroveli, when working with the chronicle at his disposal, did not always adhere to the chronology of the original source. She suggests that the hagiographer placed the events against the backdrop of the rule of Mervan ibn Muhammad and the Arab period, which caused a disconnection between the story's actual timeline and its presentation. Moreover, Leonti Mroveli didn't seem particularly concerned with preserving the chronology of the source. For example, if Archil had fled from the Arab general to Egrisi, who is believed to have chased after him, as accounted by Leonti Mroveli, he would not have had time to carry out peaceful reconstruction activities in Egrisi. Therefore, Leonti Mroveli placed Archil's reconstruction activities in Egrisi after the Arab invasion had ended. Furthermore, M. Sanadze reasonably suggests that the fortress being constructed on the border between Guria and Greece as described in the text by Leonti Mroveli, is the one built by Dachi (Darchil) upon his arrival in Egrisi, with the permission and

support of the Byzantine emperor. This fortress-city was located in the extreme southwestern part of the country, on the border between Guria and the Byzantine empire, near the sea. The border of the Byzantine Empire was a day's journey away from this fortress.

It is noteworthy that, during the time of Vakhtang Gorgasali and his successor, Egrisi, as part of the Kingdom of Kartli, consisted of two major areas: Egrisi (comprising Inner Egrisi and Svaneti) and the principalities of Argveti. The latter region was located in the upper reaches of the Rioni River, extended along the left bank of the river, in the middle and lower reaches of the river, and included Guria. Based on the accounts of Procopius of Caesarea and VI-century Georgian chronicles, M. Sanadze has reconstructed the route by which the Persians invaded Egrisi. The old Georgian chronicle, which served as the basis for *The Martyrdom of David and Constantine*, states: "And when the ungodly took the rule of the Persians ... and they attacked the Christians ... they came to Samtskhe and camped near the strongholds". Then it continues: "The pagans rose up in Samtskhe and moved toward the country of Argveti".

Thus, the Persians advanced from Samtskhe, crossing the foothills of the Odrzkhe and the ridge of Meskheti-Imerti (Persati), and entered Egrisi through the mountain pass of Rkinisjvari. The Persian army that crossed into Egrisi from Samtskhe headed left through Khanistskali River gorge, toward Petra. At the same time, Khosrow Anushirvan decided to attack Sebastopolis (modern-day Sukhumi) and Pityunta (modern-day Bichvinta) and sent part of his army in that direction. According to M. Sanadze, the goal of the Persian campaign was not only to capture Byzantine fortresses but also to capture sons of Vakhtang Gorgasali — Dachi (Darchil) and his younger brother, Patricius Mihrdat (Mir), who had taken refuge there. It was against this Persian army that the rulers of Argveti, David and Constantine, confronted.

According to *The Martyrdom of David and Constantine*, the Georgians defeated the

vanguard of the Persian army that was heading toward Sebastopolis. It was only after the main Persian army arrived that the resistance of the Argveti princes was overcome. In the unequal battle, the army of the Argveti princes was defeated, and the Persians captured David and his brother Constantine. The Persian commander demanded that they renounce Christianity, but after they refused, the Persians tortured and executed them. The political centre of the Argveti principality — the fortress-city of Tskaltsitela — was plundered and burnt to ashes. Afterward, the Persian army advanced to seize Sebastopolis and Pityunta. The Byzantines, in order to prevent these fortresses from falling into enemy hands, burned Sebastopolis and Pityunta, tore down the walls of their fortifications, and withdrew by sea. The Persian army raided the areas around Sebastopolis and Pityunta but was unable to establish a foothold there due to the destruction of the fortifications by the Byzantines.

This episode from *The Martyrdom of David and Constantine* is recounted as follows: "And the sons of the great King Vakhtang Gorgasali, Archil (Mihr, - B. Kh.) and Darchil, went to the fortress called Anakopia, because they were terrified of the Persians. However, they managed to repel the pagans after a battle with them, with their modest army".

According to Procopius of Caesarea, many Persians perished in the retreat from Anakopia due to difficult terrain, a plague, and a shortage of food. Meanwhile, Khosrow Anushirvan took the fortress of Petra, but due to Byzantine successes in Mesopotamia, he was forced to abandon Egrisi. The Persian army, while retreating from Anakopia, crossed the Rioni and Khanistskali rivers and, passing through Guria, joined the main Persian force at Petra, from where, together with Khosrow, left Egrisi via the Spheri route.

Subsequently, a temporary peace agreement was reached between the Byzantine empire and Persia in 545, and Persia began to strengthen its control over Egrisi. Soon after, the ruler of Inner Egrisi and Svaneti, Gubaz, sided with the Byzantines and sought assistance from the

emperor in expelling the Persians from the region. Fearing that the Byzantines would capture Petra, the Shah sent a large army in 550, led by the renowned commander Mermeroes. From this point onward, the Persians firmly controlled all of Egrisi until 554.

In the final part of her monograph, Manana Sanadze discusses Dachi of Ujarma's activities in Kakheti, recounting that after the Persians had taken full control of Egrisi, Dachi's presence in the region became risky, and therefore he moved to Kakheti. While the Persians were engaged in military actions against the Byzantines in Egrisi, Dachi was relatively safe in Kakheti. His rule extended over Kakheti-Kukheti and Hereti, where he worked to strengthen and develop the left bank of the Alazani River in Hereti. He built the fortresses of Kasri and Lakuasti and converted the population of Nukhpati (Nukha, Shaki) to Christianity. He also attempted to restore influence over Khundzeti and Tsuketi, which had been subdued earlier by Vakhtang Gorgasali. In this context, a Persian army invaded Kakheti to capture him.

King Dachi decided to approach the Persian commander and request peace, protection of the churches, and the "non-requirement of renouncing the faith" (The Kartlis Tskhovreba, I, 1955, p. 245). Thus, Dachi requested that the Persian commander not punish them for renouncing the faith. This reference clearly implies that the kings of Kartli were of Sassanian descent, who had abandoned Zoroastrianism and embraced Christianity. In the past, King Vakhtang himself

had addressed the Persian ruler, saying: "If you fight us for having renounced the faith..." (The Kartlis Tskhovreba, I, 1955, p. 181). The Persian commander, upon hearing that the King of Kartli had refused to renounce Christianity and return to Zoroastrianism, ordered his execution on March 20. According to the researcher, the king's martyrdom occurred sometime between 558 and 564. The martyred king's body was buried in the church he himself had built in Notkori.

The work includes excerpts from The Conversion of Kartli, The Kartlis Tskhovreba, The Martyrdom of David and Constantine, describing the life and deeds of King Dachi (Darchil), as well as relevant passages from works of Procopius of Caesarea, which allow the reader to directly access the primary sources. The monograph is well-illustrated with appropriate maps, which make the content more understandable.

To sum up, we are presented with an exceptionally interesting monographic study offering numerous new insights into the life and deeds of Dachi of Ujarma, son of King Vakhtang Gorgasali, a heroic and martyred king. Some of the arguments presented in the monograph will undoubtedly provoke debate, and certain theses will require further clarification and substantiation in the future, but this is perfectly natural for a scientific work that addresses a relatively less-studied and distant historical period. It can confidently be said that the monograph is a valuable contribution to historical science and will certainly benefit further development of the field.

БЕЖАН ХОРАВА

Доктор исторических наук, профессор, Грузинского Университета (Грузия)

**УТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ГРУЗИИ VI ВЕКА
РЕЦЕНЗИЯ НА ПРОИЗВЕДЕНИЕ МАНАНЫ САНАДЗЕ «ЦАРЬ КАРТЛИ ДАРЧИЛ» («СЫН ВАХТАНГА ГОРГАСАЛИ») И «ХРОНИКИ, ОПИСЫВАЮЩИЕ ЕГО ЖИЗНЬ» (ТБИЛИСИ, 2020).**

Резюме

В труде «Житие Вахтанга Горгасали» Джуаншера Джуаншериани повествуется, что после смерти царя Вахтанга Горгасали на престол взошел его старший сын Дачи: «И сел на престоле его сын Дачи». Согласно тому же труду, у Вахтанга Горгасали было двое детей, близнецы — сын и дочь, от его жены царицы Балендухт, которая была дочерью царя Персии. Царица «скончалась во время родов». Вахтанг «назвал сына Дарчил по-персидски и Дачи по-грузински». До наших дней сохранилось мало сведений о Дачи из Уджармы, также известном как царь Дарчил. До недавнего времени даже годы его правления не были определены. В научной и справочной литературе он упоминается как Дачи из Уджармы, царь Картли в начале VI века. Он воспитывался в Уджарме и поэтому известен под этим эпитетом. Согласно рассказу Джуаншера, царь Дачи завершил строительство городских стен Тбилиси, начатое во время правления Вахтанга Горгасали, и в соответствии с завещанием отца перенес столицу из Мцхеты в Тбилиси.

Профессор Манана Санадзе посвятила жизни и деяниям Дачи из Уджармы специальное монографическое исследование под названием «Царь Картли Дарчил (сын Вахтанга Горгасали) и летописи, описывающие его жизнь» (Тбилиси, 2020).

В последнее время М. Санадзе активно исследует вопросы, связанные с историей древней и раннесредневековой Грузии, особенно правления Вахтанга Горгасали и его преемников, состав вступительной части «Картлис цховреба» (История Грузии) и т. д. Примечательно, что исследовательница дала совершенно новую датировку правления Вахтанга Горгасали.

Указание даты смерти Вахтанга Горгасали имеет решающее значение для определения лет его правления. В современной грузинской историографии датой его смерти принято считать 502 год н. э., как это предложил Иванэ Джавахишвили. Эта дата основана на рассказе Джуаншера, в котором говорится, что Вахтанг Горгасали умер в начале второй византийско-персидской войны, которая произошла во время его правления. Исследователь ссылался на Анастасиеву войну, которая велась с 502 по 506 год между Восточной Римской империей и империей Сасанидов, и датировал смерть Вахтанга Горгасали осенью 502 года. Позднее исследователь Вахтанг Гойладзе, основываясь на сирийском источнике, датировал смерть Вахтанга Горгасали 491 годом н. э. По словам Мананы Санадзе, правление Вахтанга Горгасали вместо традиционно принятой второй половины V века охватывает конец V века и первую треть VI века. Она датирует его смерть 531 годом н. э. и связывает ее с его битвой с персидским шахом Хосровом Ануширваном (531-579). Следует также отметить, что историк Мосе Джанашвили в своей «Истории Грузии», изданной в 1906 году, датировал смерть Вахтанга Горгасали 532 годом н. э., связывая это событие с битвой с Хосровом Ануширваном, на что также обращает внимание М. Санадзе.

Скудные сведения о царе Дачи (Дарчиле) сохранились в «Житии Вахтанга Горгасали» Джуаншера Джуаншериани и в «Хронике обращения Картли». Однако, как обнаружил М. Санадзе, летописи, якобы повествующие о жизни князей Картли — Мира и Арчила, на самом деле описывают жизнь и деяния Дачи (Дарчила) и его единокровного брата Михрдата (Мира). Причина этого в том, что Леонтий Мровели (XI век) ошибочно идентифицировал Дарчила и его брата Михрдата как сыновей царя Картли Стефаноса III, Мира и Арчила. После смерти Вахтанга Горгасали и после персидской оккупации большей части Картли, Дачи из Уджармы перебрался

в Западную Грузию и обратился за помощью к византийскому императору Юстиниану I (527–565). Между тем, в 532 году был подписан мирный договор между Византийской империей и Сасанидской Персией, известный как Договор о вечном мире.

Ранее исследователь Тамаз Берадзе предполагал, что положения Византийско-персидского Договора о вечном мире 532 года были отражены в завещании Вахтанга Горгасали, но он считал, что Джуаншер Джуаншериани смешал события периода Вахтанга Горгасали с событиями Великой персидско-византийской войны 542-562 годов н. э. Новая датировка правления Вахтанга Горгасали М. Санадзе прояснила, что положения Договора о вечном мире действительно были отражены в его завещании.

Согласно завещанию Вахтанга Горгасали, Дачи (Дарчил), как его наследник, наследовал царский престол, а его единокровные братья получили княжества от Ташикари и Цунды до земель, граничащих с Арменией (Квемо Картли) и земель, граничащих с Грецией — Самцхе, Кларджети и Джавахети (Земо Картли). Они также получили в наследство от своей матери область между реками Эгрицкали и Клисуре. Согласно условиям договора 532 года, вторая жена Вахтанга Горгасали, царица Елена, и ее дети унаследовали три княжества в юго-западной части Картли — Цунду, Кларджети и Одзрхи. Фактически эта территория попала под протекторат Византии. Правителем этой части Картли, носившим титул патриция (византийского наместника), был сын Вахтанга Горгасали.

Как оказалось, Дачи из Уджармы находился в Эгриси (Западная Грузия) между 532 и 542 годами нашей эры, до начала военных действий между византийцами и персами на грузинских территориях. В то время Картли управлял персидский чиновник, марзпан, назначенный шахом, который находился в Тбилиси. В период действия договора Дачи Уджармского попросил своего брата Михрдата уступить ему контроль над территорией между реками Эгрисцкали и Клисуре, предложив Михрдату северную часть Джавахети, от реки Мтквари до озера Паравани. Для Дачи, который находился в Эгриси, территория между Эгрицкали (река Ингури) и Клисурой (Келасури) была важнее северной части Джавахети, которая лежала между рекой Мтквари и озером Паравани; для Михрдата же большее значение имел регион между рекой Мтквари и озером Паравани. Поэтому их интересы совпали, и состоялся обмен территориями.

POLITOLOGY - ПОЛИТОЛОГИЯ**ELGUJA KAVTARADZE****Doctor of Political Science, Professor of Sukhumi State University (Georgia)****ISSUES OF ETHNOPOLITICAL CONFLICTS**DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.13>

Introduction. In the conditions of development of modern society, ethno-political conflicts are its integral attribute. Almost in any state, any socio-political, economic, cultural conflict will always have an ethnic component to one degree or another. The ethnic factor generates many of those acute and crisis situations that arise in the sphere of politics, intercommunity relations, relations between state and intrastate entities. As a result, the line between social, political and ethno-political conflicts is very blurred and difficult to define. In this regard, the article examines various concepts that explain the nature and genesis of ethno-political conflicts, defines the criteria on the basis of which an ethno-political conflict differs from a political and ethnic conflict. The political sphere of life has not only a global but also a national dimension: history preserves memories of the most diverse conflicts between ethnic groups, which have radically redrawn the political map of the globe. Over the past few decades, the system of international relations has undergone significant changes: there has been a rapid emergence and development of new actors, one of which is an ethnic group. At the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, the scientific community, due to significant geopolitical changes at the forefront of world politics, became interested in a new phenomenon called the ethnic paradox of modern times, characterized by the ever-increasing influence of ethnic groups on socio-political processes of various natures of the system of international relations. In the modern multipolar world, the ethnic factor is one of the most powerful, which can act not only as a creative force, but also as a catalyst for global conflicts. The sphere of

interaction between different ethnic groups, despite its apparent simplicity and some stability, is nevertheless characterized by enormous susceptibility to any historical, socio-political, economic and cultural shifts in the world system of international relations. Today, ethno-political conflicts affect not only the cultural, but also the economic, political, and social spheres of life, and easily change the order of international communication that has been developing for centuries. This article examines the theoretical features of the study of ethnic conflicts arising in the modern international field.

Key words: *ethno-political conflict, ethnos, conflictology, international relations.*

Among the conflicts that are diverse in origin, nature, typology, and methods of resolving them, ethno-political (interethnic, interethnic) conflicts stand out as a special group. They are among the most complex, confusing, protracted and difficult to resolve. As history shows, ethno-political conflicts in many multiethnic countries significantly exceed other types of socio-political conflicts in their scale, duration and intensity. Ethno-political conflict manifests itself to the greatest extent, as a rule, in multiethnic states. The criterion of multiethnicity is considered to be an indicator of 5% or more representatives of non-titular ethnic groups. Currently, most states in the modern world are multiethnic, since the share of ethnic minorities in the population exceeds 10%. This is often associated with the action of two main factors in the political history of mankind:

- 1) territorial expansion and/or conquest and
- 2) migration processes.

- 1) The historical development of many

states was accompanied by significant territorial expansion, the expansion of political borders due to the inclusion of new territories and the peoples inhabiting them. Similar ethnic consequences arose as a result of the conquests of territorial annexations that accompanied successful wars of conquest. To the greatest extent, the effect of this factor was characteristic of numerous empires that existed in different eras (the Austro-Hungarian Empire, the Russian Empire, the Ottoman Empire, etc.). In the 20th century, territorial changes following two world wars played a major role, especially in Central and Eastern Europe.

2) The main motives for migration are the search for physical security, salvation from religious and political persecution, or the desire to find more favorable economic conditions for existence in a new place. Migration processes reached their greatest proportions in the 20th century as a result of technical progress in transport (which became widespread and relatively inexpensive), the consequences of political violence, wars and revolutions, and extremely uneven international economic development. This led to the formation of large groups of ethnic minorities permanently residing in the host country. Of course, in the history of many countries one can find the action of not one, but several of these factors. In almost any state, polyethnicity gives rise to a number of problems in the political sphere, such as the formation of a certain model of political coexistence of ethnic groups within a common state, achieving a balance in the distribution of political power between ethnic groups, taking into account the specifics of ethnic interests in the public policy of the state, and others. As a result, space is created for ethnic politics and the possibility for the emergence and manifestation of ethnopolitical conflict. It should also be noted that the impossibility of finally getting rid of negative nationalistic stereotypes, together with the socio-economic stratification characteristic of any dynamically developing society, also determines the inevitability of ethnic conflicts in polyethnic states. Therefore, ethnopolitical conflicts, with all

their complexity, severity and ambiguity, are not out of the ordinary either for Europe or for the world as a whole. Even in states with a developed democratic system, it is impossible to achieve a final reconciliation of the divergent interests of the ethnic groups living on their territory. An example of this is the situation in Canada (the Quebec problem) and Spain, namely in Catalonia and the Basque Country, where ethnic conflicts have taken the most radical form - the form of armed struggle. Since the territory of the former USSR is multi-ethnic in terms of population (which is also typical for the states that emerged on this territory), then virtually any internal conflict in its content (socio-economic or political) acquires an ethnic tint. On the other hand, there are sufficient grounds for ethnic contradictions proper, both at the personal and group levels. Therefore, the ethnic factor generates many of those acute and crisis situations that arise in the sphere of politics, intercommunity relations, relations between state and intrastate entities.

In the last few decades of the late 20th — early 21st centuries, the scientific community has been interested in a new phenomenon known as the ethnic paradox of modern times, characterized by the ever-increasing influence of ethnic groups on socio-political processes of various natures of the international relations system [1]. Today, issues of national identity affect not only the cultural, but also the economic, political, and social spheres of life. The need to develop mechanisms for explaining, predicting, and regulating conflicts between different ethnic groups has led to the emergence of ethnoconflictology as an independent system of scientific knowledge. Modern ethnoconflictology is an interdisciplinary field of political science that studies conflict types of interethnic interaction that take on a destructive character. In a broad sense, the subject of ethnic conflictology is the causes, sources, and genesis of conflicts between ethnic groups, as well as ways to resolve them peacefully [2]. The process of conceptualizing ethnic conflict in global political and political sciences began in the 1960s and 1970s of the last century. The creation of a

new field of political science is associated with the development of Western scientific knowledge, in particular the American political science school. A characteristic feature of this period is the accumulation of empirical material on the problem of destructive interethnic interaction, the first attempts to analyze flaming interethnic conflicts are made, as a rule, in a simplified form. The growth of interest of the scientific community in the study of this phenomenon, despite its apparent disappearance into the archaic, was facilitated by global geopolitical shifts of the 1980-1990s, associated with the collapse of the largest multiethnic state, as well as the development of newly formed as independent actors in world politics [3]. The actualization of knowledge in the field of interethnic destructive interaction served as an impetus for the creation of a theoretical and methodological general base of scientific knowledge. At the same time, the accumulated empirical material is differentiated, due to which branches are formed in the form of a number of ethno-conflictological schools, each of which has its own methodological basis for studying ethno-political conflicts. In the modern multipolar world, the ethnic factor is one of the most powerful, which can act not only as a creative force, but also as a catalyst for global conflicts. The sphere of interaction between different ethnic groups, despite its apparent simplicity and some stability, is nevertheless characterized by enormous susceptibility to any historical, socio-political, economic and cultural shifts in the world system of international relations. The main theoretical and methodological approaches in the study of ethnic conflictology are [4]: 1) The sociological method of studying interethnic clashes is based on general sociology, characterizing ethnic groups from the point of view of classes, socio-professional strata, etc. and explaining the nature of any interethnic conflict by the influence of social processes of various natures. 2) Instrumentalism, following the traditions of general conflictology, involves studying the genesis of ethnic confrontations through the prism of the struggle of various ethnic elites for the possession of economic

values, the acquisition of political power to lobby their interests. 3) Supporters of the application of biological (evolutionary) see the causes of ethnic conflicts as rooted in the constantly changing ethnic stratification of society.

4) Primordialism (from Latin - original) suggests that the deep sources of conflicts are rooted in the cultural characteristics of peoples, in their value systems; supporters of the sociobiological trend consider many components of human behavior in ethnic conflicts as normative, determined by human nature. The complex structure of interaction between different ethnic groups determines. Despite the diversity of theoretical and methodological approaches to the study of destructive interethnic relations, a reductionist tendency is clearly visible in modern conflictology. Thus, although ethnic and ethno-political conflicts have a long history, researchers turned to their study relatively recently. In modern scientific knowledge, the experience of foreign scientists has become the basis for the development of world ethnoconflictology. In view of the peculiarities of historical development, as well as established scientific traditions, theoretical and methodological approaches to the interpretation of ethno-political conflict in foreign ethnic conflictology are presented more extensively than in Russian. The essence of the concept of «ethno-political conflict» The basic unit of ethnoconflictology as an independent field of scientific knowledge is the concept of «ethno-political conflict», which, due to its particular complexity, has never received a universal interpretation. According to the definition of Aklaev A. R., ethno-political conflict is one of the varieties of social conflict, which has specific features [1]: - The participants in the conflict are various social groups, each of which identifies itself as a single ethnic group. - Their activities in the process of interaction with each other have a pronounced ethnic coloring. - The root causes of this type of conflict are the contradictions between ethnic groups associated with the political and social structuring of reality. - High significance of the retrospective factor, which

determines the need to study the root causes and genesis of interethnic conflict for its settlement in the period of escalation. - Ethnopolitical conflict, due to its multifactorial nature, usually affects several spheres of public life at once. As a result, the analysis of this type of interethnic interaction is complex due to the presence of many of its root causes. The basic structural model of a modern ethnopolitical conflict includes the following elements [9]: - Spatial boundaries of the conflict localization - Temporal framework of the conflict - Systemic boundaries of the conflict, determining the place of the opposing parties in the social and political systems. To study an ethnopolitical conflict, it is important to correctly identify the parties involved. The following participants in interethnic conflicts are distinguished in the subject composition of ethnopolitical ethnic confrontation [2]: Depending on the level of organization of the opposing parties, individual, group or institutional types of actors in an ethnopolitical conflict are distinguished. The main actors in ethnopolitical conflicts are various social groups, the defining feature of the creation of which was the factor of common ethnic origin. Modern ethnopolitical scientists distinguish ethnoterritorial and ethnodiaspora groups as the main subjects of interethnic conflicts. Ethnoterritorial groups are social groups whose members are representatives of one ethnic group (usually ethnic minorities). The main condition for identifying this type of actors is residence in a territory that is "original" for this ethnic group.

In most cases, the role of an ethnoterritorial group in an ethnopolitical conflict is limited only by its aspirations to enhance the political status of its region or complete territorial demarcation from the state and the creation of a new sovereign subject of international relations. Ethnodiasporalist groups are ethnic associations created as a result of migration processes of various natures, living and operating in a foreign ethnic environment. The activity of this type of political takes the most active forms and is aimed at acquiring the right to political integration in the new host state while maintaining its ethnic

identity. Due to the emergence of a new global trend towards an increase in the number of participants in the system of world political processes, international non-governmental organizations and transnational companies are becoming direct parties to interethnic confrontations, provided that representatives of various ethnic groups predominate in their structures. Another significant participant in modern ethnopolitical conflicts is a sovereign state: often the peculiarities of its domestic and foreign policy activities determine the nature of the relationship between different ethnic groups. Depending on the determining factors and the ultimate goals of the conflict between ethnic groups, researchers present the following classification [1]: - Socioeconomic, which are based on the struggle for the redistribution of the results of social labor in favor of one of the parties to the conflict. - Cultural and linguistic, arising in connection with the need to protect the native language and features of the national culture from disappearance or destruction. - Interethnic conflicts of a territorial-status nature are accompanied by the struggle of an ethnic group for control over the territories that are "original" in the view of the ethnic group, a change in political status, a struggle to protect their rights and their full implementation. Within the framework of separatist conflicts, an ethnic group struggles for separation from a state where other nationalities predominate and for the formation of its own sovereign state.

By the nature of their expression, latent, at the stage of emergence and accumulation of contradictions, and actualized ethnopolitical conflicts are distinguished, which imply active actions of the opposing parties, the motives of which are based on ethnic factors. Based on the subject composition, single-order and multi-order interethnic crises are determined. The concept of single-order ethnic conflicts is used to describe clashes, where the main participants are different ethnosocial groups, while the term multi-order appears when characterizing a conflict between an ethnic group and a state or

organization. By the nature of the instruments used, the typology distinguishes between violent and non-violent interethnic conflicts. Both types of clashes between ethnic groups have colossal destructive potential, which is capable of disrupting the established world order. In this regard, within the framework of modern political science thought, three paradigms for resolving interethnic contradictions are distinguished [1]: — The paradigm of macropolitical conflict regulation, which assigns the state a key role in the process of resolving interethnic contradictions. Depending on the specifics of the functioning of power institutions, two strategies for resolving contradictions between different socio-ethnic groups are distinguished — strategies for depoliticizing the phenomenon of ethnicity and managing persistent ethnic differences. — The model of depoliticizing the phenomenon of identity, which assumes the role of ethnic differences in interethnic interaction when influencing national processes by coercive institutions with the aim of its subordination or degeneration. (genocide, ethnic deportations, artificial assimilation). — The strategy of managing persistent ethnic differences is aimed at smoothing out the «sharp edges» in the process of interaction between ethnic groups in order to prevent escalation and resolve conflicts that are in their active phase. This model is more flexible and involves the use of tools necessary for the protection and proper implementation of the rights of individuals who belong to different ethnic and religious groups, as well as the creation of a fair political system based on the proportional participation of ethnic groups in the political process of the state [10]. - The model of preventive regulation of ethnopolitical conflict consists of a preventive impact on the elements of the conflict structure in order to destroy all determining factors that can become a catalyst for escalation, even before its first destructive manifestations. This method of regulating interethnic conflicts assumes to a greater extent the creation of national autonomies within the state to provide ethnic structures with the

opportunity to obtain the right to resolve the most important national issues [9]. However, the bulk of power remains with the central government of the country, which significantly limits ethnic groups in making foreign policy decisions, resolving issues affecting the general security of the state, etc.

Models of restorative regulation of ethnic conflicts are aimed at prohibiting the use of violent methods of resolving contradictions. Within the framework of this paradigm, the restoration of peace and harmony between ethnic groups occurs through positive transformations of structural contradictions, the use of instruments permitted by international law and is aimed at strengthening relations between ethnic groups. The key role in the settlement of ethnopolitical conflicts is given to the state and its institutions. The choice of one of the strategies involves the use of a certain instrument, the qualitative content of which will change not only in accordance with the genesis of the conflict, but also with any changes in the political system of the state that takes direct part in the conflict. The influence of globalization on the emergence of ethnopolitical conflicts One of the main trends in the development of the world is globalization. This is a unique process of integration and unification, which by its force is capable of influencing the course of world development in the present and future. Globalization has also affected the sphere of interethnic interaction, without which it is difficult to imagine the development of mankind. In this regard, previously separated, isolated ethnic groups are now in constant and almost inevitable contact. The ever-increasing development of the global context of communication results in the emergence of new interethnic and intercultural ties [3]. However, the currently observed trend of unification leads to a radical transformation of the foundations of society, which is manifested in the rejection of national tradition, in the absorption of one culture by another, and causes an increase in tension in interethnic relations. Most modern states are characterized by a multiethnic structure of the population with the dominance of one or several

«titular» ethnic groups. The erasure of national borders, the mixing of cultural characteristics makes it necessary for each participant in the modern system of international relations to face the need to determine their civilizational and national affiliation. The «struggle for identity» has become a key area of political mobilization in the modern world. In the modern scientific research environment, there is an increasing interest in the study of ethnopolitical conflict as a destructive form of interethnic interaction. Today, this multidimensional category is perceived by many social groups as an effective tool for determining their ethnic affiliation, as well as defending their rights and interests [4]. The emergence of ethnic processes at the global level as a result of diverse globalization trends actualizes the significance of ethnopolitical conflict for the process of social construction of a new reality: at present, interethnic conflicts are the most acute and difficult to resolve, and also have colossal destructive potential, influencing not only the life of ethnosocial groups that are the opposing parties, but also the political system of the state, determining the general domestic political course and the contours of national policy, the attitude of the power center to ethnic minorities and setting patterns of behavior on the world stage. Being the result of the process of global development, ethnic identity is a new category reflected in the public political science discourse. Ethnopolitical conflict is one of the most radicalized forms of interethnic interaction that arises in a crisis situation, the significance of which is steadily growing in the modern world. Today, it is not just an indicator reflecting the nature of relations between different ethnic groups, but also a significant factor capable of significantly changing some areas of the political system of the state.

Thus, an ethnopolitical conflict is a clash of interests of different ethnic groups, arising as a result of mutual rejection of ideological paradigms. This phenomenon of historical social interaction is a relatively new category, reflecting the development trends of the modern system of

international relations. Modern political scientists have devoted many scientific works to ethnic conflict, in which they have analyzed in detail the practical and theoretical aspects of this problem. Interethnic interaction, being a part of social processes that influence the architecture of the social sphere, becomes a dangerous phenomenon when it acquires a destructive character. The significant conflict potential of an ethnic conflict can easily change the conditions of functioning of participants in world political processes.

Rapid changes in the socio-economic position of some ethnic groups in relation to others inevitably create a certain tension in their relationships. Those who see their privileges diminishing are likely to feel threatened by the changes taking place, while those whose positions are improving will feel threatened if the pace of changes that are advantageous to them slows down, which very often happens. Of course, we are not talking about the absolute standard of living here, but about the ratio of the standards of living of different ethnic groups, which plays a decisive role in the emergence of a feeling of deprivation. But even in the presence of relative inequality, a conflict may not develop for a long time if the existing situation is perceived as part of the established order of things and if there are social and political means to limit the interaction of different ethnic groups. In the event of a struggle between ethnic groups for material resources, among which the most important are land and its mineral wealth, each of the conflicting parties seeks to justify its “natural” right to use the land and natural resources; such “resource” conflicts are deadlocked and, as a rule, can be resolved by peaceful means only in the early stages of their development, until interpersonal clashes on this basis begin. It should be noted that the inequality of ethnic groups is due to objective circumstances - numbers, lack of a resource base, level of socio-economic development, etc. That is why the ideal of any close equality of ethnic groups can hardly be considered a realistic and quickly achievable goal. Speaking about the reasons that give rise to conflicts on ethnic grounds, one cannot help

but mention the division of labor between ethnic groups that has developed in most multi-ethnic societies. Ethnic consciousness becomes the basis for the selection of personnel, and in some republics, work collectives are formed on the basis of ethnic, regional, clan solidarity. Entire social and professional strata acquire an ethnic coloring (for example, commerce, as the most profitable occupation in the current conditions), entire professions are monopolized. Since different spheres of labor application provide different incomes, an unspoken competition, a biased comparison of labor contribution and remuneration develops between them. When there is a certain dependence between the spheres of labor and ethnic communities, this competition is transferred to the ethnic groups themselves, automatically giving any social and political contradiction or clash of economic interests the explosiveness and ferocity of interethnic confrontation, resulting in tension in interethnic relations - the first harbinger of conflict. For purely objective reasons (number, contribution to the development of the economy, culture, geographic conditions, etc.)

Ethnic groups are and will probably be in unequal conditions in the foreseeable future.

If it is quite difficult to achieve equality, then achieving their equal rights is possible, necessary and quite feasible. As for the various (economic, political, cultural) aspirations of the ethnic groups themselves, they cannot be limited in this. Each ethnic unit has a desire to preserve its territory, language, culture and identity. In many states, the rights of national minorities are not respected, thereby indirectly provoking the growth of national self-consciousness. In many cases, the desire of certain ethnic groups to gain political influence was stimulated by permanent aggressiveness on the part of the state striving for national unification. Russian scientists are inclined to cite the historical part of Georgia, Abkhazia and Northern Kartli, occupied by their own country, as an example, as if Georgia did not respect the rights of ethnic minorities and that is why the Abkhazians began their struggle for their independence. In this way, Russian scientists are trying to show the world community that they are not guilty of anything in their aggression against the Georgian state and people. With their «scientific» works, Russians are misleading their own population and these works certainly have no scientific value and serve only Russian propaganda.

References:

- [1]. Dmitriev A.V. Social conflict: general and special. – M.: Gardariki, 2002
- [2]. Landabaso Angulo A.I., Konovalov A.M. Terrorism and ethnopolitical conflicts. Book two. Terrorism today. – M.: OGNI, 2004.
- [3]. .References: Aklaev A.R. Ethnopolitical conflictology: Analysis and management. Textbook. – Moscow: Delo, 2005.
- [4]. Beginina I.A. Ethnoconflictology: teaching aid for students majoring in the field of education «Society Sciences». Saratov: Saratovsky, 2015.
- [5]. Nikovskaya L.I., Stepanov E.I. State and prospects of ethnoconflictology // Conflictology: anthology. – M.; Voronezh, 2002.
- [6]. Matsnev A.A. Ethnopolitical conflicts: nature, typology and ways of settlement // Social and political journal. – 1996. – No. 4. – P. 45.
- [7]. Achkasov V.A. Ethnopolitical conflict as a conflict of identities // Bulletin of St. Petersburg University. International relations. 2015. No. 1.
- [8]. Belyaev Ya.A. Study of factors of ethnopolitical conflict in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the PRC // Totalitarianism and totalitarian consciousness. Tomsk, 2016. Issue. 14.
- [9]. Klimin D.Yu. Ethnopolitical conflicts: theoretical and methodological approaches // Scientific

- notes of Kazan University. Humanitarian sciences series. 2007. No. 3.
- [10]. Lasaria A. O. Modern theoretical and methodological approaches to the settlement of ethno-political conflicts // Public administration. Electronic Bulletin. 2017. No. 63. 211
- [11]. Latypova D. E. Conceptualization of ethnic conflict in modern Russian conflictology // Fundamental and applied research: problems and results. 2014. No. 13.
- [12]. Omelaenko N. V., Novruzova Z. D. K. Ethnic conflict: its essence, typology, causes // News of universities. Sociology. Economics. Politics. 2016. No. 2.
- [13]. Salomatin A. Yu., Makeeva N. V. The influence of ethnic groups and ethnicity on the development of state-legal political systems // News of higher education institutions. Volga region. Social sciences. 2021. No. 2.
- [14]. Chagilov V. R., Kinoyan O. V. Conceptual schemes for explaining the phenomenon of politicized ethnicity // Philosophy of Law. 2008. No. 5.
- [15]. Stefanenko T. Ethnopsychology. - М.: Akademprom, 1999.
- [16]. Kovalenko B. V., Pirogov A. I., Ryzhov O. A. Political conflictology. - М.: Izhitsa, 2002.

ЭЛЬГУДЖА КАВТАРАДЗЕ

**Доктор политических наук, профессор Сухумского Государственного Университета
(Грузия)**

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Резюме

Среди многообразных по происхождению, характеру, типологии, способам разрешения конфликтов в особую группу выделяются конфликты этнополитические (межэтнические, межнациональные). Они относятся к числу наиболее сложных, запутанных, затяжных и трудно разрешимых. Как показывает история, этнополитические коллизии во многих полиэтнических странах по своим масштабам, продолжительности и интенсивности значительно превосходят иные типы социально-политических конфликтов.

Этнополитический конфликт – форма межгруппового конфликта, в котором группы с противоположными интересами различаются по этническому признаку. Под этнополитическим понимается конфликт с определенным уровнем организационного политического действия, общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны, в которых противостояние происходит по различиям в этнической общности.

Существует сложность в определении этнополитических конфликтов. Дело в том, что этнополитический конфликт в “чистом” виде бывает редко. Бывают случаи обратного политического камуфляжа, когда этническая природа конфликта подменяется иными политическими мотивами. Таким образом термин “этнополитический конфликт” в действительности охватывает широкий круг ситуаций. Они показывают, что чисто этнического конфликта как такового практически не бывает.

В этнополитологии обычно различают и неранговые системы межэтнических отношений, хотя встречается и множество пограничных ситуаций. В неранговых, но все же строго под-раздельных системах этнополитические конфликты могут возникать между группами, обладающими относительно равными долями богатства и власти, когда одна или несколько групп боятся или чувствуют, что их положение по сравнению с другой этнической группой имеет

тенденцию к ухудшению. Подобный конфликт может происходить в локализованной и узкой форме без вовлечения центра политической власти. Однако большинство этнополитических конфликтов связано с ранговой или стратифицированной системой межэтнических отношений, в которой не только различные этнические группы занимают место в соответствии со шкалой власти, престижа и богатства и обычно поставлены относительно друг друга, но, что еще важнее, в которой центр политической власти и государственный аппарат более или менее контролируются господствующей или составляющей большинство этнической общностью, а подчиненная общность или общности остаются в маргинальном положении.

По устойчивости такого рода конфликтов в течение довольно длительных периодов и размаху насилия, которое может их сопровождать, различают “конфликты интересов” и “конфликты ценностей”, или “конфликты идентичности”, где первая форма конфликтов относительно легче поддается преодолению или урегулированию, нежели вторая. Этнополитические конфликты обычно принадлежат ко второму типу, в котором задачи или цели участников конфликта имеют тенденцию быть взаимоисключающими или несовместимыми. В результате такие конфликты гораздо труднее поддаются урегулированию.

Для того, чтобы классифицировать этнические группы, участвующие в конфликте, необходимо обозначить различные виды ситуаций, при которых этнические группы взаимодействуют. Многие этнополитические конфликты в мире фактически являются следствием проблем, возникающих из изменения положения этнической группы в обществе. Именно эти вопросы рассматриваются в данной работе.

INTERNATIONAL RELATIONS - МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ОМАР АРДАШЕЛИЯ

Доктор исторических наук, профессор Сухумского Государственного Университета (Грузия)

ЛИБЕРАЛИЗМ И МИРОВОЙ ПОРЯДОК В СВЕТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.14>

Введение. Вопросы мирового политического развития и формирования мирового порядка уже давно занимают умы теоретиков-международников и ученых, которые стремятся осмыслить и предугадать будущие параметры мироустройства. Переломные исторические моменты в истории США, как, впрочем, и в истории других стран, часто становились стимулом к активной и глубокой рефлексии в кругах интеллектуальной элиты. Определяющей чертой американской экспертной и исследовательской среды была ориентация на концептуализацию и моделирование процессов по строительству и организации мирового порядка. Утверждение лидерских позиций США в мировой политике и экономике в XX в. было сопряжено с выработкой идей глобального управления и формирования нового мирового порядка. В данном случае под порядком будем понимать структуру и принципы организации системы международных отношений.

Идеалы либерализма и демократии а также идеи исключительности и предопределенности судьбы, становятся неотъемлемым элементом общественного сознания. В мире, которая заключалась в вере в легитимность и легальность притязаний на доминирующие позиции в глобальном управлении политическими, экономическими и социальными процессами. Постепенно происходила синергия либеральных ценностей, идей предопределенности и лидерства, которые привели к воплощению либеральной идеологии во внешней политике через меры и действия по распространению либерально-демократического устройства по всему миру.

Ключевые слова: *Либерализм, Мировой порядок, Геополитика, Международная Система, Китай, Россия, Индия, Бразилия*

В международной системе, в которой доминируют Соединенные Штаты, неудивительно, что фактическое и потенциальное поведение важных государств второго уровня должно быть источником постоянного интереса. В этой статье рассматриваются некоторые способы, которыми Китай, Россия, Индия и Бразилия отреагировали как на гегемонию США, так и на меняющийся характер международного общества. В этой статье изложено некоторые из основных аналитических вопросов, которые возникают при размышлении о вариантах внешней политики этих стран, и некоторые из основных концептуальных и теоретических категорий, в рамках которых эти вопросы могут быть с пользой сформулированы. В первом разделе рассматриваются причины, по которым эти страны рассматриваются как группа. Во втором разделе дается краткий обзор двух наиболее распространенных теоретических точек зрения, с которых понимается системное давление на эти страны. Основное внимание уделяется вариантам внешней политики и пониманию этих вариантов, а не оценке ресурсов власти этих стран или их экономических траекторий.

Китай, Россия, Индия, Бразилия: общие факторы и отличительные черты. Почему стоит обратить внимание именно на эти страны? Одна из причин заключается в том, что все они, по-видимому, обладают целым рядом экономических, военных и политических ресурсов власти; некоторой способностью вно-

суть вклад в создание международного порядка на региональном или глобальном уровне; и некоторой степенью внутренней сплоченности и способности к эффективным государственным действиям. В частности, в случаях Китая и Индии повышенное внимание последовало за их высоким уровнем экономического роста и из прогнозов их будущего экономического развития и его возможных (хотя обычно недооцененных) геополитических и геоэкономических последствий. Подхватывая старую линию комментариев, аналитики в конце 1990-х годов также определили Бразилию как «стержневое государство» или один из «Большой десятки» развивающихся рынков, «стран, таких как Китай, Индия и Бразилия, которые приобретают достаточно власти, чтобы изменить облик мировой политики и экономики». Россия является исключением: реальность последних двух десятилетий здесь была упадком и растворением власти. Тем не менее, ее внешняя политика сосредоточена на попытках остановить этот упадок и стремлении восстановить региональное и глобальное влияние.

Вторая причина заключается в том, что все эти страны разделяют веру в свое право на более влиятельную роль в мировых делах. Конечно, одного стремления недостаточно, и трезвому реалисту легко высмеивать пустые претензии тех государств, чьи амбиции опережают их материальные возможности. И все же сила в международных отношениях требует цели и проекта, и культивирование такой цели может как стимулировать национальную поддержку и сплоченность внутри страны, так и служить ресурсом власти само по себе. Вспомните Неру или де Голля. Более того, стремление к признанию, в котором объединены эти четыре страны, является основополагающей частью политики иерархии. Вызовы легитимности международного порядка редко возникали из-за протестов слабых; они чаще исходили от тех государств или народов, которые обладали способностью и политической организацией, чтобы требовать пересмотра установленного порядка и его доминирующих норм способами, которые отражают их собственные интересы, проблемы и ценности.

Таким образом, центральной темой меж-

дународной истории двадцатого века была борьба ревизионистских государств за — равные права — включающая перераспределение территории, признание региональных сфер влияния и стремление к равенству статуса в рамках формальных и неформальных международных институтов. Как бы сильно ни изменились валюта власти или правила силовой политической игры, эта модель поведения остается важным элементом глобальной политики. Хотя вероятность военной конфронтации между крупными державами, возможно, уменьшилась, вопрос признания обострился из-за роста идеи о том, что международное сообщество должно стремиться к продвижению общих ценностей и целей, а не просто поддерживать сосуществование и помогать сводить конфликты к минимуму. Третья причина для рассмотрения этих четырех стран вместе вытекает из развития отношений между ними.

Последняя причина заключается в том, что эти четыре страны можно отличить от других государств второго уровня и средних держав. Джон Айкенберри убедительно утверждал, что одной из важнейших характеристик международной системы во второй половине двадцатого века было возникновение порядка, возглавляемого США, построенного вокруг институциональных и многосторонних структур, созданных после Второй мировой войны (ООН, международные финансовые институты) и чрезвычайно плотного набора трансатлантических и транстихоокеанских отношений и систем альянсов. Этот в основном либеральный «Большой Запад» представлял новое политическое образование, которое, хотя и было напряжено из-за появления США после Холодной войны как единственной сверхдержавы и находилось под угрозой из-за недавней политики США, продолжает оставаться очень важной чертой системы. Но здесь важно то, в какой степени Бразилия, Россия, Индия и Китай находятся либо вне, либо на периферии этого образования. В отличие от Японии, Южной Кореи, Канады, Австралии и основных европейских стран (как блока и по отдельности), они не тесно интегрированы в систему альянсов с Соединенными Штатами. В более широком смысле, все они историче-

ски поддерживали концепции международного порядка, которые бросали вызов концепциям либерального развитого Запада — от (по крайней мере, риторического) революционизма Советского Союза и Китая до жестко-ревизионистского третьего мира Индии после 1948 года и мягко-ревизионистского третьего мира Бразилии с начала 1970-х до конца 1980-х годов. Со времени Холодной войны все четыре из этих стран столкнулись не просто со степенью мощи США, но и с резкими изменениями в характере международного общества — экспоненциальным ростом числа международных институтов и сферы, диапазона и навязчивости международных правил и норм; возросший плюрализм глобального управления с растущей ролью НПО, сетей технических специалистов, а также частных и гибридных государственно-частных форм регулирования и упорядочения; консолидация идеи о том, что международное общество должно выйти за рамки простого сосуществования и вместо этого должно воплощать и отражать ряд согласованных на международном уровне основных принципов, таких как те, которые касаются прав человека и демократии, самоопределения, ограничений на использование. Однако, как мы увидим, на протяжении большей части периода с 1945 года его отношения с Вашингтоном не были особенно близкими. Это также исключение в культурном и историческом плане, хотя его внешняя политика долгое время характеризовалась напряженностью между теми, кто поддерживает «третий мир» и теми, кто выступает за более тесную интеграцию с индустриальным миром.

Эти переходы от традиционного плюралистического взгляда на международное общество к тому, что характеризуется большей солидарностью, несомненно, представляют собой существенный вызов для таких стран, как Бразилия, Россия, Индия и Китай. Они бросили вызов сильному, хотя и различному, предпочтению этих государств старым плюралистическим нормам суверенитета и невмешательства. Они взаимодействовали проблемными способами со сложными процессами экономической и политической либерализации, происходящими во всех этих государствах, и, что более важно, с ограничениями и спорным

характером этой либерализации. И они бросили вызов традиционным способам ведения внешней политики, отдавая предпочтение новым видам мягкой силы и вознаграждая новые виды дипломатии. Это еще один момент отличия от либеральных модернистских средних держав, таких как Канада или Австралия, чья внешняя политика была построена вокруг продвижения и эксплуатации этих самых изменений. Наконец, меняющиеся нормы международного общества оказали значительное влияние на характер клуба великих держав. Быть великой державой никогда не означало исключительно обладание большими объемами грубой материальной мощи. Это было тесно связано с понятиями легитимности и авторитета. Государство может претендовать на статус великой державы, но членство в клубе великих держав — это социальная категория, которая зависит от признания другими: вашими коллегами по клубу, но также и более мелкими и слабыми государствами, готовыми принять легитимность и авторитет тех, кто находится на вершине международной иерархии. Одна из трудностей, с которой сталкиваются потенциальные претенденты на клуб великих держав, заключается в том, что критерии членства могут быть против них — как обнаружила Япония в 1918-19 годах по вопросу расовой дискриминации. Или критерии могут измениться таким образом, что будут работать против их конкретных интересов. Например, на протяжении большей части Холодной войны обладание ядерным оружием широко рассматривалось как необходимое условие для места за главным столом; но за годы, прошедшие с момента его окончания, приобретение ядерного оружия стало рассматриваться как признак неприемлемого поведения и потенциального статуса государства-изгоя. Если, как утверждает Фут в своей статье, Китай намерен считаться «ответственной великой державой», то, как изменилось это понимание «ответственности», очень кстати. Конечно, между этими странами есть существенные различия — с точки зрения их мощи и геополитического значения; с точки зрения их экономического веса и степени интеграции в мировую экономику; с точки зрения их отличительных культурных и исторических

траекторий; и с точки зрения их внутренних политических систем. Тем не менее, рассмотрение их вместе дает один полезный способ открыть ряд вопросов о путях к власти, которые были или могут быть доступны для них, и об объясняющих факторах, которые могли бы пролить свет на эти различные пути.

Существуют два теоретических нарратива, которые постоянно повторяются в обсуждениях того, как международная система влияет на внешнюю политику Бразилии, России, Китая и Индии. Первый фокусируется на распределении власти и на моделях силовой политики, которые «неизбежно» возникают. Для неореалистов важнейшей чертой любой системы является распределение материальной власти, и, следовательно, доминирующей политической реальностью порядка после Холодной войны является преобладание Соединенных Штатов. Военная мощь и война имеют центральное значение для понимания того, как распределяется власть и что считается великой державой: «Великие державы определяются на основе их относительного военного потенциала. Чтобы считаться великой державой, государство должно иметь достаточные военные ресурсы, чтобы вести серьезную борьбу в тотальной войне с применением обычных вооружений против самого могущественного государства в мире».

С этой точки зрения загадкой периода после Холодной войны и, тем более, периода после 11 сентября было отсутствие открытого балансирующего поведения против Соединенных Штатов. Некоторые объясняют это просто как отражение подавляющей мощи Соединенных Штатов. Другие предполагают, что то, происходит ли балансирующее поведение или нет, отражает не только факт мощи США, но и то, как США используют эту мощь. Преобладание США будет стабильным в той степени, в которой Вашингтон будет играть на своих сильных сторонах мягкой силы и своей репутации не экспансионистских намерений.

Таким образом, США получают больше того, что хотят, если осознают масштабы и потенциал своей мягкой силы и будут действовать разумно, исходя из этого признания. Другие же утверждают, что стабильность зависит от идеи самоограничения и от готовности

США взаимодействовать с международными институтами как средство сигнализации этой стратегической сдержанности. Рациональный гегемон будет заниматься определенной степенью самоограничения и институционального самообязательства, чтобы подорвать восприятие угрозы другими.

Наиболее важными следствиями этого способа анализа являются, во-первых, то, что он рассматривает концентрацию власти как важный фактор внешней политики, а во-вторых, что он рассматривает варианты внешней политики, доступные государствам второго уровня, в бинарных терминах: балансирование против доминирующего государства, с одной стороны, или присоединение к нему, с другой. Хотя между оборонительной и наступательной версиями неореализма есть существенные различия, обе считают, что появление новых держав будет, естественно, создавать напряженность между властью и политикой.

Теория неореализма породила огромную и сложную литературу множеством подтеорий и конкурирующих диагнозов. Однако она ограничена в ряде важных способов. Во-первых, большая часть этой литературы написана с точки зрения Соединенных Штатов и неявно или явно озабочена стратегиями, которые США приняли или должны принять, чтобы сохранить свое выгодное положение в системе. Во-вторых, выбор внешней политики государств второго уровня достигается дедуктивным путем, независимо от того, соответствуют ли они особенно близко либо вариантам политики, которые фактически были приняты, либо пониманию этих выборов внутри самих государств второго уровня.

В-третьих, варианты недостаточно определены: В чем именно состоит «присоединение», и что определяет выбор среди самых различных форм, которые может принять «присоединение» к гегемону? Описывает ли присоединение модель поведения или сознательный выбор политики? различать жесткие и мягкие формы балансировки? Что насчет других вариантов, таких как «сокрытие» или «хеджирование»? Наконец, неореализм рассматривает систему только с точки зрения распределения власти. Системные силы дей-

ствительно имеют решающее значение; но, как ясно показывает анализ внешней политики рассматриваемых здесь стран, в системе гораздо больше, чем содержится в неореалистической теории, и это имеет значение не только для точного эмпирического анализа, но и для разработки успешной теории. Второй кластер теоретических подходов подчеркивает не непрерывность конфликта и политической конкуренции за власть, а скорее мощные изменения, происходящие как в международном, так и в глобальном обществе, особенно те, которые связаны с глобализацией. Центральное утверждение заключается в том, что новые виды системной логики собрали силу, которая опутает и поймает в ловушку даже самых могущественных. Развивается новый *raison de système*, который изменит и в конечном итоге вытеснит старомодные представления о *raison d'état*.

После окончания Холодной войны либеральные версии этих устоявшихся аргументов доминировали в этой области. Для либералов-институционалистов глобализация и все более плотные сети транснационального обмена и коммуникации создают растущий спрос на международные институты и новые формы управления. Институты необходимы для решения все более сложных дилемм коллективных действий, которые возникают в глобализованном мире. По мере того, как крупные государства расширяют круг своих интересов и более полно интегрируются в глобальную экономику и мировое общество, они будут естественным образом привлекаться функциональными преимуществами, которые предлагают институты, и подталкиваться к более кооперативным моделям поведения. Институты важны для того, чтобы объяснить, как возникают и распространяются новые нормы в международной системе, и как изменяются и развиваются государственные интересы. Институты могут играть важную роль в распространении норм и в моделях социализации и Гегемония, либерализм и глобальный порядок интернализации, посредством которых более слабые субъекты усваивают эти нормы. Институты могут быть местами, где государственные служащие подвергаются воздействию новых норм (как в окружающей сре-

де); они могут выступать в качестве каналов или проводников, через которые передаются нормы (как неолиберальные экономические идеи через МФИ); или они могут усиливать внутренние изменения, которые уже начали происходить (посредством государственных стратегий внешнего «запирания» или давления, оказываемого через транснациональное гражданское общество). Системные либералы основываются на многих из тех же основных идей, но развивают более широкий Кантовский образ постепенного, но прогрессивного распространения либеральных ценностей, как результат частично либеральной экономики и возросшей экономической взаимозависимости, частично либерального правового порядка, который должен поддерживать автономию глобального гражданского общества, а частично успешного примера, поданного многогранной либеральной капиталистической системой государств. Некоторые делают особый акцент на внутренней рациональности экономической либерализации: этатистские экономические модели явно потерпели неудачу, рациональное поведение со стороны Бразилии, России, Индии и Китая приведет к растущему внешнеполитическому сближению для максимизации возможностей, представляемых экономической глобализацией. Другие предполагают, что не было иного выбора, кроме как принять внутреннее превосходство идей, которые завоевали мир. Другие подчеркивают роль третьей волны демократизации, сметавшей авторитарные националистические правительства и этатистско-националистические коалиции, которые часто их поддерживали. А третьи подчеркивают роль транснациональных движений, сетей поддержки и эпистемических сообществ в изменении понимания государственных интересов.

Для наблюдения за этими точками эти события могут быть изменены. Энергия власти, в частности, обесценивая жесткую, военную силу. Они также изменяют динамику и эффекты агрегации власти. Вместо этого рассматривать как угроза и ведущая к балансирующим последствиям, концентрации либеральной власти создатель либеральной версии подражания. Так же, как пример либерального ЕС создал мощные стимулы для подражания

и желать членства в большем масштабе и в течение более длительного периода подобных модель будет наблюдаться в случае либерального, развитого мира в целом. В любом случае, тренироваться либеральному порядку - значит рисковать быть отнесенным к режимам-изгоям и врагам экономической и политической свободы. Наконец, роль власти будет зависеть от того, какая версия либерализма господствует в основных государствах, особенно в США: оборонительные либералы, которые верят, что история на их стороне и что, как утверждал Кант, именно модель силы является наиболее важной и в конечном итоге. стать решающей; или наступательные либералы, которые верят, что исторически нужна ручная помощь и что процессы экономической и политической либерализации должны активно продвигаться посредством осуществления государственной власти, включая использование силы.

Китай, Россия, Индия, Бразилия: общие факторы и отличительные черты. Зачем рассматривать именно эти страны? Одна из причин заключается в том, что все они, по-видимому, обладают целым рядом экономических, военных и политических ресурсов власти; некоторой способностью вносить вклад в создание международного порядка на региональном или глобальном уровне; и некоторой степенью внутренней сплоченности и способности к эффективным государственным действиям.

Есть что-то интуитивно логичное в идее, что региональное преобладание должно представлять собой важный элемент любой претензии на статус крупной державы. Государство может позиционировать себя или может рассматриваться другими как представитель определенного региона, который, в свою очередь, может быть определен географически, лингвистически или в культурных или цивилизационных терминах. Это (оспариваемое) понятие представительности было важным элементом в дебатах по поводу постоянного членства Бразилии и Индии в Совете Безопасности. Государство может рассматривать регион как средство объединения власти и содействия региональной коалиции в поддержку своих внешних переговоров (как в случае с Бразилией и МЕРКОСУР перед лицом Зоны

свободной торговли Америки). Государство может стремиться играть активную и напористую роль в региональном управлении кризисами как для подкрепления своих собственных претензий на региональную власть, так и для обеспечения того, чтобы его нельзя было исключить из форм управления кризисами, которые предпринимаются внешними игроками (как в случае с Китаем и Северной Кореей). Наконец, государство может рассматриваться как крупная держава в той мере, в которой оно выполняет управленческую или производящую порядок роль в своем регионе. Это, в свою очередь, может стать важным элементом в его собственных отношениях с международными институтами или с Соединенными Штатами.

И все же случаи Бразилии, России, Индии и Китая выявляют сложность регионально-глобальной связи. Во всех четырех случаях внешняя политика в значительной степени формируется региональным контекстом — путем развития региональных балансов сил (особенно в Южной Азии и Восточной Азии); путем изменения моделей региональной небезопасности (особенно в форме новых категорий угроз); и все более плотными моделями социальной и экономической регионализации. Регионы также играют центральную роль в историческом самопонимании. И Россия, и Индия считают себя естественными лидерами закрытого региона, в котором внешнее вмешательство глубоко неприемлемо.

Во-первых, регион может быть источником слабости либо из-за неразрешенных региональных конфликтов (например, Тайвань или Кашмир), либо из-за региональной нестабильности и явной трудности сохранения влияния, как это чаще всего Гегемония, либерализм и глобальный порядок в случае с Россией. Необходимость сохранения региональной власти и предотвращения ее дальнейшего ослабления была центральной чертой российской внешней политики. И все же трудности и издержки этого были и остаются чрезвычайно высокими. Ее поражение в Чечне в 1994–1995 годах и ее последующая неспособность обеспечить стабильный контроль являются наиболее яркой иллюстрацией того, неспособность вооруженных сил России поддерживать

внутренний суверенитет. Кроме того, методы, которые Москва использовала для сохранения или восстановления своего влияния, привели к напряженности в других важных международных группировках, особенно в случае Европы. Лима и Херст отмечают, как Бразилия при администрации Лулы расширила спектр своих политических интересов в Южной Америке и была готова взять на себя более напористую политическую роль; но в отношении Андского региона она оказывается втянутой в зону, подверженную кризисам, не имея явно экономических или военных ресурсов, чтобы играть такую роль. В случае Индии региональные/глобальные балансы сил и источники небезопасности взаимодействовали особенно проблематично. Контраст с Соединенными Штатами поучителен. Много делается об уникальном положении Соединенных Штатов и о том, в какой степени, в отличие от всех других современных великих держав, они не сталкивались с геополитическими вызовами внутри своего региона и были способны предотвратить или, точнее, сдерживать влияние внерегиональных держав. Это, безусловно, верно (даже если подъем США к региональной гегемонии часто датируется слишком рано, а его масштабы преувеличиваются). Но другим важным региональным аспектом мощи США является способность избегать чрезмерно глубокого запутывания или вовлечения и, по большей части, избегать попадания в ловушку и отвлечения конфликтов низшего уровня на своем «заднем дворе». Они смогли принять регион как должное и в течение длительных периодов избегать региональной политики вообще (как, возможно, и было с 2001 года). Именно этот факт, возможно, противоречащий интуиции, дает Бразилии некоторую возможность развивать относительно автономную региональную роль. Во-вторых, попытки развивать глобальную роль могут легко вызвать враждебность или, по крайней мере, вызвать беспокойство у региональных соседей. Это было особенно очевидно в реакциях региональных государств второго уровня на попытку Индии и Бразилии получить постоянные места в Совете Безопасности ООН, а также на более напористую региональную политику Бразилии в Южной Аме-

рике в целом, особенно В-третьих, доминирующая сила в системе может воспользоваться возможностью использовать региональные конфликты в своих интересах и заняться офшорным балансированием именно так, как предсказывает неореалистическая теория. Похожая, но реже отмечаемая, логика применима к региональным соглашениям: Соединенные Штаты максимизируют свою мощь, продвигая формы регионализма, настолько слабо институционализированные, что они не связывают и не ограничивают США, но в то же время работают над подрывом или предотвращением появления других, более мелких региональных группировок, которые могли бы стать эффективными соперниками США. Эта модель была заметна в случаях как Азиатско-Тихоокеанского региона, так и Америки. Какова бы ни была их несомненная роль в качестве посредников общих интересов и пропагандистов общих ценностей, институты являются местами силы, и неравная сила играла постоянно важную роль как в их создании, так и в их функционировании. Так, например, «порядок» холодной войны и длительный мир 1945–1989 гг. были построены весьма традиционным образом вокруг попыток регулировать баланс сил между сверхдержавами (через соглашения о контроле над вооружениями, саммиты и механизмы управления кризисами) и посредством эксплуатации иерархии (через взаимное, хотя и молчаливое, признание сфер влияния и посредством создания олигархической системы нераспространения, призванной ограничить доступ новых держав к ядерному клубу). Более того, даже когда идея суверенного равенства набирала силу и международные институты так резко расширялись как по количеству, так и по масштабу, иерархия и неравенство оставались центральными как для их концепции, так и для их функционирования. Иногда «упорядочивающая» роль иерархии была формализована, как в особых правах и обязанностях постоянных членов Совета Безопасности ООН или структурах взвешенного голосования МВФ или Всемирного банка. Чаще всего это можно увидеть в мощных политических нормах, как в практике специальных группировок и контактных групп для решения конкретных кризисов безопасности,

или в роли G8 в попытках управлять не только глобальными экономическими проблемами, но и гораздо большим иным; или в том, как международное финансовое управление доминируется закрытыми группами сильных мира сего (как в Банке международных расчетов или Форуме финансовой стабильности). На этом фоне неудивительно, что стремящиеся к крупным державам должны уделять так много внимания игре в институционализированную иерархию. Отсюда мы видим озабоченность России Советом Безопасности и ее стремление участвовать в саммитах G8. Отсюда и то, что называется китайской «фиксацией» в ООН, и ее сопротивление любой реформе Совета Безопасности ООН, которая добавила бы новых постоянных членов. Бразилии за постоянное место в Совете сыграла бы центральную роль в решимости страны расширить отношения с Югом в целом, а также в отдельных политиках (как в случае с ее ведущей ролью в миссии ООН на Гаити или ее моделью голосования по правам человека).

Также неудивительно, что для Бразилии и Индии ядерное нераспространение должно было быть таким важным вопросом. Для Бразилии с конца 1960-х до конца 1980-х годов. Договор о нераспространении ядерного оружия был одним из самых ярких примеров того, что она назвала «замораживанием мировой мощи», — хотя она неуклонно двигалась в последующий период к сближению с Аргентиной и членству в основных режимах контроля над вооружениями, включая в 1998 год. В случае Индии режим нераспространения олицетворял препятствие, создаваемое иерархически организованным режимом для ее внешней политики. Он служил примером дискриминации между имущими и неимущими и представлял собой блок как для восходящей мобильности, так и для технологического прогресса. Но ядерный случай также иллюстрирует, как размер страны и ее геополитическое значение позволили успешно бросить вызов режиму. Хотя затраты были значительными (на региональном уровне и в плане отношений с Вашингтоном), Индия смогла получить неявное признание в качестве ядерной державы. Достигнув этой цели, она, конечно, стремится, чтобы ее считали «ответственной

ядерной державой» и имеет общую интересность в блокировании дальнейшего распространения.

Тот факт, что эти четыре страны являются государствами второго уровня, также означает, что их политика в отношении международных институтов неизбежно имеет двойственное качество. С одной стороны, они могут быть вынуждены использовать институты для выполнения некоторых классических функций, связанных с властью, прежде всего, для подачи сигнала уверенности более слабым государствам, особенно в их регионах. Наиболее ярким примером этого является сдвиг в политике Китая в отношении региональных институтов безопасности и его желание использовать институты для обеспечения уверенности более слабым государствам, особенно в отношении его отношений с АСЕАН. С другой стороны, их сохраняющийся статус государств второго уровня, с которыми сталкиваются очень могущественные Соединенные Штаты, означает, что они разделяют интерес к институтам как к средству укрощения власти самых могущественных. Во-первых, институты могут сдерживать могущественных посредством установленных правил и процедур. Основная цель состоит в том, чтобы связать Гулливера как можно большим количеством способов, какими бы тонкими ни были отдельные институциональные нити. Поэтому неудивительно, что Бразилия и Индия должны быть четвертыми и пятыми по активности истцами в рамках механизма урегулирования споров ВТО. Также не особенно озадачивает то, что Бразилия, Китай и Индия должны хотеть использовать международные институты для сопротивления попыткам США продвигать новые нормы по применению силы или обусловленности суверенитета или права применять силу для содействия смене режима. Во-вторых, институты предоставляют более слабым государствам политическое пространство для создания новых коалиций, чтобы попытаться повлиять на возникающие нормы способами, которые соответствуют их интересам, и уравновесить или, по крайней мере, отклонить предпочтения и политику самых могущественных. Активистская коалиционная политика Бразилии и Индии в рамках ВТО,

является очень хорошим примером, особенно в плане коалиции G20, созданной в Канкуне в 2003 году. В-третьих, институты открывают «возможности для выражения мнения», которые позволяют относительно слабым государствам заявлять о своих интересах и претендовать на политическую поддержку на более широком рынке идей. На протяжении большей части 1990-х годов все эти страны занимали в целом оборонительные позиции в отношении либеральных норм, навязываемых индустриальным Западом: все четыре в отношении гуманитарной интервенции; Бразилия и Индия в отношении все более далеких идущих норм экономической либерализации, особенно в контексте ВТО. Нарликар уделяет особое внимание репутации Индии в плане обороноспособности и ее традиции как жесткого, негибкого и, по мнению некоторых, идеологического переговорщика. Баланс, достигнутый между подлинной интернализацией, прагматичным приспособлением и сопротивлением, менялся в зависимости от проблемы, страны и времени. Примечательно то, как эти страны стали более активными — например, используя язык демократии и представительности для продвижения реформы международных институтов; или используя язык экономического либерализма в качестве палки, которой можно атаковать протекционизм США и Европы. И Бразилия, и Индия мобилизовали требования большей представительской справедливости (как в случае с членством в Совете Безопасности или принятия решений в ВТО) и распределительной справедливости (как в случае продвижения Бразилией глобального фонда борьбы с голодом). Однако, гораздо менее ясно, насколько далеко продвинулась любая из этих стран в плане становления производителями идей, которые будут формировать концепции мирового порядка в будущем. Это важно по многим причинам, не в последнюю очередь потому, что, хотя государственная власть, несомненно, гегемонически структурирована вокруг США, сила идей, ценностей и культуры потенциально более открыта и оспариваема. Отношения с Соединенными Штатами: присоединение к лидеру или прагматичное приспособление? Как мы видели, некоторые аналитики полагают, что сама сте-

пень мощи США не только исключает эффективное противодействие, но и увеличивает стимулы к присоединению к Вашингтону. Как говорит Уолфорт: «Единственные варианты, доступные государствам второго уровня, — это присоединение к полярной державе (явно или неявно) или, по крайней мере, не предпринимать никаких действий, которые могли бы вызвать ее целенаправленную враждебность». Существует три мотива присоединения: во-первых, присоединяясь к доминирующему государству, более слабое государство надеется избежать проблем или отвлечь их в другом месте; во-вторых, государство присоединяется к доминирующему государству, чтобы разделить трофеи войны или других форм конфликта (например, обеспечение доступа к ближневосточной нефти на фоне поддержки политики США); и в-третьих, государство присоединяется к доминирующему государству, чтобы обеспечить другие политические или экономические преимущества (например, Россия торгует поддержкой в борьбе с терроризмом в обмен на сдержанную критику своей внутренней или региональной политики).

Логика присоединения к большинству сыграла важную роль в недавнем внешнеполитическом мышлении и практике США. Жесткий односторонний подход и акцент на угрозе и использовании военной мощи могут иметь смысл только при условии, что доминирующей реакцией более слабых государств и других субъектов будет прямое подчинение (шок и трепет) или желание вести переговоры. Но культивирование присоединения к большинству, особенно в отношении важных государств второго уровня, остается важным, поскольку неудачи жесткой, односторонней политики «мы можем сделать это в одиночку» становятся все более очевидными. По мере того, как мы вступаем в период гегемонистской декомпрессии, какие варианты доступны Вашингтону? Один (очень маловероятный) — это искреннее принятие либерального многостороннего подхода. Второй — это повторное взаимодействие с институтами, но в то же время попытка перестроить эти институты таким образом, чтобы они более точно отражали текущие интересы США. Третий — переориентировать внимание на давний элемент

внешней политики США, а именно на создание хаба

Безусловно, для Бразилии, России, Индии и Китая концентрация власти в Соединенных Штатах и вокруг них была центральной в формировании их взглядов на систему и доступные им варианты. Также верно, что эта концентрация создала сильные стимулы избегать сосредоточенной враждебности США и искать совпадения интересов, когда это возможно, — из-за заботы как о преимуществах, связанных с конкретными вопросами, так и о интересах, связанных с властью. И все же не ясно, можно ли их поведение в целом полезно охарактеризовать с точки зрения присоединения. С одной стороны, категория включает в себя ряд политик от четкого соответствия до прагматичного приспособления. С другой стороны, значимость присоединения как мотивации политики изменчива и меняется в зависимости от времени и проблемной области. Среди четырех рассматриваемых государств бразильская политика наиболее далека от такой политики. Верно, что поведение присоединения было характерной чертой американо-бразильских отношений в определенные периоды (особенно с 1942 по 1945 год и с 1964 по 1967 год). Но большую часть периода после 1945 года отношения не были особенно близкими и характеризовались как реальными столкновениями интересов (особенно по экономическим и торговым вопросам), глубокими и постоянными расхождениями в том, как две страны видят международную систему, и повторяющимся чувством взаимного разочарования. Последняя политика была направлена на благоразумное сосуществование, возможное сотрудничество и минимальное столкновение, но уклонялась от любого рода особых отношений. Существует поразительная параллель в общем характере американо-индийских и американо-бразильских отношений в период холодной войны, особенно с точки зрения роли взаимного непонимания. Краткое описание американо-индийских отношений, безусловно, можно применить к Бразилии: Соединенные Штаты и Индия за эти годы явно отдалились друг от друга не только из-за многочисленных заблуждений с обеих сторон, но и из-за фундаментальных

разногласий по поводу наилучшего способа мирной организации международной системы, природы Советского Союза, достоинств (или грехов) союзов и, прежде всего, степени, в которой Соединенные Штаты в глазах индийцев сопротивлялись становлению Индии как крупной державы.

Таким образом в данной статье нами было предложено различные причины для того, чтобы рассматривать Бразилию, Россию, Индию и Китай как группу. Необходимо подчеркнуть еще два сходства. Первое — это общее чувство неопределенности, особенно в отношении поведения Соединенных Штатов. Поэтому неудивительно, что хеджирование должно быть очень заметной характеристикой внешнеполитического поведения государств второго уровня. Вторая, и, возможно, более удивительная, характеристика — это общее чувство уязвимости. Размер может увеличивать возможности, и каждая из этих стран может иметь веру в свое «естественное» право на влиятельную международную роль. Но все они по-прежнему остро осознают свою уязвимость. Точный характер проблем варьируется от случая к случаю, как и баланс между уязвимостями, коренящимися соответственно в системе в целом, в непригодности регионов и районов, а также во сплоченности и государственном потенциале. С другой стороны они служат для того, чтобы подчеркнуть, что это крайне разрозненная группа государств. Россия — это держава, которая находилась в упадке по крайней мере последние 20 лет, и чья внешняя политика была сосредоточена на попытках остановить этот упадок. Далеко не ясно, удастся ли ей это. Китай находится в своей собственной лиге. Дело не только в том, что ее ресурсы власти и потенциал развития иного порядка; дело также в том, что ее мощь сочеталась с долгосрочным пониманием того, где она хотела бы быть, и что как государство она до сих пор поддерживало значительную степень силы и сплоченности. Она также продемонстрировала осознание того, в какой степени ее растущая мощь потенциально рассматривается как угроза другими. В обозримом будущем Индию и Бразилию, возможно, лучше всего рассматривать не как великие державы, а как все более активные

и влиятельные промежуточные государства. Бразилия и Индия находятся в другой категории по еще одной причине. С одной стороны, их можно рассматривать — и они хотели бы видеть себя — как потенциальные крупные державы, как в своих регионах, так и в более общем плане. Но с другой стороны, они более конкретно идентифицировали себя как развивающиеся страны и понимали свои внешнеполитические возможности через призму отношений Север-Юг. Это было постоянной темой в случае Индии; в случае Бразилии это было более двусмысленно, но явно на подъеме при нынешнем правительстве. Но является ли язык третьего мира и южной солидарности просто пережитком прошлого? Или это стратегия, основанная на интересах, которая отражает определенный набор условных интересов (как в вопросах торговли в рамках ВТО)? Или это отражает более глубокий набор убеж-

дений, интересов и обязательств? Если так, что произойдет, если эта «идентичность развивающейся страны» вступит в конфликт с «идентичностью стремящейся к великой державе»? В обоих случаях эта двойственность говорит о напряжении между стремлением к международному влиянию и сохраняющимся чувством уязвимости, а также о трудности защиты себя от все более навязчивого мира, который бросает вызов устоявшимся национальным способам действия и мышления. Это также говорит о спорных, и пока еще не завершенных, дебатах о том, насколько далеко эти страны должны зайти за либеральный, глобализованный порядок и каким может быть фактическое пространство для автономии перед лицом изменчивого характера мировой экономики, с одной стороны, и гегемонической мощи США, с другой.

Литература:

- [1]. Эмира Джафарова. Глобальные геополитические тенденции и современный характер мироустройства. THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал. // ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16 №27, Тб., 2021, №23, с.54-58>
- [2]. Dominic Wilson and Roopa Purushothaman, *Dreaming with the BRICs: the path to 2050*, GlobalEconomics Paper no. 99 (New York: Goldman Sachs, Oct. 2003). See also Arvind Virmani, *Economic performance, power potential and global governance: towards a new international order*, working paper no. 150 (New Delhi: Indian Council for Research on International Economic Relations, Dec. 2004).
- [3]. Jeffrey E. Garten, *The Big Ten: the big emerging markets and how they will change our lives* (New York: Basic Books, 1997), p. xxv; Robert Chase, Emily Hill and Paul Kennedy, eds, *The pivotal states: a new framework for US policy in the developing world* (New York: Norton, 1999), esp. pp. 165–94.
- [4]. John J. Mearsheimer, *The tragedy of great power politics* (New York: Norton, 2001), p. 5. ch. 3. William C. Wohlforth, 'The stability of a unipolar world', *International Security* 24: 1, 1999, pp. 5–41.
- [5]. Joseph S. Nye, *Soft power: the means to success in world politics* (New York: Public Affairs, 2004).. See Josef Joffe, 'Gulliver unbound: can America rule the world?', the John Bonython Lecture, Sydney, 5 Aug. 2003.
- [6]. G. J. Ikenberry, 'American grand strategy in the age of terror', *Survival* 43: 4, Winter 2001/2, pp. 19–34.
- [7]. Stephen M. Walt, *The origins of alliances* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987), pp. 19–21.
- [8]. Mônica Hirst, *The United States and Brazil: the long road of unmet expectations* (New York: Routledge, 2005), pp. 73–108.
- [9]. Stephen P. Cohen, *India, emerging power* (Washington DC: Brookings Institution, 2001), pp. 287–98.

OMAR ARDASHELIYA**Doctor of Historical Sciences, Professor of Sukhumi State University (Georgia)****LIBERALISM AND WORLD ORDER IN LIGHT OF GEOPOLITICAL PHILOSOPHY****Summary**

The issues of global political development and the formation of world order have long occupied the minds of international theorists and scientists who seek to understand and predict the future parameters of the world order. Turning points in the history of the United States, as well as in the history of other countries, often became a stimulus for active and deep reflection in the circles of the intellectual elite. The defining feature of the American expert and research environment was the focus on conceptualization and modeling of processes for the construction and organization of world order. The assertion of the US leadership in world politics and economics in the 20th century was associated with the development of ideas of global governance and the formation of a new world order. In this case, by order we will understand the structure and principles of organizing the system of international relations.

The ideals of liberalism and democracy, as well as the idea of exclusivity and predetermination of fate, are becoming an integral element of public consciousness. In a world that consisted of the belief in the legitimacy and legality of claims to dominant positions in the global governance of political, economic and social processes. Gradually, there was a synergy of liberal values, ideas of predetermination and leadership, which led to the embodiment of liberal ideology in foreign policy through measures and actions to spread the liberal democratic system throughout the world.

In an international system dominated by the United States, it is not surprising that the actual and potential behavior of important second-tier states should be a source of ongoing interest. This article examines some of the ways in which China, Russia, India, and Brazil have responded to both U.S. hegemony and the changing nature of international society. It outlines some of the main analytical questions that arise when thinking about the foreign policy options of these countries and some of the main conceptual and theoretical categories within which these questions can usefully be framed. The first section examines the reasons for considering these countries as a group. The second section briefly reviews the two most common theoretical perspectives through which the systemic pressures on these countries are understood. The focus is on foreign policy options and understanding these options, rather than on assessing these countries' power resources or their economic trajectories.

Thus, the central theme of twentieth-century international history has been the struggle of revisionist states for—equal rights—involving the redistribution of territory, the recognition of regional spheres of influence, and the pursuit of equality of status within formal and informal international institutions. No matter how much the currency of power or the rules of the power game have changed, this pattern of behavior remains an important element of global politics. Although the likelihood of military confrontation between major powers may have diminished, the issue of recognition has been exacerbated by the rise of the idea that the international community should seek to advance shared values and goals rather than simply support coexistence and help minimize conflict. A third reason for considering these four countries together arises from the development of relations among them.

China, Russia, India, Brazil: Common Factors and Distinctive Features. Why consider these countries in particular? One reason is that they all appear to possess a range of economic, military, and political power resources; some capacity to contribute to the construction of international order at the

regional or global level; and some degree of internal cohesion and capacity for effective state action. There is something intuitively logical in the idea that regional predominance should constitute an important element of any claim to major power status. A state may position itself, or be seen by others, as representative of a particular region, which in turn may be defined geographically, linguistically, or in cultural or civilizational terms. This (contested) notion of representativeness was an important element in the debate over the permanent membership of Brazil and India on the Security Council. A state may see a region as a means of pooling power and promoting a regional coalition in support of its external negotiations (as in the case of Brazil and Mercosur in the face of the Free Trade Area of the Americas). A state may seek to play an active and assertive role in regional crisis management both to buttress its own claims to regional authority and to ensure that it is not excluded from forms of crisis management undertaken by external actors (as in the case of China and North Korea). Finally, a state may be seen as a major power to the extent that it exercises a managerial or order-producing role in its region. This, in turn, may become an important element in its own relations with international institutions or with the United States. Yet the cases of Brazil, Russia, India, and China highlight the complexity of the regional-global nexus. In all four cases, foreign policy is significantly shaped by the regional context—through evolving regional balances of power (especially in South Asia and East Asia); through changing patterns of regional insecurity (especially in the form of new threat categories); and by increasingly dense patterns of social and economic regionalization. Regions also play a central role in historical self-understandings. Both Russia and India see themselves as natural leaders of a closed region in which outside interference is deeply unacceptable.

Thus, the foundations of liberalism in the international order were laid in the period after the Second World War with the formation of international financial structures. Globalist vectors of American foreign policy began to play an increasingly decisive role in the development of this system. At the same time, the applied measures of economic coercion were directed increasingly at globalist goals. The end of the Cold War and the emergence of a unipolar system led to the process of realizing the corresponding ideals of Hamiltonianism and Wilsonianism, namely the creation of a world based on liberal rules. Despite the difference in the presentation of liberalism in the international order between the realist and liberal paradigms, representatives of both schools agree that it has come to an end. Liberal theory explains the failure of liberalism in the international order by the imbalance due to the accelerated integration of states deviating from liberal norms into the liberal system. In turn, realist theory argues that revisionist states view the spread of liberal values as a threat to their existence. Accordingly, the international system has acquired a multipolar character as a result of the reactive impact of globalist intentions. Economic coercion became a frequently used tool in the Cold War policy of containment. The emergence of liberalism in the international order led to the increasing use of these measures by American administrations in the dissemination of globalist values. Today, their use is evident in the defense of Liberalism against confrontational states such as China and Russia. Wilsonian aspirations are deeply embedded in American foreign policy, and will be one of the determining factors in the world.

МАРИНА ИЗОРИЯ

Доктор Социальных наук, ассистент профессор Сухуского Государственного Университета (Грузия)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.15>

Введение. Борьба за многополярное управление миром набирает обороты в международных отношениях. Оно приближает нас осознанию происходящих в мире процессов. Сущностное содержание концепции многополярности раскрывается через ее осмысление с позиций реализма, неореализма, цивилизационного подхода, регионального подхода, либерализма и конструктивизма. С позиций реализма многополярность может рассматриваться как объективное отражение тенденций мирового развития. Фундаментом многополярности выступает рост экономического, военного, политического потенциала незападных держав и ослабление позиций США как глобального лидера. Неореализм рассматривает многополярность как свойство международной системы, оказывающее влияние на поведение государств. Цивилизационный подход фокусируется на определении цивилизаций в качестве новых акторов и центров силы на мировой арене. Региональный подход акцентирует внимание на усиливающихся процессах регионализации, создании региональных интеграционных систем, которые в условиях роста потенциала региональных держав и ослабления позиции США в мире способствуют формированию многополярности. Либерализм, в первую очередь, стремится оценить влияние многополярности на стабильность и безопасность международной среды. Наряду с предсказуемым отношением к многополярности как угрозе миру и безопасности существует иная, более оптимистичная точка зрения. Конструктивизм рассматривает многополярность как внешнеполитический дискурс и проект ряда государств, в первую очередь России. Полученные выводы позволяют взглянуть на многополярность с разных сторон, приблизиться к комплексному и объективному пониманию данного феномена.

Ключевые слова: *многополярный мир, концепция многополярности, полицентризм, мировой порядок, центры силы, баланс сил, цивилизации, внешнеполитический дискурс*

Опасения по поводу меняющегося мирового порядка возросли по мере того, как мы переходим от однополярного мира, в котором доминировали Соединенные Штаты после окончания Холодной войны, к более фрагментированному, многополярному ландшафту. Подъем новых держав — среди них Китай, Индия, Турция, Бразилия, Иран — ознаменовал начало того, что многие считают эрой многополярности. Для некоторых это вселяет надежды на более сбалансированную международную систему, в то время как другие опасаются, что многополярность вызовет нестабильность, поскольку конкурирующие интересы столкнутся без единой направляющей руки. Вопрос не только в том, неизбежна ли многополярность; вопрос в том, является ли она по своей сути дестабилизирующей. История многополярных систем в лучшем случае неоднозначна, часто отмечена конфликтами и конкуренцией. Однако исторический прецедент «Европейского концерта» предлагает интригующую модель управления сегодняшней формирующейся многополярностью посредством баланса сил, сотрудничества и, что особенно важно, сдержанности. Современное согласие держав могло бы помочь ведущим государствам мира сосуществовать без бесконечного интервенционизма, который рискует превратить многополярность в опасную вседозволенность.

Чтобы понять сегодняшнюю нестабильность, стоит поразмышлять об уникальных условиях, которые возникли после Холодной войны, когда США стали непревзойденной сверхдержавой мира. Однополярный момент

Америки распространил либеральные демократические ценности и рыночный капитализм по всему миру, подпитываемый оптимизмом нового мирового порядка. Но пока Запад праздновал «конец истории», эти ценности встречали сопротивление во многих частях мира. Попытки универсализировать западные нормы — от открытых рынков до демократического управления — часто сталкивались с традиционными или авторитарными структурами, вызывая сопротивление со стороны государств, которые считали эти изменения несовместимыми со своими собственными интересами.

Эта культурная волна глобализации вызвала сложную реакцию. В развивающихся странах некоторые приняли западные символы успеха, в то время как другие считали их иностранным навязыванием. Националистические движения набирали обороты, часто реагируя на ощущение того, что глобальная интеграция непропорционально выгодна элитам, оставляя других позади. Интернет усилил эти разногласия, дав лидерам возможность сплотить свое население вокруг националистических или антизападных нарративов. Это раскололо глобальный ландшафт, приблизив мир к многополярной конфигурации. Проблема, как показывает история, заключается в том, что многополярность часто порождает нестабильность. Когда несколько держав борются за положение без единого доминирующего лидера, соперничество усиливается, формируются альянсы, а просчеты становятся дорогостоящими. Запутанные альянсы, которые привели к Первой мировой войне, являются классическим примером. Сложная сеть двусторонних обязательств между такими державами, как Германия, Австро-Венгрия, Россия, Франция и Великобритания, создала хрупкую систему, в которой один инцидент — убийство эрцгерцога Франца Фердинанда — спровоцировал глобальную войну. Сегодня подобные двусторонние соглашения возникают, поскольку такие государства, как Китай и Россия, отдают предпочтение выборочным стратегическим партнерствам вместо всеобщих альянсов, что увеличивает риски.

Тем не менее, история также дает модель управления многополярностью, не попадая в

ловушку неизбежного конфликта: Европейский концерт. После Наполеоновских войн великие державы Европы создали структуру для балансирования сил и разрешения споров, стремясь не допустить доминирования какой-либо одной державы. В течение почти столетия Концерт Европы сохранял относительный мир на континенте, предоставляя форум, на котором государства вели переговоры по интересам и разрешали конфликты, не прибегая к войне. Концерт не был идеальным — в конечном итоге он распался — но он показывает, что многополярностью можно управлять, если державы привержены сотрудничеству, балансу и взаимному уважению. Эта концепция «концерта держав» хорошо подходит для сегодняшнего мира с его диффузией центров силы и сложным соперничеством. Современный концерт держав, основанный на сдержанности, мог бы предложить прагматичную основу для многополярной стабильности. Вместо того чтобы полагаться на глобальные институты или идеологические крестовые походы, он бы подчеркивал сотрудничество между крупными державами, поощряя государства уважать сферы влияния друг друга и избегать односторонних вмешательств. В этой модели сдержанность стала бы руководящим принципом, ограничивающим конфликты и поощряющим дипломатические решения.

Одной из ключевых проблем многополярности является то, что международные институты часто с трудом поспевают за раздробленными структурами власти. Организация Объединенных Наций и Европейский союз были созданы для мира общих обязательств, однако по мере того, как державы отдают приоритет своим национальным интересам, эти институты становятся менее эффективными. Например, во время гражданской войны в Сирии конкурирующие повестки дня среди государств отодвинули на второй план многосторонние решения, а в ЕС такие страны, как Венгрия и Германия, отклонились от коллективной политики для защиты своих национальных интересов. Концерт держав признал бы эти ограничения, предоставив форум, на котором наиболее влиятельные государства ведут прямые переговоры, уравнивая интересы, не ожидая, что все участники будут

придерживаться универсального стандарта.

Многополярность также способствует новому виду культурной конкуренции, поскольку восходящие державы утверждают свои собственные ценности и приоритеты. Действия Китая в Южно-Китайском море, например, коренятся в стремлении утвердить региональное господство, в то время как военные действия Турции против курдских группировок демонстрируют, как национальные интересы часто перевешивают более широкую стабильность. В рамках соглашения держав сдержанность будет означать, что каждая держава уважает основные интересы других, избегая политики, которая провоцирует антагонизм. Многополярная система без сдержанности рискует эскалацией этих культурных и территориальных конфликтов, но согласованный подход может смягчить такие опасности, подчеркивая прагматичные границы. Другим дестабилизирующим фактором в многополярности является тенденция государств легитимировать свое правление, представляя внешние державы как угрозы. Например, балансирование Турции между НАТО и БРИКС усиливает ее региональное влияние, одновременно скептически выставляя западные альянсы. Риторика Китая о суверенитете на Тайване и в Южно-Китайском море консолидирует националистическую поддержку, представляя иностранные державы как экзистенциальные угрозы. Однако подход «концерта держав» будет способствовать прозрачности и диалогу между ведущими государствами, уменьшая необходимость в конфронтационном позировании и помогая поддерживать стабильность.

Исторически многополярность часто приводила к крупномасштабным конфликтам, но «концерт держав» предлагает способ разорвать этот цикл. Способствуя прямому общению и совместному решению проблем между ведущими государствами мира, «концерт» может предотвратить выход соперничества из-под контроля. Целью будет не полное исключение конкуренции — конкуренция неизбежна в международных отношениях, — а управление ею, не позволяя напряженности перерасти в открытый конфликт. Сдержанность в этом контексте подразумевает ограничение вмешательства случаями явного на-

ционального интереса, а не рефлексивное реагирование на каждый глобальный кризис. В «концерте» крупные державы могли бы сосредоточиться на поддержке региональной стабильности, не вторгаясь в сферы влияния друг друга. Это потребует фундаментального перехода от глобального рефлекса полицейского надзора, который был характерен для большей части эпохи после Холодной войны, к более взвешенной, регионально ориентированной стратегии.

Современный «концерт держав» также будет способствовать стратегической гибкости в альянсах. Вместо того чтобы связывать себя жесткими обязательствами, государства могли бы формировать партнерства, которые оставляют место для компромисса и деэскалации. Внешняя политика Китая является примером того, как это может выглядеть; он взаимодействует с государствами на индивидуальной основе, поддерживая отношения, не связывая себя каждым спором. В многополярную эпоху такая гибкость предотвращает формирование враждебных блоков и дает державам передышку для управления напряженностью.

Многополярность, уравновешенная согласием держав и приверженностью сдержанности, может даже создать новые пути для сотрудничества. Идея о том, что одно государство должно упасть, чтобы другое поднялось, устарела; многополярность предполагает, что несколько держав могут сосуществовать и развиваться одновременно. Исследования в области теории игр и международных отношений показывают, что многополярные системы могут способствовать сотрудничеству, когда государства признают взаимные интересы. Пандемия COVID-19 выявила как риски, так и возможности взаимозависимости. Координируя усилия для решения общих проблем, таких как глобальные кризисы в области здравоохранения или изменение климата, согласие держав может превратить многополярность в стабилизирующую силу, а не в катализатор конкуренции.

Многополярность несет реальные риски, но она также дает шанс построить более сбалансированную международную систему. Альтернатива — эскалация цикла соперничества и вмешательства — скорее всего, при-

ведет нас обратно к нестабильности, которая была характерна для предыдущих многополярных эпох. При правильном подходе многополярность может превратиться в эпоху конструктивного взаимодействия, где державы уравнивают свои амбиции чувством ответственности. В этот критический момент основные мировые игроки сталкиваются с выбором: позволят ли они многополярности скатиться в хаос или возродят дух Европейского концерта, способствуя концерту держав, основанному на сдержанности и взаимном уважении? В многополярную эпоху мера великой державы может заключаться не в ее способности доминировать, а в ее готовности проявлять сдержанность.

Стратегия Китая по управлению миром

Вступление Китая в международную систему должно было ознаменовать начало эпохи сотрудничества между либеральным порядком и коммунистической партией. Вместо этого Пекин посредством своей внешней и военной политики планирует создать международный «цивилизационный нарратив», который является высшей, единой и стабильной системой управления. До конца периода Воюющих царств Китай не считался единой страной. Период «Воюющих царств» был временем социальных и политических изменений, поскольку Китай был разделен на семь государств, которые находились в состоянии постоянной войны друг с другом. Этот период характеризовался беспорядками, нестабильностью, конфликтами, разобщенностью и войнами между местными правителями. Первой династией, которая объединила регион под единым правительством, была династия Цинь в 221 г. до н. э. Династия Цинь объединила враждующие государства и принесла стабильность посредством военной, манипулятивной и принудительной дипломатии. Сегодня Китай рассматривает международную систему как враждующие государства, характеризующиеся несостоявшимися государствами, этническими конфликтами, межгосударственными и внутригосударственными конфликтами, фрагментацией, нестабильностью и полити-

кой силы. Китай хочет повторить политику и стратегии Цинь, превратив демократический порядок и послушные авторитарные режимы в свои вассальные государства с помощью мягкой силы и «Одного пояса, одного пути». Китай планирует экспортировать мягкую версию своей коммунистической идеологии. Тысячелетняя цель Китая — свергнуть демократический порядок мирными и разъединяющими средствами. Китай распространяет свой нарратив посредством принудительной дипломатии, пропагандистских и дезинформационных кампаний, легитимизирующих китайское авторитарное управление, окутанное историческими ценностями и идеалами. Его цель — изменить демократическое управление, нормы и устоявшийся мировой порядок, основанный на правилах, и заменить его китайской версией нелиберального порядка и авторитарного правления. Китай проникает в демократические страны, такие как Польша, Греция, Великобритания и Италия, покупая или инвестируя в компании и критически важную инфраструктуру, такую как порты, и участвуя в торгах на контракты на сети 5G. Китайские компании, ведущие бизнес за рубежом, связаны с коммунистической партией или Народно-освободительной армией. С помощью этих компаний и технологий 5G Китай сможет собирать и собирать разведанные для дипломатических и торговых переговоров, начинать кибервойну против критически важной инфраструктуры и секретных правительственных сетей, собирать конфиденциальную информацию от компаний, запускать кампании по дезинформации и понимать планы ведения войны и военную готовность принимающих государств. Соединенные Штаты Америки (США) запретили Huawei, поскольку страна считает компанию угрозой национальной безопасности. Многие страны мира, вероятно, запретят китайским компаниям инвестировать в такие критически важные сферы, как оборона и телекоммуникации.

Принудительные и непрозрачные инструменты дипломатии были неотъемлемой частью внешней политики Китая. Китай ведет информационную войну, скрывая, искажая и фабрикуя информацию, а также распространяя ложные новости. Под руководством

президента Си Цзиньпина дипломатическая служба, армия, академические круги, СМИ и деловое сообщество работают над продвижением цивилизационного нарратива. Китай не принимает международные правила; вместо этого он работает над подрывом и заменой либерального порядка правилами, соответствующими его интересам. Коммунистическая партия работает над созданием мира, ориентированного на Китай.

Внешняя политика Китая лишена прозрачности и общих ценностей. Министерство иностранных дел Китая говорит о мирном сосуществовании, но, с другой стороны, нарушает международные законы и конвенции. Китай строит военную инфраструктуру в Южно-Китайском море, регионе, на который также претендуют Вьетнам, Филиппины, Бруней и Индонезия. Китай имеет зловещий разговор как часть своей внешней политики. Его стратегия заключается в том, чтобы создать кризис или спор со страной, разыграть карту жертвы, обвинить другую страну, а затем добиваться уступок. Когда страна начинает дипломатический протест против Китая за нарушение международного права, Китай отвечает враждебностью. В ответ коммунистическая партия начинает едкую кампанию против страны с помощью различных средств, таких как экономическое принуждение и подстрекательство китайских граждан бойкотировать товары, импортируемые из страны.

Стратегия Китая заключается в экспорте мягкой силы через государственное строительство в бедных странах и авторитарных государствах. В качестве услуги за услугу Китай ожидает их поддержки против демократического порядка в международных и многосторонних организациях. Союзниками Китая являются и социалистические страны, такие как Камбоджа, Иран, Северная Корея, Судан, Пакистан, Зимбабве, Венесуэла и Сербия Грузия. Китай продает технологии, тем самым укрепляя свое влияние во многих регионах мира. Китай стремится также привлечь на свою сторону малые страны Африки, Центральной и Восточной Европы.

Международный демократический порядок возглавляется США, членами которого являются европейские государства, Индия,

Япония и Австралия. Страны, которые рассматривают Китай как общую угрозу, также являются частью демократического порядка. К ним относятся полудемократические страны, такие как Сингапур и Вьетнам. Именно на демократической стороне происходит производительность, изобретения и достижения в области технологий. Верховенство закона гарантируется институциональной структурой живой конституции, свободной и бдительной прессы, свободных и справедливых выборов, демократических вооруженных сил, независимой судебной системы и парламента и президентской формы демократии. Демократический порядок гарантирует коллективную безопасность и соответствует международным законам, правилам и положениям. Демократически избранные правительства несут ответственность и подотчетны народу. По сравнению с коммунистической идеологией демократические институциональные структуры являются мощным связующим фактором для национального государства.

На протяжении всей истории мировые державы были экономически и в военном отношении самодостаточными. Хотя Китай считается второй по величине экономикой в мире, ему не хватает собственных военных и коммерческих производственных мощностей.

В последние годы Китай наращивает усилия для укрепления своего влияния в мире, продвижения своих интересов и создания благоприятных внешних условий для своего развития. Однако слабая «сила дискурса» стала узким местом политики Китая на мировой арене, что, по нашему мнению, отражает недостатки комплексной стратегии «мягкой силы» государства. В настоящее время данная слабость проявляется в том, что мультимедийные технологии китайских СМИ распределены неравномерно по сравнению с западными; основные ценности обеих стран находятся под давлением сильного дискурса Запада; а прогресс Китая часто оспаривается и очерняется западными СМИ.

При наличии возможности избирать своих лидеров в авторитарных государствах подавляющее большинство электората проголосует за демократию. Доверие и авторитет между правительством и управляемыми, которые

приносит демократический порядок, превосходят авторитарную, навязчивую и скрытную форму китайского управления. Мировые войны велись для установления демократии и мирного сосуществования. Эпоха после 1945 года ознаменовалась установлением демократического порядка, коллективной безопасности и международных организаций. Тем не менее, были острова авторитарного правления среди океана демократий. Страны Восточной Европы и Южной Америки испытали на себе принудительные методы авторитарного правления. Предпочтение людей демократическому порядку привело к распаду Советского Союза и Варшавского договора. Исторически лидеры в США и Индии боролись за независимость от колониальных правителей. В 21 веке лидеры были заменены мощными национальными государствами во главе с демократическими обществами с мощными армией и международными организациями для защиты от возможного натиска авторитаризма. КНР планомерно ведет свою внешнюю и внутреннюю политику постепенно расширяя круг стран стремящихся быть в геополитическом альянсе с Китаем.

После Второй мировой войны авторитарные режимы прибегали ко всем возможным методам, от экспорта мягкой силы до вторжений, но были сорваны демократическим порядком. Исключительность США гарантировала международную безопасность в эпоху после холодной войны. США возглавляют либеральный международный порядок, осно-

ванный на общих ценностях. Глобальный мир поддерживался присутствием и проекцией мощи КНР и США по всему миру.

Китайская концепция и стратегия применения «мягкой силы» для создания привлекательного образа страны. В условиях острой борьбы за глобальное и региональное лидерство одним из ключевых инструментов внешней политики Китая стала «мягкая сила», основанная, прежде всего на привлекательности национального языка и культуры. Распространяя свой язык и культурные коды в культурное пространство других стран, Китай стремится укрепить свой позитивный образ. Западный по происхождению концепт «мягкой силы» в Китае был переосмыслен. В начале XXI в. наращивание «мягкой силы» через создание сети Институтов Конфуция представлялась Китаем как политика взаимного выигрыша на международной арене. После прихода к власти Си Цзиньпина «мягкая сила» культуры в качестве ресурса и инструмента внешнего влияния Китая уходит с фронта политической повестки. Внешнеполитический вектор «мягкой силы» культуры перенаправляется вовнутрь, а культура, которая ещё недавно открыто действовала как драйвер «мягкой силы» во внешней политике, переходит на внутренний трек и вписывается в концепцию «четырёх уверенностей» и «двойной циркуляции», делая акцент на качественной составляющей, при этом сохраняя свою высокую внешнеполитическую значимость для китайского руководства.

Литература:

- [1]. Zinevich O.V., Selezneva N.V. China's New Soft Power Strategy. MGIMO Review of International Relations. 2022;15(6):36-54. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54>
- [2]. lekseeva, T. (2017). Theory of international relations in the mirrors of «Scientific pictures of the world»: What's next? Comparative Politics Russia, 8(4), 30-41. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41
- [3]. Degterev D.A. Multipolarity or “New Bipolarity”? // RIAC. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (date of access: 01.02.2021).
- [4]. Thompson J., Pronk D., Van Manen H. Geopolitical Genesis: Dutch Foreign and Security Policy in a Post-COVID World // Hague Centre for Strategic Studies. 2021. URL: <https://hcss.nl/report/strategic-monitor-2020-2021-geopolitical-genesis/> (accessed: 04.05.2021).
- [5]. Alekseenko O. A. Globalization and regionalization as defining trends in the process of formation of a polycentric system of international relations // Bulletin of Moscow University. Series 12:

Political sciences. 2015. No. 3. P. 28-33 Butenko V. A., Mohammadi Sh. Regionalization and the «new» regionalism // Law and Politics. 2020. No. 7. P. 105-113.

MARINA IZORIA

Doctor of Social Sciences, Assistant Professor, Sukhumi State University (Georgia)

GEOPOLITICAL STRUGGLE FOR A MULTIPOLAR WORLD ORDER

Summary

The struggle for multipolar governance of the world is gaining momentum in international relations. It brings us closer to understanding the processes taking place in the world. The essential content of the concept of multipolarity is revealed through its comprehension from the positions of realism, neorealism, civilizational approach, regional approach, liberalism and constructivism. From the position of realism, multipolarity can be considered as an objective reflection of global development trends. The foundation of multipolarity is the growth of economic, military, political potential of non-Western powers and the weakening position of the United States as a global leader. Neorealism considers multipolarity as a property of the international system that influences the behavior of states. The civilizational approach focuses on defining civilizations as new actors and centers of power on the world stage. The regional approach emphasizes the intensifying processes of regionalization, the creation of regional integration systems, which, in the context of the growing potential of regional powers and the weakening position of the United States in the world, contribute to the formation of multipolarity. Liberalism, first of all, seeks to assess the impact of multipolarity on the stability and security of the international environment. Along with the predictable attitude towards multipolarity as a threat to peace and security, there is another, more optimistic point of view. Constructivism views multipolarity as a foreign policy discourse and project of a number of states, primarily Russia. The findings allow us to look at multipolarity from different angles, to come closer to a comprehensive and objective understanding of this phenomenon.

Concerns about the changing world order have grown as we move from the unipolar world dominated by the United States after the end of the Cold War to a more fragmented, multipolar landscape. The rise of new powers – among them China, India, Turkey, Brazil, Iran – has marked the beginning of what many see as an era of multipolarity. For some, this raises hopes for a more balanced international system, while others fear that multipolarity will breed instability as competing interests collide without a single guiding hand. The question is not just whether multipolarity is inevitable; the question is whether it is inherently destabilizing. The history of multipolar systems is mixed at best, often marked by conflict and competition. However, the historical precedent of the Concert of Europe offers an intriguing model for managing today's emerging multipolarity through the balance of power, cooperation and, crucially, restraint. A modern consensus among powers could help the world's leading states coexist without the endless interventionism that risks turning multipolarity into a dangerous permissiveness.

To understand today's instability, it's worth reflecting on the unique conditions that emerged after the Cold War, when the United States emerged as the world's unrivaled superpower. America's unipolar moment spread liberal democratic values and market capitalism around the world, fueled by the optimism of a new world order. But while the West celebrated the "end of history," these values were resisted in many parts of the world. Attempts to universalize Western norms—from open markets to democratic governance—often collided with traditional or authoritarian structures, provoking resistance from states that saw these changes as incompatible with their own interests.

ДАЗМИР ДЖОДЖУА

Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского Государственного Университета (Грузия)

К ВОПРОСУ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ

DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.16>

Введение. Индия - одна из крупнейших экономик мира и стремительно развивающаяся страна. Участие Индии в БРИКС открывает новые возможности для экономического сотрудничества со странами мира. Индия как страна, расположенная в стратегически важном регионе Азии, играет ключевую роль в обеспечении геополитического равновесия в БРИКС. Участие Индии гарантирует, что интересы и взгляды разнообразных стран будут учтены при принятии важных решений. Индия служит не только важным экономическим партнером, но и геополитическим союзником, способным поддерживать стабильность и содействовать взаимной безопасности. Для России участие Индии в БРИКС имеет особое значение, поскольку оно способствует укреплению стратегического партнерства, развитию экономического сотрудничества и поддержанию геополитического равновесия.

Для будущего организации БРИКС будет немаловажно, что Индия является членом БРИКС с момента его создания в 2009 году. Это страна с третьей по величине экономикой по ВВП и самым большим населением в мире. Индия активна на саммитах БРИКС: она активно поддерживает Новый банк развития и Фонд резервных средств БРИКС, те финансовые институты, которые являются важными альтернативными финансовыми инструментами для стран организации. Индия также участвует в механизме содействия торговле и инвестициям стран БРИКС.

Ключевые слова: *БРИКС, Индия, Международные Отношения, Геополитика.*

В XXI веке происходит децентрализация

мировой власти с перемещением ее оси в сторону Азии. Это позволяет создать многополярную и многостороннюю систему, которая ведет к развитию новых держав. В то же время концепция Глобального Юга набирает силу, продвигая диалог Юг-Юг. Такие страны, как Индия, в процессе экономического роста и развития имеют приоритеты и проблемы, такие как продовольственная и энергетическая безопасность, изменение климата, цифровая трансформация, инфляция и финансовая жизнеспособность, среди прочего, что делает Индию голосом Глобального Юга. Для Индии важно реформировать международную систему, чтобы сделать ее более справедливой и репрезентативной для новых реалий. В этом смысле Индия является страной, которая сближается с Западом с точки зрения стратегических целей и ценностей и в то же время имеет глубокие корни в Глобальном Юге.

Одно из изменений, наблюдаемых в Индии, — это большая предрасположенность к различным вариантам присоединения, чем в прошлом, поскольку это понимается не в чисто идеологических терминах, а в более прагматичной роли региональной державы. Иэн Холл утверждает, что многоприсоединение — это выбранная Индией стратегия защиты своих интересов и идеалов в современной международной системе, и что эта стратегия включает в себя решение проблем национальной безопасности; продвижение своих ценностей; стимулирование экономического развития и проецирование своего влияния. Она также подчеркивает взаимодействие с многосторонними форумами и организациями — региональными и международными — и использование двусторонних стратеги-

ческих партнерств. Хотя эта концепция может показаться некоторым оппортунистической, в действительности Индия стремится к стратегическому сближению. Эта концепция совместима с традиционной политикой Индии стратегической автономии. Это можно определить как способность и желание страны принимать независимые внешнеполитические решения для достижения своих основных национальных интересов, не ограничиваясь другими государствами. Это восходит к временам холодной войны и синтезируется как сочетание реализма и неприсоединения. Таким образом, Индия стремится не отдавать предпочтение какой-либо конкретной державе. Основная цель стратегического подхода в сегодняшнем мире взаимозависимости должна заключаться в предоставлении Индии как можно большего количества вариантов в ее отношениях с остальным миром. Это подразумевает увеличение стратегического пространства Индии и ее способности к независимому агентству, что предоставит ей наибольшее количество вариантов для ее внутреннего развития. Это тесно связано с национальными интересами Индии, которые выражены в Атманирбхар Бхарат, т. е. достижении самодостаточности или автономии. Эта концепция, представленная премьер-министром Моди в 2020 году, направлена на то, чтобы сделать страну и ее граждан самодостаточными во всех смыслах, и основана на пяти столпах (экономика, инфраструктура, система, активная демография и спрос). Значимость Индии для различных блоков и стран позволила ей участвовать в различных многосторонних инициативах, таких как G-20 и Глобальный Юг.

Приход правительства Моди изменил международное позиционирование Индии, поскольку она стремилась обозначить идентичность, основанную на превосходстве индивидуизма. Таким образом, Индия стремится подчеркнуть свою уникальность по отношению к Западу, особенно по геополитическим причинам, которые все больше связывают ее со своим континентом. В этом контексте Индия

укрепила связи с Соединенными Штатами, особенно в контексте своей проекции в Индо-Тихоокеанском регионе, и в свою очередь сотрудничает с такими государствами, как Россия, Иран и даже Китай. В этом контексте она работает с альтернативными форматами диалога, т. е. без Соединенных Штатов и их основных партнеров, таких как БРИКС или Шанхайская организация сотрудничества.

В 2003 году экономист Goldman Sachs создал аббревиатуру БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) для обозначения развивающихся стран со значительными инвестиционными возможностями. Для Индии это было воспринято как международное признание ее растущего веса и экономического роста, хотя она не придавала особого значения тому факту, что она была создана западной группой. БРИК возник как мини-боковой форум в 2009 году, с нестрогой институционализацией, основанной на саммитах и консенсусе, выраженный в документе в конце каждой встречи. У него нет уставов, исполнительных или законодательных органов или постоянного секретариата, хотя были созданы рабочие группы и форумы. В 2011 году присоединилась Южная Африка, добавив Ю.

БРИКС был функциональным для политических интересов своих членов в поисках большей международной видимости, и он основан на проактивной и напористой внешней политике. Его создание было четким заявлением этих стран о том, что они больше не желают позволять кому-либо диктовать им, как действовать или с кем сотрудничать на международном уровне. Однако необходимо отметить, что члены не имеют схожей роли или международного веса: двое являются постоянными членами Совета Безопасности ООН; трое являются ядерными державами; не все имеют одинаковый статус в ВТО; у них есть стратегические и военные различия; разные политические системы, а также разная историческая эволюция, среди прочих факторов. Даже среди этих различий общим является финансовый вопрос, поскольку все они стре-

мятся содействовать реформам в нынешней глобальной финансовой системе, и это стало толчком к его созданию.

В случае Индии важно рассмотреть создание коалиции IBSA (Индия, Бразилия и Южная Африка) в 2003 году под руководством Бразилии как предшественника БРИКС. Индия считалась естественным союзником коалиции в Азии и в то же время позволяла ей уравновесить растущее присутствие Китая в Латинской Америке и Африке. По этой причине Индия изначально выступала против выхода из IBSA, когда был создан БРИКС. Китай лоббировал против дублирования усилий, и присоединение Южной Африки к БРИК в 2011 году привело к прекращению заседаний IBSA. Однако IBSA продолжается, и заседания проводятся параллельно с саммитом БРИКС. Из-за этой ситуации Индия изначально сдержанно относилась к идее БРИК, поскольку считала, что IBSA имеет собственную индивидуальность, а БРИК была концепцией, разработанной третьими сторонами, не участвующими в форуме, которую они стремились сформировать. Однако Индия в конечном итоге приняла участие в создании форума, поскольку смогла наглядно увидеть выгоды; например, углубление связей с Россией, совместная работа с Китаем по вопросам глобального управления и объединение различных субъектов для ведения переговоров и координации лучшего представительства в международных финансовых институтах. В то же время он отметил экономический потенциал своих государств-членов и поэтому предложил создать банк в контексте БРИКС, который был создан не без напряженности и конфликтов с Китаем в 2015 году.

Новый банк развития является крупным достижением для неформальной организации, такой как БРИКС. Он не только предоставляет кредиты, но и создал программу экстренного кредитования. Капитал составлял 50 миллиардов долларов, и каждый член вносил одну пятую, но в случае чрезвычайного фонда Китай вносил 41% от общей суммы. Этот

многосторонний финансовый институт позволил Индии получить доступ к кредитам на безопасной основе для себя, без необходимости обращаться к Китаю или другим финансовым институтам, таким как Всемирный банк. В этом смысле в Индии финансируется 24 проекта НБР на сумму около 8,8 миллиарда долларов. Эти проекты направлены на удовлетворение основных потребностей страны, таких как развитие инфраструктуры и зеленые инициативы, а во время пандемии COVID-19 он также получил доступ к экстренным кредитам. Однако агентство критиковалось за недостаточную прозрачность, слишком много долларовых займов и доминирование членоснователей в надзорных органах, среди прочего.

Основным эффектом БРИКС стало укрепление внутренних отношений между членами на уровне инвестиций и взаимной торговли, хотя следует отметить, что большая часть роста торговли была сосредоточена в Китае, в то время как вклад остальных членов оставался довольно стабильным. В то же время активизировались обмены и коммуникации между правительствами государств-членов и другими правительственными организациями. При правительстве Манмохана Сингха (2004-2014) роль Индии в БРИКС была отмечена углублением политического прагматизма из-за изменений во внешней политике, вызванных многосторонним присоединением. В этом смысле ее участие основано на концепции, что Индия может быть частью ряда многосторонних инициатив, но они ограничены. С приходом Моди к власти (с 2014 года по настоящее время) многопартийность приобретает большую силу, и правительство предлагает схему отношений, известную как «разделенная лояльность», как с США, так и с Россией и Китаем.

Таким образом, БРИКС является полезным инструментом во внешней политике Индии, поскольку он помогает диверсифицировать диалог и уравновешивает вес Запада в Азии, тем самым сохраняя свою стратеги-

ческую автономию. В то же время Индия работает над тем, чтобы найти место, которое подходит ей по отношению к подавляющему экономическому и политическому весу Китая в группе. Во многих отношениях Индия находится в лучшем положении для построения консенсуса и продвижения общих интересов и общих ценностей в группе, и это ее большой актив.

Члены БРИКС представляют более 45% населения мира и обеспечивают почти 36% мирового ВВП, что делает форум крупным игроком в мировой экономике. Китай и Россия были ведущими членами, предложившими расширение БРИКС. Среди основных причин указано, что это сделает форум более представительной площадкой для развивающегося мира и даст ему более сильный голос на международной арене в отношении его интересов и проблем. Одной из областей, где наблюдается общая позиция, является область международной финансовой архитектуры, поскольку форум БРИКС стремится генерировать альтернативные схемы, продвигая использование национальных валют в торговле между членами и собственную платежную систему. Он также поддерживает открытую, прозрачную и основанную на правилах международную торговлю. Таким образом, добавление новых членов поддерживает эту цель.

Однако и Индия, и Бразилия сопротивляются этой инициативе расширения. Индия пыталась включить ограничительные условия для приема новых членов, которых не было, прежде всего связанные с обязательством не подвергаться международным санкциям, что привело бы к исключению Ирана. Это было сделано, с одной стороны, для того, чтобы гарантировать, что прием новых членов не был просто вопросом влияния членом-основателей, а с другой стороны, чтобы избежать включения государств с сильной антиамериканской позицией, что придало бы больший вес китайскому проекту.

Члены, принятые с января 2024 года, — Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ),

Иран, Эфиопия и Египет — неоднородны. Следует прояснить, что, хотя Саудовская Аравия была приглашена, она пока не согласилась участвовать. Эта неоднородность основана на том факте, что есть страны-кредиторы, такие как ОАЭ, в то время как другие являются должниками и имеют уязвимое финансовое положение, например Египет. С другой стороны, Иран и ОАЭ являются чистыми экспортерами нефти, и у последнего крепкая экономика, в то время как Египет, Эфиопия и Иран сталкиваются со значительными экономическими проблемами. Наконец, включение Эфиопии и Египта связано с растущей ролью африканского континента во внешней политике как Китая, так и Индии. Включение этих новых членов делает БРИКС влиятельным игроком в мировой экономике благодаря инвестиционным возможностям, которые он предлагает, и роли его энергетических ресурсов. Таким образом, он включает возможности выхода на быстрорастущие потребительские рынки со стратегическим географическим положением и разнообразным культурным и деловым контекстом. Присутствие крупных экспортеров нефти наряду с крупными импортерами, такими как Китай и Индия, подчеркивает потенциал группы как альтернативного торгового механизма, который избегает использования доллара и финансового влияния G7.

На первом саммите БРИКС+ в Казани, Россия, в октябре 2024 года основное внимание уделялось модернизации безопасности и экономического сотрудничества. Темы были сосредоточены на борьбе с терроризмом, кибербезопасности, региональной стабильности и даже торговле углеродом. Этот саммит предоставил Индии возможность продвигать свои стратегические интересы и подтвердить свою приверженность более справедливому многополярному миру и необходимости реформирования нынешней международной системы. С Россией премьер-министр Индии Моди обсудил конфликт на Украине и подчеркнул его дипломатическое решение. Моди также встретился с новым президентом Ира-

на и обсудил региональную стабильность и стимулирование торговли через порт Чаббахар, построенный и управляемый Индией. С Си Цзиньпином он встретился впервые после пограничных инцидентов, и они договорились возобновить переговоры и пограничное патрулирование. Тем не менее, форум сталкивается с растущей геополитической напряженностью и внутренним давлением, таким как разногласия и расходящиеся приоритеты среди его членов. Например, Индия и Китай не согласны с тем, как должна действовать организация: Индия видит БРИКС как многополярную систему глобального управления, в то время как Китай ищет механизм, который бы уравнивал США и их союзников и партнеров. Хотя расширение может повысить статус БРИКС, оно также может привести к размыванию форума, сделав его неэффективным и непроизводительным, если он продолжит функционировать на основе консенсуса.

Подводя итог, можно сказать, что форум БРИКС, который начинался как в первую очередь экономическая инициатива, сигнализирующая о передаче экономической мощи развивающемуся миру, стал крупной геополитической инициативой. В этом смысле Индия продемонстрировала прагматичную позицию по отношению к БРИКС, изначально сопротивляясь, а затем воспользовавшись пространством, которое позволяет ей играть

ведущую роль на международном уровне. Основанная на многосоюзничестве, ее стратегия заключается не в поиске постоянных друзей или врагов, а в приоритете схема фрагментированных лояльностей, которая позволила ей лавировать между различными типами держав. Таким образом, Индия участвует в любой инициативе, которую она считает полезной для своих национальных интересов, и БРИКС дает ей значительные преимущества. Однако неоднородность БРИКС+, не только экономическая, но и политическая, может стать препятствием для ее углубления.

Очевидно, что возникают вопросы о том, чего сможет достичь все более неоднородная группа и сможет ли она поддерживать и достигать предлагаемых целей. Таким образом, воздействие и влияние БРИКС+ будут зависеть от ряда факторов, включая способность форума преодолевать внутренние проблемы, доминирующую роль Китая на форуме, позицию трех оставшихся демократий (Бразилия, Индия и Южная Африка) перед лицом нового более ограниченного и более агрессивного подхода и реакцию Запада на этот новый вызов. В этом контексте, возвращаясь к Индии, БРИКС+ является еще одним таким пространством, в котором можно проецировать свою силу и продолжать выступать в качестве ведущей страны Глобального Юга.

Литература:

- [1]. И. Явнова. БРИКС: История создания. М., 2015
- [2]. БРИК: путь к росту мировой экономики и место России в клубе. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.inosmi.ru/economic/20100503/159691404.html> (Дата обращения 12.09.15).
- [3]. Первый саммит БРИК. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kremlin.ru/news/4478> (Дата обращения 05.09.15).
- [4]. Развивающиеся страны возьмут верх над развитыми через 5 лет. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rb.ru/topstory/economics/2008/11/01/152416.html> (Дата обращения 17.09.15).
- [5]. Совместное заявление лидеров стран БРИК. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/209 (Дата обращения 02.09.15).

..

DAZMIR JOJUA**Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)****ON THE ISSUE OF INDIA'S FOREIGN POLICY**

India is one of the largest economies in the world and a rapidly developing country. India's participation in BRICS opens up new opportunities for economic cooperation with countries around the world. As a country located in a strategically important region of Asia, India plays a key role in maintaining geopolitical balance in BRICS. India's participation ensures that the interests and views of diverse countries are taken into account when making important decisions. India serves not only as an important economic partner but also as a geopolitical ally capable of maintaining stability and promoting mutual security. For Russia, India's participation in BRICS is of particular importance, as it helps strengthen strategic partnership, develop economic cooperation and maintain geopolitical balance. It will be significant for the future of BRICS that India has been a member of BRICS since its inception in 2009. It is the third-largest economy by GDP and the largest population in the world. India is active at BRICS summits: it actively supports the New Development Bank and the BRICS Reserve Fund, financial institutions that are important alternative financial instruments for the countries of the organization. India is also a member of the BRICS Trade and Investment Facilitation Mechanism.

Modern India is a rapidly developing state with an ambitious foreign policy both at the global and regional levels. The state seeks to go beyond the regional state by pursuing global initiatives, actively involving both its economic and military potential and the instruments of «soft power».

The collapse of the bipolar system of international relations in the 1990s led to an increase in the number of players in the Bay of Bengal, which is acquiring special significance as a new node of interweaving strategies and clashes of interests of large states - India, China, the United States and Russia in the context of the emergence of non-traditional centers of power, the construction of a new architecture of international relations and the diversification of global challenges of multipolarity. New bloc structures are being built that form the modern architectonics of relations in the subregion, in which India seeks to play a leading role. In the context of the formation of the modern architecture of international relations, the self-perception of the developing states of the subregion, their national development concepts, and foreign policy strategies are changing. In conditions when sea power is becoming the most important factor of influence in international relations, the role of the states of the subregion is increasing dramatically. India is the leading state of the subregion and a maritime power, and if it manages to take responsibility for the integration processes in the Bay of Bengal, its international status on the world stage will increase significantly. The importance of the Bay of Bengal as a part of the Indian Ocean in India's maritime strategy is a historically conditioned factor, built on the basis of India's historical experience as a country of international transit. This experience has again been in demand since the country's independence. India's superiority in the region in ancient times is the motivation for its assertion in modern international relations as a maritime power. 4. India's foreign policy is distinguished by its independence in relation to the foreign policies of the great powers in the subregion. Refusing the role of a secondary player in the Indian Ocean region as a whole, India seeks to diversify foreign policy contacts against the background of the Chinese-American factor in the subregion, in particular, with Russia. The factor of historical memory and common cultures, religions and languages plays a significant role in the integration processes in the Bay of Bengal. Thanks to the development of the role of the Indian diaspora in the sub-region. India's modern foreign policy is based on the ancient postulates of Kautilya's diplomacy (IV century BC) and is aimed at both restoring and increasing its influence in the Bay of Bengal and the Indian Ocean region as a whole, and pursuing a response policy to counter Chinese penetration into the sub-region through mechanisms of interaction with regional countries in the field of economics, politics and cultural and humanitarian cooperation.

ГУРАМ МАРХУЛИЯ

Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского Государственного Университета (Грузия)

СИРИЯ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ФИЛОСОФИИ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.17>

Введение. В рамках международных отношений Ближний Восток традиционно выступает как один из ключевых центров, где зарождаются и развиваются процессы, не замыкающиеся в локально-территориальных рамках, но способные влиять на политическую ситуацию в глобальном масштабе. В современных условиях регион остается ареалом, в котором соприкасаются различные культуры и цивилизации, сталкиваются интересы не только региональных, но и глобальных игроков.

Последствия их действий весьма противоречивы и неоднозначны для народов, проживающих в регионе. В настоящее время ситуация обостряется. Вследствие этого имеются основания утверждать, что Ближний Восток, как в прежние периоды истории, так и в настоящее время, обладает весьма своеобразным статусом. При этом одной из болевых точек региона в течение вот уже целого ряда лет является Сирийская Арабская Республика, ситуацию в которой невозможно мыслить изолированно, вне географических рамок. Ключевые проблемы Ближнего Востока в настоящее время оказались сосредоточенными на ее территории, в результате именно здесь решается судьба всего региона.

Сложный характер сложившихся международных отношений, в которых современная Сирия проводит свою внешнюю политику, имеет ряд последствий, в том числе - ориентирует государственное руководство на выработку и реализацию определенных приоритетов. Их определение предполагает особое выстраивание внешнеполитической деятельности, сосредоточение усилий.

Вооруженное противостояние, изначально возникшее между официальными властями

САР во главе с президентом Башаром Асадом и лагерем его противников, вызвало пристальное внимание ряда региональных и международных акторов, что способствовало как усложнению структуры сирийского конфликта, так и его интернационализации. Эволюция конфликта происходила под воздействием множества разноплановых факторов, среди которых - привнесенная радикальными исламистскими группировками террористическая угроза, которая затем стала распространяться за пределы Сирии и далее - всего арабского мира.

Ключевые слова: *Сирия, Ближний Восток, международные отношения, Геополитика, Региональный порядок, Арабская Весна.*

За последнее десятилетие более широкая региональная среда безопасности Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) была сформирована циклом небезопасности и нестабильности. Структурная трансформация в БВСА высвободила такие силы, в результате которых регион был дестабилизирован многогранными конфликтами, в которые были вовлечены многие локальные, региональные и глобальные субъекты. Риски и проблемы безопасности, вызванные волной нестабильности и конфликтов, в значительной степени изменили международные отношения региона БВСА.

Десятилетие потрясений было вызвано в основном требованиями политической трансформации, наблюдаемыми в нескольких странах. Более широкие переходы в международном порядке также значительно ускорили темпы и направление региональной реструктуризации. Трансформация регионального порядка была вызвана волной народных восстаний, называемых Арабской весной. Хотя обещание демократических преобразований, возмеченное начальной фазой Арабской весны, породило

ло оптимизм, на ее второй фазе региональная трансформация все чаще рассматривалась в пессимистических терминах. Первоначальные прогнозы демократизации породили смешанные чувства относительно будущего направления региональной трансформации. Однако усилий ни одного субъекта в одиночку было недостаточно, чтобы помочь программе политической трансформации, а расхождения позиций, занимаемых различными международными субъектами, привели к остановке политических реформ. Все больше регион втягивался в цикл насилия, как это наблюдалось в Ливии, Сирии или Ираке, создавая множество проблем безопасности, которые угрожают местным субъектам, а также создавая внешние эффекты безопасности для международной системы в целом. Эта новая среда безопасности в конечном итоге изменила региональные и внерегиональные отношения к вопросу политической трансформации, сузив рамки для программы реформ.

Сегодня мы можем размышлять о перекрывающихся процессах реконфигурации государств, региона и динамики региональной безопасности, общие параметры которых на данный момент уже обрели некоторую форму. Социально-экономическое давление, различные конфликты и внерегиональное участие подорвали основы регионального порядка, что имело значительные последствия для идентичностей, границ, баланса сил и союзов. Затяжные гражданские войны, появление негосударственных субъектов, войны через посредников и внешние вмешательства еще больше подорвали видимость нормативного порядка. В то время как многие государства региона борются за сохранение своего суверенитета и территориальной целостности, другие решили перестроить своих партнеров. Некоторое время, чтобы подчеркнуть давление на национальные государства и границы, обсуждения были сосредоточены на будущем порядка Сайкса-Пико, который, как утверждают, заложил основы современной ближневосточной системы государств в пост-Османскую эпоху. По мере того, как прошла столетняя годовщина соглашений Сайкса-Пико, государственные границы оказались устойчивыми, хотя значение и состав предполагаемых национальных государств все еще пересматриваются.

Возможно, наиболее радикальное и долгосрочное воздействие структурной трансформации было оказано на динамику региональной

безопасности. Поскольку различные заинтересованные стороны не смогли стабилизировать регион, международные дела были еще больше секьюритизированы. Когда региональные игроки не смогли разработать эффективные инструменты для предотвращения, смягчения или стабилизации политических споров или военных конфликтов, характеристика региона как подсистемы, склонной к международному проникновению, вышла на первый план. Действительно, с самого начала кризисы в регионе были интернационализированы. Арабские восстания спровоцировали региональное и глобальное геополитическое соперничество в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. С самого начала геостратегические структуры, основанные на прозападной и антизападной дихотомии, были разрушены. Во многом это было связано с колебаниями администрации США в решении, встать ли на сторону протестующих или давних авторитарных союзников Америки. В любом случае, американская интуитивная поддержка народных восстаний скорее ободрила, чем обескуражила контрреволюционные импульсы по всему региону. Участие внерегиональных субъектов в целом было далеко не конструктивным, отражая либо плохое состояние международных механизмов разрешения конфликтов, либо столкновение интересов, формирующих международные реакции. Снижение приверженности международного сообщества и политика сдерживания и относительного размежевания углубили вакуум регионального управления безопасностью. Сегодня регион БВСА воспринимается более рискованным, чем в начале Арабской весны, из-за множества дестабилизирующих факторов.

В этом специальном выпуске будут рассмотрены основные движущие силы и формирующиеся контуры новой ближневосточной геополитики. В нем будут представлены точки зрения некоторых региональных игроков, а также внерегиональных игроков.

Эдуард Солер Леха и Сильвия Коломбо рассматривают возникновение нового порядка в регионе БВСА с европейской точки зрения. Они проблематизируют движущие силы европейских концептуализаций этого региона, который стоит на «южном соседстве» Европейского союза (ЕС). Они не согласны с научными исследованиями, которые уделяют мало внимания взаимозависимости между реакциями ЕС и крупными геополитическими преобра-

зованиями, происходящими на региональном и внутреннем уровнях в странах региона. Они призывают исследовать новые политические ответы, которые учитывают взаимосвязь региональных преобразований и их влияние на саму Европу, что, среди прочего, может потребовать различных европейских подходов к вопросам конфликта и сотрудничества.

Как и другие авторы, Леча и Коломбо отмечают некоторые крупные геополитические сдвиги в регионе БВСА, такие как растущее влияние стран Персидского залива, поворот в сторону Африки многих стран региона, новая динамика глобального проникновения, связанная с возобновленными амбициями России, распространение региональных расколов и нестабильность альянсов и соперничества. Пытаясь оценить их последствия для ЕС, они прослеживают, как ЕС позиционировал себя в ответ на внутренние и региональные конфликты. В частности, они различают обстоятельства, при которых ЕС прибегал к стратегиям взаимодействия для формирования событий на местах, используя различные инструменты, и другие случаи, в которых он выбирал стратегии сдерживания и контроля ущерба. Они утверждают, что, сделав несколько трудных выборов с 2011 года, ЕС по-прежнему сталкивается с бурной проблемой принятия аналогичных трудных выборов в ближайшие годы. Таким образом участие ЕС в регионе все еще остается работой в процессе; последствия такого выбора сформируют стратегии, политику и инструменты Европы и определят, каким игроком будет ЕС в регионе БВСА.

В своей работе Леонид Исаев прослеживает общие изменения в политике России в регионе БВСА после распада Советского Союза. Он выделяет более широкую тенденцию, согласно которой Москва начала действовать на прагматичной платформе в эпоху после Холодной войны, отступая от идеологически обусловленной внешней политики. Среди других последствий он утверждает, что отсутствие какой-либо идеологической составляющей во внешней политике позволило Кремлю проводить более сбалансированную политику на Ближнем Востоке и одновременно поддерживать рабочие отношения со странами региона. Это позволило Москве развивать свои торговые и экономические связи с регионом.

Исаев дает краткий отчет о том, как российское академическое и политическое сообщество обсуждало Арабскую весну и как это в ко-

нечном итоге привело к новым политическим ответам. В этом отношении Исаев также наблюдает сдвиг в сторону более агрессивной линии внешней политики, которая была кристаллизована не только в геополитике БВСА после Арабской весны, но и на Украине. Во многих отношениях прямое военное вмешательство России в далекий конфликт, т. е. гражданскую войну в Сирии, выявило контуры этого нового курса действий. Он делает важное замечание о внутренней и международной связях в формировании российской политики. Он утверждает, что вмешательство в Сирии, изначально, было обусловлено стремлением решить собственные внутренние проблемы Москвы, а именно попытками российского руководства отвлечь внимание людей от внутренних экономических проблем. Тем не менее, взаимодействие в Сирии изменило свой характер таким образом, что превратилось в инструмент торга в отношениях Москвы с другими глобальными и региональными игроками. Он подробно описывает, как эта стратегия торга функционировала на практике.

Примечательно, что Исаев считает, что напряженность, вызванная внутренней и международной связями, вероятно, усложнит управление российским руководством этой напряженной линией внешней политики; по его словам, руководство остается «заложником общественного мнения». Со временем внутренние тенденции, сдвиги в общественном восприятии внешней политики, ограниченное проникновение России в регион, накопление издержек, вызванных военными операциями на Ближнем Востоке и в Северной Африке, станут основными препятствиями для сдерживания Кремля. Он считает, что будущая роль России в регионе Ближнего Востока и Северной Африки также далека от определений. Будущее участие Москвы в регионе будет колебаться между ролью «честного посредника» в региональных конфликтах или согласием на роль «младшего партнера» Вашингтона, Пекина или других субъектов. В любом случае эта роль будет зависеть от того, как российское руководство справится с напряженностью на внутреннем и международном уровне.

В своей статье Бинбин У. предлагает китайский взгляд на возникновение новых геополитических линий конкуренции между региональными игроками. Он определяет основные линии разделений в региональном балансе сил, такие как ослабленный и разделен-

ный арабский мир против мощных неарабских игроков. Более того, он определяет растущую видимость некоторых субгосударственных вооруженных игроков наряду с государственными игроками в региональных горячих точках. В частности, он утверждает, что в настоящее время существует четыре геостратегических оси: конкуренция между Ираном и Турцией за лидерство в исламском мире, тотальная стратегическая конкуренция между Ираном и Саудовской Аравией, конкуренция между лагерем сторонников и противников Братства, а также внутриарабская конкуренция.

Политика Китая в отношении региона напрямую связана с принципами, лежащими в основе его международных отношений, такими как призывы к новой форме международных отношений и сообществу с общим будущим для человечества. Он утверждает, что интерес Китая к БВСА обусловлен шестью взаимосвязанными измерениями, включая стратегические, политические, энергетические, экономические, безопасность и культурные интересы. Более того, он также подробно описывает, как Китай запустил некоторые институциональные механизмы сотрудничества, которые дополняют сеть партнерских отношений с ключевыми странами региона. В рамках этих параметров Китай стремился укрепить свои отношения с БВСА, внедряя новые платформы, такие как Форум сотрудничества арабских государств Китая, двусторонние партнерства со странами региона и инициатива «Один пояс, один путь». Он отмечает, что ни Соединенные Штаты, ни Европа, ни Россия не намерены и не способны помочь Ближнему Востоку создать функционирующий механизм регионального сотрудничества. Более того, он отмечает, что Китай не участвовал в обсуждениях регионализации Ближнего Востока. Тем не менее, он выдвигает провокационную идею о том, что усилия Китая по продвижению регионализма в Западной Азии могут потенциально способствовать обсуждениям по перепроектированию региональной структуры безопасности.

В своей статье Хассан Ахмадиан анализирует стратегическое поведение Ирана в БВСА в период Арабской весны. В частности, он рассматривает причины, цели и масштабы региональной политики Ирана, которая была одним из самых противоречивых измерений новой геополитики региона. В частности, он дает краткий обзор эволюции стратегического планирования Ирана в регионе, т. е. обоснования

стратегического поведения Ирана и растущей роли на Ближнем Востоке после 2011 года. Здесь он наблюдает гораздо более глубокую трансформацию во внешней политике Ирана, в результате чего он также отказался от своей традиции неприсоединения и вместо этого принял стратегию балансирования после 2011 года. Это балансирование также меняет характер неприсоединения Ирана, так что Тегеран больше не рассматривает стратегическое взаимодействие и сотрудничество с мировыми державами как умаление его независимого характера в мировых делах. Теперь Иран чаще всего участвует в актах балансирования международных держав друг против друга, чтобы отразить непосредственные угрозы своим основным интересам. Применительно к Ближнему Востоку эта трансформация знаменует собой важный процесс адаптации. Чтобы сохранить свое региональное положение и защитить «ось сопротивления», основная логика региональной политики Ирана теперь сосредоточена на сдерживании антистатус-кво политики его соперников, что означает, что Тегеран отказался от конфронтации с поддерживаемым США региональным порядком до 2011 года.

Ахмадиан предпочитает исключить внутреннее измерение региональной политики Ирана, в основном потому, что он считает, что великие стратегические выборы в значительной степени изолированы от внутренних соображений. Однако работа Махджуба Цвейри проливает свет на весьма актуальный вопрос, касающийся внутреннего поведения Ирана: дебаты вокруг преемственности нынешнего верховного лидера аятоллы Али Хаменеи. Он выходит за рамки политических дискуссий вокруг потенциальных кандидатов и вместо этого стремится раскрыть структурные факторы, которые направляют процесс выбора верховного лидера, а также положение и роль следующего верховного лидера. Он извлекает уроки из исторического опыта назначения предыдущих верховных лидеров — аятоллы Хомейни и аятоллы Хаменеи.

Интересно, что Цвайри не ограничивает свое внимание только религиозно-теологическими факторами; он подчеркивает широкий спектр политических, стратегических расчетов на внутреннем и международном уровне, которые входят в процесс отбора. В частности, экономические трудности внутри страны, дебаты о степени религии в политике и развивающиеся тенденции на международной арене

будут решающими факторами. В конечном счете Цвайри утверждает, что, учитывая структуру политической системы и институтов теократии, аппарат национальной безопасности, вероятно, будет играть важную роль в выборе будущего лидера в Иране.

В своем вкладе, используя модель Беннета в качестве своей теоретической основы, Маджед Аль-Ансари анализирует траекторию кризиса в Персидском заливе. Он определяет политических деятелей и их непримиримые требования ограниченных ресурсов как первопричину политической проблемы. Как он справедливо отмечает в статье, кризис в Персидском заливе находится в состоянии тупика. Действующие лица еще должным образом не переформулировали свои требования, поскольку все попытки начать диалог между действующими лицами потерпели неудачу. Он далее утверждает, что без переопределения требований, согласно модели Беннета, невозможно разрешение политического конфликта. Кроме того, он обсуждает, как предпосылки для урегулирования кризиса кажутся далекими от того, чтобы материализоваться в ближайшее время. Объяснительная сила модели Беннета в кризисе в Персидском заливе заключается в предоставлении рамок анализа для давних кризисов. При таком подходе гегемонистские амбиции Саудовской Аравии не исчезнут в обозримом будущем, и это является первопричиной кризиса. Он предполагает, что соглашение Аль-Ула в январе 2021 года не полностью затронуло корни этой борьбы за гегемонию и является лишь временным решением конфликта между Катаром и Саудовской Аравией.

В своей статье Шабан Кардаш изучает реалистический поворот в политике Турции на Ближнем Востоке, который проявился в новых политических инструментах, используемых Анкарой. Он утверждает, что обращение Турции с 2015 года к принудительным позициям для устранения угроз со стороны Сирии и Ирака посредством применения трансграничной военной силы знаменует собой водораздел. Он подробно излагает свои аргументы в критическом случае, а именно отказ Турции от политики взаимодействия с курдскими ревизионистскими субъектами в Ираке и Сирии и наклон в сторону принудительного подхода, включая военное позиционирование.

Кардаш утверждает, что эта новая ориентация отражает недавние преобразования в стратегической среде Турции, в результате чего она

прошла через крутую кривую обучения, страдая от множества рисков безопасности, создаваемых разворачивающимися конфликтами на юге, вызванными трансформацией ближневосточного порядка. Столкнувшись с разрушительным воздействием радикально изменившейся региональной обстановки безопасности, которая столкнула ее с вызовом курдского ревизионизма на ее границах, Турция более склонна рассматривать Ближний Восток в реалистичных терминах, где угрозы ее территориальной целостности вновь разожгли опасения за национальное выживание. Приняв неоклассическую реалистическую структуру, Кардаш далее утверждает, что рост секьюритизированной внутренней политической среды и зарождающийся силовой блок, построенный на консервативных и националистических основах, ускорили поворот к реализму. Он также предлагает предварительную оценку политических последствий этого нового этапа для внешнеполитической ориентации Турции.

В своей статье Идил Озтыг и Бюлент Арас проблематизируют, отразились ли арабские восстания на Кавказе и в Центральной Азии с точки зрения их преобразующего воздействия на политические режимы там. Быстрое распространение общественных требований о хорошем управлении, политических правах и гражданских свободах из одной страны в другую в регионе БВСА, естественно, заставило многих ожидать, что протесты также перекинутся на соседние регионы и за их пределы. Действительно, волна протестов также прошла в Центральной Азии и на Кавказе после Арабской весны. Политическая оппозиция в регионе мобилизовала людей вокруг таких проблем, как социально-экономические трудности, фальсификация выборов, ограничения прав и свобод и коррупция в сфере предоставления государственных услуг. Протесты в основном были направлены на конкретные условия труда, рост цен и вопросы социального обеспечения и выхода на пенсию. Все это породило проблему в Сирии.

От арабской весны к войне в Сирии

Более полувека династия Асадов, казалось, имела несокрушимую власть над Сирией. Опираясь на грозный аппарат безопасности, жестокое применение силы и могущественных союзников, таких как Россия, Иран и Хезболла, она выдержала многочисленные восстания и даже

ужасную гражданскую войну, в которой погибли сотни тысяч человек, и на какое-то время режим потерял контроль над большей частью страны. В последние годы президент Сирии Башар Асад, чье правительство подвергалось санкциям и остракизму со стороны региональной и международной дипломатии с 2011 года, даже восстановил часть своих позиций, когда Лига арабских государств восстановила Сирию, и пошли разговоры о смягчении санкций.

Однако в конце концов режим оказался карточным домиком. К удивлению всего мира, он был сокрушен исламистскими повстанцами из Хайят Тахрир аш-Шам — Сирийской освободительной группы в считанные дни, без особого сопротивления. В воскресенье, когда повстанцы быстро взял под контроль Дамаск, Россия объявила, что Асад нашел убежище в Москве, а его бывшего премьер-министра сопроводили в отель Four Seasons в сирийской столице, чтобы официально передать власть. Все это заняло менее двух недель, с небольшим кровопролитием, в отличие от огромного числа людей, которые потеряли свои жизни во время войны.

Удивительная последовательность событий, которая позволила повстанцев свергнуть сирийский режим, имела много причин, включая драматическое обезглавливание Израилем союзника Сирии Хезболлы и уничтожение большей части ракетного арсенала группировки, подрыв иранской власти и влияния из-за потери Хезболлы как ее «передовой обороны», срыв переговоров о примирении между Анкарой и Дамаском, недоплачиваемую и деморализованную армию Сирии и озабоченность России дорогостоящей войной, которую она развязала в Украине. Молниеносное наступление повстанцев, по-видимому, изначально было одобрено Турцией, которая долгое время защищала их в их оплоте в Идлибе, на северо-западе Сирии. Но в основном это была внутренняя сирийская кампания. 30 ноября, казалось бы, из ниоткуда, повстанцы за один день взяли второй город Сирии, Алеппо, и двинулись на юг к Дамаску. По мере того, как они это делали, они спровоцировали спонтанные восстания против правления режима в Эс-Сувейде и Дараа на юге и Дейр-эз-Зоре на востоке. 5 декабря они захватили Хаму, четвертый по величине город Сирии; два дня спустя они взяли Хомс, третий по величине город, который находится на дороге, связывающей Дамаск, столицу, с алавитским сердцем режима в горах,

нависающих над побережьем Средиземного моря. Необычайный импульс повстанцев в сочетании с резко подорванной базой поддержки правительства был слишком велик, чтобы режим мог ему противостоять.

В своей гонке за Дамаск повстанцы довели высоко интернационализированную гражданскую войну, по крайней мере на данный момент, до положительного завершения, практически без какого-либо иностранного вмешательства. В конце концов, сирийские города, которые режим Асада и его сторонники, Россия, Иран и Хезболла, годами кровавых бомбардировок и осад отвоевывали во время гражданской войны, были легко захвачены силами оппозиции. Захват страны повстанцами знаменует собой тектонический сдвиг на Ближнем Востоке, который оставляет основные региональные и международные державы неуверенными в том, как реагировать. Еще несколько недель назад администрация Байдена работала с Объединенными Арабскими Эмиратами над отменой санкций против Сирии в обмен на то, что Асад дистанцируется от Ирана и блокирует поставки оружия Хезболле, казалось Асад был готов к предложениям Запада, однако ситуация резко изменилось.

Падение Асада также показывает, насколько взаимосвязаны и непредсказуемы различные конфликты в регионе, и что может произойти, если их игнорировать или нормализовать. Израильско-палестинский конфликт и гражданская война в Сирии разделили эту судьбу. Внезапное возобновление израильско-палестинского конфликта с атакой ХАМАС 7 октября привело к войне Израиля в секторе Газа, кампании хуситов в Красном море, войне Израиля в Ливане и сериям атак между Ираном и Израилем. В Сирии это последнее землетрясение положило конец существующему порядку. В обоих случаях стремительные потрясения, к которым не были готовы никакие внешние субъекты, показывают глупость обхода затяжных конфликтов на Ближнем Востоке ради сохранения невыносимого статус-кво. Хотя остается много вопросов о том, как смогут ополченцы управлять страной — и сможет ли она действительно бороться с различными группами, конкурирующими за влияние, — конец Асада, похоже, наверняка изменит баланс сил в регионе.

Наступление повстанцев на Асада берет свое начало в гражданской войне в Сирии, которая началась в 2011 году и так и не закон-

чилась. Во время восстаний Арабской весны граждане Сирии начали мирные протесты, но смертоносные репрессии режима заставили некоторых протестующих взяться за оружие и вмешаться повстанческие силы. По мере того, как гражданская война становилась все более жестокой, она также вовлекла в нее экстремистские группировки, такие как АКИ (Аль-Каида в Ираке) и ее ответвление Исламское государство (также известное как ИГИЛ). Конфликт быстро стал международным, поскольку внешние державы — Иран, страны Персидского залива, Россия, Турция и США, в частности, — поставляли оружие и средства своим предпочтительным вооруженным группировкам. Но в то время Иран и Россия, союзники сирийского режима, оказались более преданными: Иран и его доверенные ополченцы — особенно «Хезболла» — помогали Асаду осаждать и бомбардировать его собственный народ; Россия со своими истребителями уничтожала целые города. По оценкам, с их помощью режим убил не менее полумиллиона своих людей, заставил исчезнуть еще 130 000 человек и оставил около половины населения — около 14 миллионов — перемещенными лицами. В конце концов, ООН даже перестала считать погибших.

Конфликт имел далеко идущие международные последствия. Прибытие более миллиона сирийских беженцев в Европу в 2015 году ускорило рост крайне правых партий во многих европейских странах, заставив европейские правительства укрепить связи с авторитарными лидерами, такими как президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган и президент Туниса Каис Саид, чтобы остановить поток беженцев. Многие из этих партий также заискивали перед Дамаском и Кремлем, что было дополнительной выгодой для обоих режимов. Война также стала крупным переворотом для Москвы, которая использовала свое успешное вмешательство 2015 года, чтобы поддержать режим Асада и расширить собственное военное влияние. Впервые после окончания холодной войны Россия оказалась втянутой в крупный международный конфликт за пределами своего своего привычного ареала. Россия своим неожиданным появлением в пространстве Сирии стремилась показать Западу, что она является глобальным игроком в международных отношениях, а не региональным.

Россия также дорожит своим доступом к своему единственному тепловодному порту — в Тартусе на средиземноморском побере-

жье Сирии, — а также своим контролем над авиабазой Хмеймим около Латакии на западе Сирии.

И хотя растущий союз России с Китаем часто прослеживается с начала ее полномасштабного вторжения в Украину в 2022 году, укрепление связей двух стран на самом деле началось с гражданской войны в Сирии, когда Пекин начал голосовать в ногу с Кремлем в Совете Безопасности ООН, используя свое право вето чаще, чем когда-либо прежде. Хотя роль Китая в Сирии была минимальной, его голоса и риторика в поддержку сирийского режима были способом дать отпор гегемонии США и попыткам бросить вызов суверенным правительствам за нарушения прав человека, тем самым помогая Пекину объединиться с Кремлем в том, что позже стало партнерством «без ограничений».

К 2018 году, гражданская война в Сирии была управляемой и в значительной степени сдерживаемой. Союзники и враги Асада увенчали его победой, хотя, по многим данным, швы трещали. С лета 2024 года наступление Израиля в Ливане и атаки на Иран резко ослабили Иран и «Хезболлу», верных союзников Асада. Действительно, в дополнение к уничтожению высших чинов «Хезболлы», Израиль ослабил огромный арсенал иранских ракет и снарядов этой группы, и Израиль продолжал атаковать иранские поставки оружия «Хезболле» в Сирии даже после того, как Израиль и Ливан объявили о прекращении огня 27 ноября. В то же время Эрдоган, частый противник Асада, терял терпение из-за отказа Сирии пойти на компромисс и примириться с Турцией, и даже президент России Владимир Путин, близкий союзник Асада, был разочарован нежеланием режима найти хоть какую-то меру примирения. Тем временем повстанцы превратилась из сирийского отделения «Аль-Каиды» в исламистскую группировку, которая отеклась от транснационального джихадизма, сосредоточив свою борьбу исключительно на режиме Асада. Выжидая своего времени, она заключила союзы с другими группами, смягчила свое послание, получила защиту от Турции и создала гражданское правительство в своей зоне контроля в Идлибе, даже когда она правила железным кулаком. В течение этих лет повстанцы никогда не упускали из виду свою главную цель: свергнуть Асада. Затем, в начале ноября, переговоры между Дамаском и Анкарой — о создании условий, которые позволили

бы сирийским беженцам в Турции безопасно вернуться домой, что стало движущей проблемой для Турции — снова развалились из-за непреклонности Асада, событие, которое, возможно, заставило правительство Эрдогана не встать на пути повстанцев, когда группировка решила вырваться из Идлиба несколько недель спустя.

В конце концов, едва ли кто-то из сирийцев оказался готов пожертвовать чем-то еще ради этого режима или просто не смог. Возможно, самое важное, повстанцы рассчитали, что плохо обученные, недоплачиваемые и деморализованные силы сирийской армии не окажут более чем символическое сопротивление. Они оказались правы. Сирийские силы, по большей части, растаяли. Наблюдая за быстрым прогрессом повстанцев, жители Дараа и Эс-Сувейды на юге быстро восстали и изгнали режим из своих районов по собственному желанию.

Возможно, еще более шокирующим был крах международной поддержки Асада. 6 декабря Россия отозвала свои войска и дипломатов и начала вывод войск со своих баз. С сокращением возможностей Иран также вывел своих союзных ополченцев, понимая, что сражаться за Асада бесполезно. На востоке курдские Сирийские демократические силы и возглавляемые арабами военные советы заключили соглашения с силами режима о захвате контролируемых режимом районов Дейр-эз-Зора и, что наиболее важно, контрольно-пропускного пункта Альбу-Камаль с Ираком, отрезав линии снабжения режима из Ирана и Ирака. По мере приближения повстанцев к Дамаску оставшиеся российские, иранские и правительственные силы также отходили со своих позиций по всему северо-востоку.

Будущее Сирии и региона наполнено неопределенностью. Столкновения уже идут между поддерживаемыми Турцией вооруженными группами Сирийской национальной армии на севере и курдскими. В то время как большинство сирийцев ликуют, включая миллионы изгнанников, которые начинают возвращаться домой из Ливана, Турции и других мест, судьба многих курдов, изгнанных Турцией ранее из Африна и других районов на севере, менее определена. Генерал Мазлум Абди объявил, что его администрация довольна падением режима Асада, но курдам и Турции нужно будет прийти к компромиссу, который не развяжет больше кровопролития внутри и за пределами

границ Сирии, что является сложной задачей даже в лучшие времена.

Между тем, тысячи боевиков Исламского государства остаются в тюрьмах на северо-востоке под контролем ополченцев. Эти бойцы, если они сбегут или ячейки снова появятся, станут серьезным препятствием для любого правительства после Асада и для региона. Аналогичным образом Израиль уже вторгся в демилитаризованную зону на своей границе с Сирией и продолжает наносить удары по складам оружия и предполагаемым местам производства химического оружия. На данный момент Турция получила сильное преимущество в текущем исходе, а Россия в своем поспешном отступлении понесла сокрушительные потери. Однако Иран, похоже, является самым большим проигравшим, поскольку его стратегия «передовой обороны» развалена, а сам Тегеран теперь опасно уязвим для потенциального израильского нападения на его ядерную программу.

На фоне этого быстро меняющегося баланса внешних сил сирийцы столкнутся с тяжелой борьбой за раздел власти дома. ХТШ — это признанная США террористическая группировка, не пользующаяся особой популярностью на своей родной территории в Идлибе. До сих пор ее лидер Абу Мохаммед аль-Джолани был осторожен, чтобы занять примирительную позицию не только с многочисленными меньшинствами Сирии, но и с бывшими должностными лицами режима. Другой вопрос, сохранится ли этот тон и последуют ли его примеру другие повстанческие группы и оппозиционные фракции. По мере возвращения в страну большего количества сирийцев, включая различных лидеров оппозиции, неизбежно возникнет напряженность. Многие люди могут обнаружить свои дома разграбленными или в них будут жить новые семьи. Вооруженные группировки внутри Сирии и изгнанная оппозиция могут бороться за власть. На данный момент ХТШ, по-видимому, придерживается инклюзивной модели управления на местном уровне, привлекая меньшинства и тех, кто никогда не жил в контролируемых оппозицией районах.

Наступление повстанцев стало возможным отчасти из-за динамики за пределами границ Сирии, включая роспуск Хезболлы и ухудшение отношений между Анкарой и Дамаском. И наоборот, падение Асада вызовет шоковые волны далеко за пределами Сирии. Чтобы обе-

спечить стабильную и единую страну, потребуется срочная и постоянная региональная и международная поддержка, чтобы помочь сирийцам восстановить порядок, создать гражданское правительство, способствовать примирению и переходному правосудию и начать восстановление опустошенной страны.

Слишком долго Сирия игнорировалась Соединенными Штатами и их западными союзниками, которые считали режим Асада непоколебимым, пока они не обнаружили, что это не так. Наряду с наследием многих лет международных санкций и экономического беспорядка нельзя сбрасывать со счетов перспективу новой гражданской войны и еще большей нестабильности во всем регионе. Для предотвращения дальнейшей трагедии западным странам и арабским государствам Персидского залива, в частности, необходимо связаться с новыми лидерами в Дамаске и направить их к прагматичному, если не демократическому, управлению. Наконец, обретя надежду после падения режима Асада, сирийский народ ожидает не меньшего от стран, которые на протяжении многих лет позволяли стране продолжать страдать за свой счет.

Между тем Израиль, изначально приветствовавший свержение режима Асада, использовал ситуацию для нанесения массиро-

ванных авиаударов по военным объектам на территории Сирии. Как сообщали израильские официальные лица, это делается с целью не допустить попадания арсенала павшего режима в руки своих противников. Израиль также перебросил танки через границу в демилитаризованную буферную зону. Полагаем, что Израиль этим приобрел новые территории и расширил пределы своего государства, думается это еще начало, у израильских геополитиков в арсенале имеются грандиозные планы, не удивимся если начнется война и за Иран, Израиль безусловно и здесь имеет свои интересы.

Сирия, наверное, уже наверняка не будет той Сирией, которая была на протяжении всех последних 50 лет, пока семейство Асадов управляло этой страной. Режим Асада пал под натиском исламистов, некой реинкарнации ИГИЛ. Поэтому у Израиля есть очень четкое понимание необходимости защищать свои интересы, свою безопасность в первую очередь, даже если это происходит за счёт нарушения международных договоров, как в случае с договором о линии разделения огня между Израилем и Сирией от 1974 года, который по сути был нарушен Израилем, когда армия вышла за линию разделения огня в так называемую буферную зону».

Литература:

- [1]. Ахмедов В.М. Сирия // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М.: ИВ РАН, 2012. С. 305-320.
- [2]. Багдасаров С.А. Сирия: причины конфликта. Пути выхода. - URL: <http://sabagdasarov.ru/article/3> (дата обращения: 14.11.2020)
- [3]. Бакланов А.Г. Сирия как геополитический узел // Интервью журналу «Международная жизнь» от 11 июня 2020 г. - URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26632> (дата обращения: 18.11.2020)
- [4]. Долгов Б.В. Сирийский конфликт // Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. М.: ИВ РАН, 2015. С. 401-421.
- [5]. Иванов С.А. Региональное измерение последствий сирийского конфликта // Международная жизнь. 2019. № 1. С. 111-118.
- [6]. Марина Изория. Ближний Восток в геополитике Саудовской Аравии. // THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал. // ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16>, Тб., 2022, №27, с.134
- [7]. Марина Изория. Геополитика сепаратизма. // THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал. // ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16> №25, Тб., 2022, №23, с.48
- [8]. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Коллективная монография /отв.

ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018. - 556 с.

Веселовский С.С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом. М.: Навона, 2009. - 202 с.

[9]. Добаев И.П., Добаев А.И. Истоки и факторы современной активизации терроризма на Ближнем и Среднем Востоке // Россия и мусульманский мир. 2016. №8 (290). С. 107-118.

[10]. Зеленев Е.И., Озеров О.Б. Ислам и политические процессы на Ближнем Востоке и в Африке: платформы максимализма и минимализма // Международная жизнь. 2019. № 9. С. 70-79.

[11]. Рогачёв И.А. О приоритетных задачах международного сотрудничества в противодействии экстремизму и терроризму // Международная жизнь. 2018. № 3. С. 30-34.

Савичева Е.М., Каур К.А. Сирийская миграция в Ливан: особенности и проблемы. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2019. № 201. С. 120-124.

[12]. Скуратова Ю.Ю. Позиция России в сирийском кризисе // Вестник Московского университета. Серия 21 - Управление (государство и общество). 2017. № 1. С. 138-149.

GURAM MARKHULIA

Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)

SYRIA IN THE MIDDLE EAST GEOPOLITICAL PHILOSOPHY

Summary

In the context of international relations, the Middle East has traditionally been one of the key centers where processes originate and develop that are not limited to local-territorial frameworks but are capable of influencing the political situation on a global scale. In modern conditions, the region remains an area where different cultures and civilizations come into contact, and the interests of not only regional but also global players collide. The consequences of their actions are highly contradictory and ambiguous for the peoples living in the region. The situation is currently deteriorating. As a result, there is reason to believe that the Middle East, both in previous periods of history and at present, has a very unique status. At the same time, one of the sore points of the region for a number of years now has been the Syrian Arab Republic, the situation in which cannot be thought of in isolation, outside of geographical boundaries. The key problems of the Middle East are currently concentrated on its territory, as a result, it is here that the fate of the entire region is being decided. The complex nature of the existing international relations, in which modern Syria conducts its foreign policy, has a number of consequences, including - it orients the state leadership to the development and implementation of certain priorities. Their definition presupposes a special structure of foreign policy activities, concentration of efforts. The armed confrontation, which initially arose between the official authorities of the SAR headed by President Bashar al-Assad and the camp of his opponents, attracted the close attention of a number of regional and international actors, which contributed to both the complication of the structure of the Syrian conflict and its internationalization. The evolution of the conflict occurred under the influence of many diverse factors, including the terrorist threat brought in by radical Islamist groups, which then began to spread beyond Syria and further - the entire Arab world.

Over the past decade, the broader regional security environment of the Middle East and North Africa (MENA) has been shaped by a cycle of insecurity and instability. Structural transformation in MENA has unleashed forces that have destabilized the region through multifaceted conflicts that have

involved many local, regional, and global actors. The security risks and challenges posed by the wave of instability and conflict have significantly reshaped the MENA region's international relations. The decade of upheaval was driven largely by demands for political transformation observed in several countries. Broader transitions in the international order have also significantly accelerated the pace and direction of regional restructuring. The transformation of the regional order was driven by a wave of popular uprisings referred to as the Arab Spring. While the promise of democratic change heralded by the initial phase of the Arab Spring generated optimism, its second phase increasingly saw regional transformation in pessimistic terms. Initial projections of democratization generated mixed feelings about the future direction of regional transformation. However, no single actor's efforts were sufficient to support the political transformation agenda, and divergent positions taken by different international actors led to a stalling of political reform. Increasingly, the region was drawn into a cycle of violence, as seen in Libya, Syria, or Iraq, creating a host of security challenges that threaten local actors as well as creating security spillovers for the international system as a whole. This new security environment ultimately changed regional and extra-regional attitudes toward the issue of political transformation, narrowing the scope for the reform agenda.

For more than half a century, the Assad dynasty seemed to have an unbreakable grip on Syria. Backed by a formidable security apparatus, brutal force, and powerful allies like Russia, Iran, and Hezbollah, it survived multiple uprisings and even a horrific civil war that killed hundreds of thousands and, for a time, saw the regime lose control of much of the country. In recent years, Syrian President Bashar al-Assad, whose government had been sanctioned and ostracized by regional and international diplomacy since 2011, even regained some of his footing when the Arab League rebuilt Syria and there was talk of easing sanctions. But the regime ultimately proved a house of cards. To the world's surprise, it was crushed by Islamist rebels from Hayat Tahrir al-Sham – the Syrian Liberation Group – in a matter of days, with little resistance. On Sunday, as rebels quickly took control of Damascus, Russia announced that Assad had taken refuge in Moscow and his former prime minister had been escorted to the Four Seasons Hotel in the Syrian capital to formally hand over power. It all took less than two weeks, with little bloodshed, in contrast to the huge number of people who have lost their lives in the war.

Meanwhile, Israel, which initially welcomed the overthrow of the Assad regime, used the situation to launch massive airstrikes on military targets in Syria. As reported by Israeli officials, this is being done to prevent the arsenal of the fallen regime from falling into the hands of its opponents. Israel also moved tanks across the border into the demilitarized buffer zone. We believe that Israel has acquired new territories and expanded the borders of its state, I think this is just the beginning, Israeli geopoliticians have grandiose plans in their arsenal, we will not be surprised if a war begins for Iran, Israel certainly has its own interests here. Syria will probably no longer be the Syria that it was for the past 50 years, while the Assad family ruled this country. The Assad regime fell under the onslaught of Islamists, a kind of reincarnation of ISIS. Therefore, Israel has a very clear understanding of the need to protect its interests, its security first and foremost, even if this happens at the expense of violating international treaties, as in the case of the 1974 Israel-Syria Separation Line Agreement, which was essentially violated by Israel when the army went beyond the separation line into the so-called buffer zone.”

PSYCHOLOGY - ПСИХОЛОГИЯ**KAKHI KOPALIANI****Doctor of psychology, Professor – Sukhumi State University
(Georgia)****TAMAR ADEISHVILI****Doctor of social sciences, Associate Professor – Sukhumi State University
(Georgia)****IRMA MESKHI****Master of social psychology
(Georgia)****RELATIONSHIP BETWEEN SUBJECTIVE WELL-BEING AND BUSINESS AND SOCIAL STATUS WITH YOUNG PEOPLE LIVING IN GEORGIA****DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.18>**

One of the most important factors in a person's life is the feeling of happiness and well-being. In general, well-being is a very broad topic in psychological science, which is quite subjective in nature, which means that well-being is perceived subjectively by each person.

Other concepts such as satisfaction, happiness, sense of life, etc. are often used to denote the concept of subjective well-being. When we talk about happiness, here we mean two ways of its understanding. If we talk about emotions when something good happens, then we are talking about its narrow understanding, and in the broad sense, subjective well-being is a positive evaluation of the whole life [1].

Human happiness is often referred to as life satisfaction, and quality of life can be used as its synonym. According to the definition of the World Health Organization, «quality of life is a person's perception of his place in life, taking into account the context of the culture and value system in which he lives and their relationship with his goals and expectations» [2].

In science the concept of subjective well-being in everyday life is fully matched with the concept of happiness. This expresses a person's evaluation of his own life, which in itself includes cognitive and affective evaluations of satisfaction [3].

The functioning and development of a small social group is greatly influenced by such an integrative factor as status. It is recognized that

people with high status have a significant influence on the processes of self-organization in society, on the formation of group norms and values, they influence the behavior of each member. That is why the status of the person and these phenomena in general attract a lot of attention of researchers.

One of the important factors of personal development among young people is their social activity, which is aimed at establishing acceptable relationships with other people. In this period, it is clearly revealed that on the one hand, a person is striving for the work and communication with other individuals, the desire for social life, having new and close friends, on the other hand, the factor to be accepted and recognized by others is an equally strong desire. Personal transition finds expression primarily in relationships with surrounding people. The most uncomfortable situation for a person is being reprimanded by society and friends [4].

Sociometric studies have shown that a certain «polarization» is gradually taking place in relationships: both the popular ones and those who have less choice are separated out. In the process of realization of relations, the functional specification of individuals takes place, as well as the adjustment of different roles to them by different individuals. Active involvement in solving the task that a group has to solve raises the business status of the group member, and the group member whose action is mainly related to the field of internal integration and is the most successful member of the group in this direction

helps to raise his business status. Such individuals are usually expressive, their social-emotional state is high compared to others.

It is very important for people to be accepted by others, to feel that they are needed by those around them, to have a certain prestige and authority with them. According to the data from literature, the low social status is usually correlated with high levels of anxiety. Self-confidence is the key to success.

Based on the abovementioned, the field of interest of our research is to determine the relationship between subjective well-being and business and social status of young people living in Georgia.

According to our opinion, business status for young people has the most important function in the psychological well-being of a person. The higher the status of a person, the more his self-confidence is increased, the ability to make decisions is raised, the more courage he gains, etc. Accordingly, the level of their life satisfaction and social-psychological well-being are also increased.

Description of Empirical Research. Three main variables were included in the study: subjective well-being, and business (instrumental) and social (expressive) status.

To determine subjective well-being and its constituent factors, we used K. Riff's test of psychological well-being, which is adapted by T. Turashvili. The test consists of six scales:

1. Positive relationships with others;
2. self-dependence;
3. control over the surroundings;
4. Personal growth;
5. Self-acceptance;
6. life goals;

Sociometric method was used to determine the business and social status.

120 respondents took part in the research - 40 of them were men and 80 were women. The data was collected in compliance with all norms and anonymity. Some respondents were interviewed in a direct manner, while some of them provided information online.

Based on the analysis of the received data, the subjective well-being data were distributed according to the percentage levels as follows: low - 14%, medium - 72%, high - 14% (Fig. 1)

Based on the analysis, it was revealed that positive relationship ($M=66.5263$) and life goals ($M=65.3860$) are the most important for the respondents. The results of many studies prove that the life of a person who has

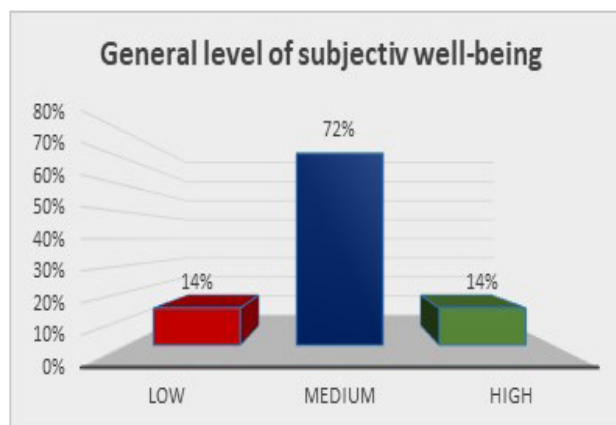

Fig. 1

clear future goals in life, knows what he intends to do and achieve during his life, is full of ideas and content. Also, positive relationships in harmony with the set goals are an important prerequisite for subjective well-being.

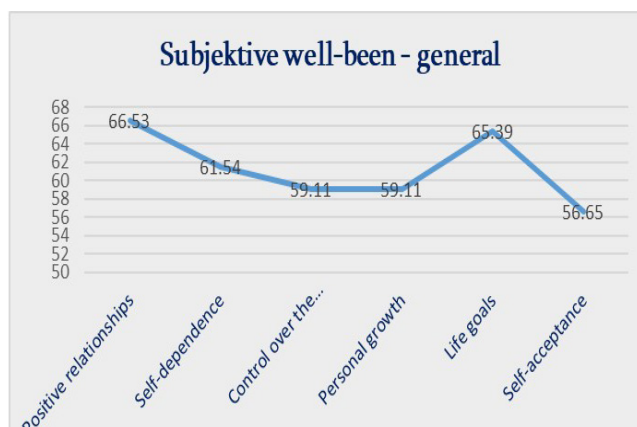
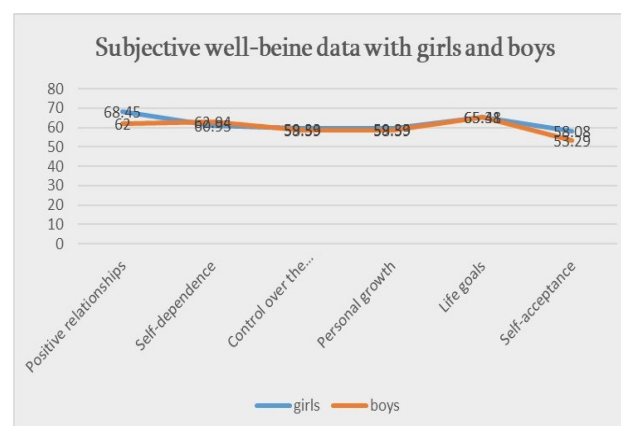

Fig. 2

Modern research shows a close correlation of life goals and positive relationships with subjective well-being, which is also confirmed by our research.

According to the data of our research, we have a high rate of positive relationships with other people, both with girls and boys (Fig. 3)

This shows that these people want to be better than they are, their life achievements are not satisfactory for them, and they have expectations that they can strengthen and improve their positions.

Differences of statistical significance according to gender were revealed on the scales of positive relationships, personal growth and self-acceptance (Table 1). On all three scales, as we can see, the data of girls prevails over the data of boys. For girls, the features characteristic to positive relationships are more marked - friendly relationship with the surroundings, caring for the well-being of others, the ability to empathize and sympathize. For girls, close relationships and mutual trust are more acceptable than for boys. It can be said that they are more aware that the relationship between people is based on mutual compromise.

As we have seen, according to our data, girls surpass boys in terms of personal growth. Which means they are more open to new experiences and have a greater sense of self-actualization and continuous development. They manage to realize their own potential and apply positive changes in accordance with their own achievements.

Based on the abovementioned, we can say that in order to feel good and happy, it is necessary for girls to have close, reliable relationships with the outside world. They need to care for others, they need close relationships, emotional or physical closeness with people they trust.

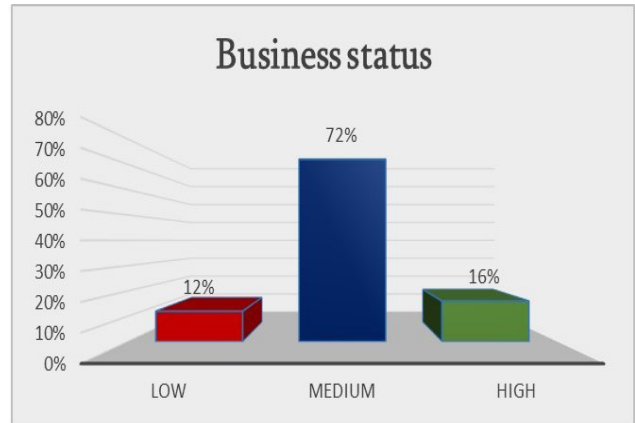
Table 1

Indicators of differences of statistical significance with boys and girls on subjective well-being scales

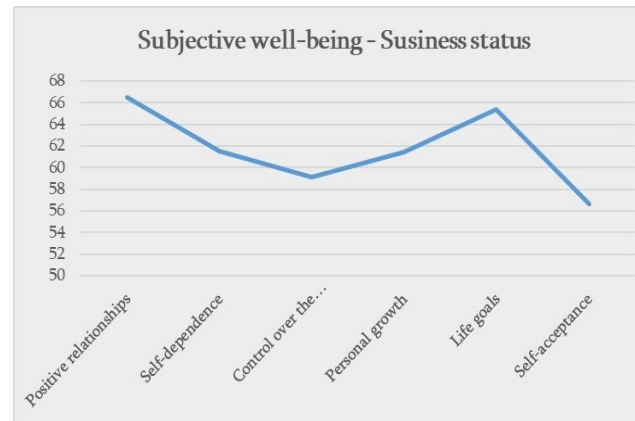
	ANOVA				
	Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
Positive relationships	992.621	1	992.621	13.897	.000
Self-dependence	94.598	1	94.598	.941	.334
Control over the surroundings	12.952	1	12.952	.188	.656
Personal growth	468.119	1	468.119	7.381	.008
Life goals	.032	1	.032	.000	.984
Self-acceptance	545.356	1	545.356	4.758	.031

Subjective well-being data according to business status.. Based on the analysis of the research data, the business status levels of the respondents were distributed as follows: low status - 12%, medium status

- 72%, high status - 16% (Fig. 4)

Based on subjective well-being data, we obtained the following picture according to business status. The highest frequency was found on the scales of positive relationship (M=66.5263) and life goals (M=65.386) (Fig. 5).

According to subjective well-being, differences of statistical significance among levels of business status were revealed on the scales of self-dependence, personal growth, and life goals (Table 2). The difference is of statistical significance according to the general level of subjective well-being as well.

Based on the analysis of our data, it can be said that the higher the business status of a person is, in our case a young person living in Georgia, the stronger the desire for self-dependence and the feeling of continuous development (personal growth) becomes and the clearer future goals he has set. According to our data, it is also clear that with raising the business status in the group, the feeling of general subjective well-being also increases.

Based on the analysis of research data, the respondents' social status levels were distributed as follows: low status - 19%, medium status - 70%, high status - 11% (Fig. 7).

Table 2
Indicators of differences of statistical significance according to business status on subjective well-being scales

ANOVA					
	Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
Positive relationships	352.992	2	176.496	2.268	.108
Self-dependence	738.632	2	369.316	3.864	.024
Control over the surroundings	328.237	2	164.118	2.456	.090
Personal growth	592.369	2	296.185	4.710	.011
Life goals	711.209	2	355.604	4.783	.010
Self-acceptance	515.016	2	257.508	2.221	.113
Subjective well-being	17007.089	2	8503.544	6.080	.003

According to subjective well-being data, social status data were distributed similarly to business status. The highest frequency was found on the scale of positive relationship and life goals.

The difference of statistical significance in the social sphere, according to status levels, was revealed only with life goals. It can be said that, like in the business sphere, people with high status in the social sphere have clearer future goals.

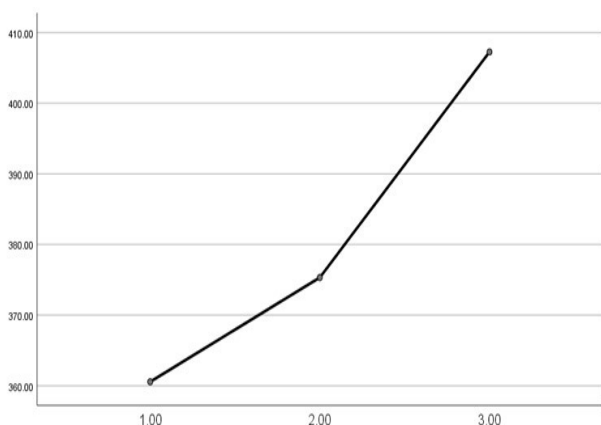

Fig. 6.
Data of subjective well-being according to social status

Correlation analysis. Based on the correlation analysis, the relationship of statistical significance was confirmed between the general level of subjective well-being and business status. In other words, it can be said that the higher the business (instrumental) status of a young person living in Georgia is, the stronger the feeling of general subjective well-being he has.

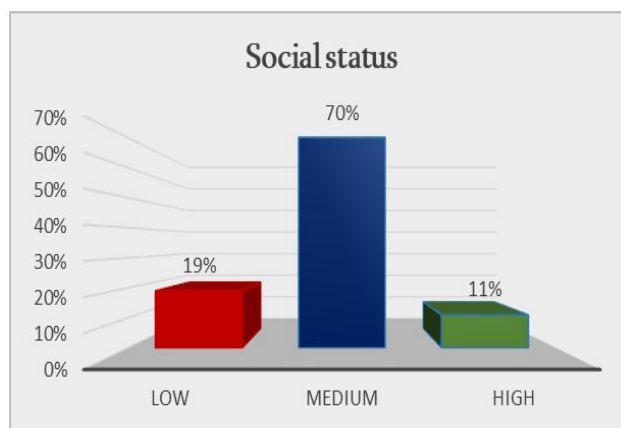

Fig. 7

Regression analysis. The purpose of the next stage of processing and analyzing the empirical data obtained as a result of this study was to find out how the subjective well-being of young people living in Georgia is determined by their status in the business (instrumental) and social (expressive) spheres. For this purpose, regression analysis was used.

Table 3
Indicators of differences of statistical significance according to social status on subjective well-being scales

ANOVA					
	Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
Positive relationships	184.990	2	92.495	1.166	.315
Self-dependence	397.774	2	198.887	2.016	.138
Control over the surroundings	105.647	2	52.823	.767	.467
Personal growth	26.053	2	13.027	.192	.826
Life goals	509.246	2	254.623	3.343	.039
Self-acceptance	663.935	2	331.967	2.897	.059
Subjective well-being	7511.184	2	3755.592	2.530	.084

As can be seen from the regression analysis (Table 5), one of the two predictors included in the analysis is statistically significant ($p < 0.05$), the impact of business (instrumental) status. The influence of the second independent variable, social (expressive) status, is not statistically significant ($p > 0.05$).

Based on the results of the regression analysis, it can be concluded that the subjective well-being of young people living in Georgia is determined by their business status in the group.

Table 4
Correlation data among subjective well-being scales, the life goals' scales, and business and social status

	<i>Possible relationships</i>	<i>Self-dependence</i>	<i>Control over the surroundings</i>	<i>Personal growth</i>	<i>Life goals</i>	<i>Self-acceptance</i>	<i>Subjective well-being</i>
<i>instrumental</i>	.097	.233	.244	.258	.266*	.144	.296*
<i>expressive</i>	.109	.088	.047	.057	.191	.194	.175
**. Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).							
*. Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).							

Table 5
Regression analysis data among business and social status and subjective well-being

<i>Coefficients^a</i>						
<i>Model</i>		<i>Unstandardized Coefficients</i>		<i>Standardized Coefficients</i>	<i>t</i>	<i>Sig.</i>
		<i>B</i>	<i>Std. Error</i>	<i>Beta</i>		
<i>1</i>	<i>(Constant)</i>	339.793	9.990		34.013	.000
	<i>Business status</i>	19.181	5.734	.301	3.345	.001
	<i>Social status</i>	10.658	5.554	.178	1.919	.058
<i>a. Dependent Variable: subjective well-being</i>						

Conclusion

Based on the analysis of the empirical research conducted by us, the following conclusions can be made:

- 14% of the respondents have a low subjective feeling of well-being, 72% medium, 14% high.

The levels of business (instrumental) and social (expressive) status were distributed as follows:

Business field: low status - 12%, medium status - 72%, high status - 16%;

Social sphere: low status - 19%, medium status - 70%, high status - 11%;

- The most important scales of subjective well-being for respondents are positive relationships and life goals.
- Differences of statistical significance were found between girls and boys on such

scales of subjective well-being as positive relationships, personal growth and self-acceptance. On all three scales, the data of girls prevails over the data of boys, which means that the features characteristic to positive relationships are more marked for girls - reliable relationship with the surroundings, caring for the well-being of others, empathy and the ability to sympathize. For girls, close relationships and mutual trust are more acceptable than for boys. They are more open to new experiences and have a greater sense of self-actualization and continuous development. By realizing their own potential, they apply positive changes in accordance their own achievements.

∟ According to subjective well-being data, differences of statistical significance between levels of business status were revealed on the scales of independence, personal growth and life goals. The difference is statistically significant also according to the general level of subjective well-being.

Along with the growth of the status, the indicators of the mentioned variables are also increased, which allows us to say that the higher the business status of a person is, in our case a young person living in Georgia, the more he is striving for self-dependence, the stronger his feeling of continuous development (personal growth) becomes and the clearer the future goals he set. , the latter applies to the social sphere as well, people with high expressive status also have clearer future goals.

∟ As a result of the correlation analysis, it was found that there is a statistically significant relationship between the general level of subjective well-being and business status. And the correlation between social (expressive) status and subjective well-being is not confirmed. In other words, the higher the business (instrumental) status of a young person living in Georgia is, the stronger the feeling of general subjective well-being he has.

∟ As a result of the conducted regression analysis, it became clear that the subjective well-being of young people living in Georgia is determined by their business status in the group.

Reference:

- [1]. Baumeister, R. Vohs, K.D: ENCYCLOPEDIA OF Social Psychology 2. SAGE Publication. Los Angeles. London, New Delhi. Singapore. 2007. Pp. 558, 154, 156, 392,781, 785, 793-800.
- [2]. <https://www.who.int/healthinfo/survey/whoqol-qualityoflife/en/> 2024
- [3]. Pelin Kesebir and Ed Diener: In Pursuit of Happiness Empirical Answers to Philosophical Questions. Chapter in Perspectives on Psychological Science.2009
- [4]. Charkviani, D. Foundations of experimental social psychology. Tbilisi. 2004. p. 252-253-254

КАХИ КОПАЛИАНИ

**Доктор психологических наук, профессор – Сухумский государственный университет
(Грузия)**

ТАМАР АДЕИШВИЛИ

**Доктор социальных наук, профессор – Сухумский государственный университет
(Грузия)**

ИРМА МЕСХИ

**Магистр социальной психологии
(Грузия)**

РЕЗЮМЕ

Связь между субъективным благополучием и деловым и социальным статусом среди молодых людей, проживающих в Грузии

Целью исследования было определение взаимосвязи между субъективным благополучием молодых людей, проживающих в Грузии, и их деловым и социальным статусом. В ходе исследования были использованы тест психологического благополучия К. Риффа и социометрический метод определения делового и социального статуса. Исследование проводилось в малой социальной группе молодых людей. Всего было опрошено 120 человек. Из них 80 женщин и 40 мужчин. На основе полученных данных были выявлены доминирующие шкалы субъективного благополучия, уровня делового и социального статуса, а также определены связи статистической значимости между указанными переменными.

GЕOPOLITICS - ГЕОПОЛИТИКА

ЭЛЬГУДЖА КАВТАРАДЗЕ

Доктор политических наук, профессор Сухумского Государственного университета
(Грузия)

АРМЯНСКИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В ОККУПИРОВАННОЙ
АБХАЗИИDOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.19>

В последнее время армянская «любовь» к Грузии становится все более навязчивой. Причина понятна – власти Армении и армянское лобби стремятся добиться от грузинских властей разрешения транзита грузов для Армении через оккупированные грузинские территории Абхазии и Цхинвальского региона, где в свое время сепаратизм активно поддерживало армянское лобби, а в Абхазии своими зверствами против мирного грузинского населения прославился армянский батальон им. Баграмяна.

При этом Армения не собирается пересматривать свою позицию против возвращения грузинских беженцев в Абхазию и Цхинвальский регион (каждый год Армения голосует против этого на Генассамблее ООН и в минувшем году тоже голосовала). Также армянское лобби не отказывается от поддержки сепаратистов Сухуми и Цхинвали – достаточно посмотреть подконтрольные этому лобби российские СМИ и издания.

Кроме этого Армения продолжает поддерживать сепаратистские настроения среди армян в регионе Самцхе-Джавахеги, который по планам армянских националистов (называющих его «исконно армянским Джавахком») предполагается присоединить к Армении по карабахскому сценарию. Ну, а армянская церковь официально претендует как минимум на 442 грузинских храма, и уже подает иски в суды против «братьев-христиан».

Все это как то не вяжется с декларируемыми на публику громкими словами о «дружбе» и «братстве» армянского и грузинского народов. И для того, чтобы понять чего стоят эти заявления – достаточно вспомнить, как пове-

ли себя эти «братья» во время войны в Абхазии. Благо свидетельств армянской «любви к Грузии» и грузинам масса, их прекрасно описал сепаратистский писатель Руслан Ходжаа в своей книге «Армянский батальон в отечественной войне народа Абхазии 1992-1993 гг.».

Красноречивое предисловие к этой книге написал начальник сепаратистского генштаба Аршба В. Г. Вот выдержка из него: «В настоящем труде автор Р. Ходжаа наиболее полно воссоздал героический путь в период грузино-абхазской войны – именно армян, которые являются жителями Абхазии с конца XIX века.

Этот трудолюбивый народ также испытал все ужасы грузинской оккупации. Но не сломлены духом – армяне создают свое воинское подразделение в рядах Абхазской Армии, назвав его именем своего прославленного соотечественника – маршала И. Х. Баграмяна и встают плечом к плечу с абхазами, добровольцами для восстановления свободы и справедливости – за независимость Абхазии.»

Таким образом, армяне, проживающие на территории Грузии под грузинской властью считали и, по видимому считают, что они находятся в «оккупации». Причем вряд ли «джавахкские» армяне сегодня думают иначе, чем до войны 1992-1993 г. думали абхазские. А в книге Руслана Ходжаа это каждый раз подчеркивается. Вот еще отрывок из этого произведения: «...Когда в Гагре высадился грузинский десант, Вагаршак понял, что это серьезно, что это далеко не для охраны железной дороги». Собрались молодые ребята из числа однофамильцев и родственников. Собрались, чтобы решить: воевать с оккупантами?, смириться

и ждать, пока, они займут всю Абхазию?, бежать в Россию? Вторые два вопроса были с первых же минут отброшены и встал вопрос, где взять оружие, ведь с охотничьими ружьями не попрешь против автомата. «С умом попрешь», – заметил кто-то. Первая встреча к принятию какого-либо решения не привела. Но вот в сентябре появилась женщина из армянского села Лабра, Очамчирского района. К этому моменту участники упомянутой встречи стали потихоньку добывать охотничьи ружья, прощупывать сельчан, кто, чем дышит, на кого можно рассчитывать. В село, оккупанты наведывались не часто, с группой местных милиционеров.» То есть грузины абхазских армян не трогали и даже в их села особо не наведывались, не говоря уже о том, чтобы выгонять армян с их домов. Тем не менее, армяне их с самого начала люто ненавидели и воспринимали однозначно как врагов.

А вот как началось вооруженная борьба «свободолюбивых» армян против грузин:

«Ашот, средний брат Вагаршака, взял на себя осуществление дерзкого плана. Взяв трехлитровый баллон крепчайшей чачи и «травку», он под видом «рубахи-парня» пошел в дом, где разместилось шесть гвардейцев. Те его радушно приняли – какой дурак откажется от выпивки – да «травку» курили все. Пьяные и одурманенные вояки завалились на койки, да так и не встали с них. – Ашот хладнокровно расстрелял их. В ходе этих двух вылазок группа Вагаршака пополнилась еще шестью автоматами, целой кучей гранат и патронов. И сформировался целый взвод, который затем влился в Армянский батальон. Собственно говоря, из таких групп, как группа Вагаршака Косяна, и сформировалось это прославленное соединение в Отечественной войне в Абхазии.»

Таким образом втереться в доверие, усыпить бдительность, опохмелить и затем исподтишка убить спящих людей, которые тебе доверились – вот смысл армянского «героизма».

Понятно, что и сейчас армяне «втираются в доверие» к грузинскому правительству. И если грузинские власти будут доверять армянским льстивым уговорам также как и те несчастные гвардейцы – конец будет аналогичным. При первом же удобном случае ар-

мяне «уничтожат» своих грузинских «друзей и братьев». Тем более они уже «положили глаз» и на грузинские земли, и на грузинские церкви и еще на многое другое, что принадлежит грузинам и не дает покоя армянским охотникам за чужого. При этом в книге Руслана Ходжаа содержится масса свидетельств, что участие армян в сепаратистской войне на стороне сепаратистов совсем не случайно, что они действительно ненавидят грузин, и рады были воспользоваться случаем, чтобы уничтожить и изгнать грузинское население. «По словам Л. Маркаряна «создание армянского вооруженного формирования не в Армении, а на чужой Родине, которая приютила армян, является важным знаменательным событием для армян. И мы, армяне, живущие на территории Республики Абхазия, считаем своей Родиной Абхазию и гордимся вышесказанным фактом». Л. Маркарян лично вел запись, куда фиксировал лиц армянского происхождения, вносящих свой посильный вклад на содержание Армянского батальона. Приносили деньги, одежду, продукты и т. п. «Хочу сказать, что в военный период люди были очень ответственными, понимающими суть дела. Делали, выполняли все не из-под палки, а ради дела, ради Родины. Люди были воодушевлены одной целью – освободить Абхазию от оккупантов. Никто не говорил «не получилось», «не вышло», а искали и находили пути осуществления поставленной задачи...».

Таким образом, задача армян понятна и вряд ли она поменялась с 1992-1993 гг. – уничтожить Грузию и грузин. И они ищут пути осуществления поставленной задачи. А ненависть армян к грузинам как раз в полной мере проявилась в 1992-1993 гг. и в зверствах батальона им. Баграмяна и в маниакальном стремлении отдельных армян-грузиноненавистников уничтожить как можно больше грузин, о чем есть свидетельства в той же книге Руслана Ходжаа.

«...Знаменитый разведчик, полковник С. Габния рассказывает о жителе села Гумиста, уроженце горной Азанты – Седраке Мкртичевиче Задикяне. В дни тяжелой оккупации люди потянулись к нему, потянулись делиться скудными радостями и обильными горестями... Вскоре шаг за шагом организова-

лась небольшая, но мобильная группа единомышленников разведчиков, которая сыграла огромную роль в уничтожении военной мощи противника...

По данным нашей разведки, около шести-десяти грузинских солдат постоянно находились в одном из домов, почти на берегу реки Гумиста. Нашими было решено обстрелять его из гранатомета. Но наш комбат В. Авидзба (ныне начальник ГАИ РА, полковник) категорически не соглашался: «Этот дом армянский, дом нашего брата, и я не позволю разрушить его». Трудно было возразить, тем более зная, как пережившие ужасы геноцида армяне, почитают дом, родной очаг, семейное тепло... Но вдруг появляется Седрак с настойчивым требованием обстрелять дом, что в конце концов было выполнено гранатометчиком по кличке «Башкир»... и каково было наше удивление, я бы сказал изумление, когда Седрак признался, что это дом... его...

...Всегда впереди, всегда на первом краю, зажигающий всех своими замыслами, неординарными задумками и решениями, Седрак горел мечтой о скором освобождении Сухума и героически погиб за два дня до ее осуществления на окраине родного города. Родина потеряла еще одного самоотверженного сына, сделавшего все возможное, чтобы она вышла с честью из навязанной ей войны...»

Таким образом, ненависть живущего на грузинской земле армянина Седрака Задикяна к «братскому» грузинскому народу была такова, что он согласен был разрушить собственный дом, лишь бы убить как можно больше ненавистных ему грузин.

Можно также догадаться, каким «разведчиком» был Задикян. Он переходил линию фронта и как «армянин» и представитель «братского народа» входил в доверие к грузинам, и собирал сведения чтобы, в конечном счете, побольше грузин уничтожить. Причем даже когда абхазы хотят пожалеть его дом, он настаивает на том, чтобы дом обстреляли, поскольку знает, что там находятся грузины. Кто знает, может быть, как и ранее упомянутый армянский «герой» угостивший грузинских гвардейцев чачей, а затем расстрелявший спящих Задикян тоже накануне специально «угощал» грузин.

Факты, описанные в книге «Армянский батальон в отечественной войне народа Абхазии 1992-1993 гг.» показывают, что, несмотря на все заявления о «дружбе», «братстве» и «христианской солидарности» армянских националистов верить им ни в коем случае нельзя. При первом же удобном случае эти «братья» становятся беспощадными врагами по отношению к тем, перед кем только что заискивали.

«Вся власть абхазам, экономика армянам»

В настоящее время абхазский этнос, по сути, находится в самом худшем положении из всех кавказских народов. Причем вроде все, что он хотел достичь – достиг. «Независимость» Абхазии признается Россией. Россия как бы ее «оберегает» оккупировав Абхазию и даже «подкармливая» сепаратистский режим. И формально вся власть в Абхазии принадлежит этническим абхазам. Но экономически все в Абхазии находится в руках армян. Независимость сепаратистского режима очевидна и он полностью зависит от денежных вливаний стороны России. Причем если этих вливаний не будет, то начнется катастрофа.

Территория, имеющая прекрасные условия для сельского хозяйства вынуждена завозить все продовольствие из той же России или контрабандой из Грузии. Но самое главное абхазский этнос практически лишен всяческих перспектив и стремительно деградирует и вымирает

Тем не менее, абхазский народ пока никак не может пойти на примирение с грузинским народом и не только по тому, что этому мешают оккупационные власти, но учитывая то, как проходила борьба сепаратистов за «независимость» и чью «методику» они выполняли.

Напомним, что начало 1992 г., а именно февраль месяц ознаменовался жутким геноцидом армянскими агрессорами мирного азербайджанского населения в Ходжалы и в других населенных пунктах Нагорного Карабаха. В этом геноциде армянские экстремисты «запятнали» и поддержавшие их части рос-

сийской армии.

При этом, скорее всего данный геноцид был образцом который начали все остальные конфликты на Кавказе – в том числе и на Абхазию и на Пригородный район Владикавказа с массовым геноцидом ингушей осетинскими националистами. Везде чувствовался один почерк и одна методика, и стала понятна технология дальнейших действий сепаратистских формирований. Главная цель была сделать невозможным примирение народов из-за пролития крови и запредельных зверств. Поэтому после того как в городе Ходжалы был осуществлен геноцид мирного азербайджанского населения и ответственные за этот геноцид не понесли наказания, смертельная угроза нависла и над Грузией и сотнями тысяч грузин, хотя она тогда в начале 1992 г. еще многими не осознавалась. Символично, что группа российских войск, размещенная на Южном Кавказе, и учувствовавшая в ходжалинском геноциде также участвовала в зверствах абхазских сепаратистов, российских и северокавказских наемников и армянских боевиков которые творились над мирным грузинским населением Абхазии. Это был изначально запланированный и методично осуществленный геноцид мирного коренного населения. Причем такой, чтобы сделать невозможно в дальнейшем примирение братских народов – абхазов и грузин. По замыслу сепаратистов их союзников и «кураторов», в Абхазии надо было осуществить массовое уничтожение части грузинского населения и изгнание из региона остальных с помощью кровавого террора и насильственной депортации.

«Вопрос (начала конфликта), как это не парадоксально - этнический. Это вопрос о том, о чем болит голова гудаутских (т.е. абхазских) экстремистов - этнической чистке собственного региона. Мы говорим не только о депортации и насильственном перемещении лиц, но и физическом уничтожении лиц грузинской национальности, которые составляют там, в силу объективных обстоятельств, большинство населения» (из показаний М. Демьянова, СМ.1У, 4).

Политика этнической чистки в Абхазии осуществлялась поэтапно: с 14 августа по 2 октября 1992 г. в Гудаутской зоне; с 2 октября

того же года по 15 сентября 1993 г. в Гагрской зоне; а с 16 сентября 1993 г. в Сухумском, Очамчирском, Гальском районах и Ткварчели. В общей сложности, физически было уничтожено до 10 тыс. человек и свыше 300 тыс. были изгнаны с родных мест. Бросается в глаза схожесть в действиях преступников в различных, даже не связанных друг с другом, зонах, попадающих под контроль сепаратистов. Предавая огню и мечу все населенные пункты, где проживали грузины, наёмники от правительства России и сепаратисты предварительно вывозили из этих мест лиц абхазской национальности. Гудаутский район был объявлен местом, куда должны были быть собраны этнические абхазы из различных районов автономии, что должно было развязать руки агрессорам в проведении политики тотальной ликвидации грузинского населения на территории Абхазии.

Например, когда грузинские правительственные войска приостановили блокаду г. Ткварчели, согласившись на поставку гуманитарной помощи и вывоз мирного населения, абхазские лидеры начали вывозить на российских вертолетах только абхазов, отменяя всех остальных. Лишь после протеста грузинского правительства, места в вертолетах были предоставлены и для грузин и других, но в очень малом количестве. Уничтожение мирного грузинского населения осуществлялось не только в с боем взятых населенных пунктах, но и в районах, где не прозвучало ни одного выстрела. Так, в Гальском районе, в котором проживало почти 100 тысяч грузин, не было никаких боевых действий, и, несмотря на это, свыше 2500 мирных жителей было расстреляно, замучено, заживо сожжено, остальные изгнаны. Десятки пожилых, детей, женщин погибли, не выдержав горного перехода в Кодорском ущелье. «Дорога смерти» была усеяна их трупами. До сегодняшнего дня беженцам и перемещенным лицам грузинской национальности не разрешают вернуться в родные места, а те, кто на свой страх и риск возвращаются в Гальский район, подвергаются преследованиям. Так воплощался и воплотился в жизнь лозунг «Абхазия без грузин», где «грузинам уже не жить... Они могут только умирать». Эти слова принадлежат командиру одного из

незаконных формирований В. Смыру, ставшему позже заместителем министра внутренних дел самопровозглашенной «республики Абхазия».

Дали Масхарашвили, фельдшерица Гагрской больницы: «Абхазы прислали в больницу распиленный пополам труп грузинской девочки с надписью на русском языке: «Как не соедините в целое тело этой девочки, так не соедините Грузию и Абхазию». Всю ночь по колено в воде держали голого Шота Мгеладзе. Затем один из «боевиков» ножом разрезал ему левую руку, наполнил кровью стакан и предложил Мгеладзе выпить. Когда тот отказался, он цинично извинился, сказав: «Что делать, браток, не обижайся, но я пью не твою, а кровь всех грузин», и выпил стакан, а также пригрозил, что если грузины не покинут территорию Абхазии, каждого из них ждет смерть. Именно систематическое и массовое физическое уничтожение грузинского населения являлось основной целью вооруженного конфликта в Абхазии, а не его «побочным результатом», за что пока никто не понес ответственность.

В итоге абхазов «повязали кровью и зверствами». Вот уже больше четверти века они живут в постоянном страхе за то что «грузины вернуться и спросят». И вынуждены уповать в качестве «защитников» на Россию, которая осуществляла геноцид и массовое изгнание абхазов с родной земли в 19-м столетии и армян, которые безжалостно уничтожали абхазов-мусульман в Турции.

Абхазы стали заложниками российских оккупантов и армянских подстрекателей, которые полностью подчинили себе экономику сепаратистской территории, и в ближайшее время будут прибирать к рукам все земли Абхазии, заселяя их своими соплеменниками. После этого в лучшем случае будет проводиться «мягкий геноцид» абхазского этноса, тем более что и достаточно всего лишь каких-то 100-200 тысяч армянских переселенцев, чтобы они полностью «поглотили» абхазов. Или процесс «ускорят», проведя жесткую этническую чистку.

Наивные абхазы думают, что натравившие их против братского грузинского народа армяне, сами участвовавшие в геноциде и зверствах так «любят» абхазов, что будут и дальше

их лелеять. Но для армянских националистов вообще-то все абхазы это «турки». Поскольку они прекрасно понимают, что большая часть абхазского этноса живет в Турции и уже смешалась с турецким народом. Как относятся армянские националисты к туркам, думаю говорить не нужно. Поэтому, если нынешние тенденции сохранятся, судьба абхазов будет аналогична судьбе тюркского и мусульманского населения, которое исторически по какому-то несчастью попадало под власть армян (Зангезур, территория Эриванского ханства и т.д.) – оно может быть очень быстро уничтожено. Лишь примирение с грузинским народом даст абхазскому этносу шанс на существование. При этом грузины народ не злопамятный, готовы простить абхазов, понимая, что абхазский народ был обманут. Они уже платят за прежнее зло добром – за минувший год 1644 абхазов и осетин получили медицинские услуги в медучреждениях Грузии.

Но и абхазам для примирения придется исправлять свои ошибки – прежде всего, вернуть беженцам их имущество и дома. И, конечно же, абхазскому народу, несмотря на происки оккупантов и армянских подстрекателей нужно постараться поскорее вернуться в грузинское правовое поле, поскольку речь идет о самом существовании абхазского народа.

Баграмянщина

То, как сегодня стараются власти Армении показать Грузии, что они «братья» грузинам, чтобы добиться транзита грузов для Армении через оккупированные территории Абхазии и Цхинвальского региона входит в противоречие с памятными событиями, годовщины которых отмечают один за другим. И эти события воочию показывают «братское» отношение армян к грузинам. 9 февраля 2018 г. в сепаратистской Абхазии состоялось торжественное мероприятие, посвященное 25-й годовщине создания армянского батальона имени маршала И. Баграмяна. Мероприятие, организованное армянской общиной Абхазии, состоялось в рамках празднования сепаратистами 25-летия «Дня победы» в войне 1992-1993 гг..

Нужно особо подчеркнуть, что никто абхазских армян воевать против грузин, а тем более зверски убивать своих грузинских соседей в 1992-1993 г. не заставлял. Они взяли в руки оружие осознанно, одержимые националистической ненавистью к грузинам, которую десятилетиями скрывали под елейными разговорами о «дружбе» и «братстве». Да так, что грузины им верили и долго не могли представить, что приютили на своей земле злейших врагов. Уже во время войны армянские бандиты пользовались таким доверием грузин, чтобы, к примеру, опить грузинских солдат и убить их спящими, или собрать информацию о месторасположении грузин, чтобы затем корректировать артобстрел. Не случайно известный сепаратистский журналист Спартак Жидков в свое время в статье «Армянский батальон в грузино-абхазской войне» писал: «Армяне, жившие в Абхазии, сделали свой выбор без колебаний. Они видели, что режим, установившийся в независимой Грузии, враждебен праву народов на самоопределение, что абхазский народ (на две трети христианский) не подвержен религиозному фанатизму. Именно в независимом абхазском государстве амшенские армяне увидели гарантию сохранения своих прав и своей самобытности. По этой причине появление в абхазской армии Армянского батальона не стало сенсацией.» Интересно, а какой такой «религиозный фанатизм», или какие «покушения на армянскую самобытность» сейчас ощущают армяне, проживающие в Грузии? Возможно за «проявление религиозного фанатизма» они считают нежелание грузин отдавать свои святыни – 465 церквей, на которые армяне официально претендуют? Или нежелание отдать армянам древний собор Кумурдо, где грузинскую полицию «толерантные» армяне забросали камнями? Так что причин начать убивать грузин в случае, если появится какая-нибудь враждебная грузинскому народу сила, которая займет территорию Грузии, у армянских националистов предостаточно. В издании «Спутник Абхазия» созданию батальона им. Баграмяна был посвящен обширный материал Анаид Григорян «День армянского батальона». В этом материале сообщается, что с «самого начала грузино-абхазской войны, в августе 1992

года, армяне воевали в разных подразделениях абхазской армии. А уже 9 февраля 1993 года приказом № 55 Верховного главнокомандующего Владислава Ардзинба был создан первый отдельный мотострелковый батальон имени маршала Советского Союза И. Баграмяна. Командиром назначен кавалер ордена Леона Вагаршак Косян. Первым принял присягу Герой Абхазии, заместитель председателя Верховного Совета Альберт Тополян. Второй батальон имени маршала И. Баграмяна сформирован летом 1993 года под командованием кавалера ордена Леона Кевора Маркаряна, который начал свой боевой путь еще в августе 1992 года. На «Восточном фронте» доблестно сражался экипаж легендарного танка «Тигр», лабринцы, герои Абхазии Аик и Габриэл Кесян, Смбат Керселян.» Всего во время войны против Грузии погибло более 200 армянских боевиков. Сепаратистскими властями звание «Героя Абхазии» присвоено 20 армянским боевикам. Всего более тысячи человек участвовали в двух армянских батальонах.

Один из боевиков армянского батальона им. Баграмяна Рафаэль Задикян вспоминает: «Мне отец, когда говорил, что Армения – это родина, я был маленький. Мне 7-8 лет было. Я тогда говорил: «Папа, я здесь родился, моя родина здесь». Когда видел грузинское отношение к нашему народу, что мог, старался делать для победы, что в моих силах было. За свою родину не только жизнь, все нужно отдать!» Т.е. несмотря на все те немислимые блага, которые грузины и Грузия сделали для армян, армянам, видите ли, не нравится «грузинское отношение» к их народу. И за это они готовы грузин убивать. Все это нужно иметь ввиду грузинским властям, когда они даже в ущерб интересам Грузии стремятся угодить армянам. Все рвано – для армянских националистов, сколько бы блага для них грузины не делали, грузинский народ остается люто ненавидимым врагом и его армяне, не раздумывая будут уничтожать при первой же возможности. Известный русский писатель и общественный деятель Василий Величко в своей книге «Кавказ» приводит азербайджанскую народную мудрость относительно «благодарности» армян «зажги свои десять пальцев, как свечи, чтобы осветить до-

рогу армянину, и он тебе спасибо не скажет». В случае с абхазскими армянами к этому можно добавить, что «еще и убьет, поскольку почитает что «неуважительно» зажег пальцы».

Спустя 25 лет, командиры и боевики двух армянских батальонов участвовавших в геноциде грузинского населения Абхазии вновь собрались, чтобы вспомнить былое. Более ста боевиков-«ветеранов», а также представители армянской общины, возложили венки к могиле первого сепаратистского «президента» Владислава Ардзинба в селе Нижняя Эшера, а затем почтили память погибших в Парке Славы в г. Сухуми. После чего они направились в «Государственный музей боевой славы им. В. Ардзинба», где происходило торжественное мероприятие с участием марионеточного так называемого «президента Абхазии» Рауля Хаджимбы.

Рауль Хаджимба подчеркнул, что армянская община «внесла весомый вклад в борьбу за «независимость» «Республики Абхазия». Он заявил: «Нашему многонациональному народу есть, чем гордиться. Сегодня мы можем твердо заявить, что никому не позволим расшатать наше единство. Потому что это являлось и является залогом наших побед. Все лучшее из прошлого мы обязательно должны взять в будущее. Это будет наше общее будущее независимой, суверенной и процветающей Абхазии». Черный юмор Хаджимбы можно оценить. Все прекрасно понимают насколько сепаратистская Абхазия «независима» и «суверенна». Ну, а ее «процветание» так и бросается на каждом шагу – такой концентрации руин нет нигде в мире, даже в объятной войной Сирии, хотя война в Абхазии закончилась почти четверть века назад.

Заместитель сепаратистского «министра обороны» в годы войны, Сергей Шамба, который в 1993 г. принимал присягу у боевиков армянского батальона, вспоминая то время, отметил заслуги Альберта Тополяна в создании армянского батальона, которые неопределимы: «Во время войны Владислав Григорьевич (речь идет об Ардзимбе – ред.), все мы понимали, что создание батальона по этническому признаку – это недопустимо, и единственный, ради кого была сделана уступка, это был Альберт Гаспарович, смог обосновать необходи-

мость такого решения».

Таким образом, сами сепаратисты не очень-то хотели, чтобы абхазские армяне создавали свои «национальные» батальоны, предлагая воевать в своих «интернациональных» формированиях. Но армяне настояли – поскольку люто ненавидели грузин и не хотели, чтобы им представители других национальностей «мешали» убивать и мучить мирное грузинское население. И в дальнейшем этот мотив создания батальона им. Баграмяна только подтвердился – ни одно сепаратистское формирование не отличалось столь жуткими и запредельными зверствами как армянский батальон им. Баграмяна. Представители «многострадального» и «древнего» «христианского» народа здесь проявили себя «во всей красе».

Реферальные услуги Грузии

По данным министерства здравоохранения Грузии в 2017 году в рамках Государственной программы реферальных услуг, 1644 жителей оккупированной Абхазии и Цхинвальского региона получили медицинские услуги, полностью финансируемые грузинским государством. Правом пользоваться Государственной программой реферальных услуг, действовавшей правительством в 2010 году, обладают те жители Абхазии и Цхинвальского региона (т.н. «Южной Осетии»), у которых нет грузинских паспортов или удостоверений личности. Программа предоставляет пациентам комплексные медицинские услуги в клиниках Грузии, а также транспортировку в неотложных ситуациях. Оказание медицинских услуг во многом закладывает основу для будущего примирения грузин, абхазов и осетин. Каждый вылеченный в Грузии абхаз или осетин с благодарностью вспоминает о том, что для него сделали грузины. Это полностью противоречит тому дикому национализму и ненависти, которые насаждают сепаратистские СМИ. Более того сами поездки на неоккупированные территории Грузии позволяют жителям Абхазии и Цхинвальского региона воочию сравнить условия жизни и сделать вывод – является ли для них благом сепаратизм. Число жителей сепаратистских территорий

обращающихся за медицинской помощью на свободной территории Грузии постоянно растет. Так, например в 2014 году 450 абхазов прибыли в Грузию за медицинской помощью, однако уже в первые пять месяцев 2016-го их число достигло 500. Рост числа пациентов из Цхинвальского региона (т. н. «Южной Осетии») еще более внушителен: в 2012 году только 63 человека отправились в Тбилиси, но к 2016 году их число составило около 260 человек. А в 2017 г. всего правительство Грузии профинансировало 1137 пациентов, проживающих в оккупированной Абхазии, в том числе 179 детей, а также 507 пациентов, проживающих в Цхинвальском регионе, в том числе 57 детей. Сегодня в двух километрах от линии оккупации на административной границе с Абхазией – в селе Рухи – власти Грузии строят современную, передовую больницу. В этом же селе было решено открыть новый общественный центр министерства юстиции и новый торговый центр. «К концу года, когда строительство закончится, больница сможет принять одновременно до 220 пациентов... Это многофункциональный госпиталь. Он создаст рабочие места для людей по эту сторону разделительной линии, и поможет жителям по ту сторону получить лечение, которое там недоступно», – отмечает старший инженер проекта Ираклий Магалашвили. По его словам, на протяжении многих лет абхазам приходилось отправляться в разные города Грузии за лечением, но теперь это будет еще удобнее. Информация о том, что за минувший год свыше тысячи жителей сепаратистской Абхазии и свыше 500 жителей Цхинвальского региона воспользовались медицинскими услугами на территории Грузии говорит не только о том, что грузинский народ и грузинское правительство по-человечески относятся к своим гражданам проживающих на оккупированных территориях, в том числе и тех, кто участвовал в сепаратистских войнах против Грузии, и к членам их семей, но вследствие бедственного положения медицины на сепаратистской территории оказался в критическом положении. Как известно медицина — это та сфера, которая является индикатором развития общества. Чем богаче и успешнее та или иная страна или территория, тем лучше там

развита медицина. И наоборот деградация медицины и отсутствие возможности получить медицинскую помощь, говорит о деградации общества. Не случайно даже бедные страны заботятся о своей медицине. Так, к примеру, на Кубе, которая находится в конфронтации со своим ближайшим соседом Соединенными Штатами, еще в бытность в стране лидером Фиделя Кастро была сделана ставка на развитие медицины и оказание помощи гражданам. Поэтому Кубу можно критиковать за многое, но нужно отдать должное - медицина в этой стране действительно на высоком уровне. Что же мешало сепаратистским властям в Сухуми и Цхинвали у себя организовывать нормальную медицину? Тем более учитывая те бешеные денежные вливания, которые шли сепаратистам и идут к ним из российского бюджета? Причин такого положения несколько. Прежде всего, это то, что во время сепаратистских войн и этнических чисток из Абхазии и Цхинвальского региона была изгнана большая часть коренного грузинского население. При чем многие люди были убиты. Их дома разрушены или захвачены победителями. Поэтому с этнической чисткой сепаратистская Абхазия решила большую часть квалифицированных врачей. Их убивали и изгоняли те, кто потом будет умирать и мучаться от болезней, которые могли бы вылечить врачи-грузины. Так сложилось что ни этнические абхазы, ни абхазские армяне даже в советские времена особо не стремились получать медицинское образование. Большую часть врачей и медицинских работников в Абхазии, составляли этнические грузины. При чем это были не самые худшие врачи, к примеру, выдающийся хирург с мировым именем Лео Бокерия является выходцем из Очамчир, большинство его родных и близких в 1992-1993 гг. было убито или изгнано с родных домов. Нет сомнения что, если бы Лео Бокерия на тот момент жил в Абхазии его бы выгнали или даже убили. При чем тем же самыми сепаратистами, которым нужно лечить своих родственников или себя. Национализм как показывает практика, не знает никаких разумных доводов. А особенно агрессивный этнонационализм и сепаратизм. Поэтому большинство врачей, которые могли бы оказывать квалифицированную медицин-

скую помощь жителям сепаратистских территорий оказались изгнаны. Подготовить своих врачей в условиях полного развала экономики не было никакой возможности. В итоге получилось то, что нормальных врачей на сепаратистских территориях нет, не говоря уже о жутких условиях в медучреждениях. Здесь нет элементарного медицинского оборудования, невозможно поставить диагнозы, сами здания медицинских учреждений годами не ремонтируются.

Поэтому ничего удивительного в том, что

жители сепаратистских территорий за медицинскими услугами, и чтобы лечиться едут на территорию Грузии. При чем едут и ветераны-сепаратисты и члены их семей. Ведь когда шла война в Абхазии те, кто в ней участвовал, были достаточно молодые. Однако прошли годы, появляются болезни, а лечить их на сепаратистской территории негде. Ехать в Россию не всем по карману. При этом приходится ехать лечиться к своим бывшим «врагам» или посылать лечиться туда своих родных.

Литература:

- [1]. Эльгуджа Кавтарадзе. Территориальные конфликты государств. THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал. // ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16> №27, Тб., 2021, №23, с.58-65
- [2]. Татьяна Полоскова. Абхазия и Закон исторических ситуаций. THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал. // ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16> №27, Тб., 2021, №23, с.21-26
- [3]. Натиг Гумбатов. Несостоявшиеся попытки легимитизации преступного марионеточного режима как «государство» в Нагорном Карабахе. THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал. // ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16> №27, Тб., 2021, №23, с.26-30
- [4]. Эмира Джафарова. Глобальные геополитические тенденции и современный характер мироустройства. THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал. // ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16> №27, Тб., 2021, №23, с.54-58
- [5]. Лия Ахаладзе. Культурная диффузия в Абхазии XX века. THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал. // ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16> №27, Тб., 2021, №23, с.88-94

ELGUJA KAVTARADZE

Doctor of Political Science, Professor of Sukhumi State University (Georgia)

ARMENIAN GEOPOLITICAL INTERESTS IN OCCUPIED ABKHAZIA

Recently, the Armenian «love» for Georgia has become increasingly obsessive. The reason is clear - the Armenian authorities and the Armenian lobby are trying to get the Georgian authorities to allow the transit of goods for Armenia through the occupied Georgian territories of Abkhazia and the Tskhinvali region, where separatism was once actively supported by the Armenian lobby, and in Abkhazia, the Armenian battalion named after Baghramyan became famous for its atrocities against the peaceful Georgian population.

At the same time, Armenia is not going to reconsider its position against the return of Georgian

refugees to Abkhazia and the Tskhinvali region (every year Armenia votes against this at the UN General Assembly and last year it also voted). Also, the Armenian lobby does not refuse to support the separatists of Sukhumi and Tskhinvali - it is enough to look at the Russian media and publications controlled by this lobby. In addition, Armenia continues to support separatist sentiments among Armenians in the Samtskhe-Javakheti region, which, according to the plans of Armenian nationalists (who call it «the original Armenian Javakhk»), is supposed to be annexed to Armenia according to the Karabakh scenario. Well, the Armenian Church officially lays claim to at least 442 Georgian churches, and is already filing lawsuits in court against its «Christian brothers». All this somehow does not fit with the loud words declared to the public about the «friendship» and «brotherhood» of the Armenian and Georgian peoples. And in order to understand what these statements are worth, it is enough to remember how these «brothers» behaved during the war in Abkhazia. Fortunately, there is plenty of evidence of Armenian «love for Georgia» and Georgians, which was perfectly described by the separatist writer Ruslan Khodjaa in his book «The Armenian Battalion in the Patriotic War of the People of Abkhazia 1992-1993».

The way the Armenian authorities are trying to show Georgia that they are “brothers” to the Georgians in order to achieve the transit of goods for Armenia through the occupied territories of Abkhazia and the Tskhinvali region is in contradiction with the memorable events, the anniversaries of which are celebrated one after another. And these events clearly demonstrate the “brotherly” attitude of Armenians towards Georgians. On February 9, 2018, a solemn event dedicated to the 25th anniversary of the creation of the Armenian battalion named after Marshal I. Baghramyan took place in separatist Abkhazia. The event, organized by the Armenian community of Abkhazia, took place as part of the celebration by the separatists of the 25th anniversary of the “Victory Day” in the 1992-1993 war. It should be especially emphasized that no one forced the Abkhaz Armenians to fight against the Georgians, much less brutally kill their Georgian neighbors in 1992-1993. They took up arms consciously, possessed by nationalistic hatred of Georgians, which for decades they hid under unctuous talk of «friendship» and «brotherhood». So much so that the Georgians believed them and for a long time could not imagine that they had given shelter to their worst enemies on their land. Already during the war, Armenian bandits enjoyed such trust of the Georgians, for example, to drug Georgian soldiers and kill them in their sleep, or to collect information about the location of Georgians in order to then adjust artillery shelling. It is no coincidence that the well-known separatist journalist Spartak Zhidkov once wrote in his article «The Armenian Battalion in the Georgian-Abkhaz War»: «The Armenians living in Abkhazia made their choice without hesitation. They saw that the regime established in independent Georgia was hostile to the right of peoples to self-determination, that the Abkhaz people (two-thirds Christian) were not subject to religious fanaticism. It was in the independent Abkhazian state that the Hamshen Armenians saw a guarantee of preserving their rights and their identity. For this reason, the appearance of the Armenian Battalion in the Abkhazian army did not become a sensation. I wonder what kind of “religious fanaticism” or “attacks on Armenian identity” do the Armenians living in Georgia feel now? Perhaps they consider the Georgians’ unwillingness to give up their shrines – 465 churches, which the Armenians officially claim – as a “manifestation of religious fanaticism”? Or the unwillingness to give the Armenians the ancient Kumurdo Cathedral, where the “tolerant” Armenians threw stones at the Georgian police? So, the Armenian nationalists have plenty of reasons to start killing Georgians if some hostile force to the Georgian people appears and occupies Georgian territory. In the publication “Sputnik Abkhazia”, an extensive article by Anaid Grigoryan “Day of the Armenian Battalion” was devoted to the creation of the Baghramyan Battalion. This material reports that from the very beginning of the Georgian-Abkhaz war, in August 1992, Armenians fought in various units of the Abkhaz army. And already on February 9, 1993, by order No. 55 of the Supreme Commander-in-Chief Vladislav Ardzinba, the first separate motorized rifle battalion named after Marshal of the Soviet Union I. Baghramyan was created. The commander was the Knight of the Order

of Leon Vagharshak Kosyan. The first to take the oath was the Hero of Abkhazia, Deputy Chairman of the Supreme Council Albert Topolyan. The second battalion named after Marshal I. Baghramyan was formed in the summer of 1993 under the command of the Knight of the Order of Leon Kevor Markaryan, who began his combat path back in August 1992. The crew of the legendary Tiger tank, Labrintsy, heroes of Abkhazia Aik and Gabriel Kesyan, Smbat Kerselyan fought valiantly on the «Eastern Front». In total, more than 200 Armenian militants died during the war against Georgia. The separatist authorities awarded the title of «Hero of Abkhazia» to 20 Armenian militants. In total, more than a thousand people participated in two Armenian battalions.

Deputy separatist «defense minister» during the war, Sergei Shamba, who in 1993 took the oath of allegiance from the militants of the Armenian battalion, recalling that time, noted the merits of Albert Topolyan in the creation of the Armenian battalion, which are invaluable: «During the war, Vladislav Grigorievich (we are talking about Ardzimba - ed.), we all understood that the creation of a battalion on ethnic grounds is unacceptable, and the only one for whom a concession was made, it was Albert Gasparovich, who was able to justify the need for such a decision.» Thus, the separatists themselves did not really want the Abkhazian Armenians to create their own «national» battalions, offering to fight in their «international» formations. But the Armenians insisted - because they fiercely hated the Georgians and did not want representatives of other nationalities to «interfere» with them killing and torturing the peaceful Georgian population. And in the future, this motive for creating the battalion named after Baghramyan was only confirmed - no separatist formation distinguished itself with such terrible and extreme atrocities as the Armenian battalion named after Baghramyan. Representatives of the «long-suffering» and «ancient» «Christian» people showed themselves «in all their glory» here.

САМСОН ДЖОДЖУА

Докторант Сухумского Государственного Университета (Грузия)

ОККУПИРОВАННЫЕ ОБЛАСТИ ГРУЗИИ - ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РУПОР
РОССИИDOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.20>

Введение. Геополитическое мировоззрение осетинского народа в Грузии исходит из основополагающего принципа, что гарантом безопасности и мира является Россия, а источником угрозы существованию народа т.н. Южной Осетии является Грузия и отдельные ее союзники. Почему-то осетины самоопределились именно в Грузии, а не в России. Осетинский народ в Грузии сегодня полагает, что живет в независимой стране под названием «Южная Осетия» и совершенно не воспринимает историческую правду, о том, что эта часть исторической Грузии под названием Сев. Картли оккупирована Российской Федерацией.

Исходя из этого полагаем, что международное академическое сообщество необходимо обеспечить достоверной информацией об имевших место систематических военных преступлениях представителей осетинского народа и их сподвижников в Кремле. Представленная статья ставит целью информировать международное сообщество о нарушениях сепаратистов фундаментальных основ международного права.

Сегодня историческая грузинская область Сев. Картли находящееся под оккупацией России представлена международному сообществу в качестве независимого государства Южная Осетия, в действительности же это оккупированная область Грузии и прежде всего представляет собой геополитический и военный форпост России направленная против независимости грузинского государства.

Ключевые слова: *Сев. Картли, осетинский сепаратизм, геополитика, Грузия, осетинский национализм, Ларс, Трусовское ущелье.*

Среди инструментов давления на Грузию армянское лобби и осетинские националисты давно уже пытаются воспользоваться факто-

ром осетин происходящих из опустевших сел Степанцмидского (Казбегского муниципалитета) – исторической грузинской области Хеви, в особенности Трусовского ущелья в верховьях реки Терек.

Кстати пустеть эти села начали еще в годы СССР и не по причине «грузинских гонений» как любят говорить осетинские националисты, а банально – из-за стремления местных осетин к комфортной жизни. Местные жители массово перебирались во Владикавказ, хотя власти Грузинской ССР делали все, чтобы обеспечить жителям осетинских сел достойную жизнь.

После того, как осетинские националисты массово изгнали из Пригородного района Владикавказа ингушей, многие осетины Трусовского ущелья, которые еще оставались в своих селах, массово их покинули, получив российское гражданство и заселившись в «трофейные» ингушские дома. Так что, несмотря на лживые утверждения осетинских националистов о том, что «грузины вынудили их покинуть родные места», дело обстоит с точностью до наоборот – сами трусовские осетины позарились на чужое добро, на дома и имущество изгнанных из Пригородного района ингушей. При этом осетинские националисты давно уже претендуют не только на Трусовское ущелье, но и на всю историческую область Хеви. Они не прочь были бы провести здесь такую же этническую чистку как в отношении ингушей Пригородного района, и в отношении грузинского населения Цхинвальского региона. И нет сомнения – они давно бы призвали «на помощь» российскую оккупационную армию, если бы не одно «но».

Через Хеви и КПП Верхний Ларс проходит единственная магистраль, которая связывает главного вдохновителя сепаратизма на Кавказе – Республику Армения с внешним миром. Агрессия против Грузии в Хеви эту бы маги-

страль перекрыла. Поэтому армянские и осетинские националисты, образно говоря «разрываются» между желанием сделать гадости Грузии и зависимостью Армении от транзита через Верхний Ларс. Тем не менее, работа по созданию в Хеви еще одного очага агрессии с перспективами оккупации этой грузинской территории ведется. В Хеви, а в особенности в Трусовское ущелье сознательно забрасываются диверсанты и провокаторы. Грузинские власти как могут, ограничивают подрывную деятельность засланных эмиссаров. Дальняя западная часть Трусовского ущелья, примыкающая к границе РФ, куда можно попасть из России через неохранный перевал является погранзоной. Чтобы исключить формирования «диверсионного канала» грузинские власти ведут контроль посещения Трусовского ущелья. Но туда без проблем пускают местных жителей или выходцев из Трусовского ущелья не замеченных в антигрузинской деятельности. Попытки провокаций в Трусовском ущелье участились со времен войны 2008 г. Туда всячески стремятся забросить провокаторов. Комментируя ситуацию с осетинами, которым в 2015 г. было отказано во въезде со стороны оккупированных территорий Цхинвальского региона, руководитель Кавказского центра стратегических исследований Мамука Арешидзе отмечал, что эта группа ранее проживавших в Трусовском ущелье Грузии осетин получила задание пересечь де-факто границу с Грузией со стороны Ахалгори и направиться к бывшему месту жительства. По мнению политолога, их задача – вызвать на помощь представителей российских силовых структур, если их возвращению будут чинить препятствия.

Летом минувшего года спровоцировали еще один скандал. Были специально организована группа из уроженцев осетинских сел Казбегского района, которые участвовали в сепаратистской деятельности Цхинвали и являются сотрудниками российских спецслужб, чтобы якобы «попасть на праздник в родные места». Явно готовилась масштабная провокация. Но грузинские власти проявили бдительность и многим из этих провокаторов, которые были в списках нежелательных для Грузии, было отказано во въезде на границе.

В североосетинских СМИ поднялся шум – но так как «друзья» и союзники осетинских националистов – армянское лобби – активно «пробивали» альтернативные транзитные маршруты для Армении через тот же Цхинвали – тогда этому делу ходу не дали. Но вот стало очевидным, что, несмотря на все усилия армянского лобби организовать транзит армянских грузов через оккупированные грузинские территории не удастся. И в итоге враги Грузии вновь пытаются разыграть «трусовскую карту». Старший научный сотрудник сектора кавказских исследований Российского института стратегических исследований Константин Тасиц недавно дал специальное атигрузинское интервью на радио Sputnik, обвиняя Грузию в нарушении прав осетин Трусовского ущелья. (<https://sputnik-ossetia.ru/podcasts/20180214/5815222.html>)

По информации Sputnik «в Осетии актуален вопрос Казбегского района, «ныне входящего в состав Грузии» (т.е. осетинские националисты принадлежность Хеви Грузии уже оспаривают!). При этом грузинская сторона, принимающая меры безопасности, обвиняется в намеренном препятствовании трусовских осетинам «посещать могилы предков». «Проблема в том, что грузинские пограничники не пропускают туда осетин — выходцев из этого ущелья, желающих посетить родные места и могилы предков.

Напомним, что в 1922 году советские власти передали Грузинской ССР Трусовское и Гудское ущелья, а также Кобскую котловину. В советский период осетины — выходцы из этих мест — свободно посещали исконные земли и беспрепятственно пересекали границу.» – пишет издание Sputnik-Ossetia.

Таким образом, опасность провокаций в Хеви и новых попыток отторгнуть эту исконно грузинскую территорию от Грузии сохраняется.

Игра в государственность

22 февраля 2018 г. Цхинвальский сепаратистский режим убил этнического грузина – Арчила Татунашвили. Человека на сепаратистской территории убили только за то, что он грузин. Предлог для убийства выльдет

зловеще – сепаратисты обвинили Арчила Татунашвили в так называемом «геноциде осетин», задержали в Ахалгорском районе, привезли в Цхинвали и там убили. Вместе с Татунашвили в тот день были задержаны по обвинению в том же «осетинском геноциде» еще двое граждан Грузии — Леван Куташвили и Иосиф Павлиашвили, которые до сих пор удерживаются сепаратистами. При этом тело убитого Арчила Татунашвили до сих пор не выдают родным и близким. Это несмотря на то что Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия Второй обратится к Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу для того, чтобы передать тело Арчила Татунашвили родным чтобы погибшего можно было похоронить. На днях Илия Второй принял родителей Татунашвили. Но цхинвальские сепаратисты объясняют нежелание выдать тело Арчила Татунашвили тем, что ждут «завершения экспертизы», которую «проводят специалисты из России». Понятно, что «экспертиза» является ничем иным как попыткой скрыть следы насильственной смерти. Самое страшное, что после того как на оккупированных грузинских территориях был зверски убит невинный человек по ложному обвинению в причастности к выдуманному «геноциду осетин», грузинские власти по сути пошли на поводу у «друзей» и покровителей Цхинвальских сепаратистов – могущественного армянского лобби. И «прогнозились» перед ними по вопросу такого же выдуманного т.н. «геноцида армян». Спустя очень короткое время после того как в Цхинвали убили Арчила Татунашвили, делегация во главе с премьер-министром Грузии Георгием Квирикашвили 2 марта 2018 посетила мемориальный комплекс «Цицернакаберд» в Ереване посвященный мифическому «геноциду армян». При этом на «геноцидных» мероприятиях Георгия Квирикашвили сопровождал министр транспорта, связи и информационных технологий Армении Ваган Мартиросян. Тот самый, который уже не раз бывал в Тбилиси и добивался открытия транзита грузов для Армении через оккупированные территории Абхазии и Цхинвальского региона. Т.е. есть огромная опасность того, что согласившись возложить венок к мемориалу мифического «геноцида армян» глава правительства Грузии

поддается на требования армянского лобби открыть транзит грузов для Армении через Цхинвали. Через тот самый Цхинвали, где безнаказанно убивают грузин только по обвинениям не в менее мифическом «геноциде осетин». Миф, о котором состряпан по пропагандистским лекалам того же самого «геноцида армян». Более зловещего для Грузии стечения обстоятельств, трудно себе представить. Особенно если учесть, как поддерживает армянское лобби абхазских и цхинвальских сепаратистов. Также Армения регулярно голосует на Генассамблее ООН против возвращения грузинских беженцев в Цхинвальский регион и Абхазию (где в этнических чистках активно участвовали армянские боевики) и не думает менять своей позиции. Если грузинские власти поддадутся требованиям армянского лобби и откроют транзит через оккупированные территории, а также идти на бесконечные уступки цхинвальским сепаратистам, то они дождутся реального геноцида. Но не армян или осетин – а грузинского населения. Напомним, зачем нужно признания так называемого «геноцида армян» армянским националистам. По их замыслу «виновными» в нем должны быть по умолчанию признаны все этнические турки. Точно также как для осетинских националистов и цхинвальских сепаратистов виноватыми в их не менее мифическом «геноциде» считаются все грузины. Есть риск того, что армянский транзит породит новую волну сепаратистского террора против этнических грузин. Используя «геноцидный повод» абсолютно невинных людей будут хватать, пытаться и убивать как Арчила Татунашвили. Причем не только осетины, но и представители других «многострадающих народов», а особенно «самого многострадающего народа». И не только в Цхинвали...

События в Армении отвлекли внимание от ситуации на оккупированных грузинских территориях Абхазии и Цхинвальского региона. Между тем здесь происходят очень интересные события. Если проводить аналогии с Арменией, то недовольство марионеточной властью жителями сепаратистских территорий достигло предела, и в пору, говорить о возможном готовящемся «майдане» в сепаратистском Цхинвале. То, что сепаратистский

режимы Цхинвали поддержкой населения не пользуются, понимают и многие «списанные» ранее российскими «кураторами» сепаратистские политики. Прежде всего, после убийства сепаратистскими властями Арчила Татунашвили очень странно с точки зрения его прежних позиций повел себя прежний лидер Цхинвальского режима Эдуард Кокойты. Он обрушился с резкой критикой на администрацию Бибилова, неожиданно заступился за убитого сепаратистами грузинского гражданина и даже начал «защищать» грузинское население Ахалгорского района.

28 марта 2018 г. было опубликовано интервью Эдуарда Кокойты агентству ANNA-News.info, в котором он опроверг официальные заявления Цхинвальских властей о том, что погибший после допроса в сепаратистском КГБ Арчил Татунашвили был «диверсантом», и назвал случившееся «спланированной провокацией против Южной Осетии и России», в которой, возможно, «участвовали югоосетинские власти». «Если он был диверсантом, то надо предоставлять доказательства. Но в данном случае это провокация против Российской Федерации с далеко идущими последствиями, и, к большому сожалению, я не исключаю, что в этой провокации завязано и руководство Южной Осетии. Иначе как это объяснить? Грузия снимает информационные сливки, все международное сообщество опять грозит Российской Федерации. Дело уже приобрело международный резонанс, в Грузии хотят выставить санкционный список наподобие «списка Магнитского». Дело Татунашвили может стать поводом для Запада и Грузии организовать ревизию событий 2008 года», – заявил Эдуард Кокойты. Кокойты также упрекнул действующие власти в несостоятельности их политики в отношении грузинского населения Ахалгорского района, жителем которого был Арчил Татунашвили: «Грузины, которые проживают на территории Ленингорского (Ахалгорского – ред.) района, – это «граждане Южной Осетии». Каждый президент, каждый чиновник обязан соблюдать нормы Конституции и права – это наши граждане, мы обязаны их отстаивать. Но если, не дай Бог, человек готовит диверсии против «республики», против моего народа, а мой народ – это все, кто прожи-

вает на территории республики, тогда можно принимать жесткие меры. Но его вину нужно доказывать», – заявил Кокойты. Неожиданно «интересоваться» проблемами жителей Ахалгори начал и нынешний лидер сепаратистов Анатолий Бибилов, который на днях был в Ахалгорском районе и встречался с местными жителями. В частности местные грузины жаловались сепаратистскому лидеру на то, что у них проблема с выпасом скота. Дело в том, что имеются в Ахалгорском районе исключительно летние пастбища. На зимние пастбища скот перегоняют в соседний Душетский район и другие районы на неоккупированных территориях Грузии. Но сепаратистские власти недавно объявили, что скоту скоро не позволят пресекать линию разграничения. «После встречи фермеры плакали. Они сказали, что их выгоняют вместе с семьями из их домов, из нашего района, потому, что они живут со своим скотом, а здесь держать его зимой животноводы не могут из-за суровых погодных условий. С тех пор как в «Южной Осетии» были организованы колхозы, местный скот не зимовал на территории района. В советское время его перегоняли на зимние пастбища в Дагестан, а после развала СССР – в Душети. Это не блажь. По словам местных животноводов, здесь нет сенокосов, способных обеспечить скот зимними кормами, нет помещений, где можно содержать его в холодное время. А это значит, что они либо должны все продать и искать работу в «республике», либо покинуть «Южную Осетию» и искать возможность держать скот в Грузии. Это проблема еще и для многих сельских жителей, которые работали у скотовладельцев доярками, скотниками, чабанами. Они тоже остаются без работы», – отмечает жительница Ахалгори Тамара Меракишвили. Но Анатолий Бибилов заявил, что история отгонного животноводства заканчивается. Скот, который зимует в Душети, на сепаратистскую территорию впускают, но обратно осенью уже не выпускают. Это ставят множество семей, зависящих от скотоводства в бедственное положение. К несправедливости и бедствиям этнических грузин на сепаратистских территориях, уже многие привыкли, и местные грузины вынуждены с этим мириться. Но то, что сепаратистские власти, наконец, нача-

ли этими людьми, заниматься и то, что даже считают «своими гражданами» говорит о том, что положение сепаратистского региона зыбко. И возможны серьезные изменения. Вплоть до того, что не исключено, что в ближайшее время в Цхинвали организуется антироссийский по своей сути майдан – подобный майдану в Ереване. Тем более что такая попытка в Цхинвали была. В свое время в 2011 г. на выборах сепаратистского «президента» того же российского ставленника Анатолия Бибилова в Цхинвальском регионе победила Алла Джигоева. В ее поддержку в Цхинвали проходили массовые митинги. Тогда в ситуацию пришлось вмешаться российским спецслужбам чтобы у власти на оккупированной территории поставить другого своего ставленника – Леонида Тибилова, которого путем изначально подтасованных «выборов» заменили на Тибилова лишь в 2017 г. Кризис сепаратизма и ультранационализма на Южном Кавказе очевиден. Он дошел и до сепаратистских территорий Грузии. Если даже во всем обязанный России бывший сепаратистский лидер Эдуард Кокоты, которому заказан обратный путь в Грузию, выступает против режима в Цхинвали и начинает защищать грузинское население, то проблемы сепаратистской власти налицо. Как и кризис политики России в поддержке ультранационалистических режимов – типа армянского. Эту российскую политику нужно менять, но менять поздно. Марионеточные фашиствующие режимы ненавидят даже те народы, ради которых эти режимы и провели этнические чистки. Ведь в настоящее время в Республике Армения свергает и отстраняет от власти «карабахский клан» сам армянский народ, а не пострадавшие от преступлений этого клана азербайджанцы.

Единство сепаратистов по-армянски

То, что все сепаратисты на Южном Кавказе являются всего лишь учениками армянских националистов ни для кого не секрет. Этнические чистки грузинского населения как в Цхинвальском регионе, так и в Абхазии были осуществлены «по образцу» этнических чисток, которые осуществлялись армянскими националистами в Карабахе против мирных

азербайджанцев. Причем в Абхазии в зверствах над мирным грузинским населением непосредственное участие принимали армянские боевики из батальон им. Баграмяна и других формирований. В том числе и имевшие опыт расправ над мирным азербайджанским населением Карабаха. Сейчас результаты этнических чисток сепаратисты стремятся «оправдать» и «закрепить». И здесь они опять таки берут на вооружение ложь и исторические фальсификации армянских националистов, основанные на мифе о «геноциде 1915 г.». И даже не скрывают кто их «учителя». Активно взялись строить «геноцидный» режим, основанный на лжи и исторических мифах цхинвальские сепаратисты. За «акт геноцида» решено взять подавление в Грузии в 1920 г. большевицкого мятежа, в котором частично участвовали и осетины. То, что руководители мятежа были грузины-большевики и среди пострадавших тоже большинство грузин творцов «геноцидного мифа» никак не смущает. Им главное оправдать мифом о «геноциде» сегодняшние этнические тиски и изгнание грузинского населения.

22 октября 2019 г. в сепаратистском Цхинвали обсуждался вопрос об учреждении так называемого «Дня памяти жертв геноцида осетинского народа». С предложением об учреждении этой «памятной даты» вступил советник сепаратистского лидера Анатолия Бибилова Коста Пухаев. «Такие даты существуют во многих странах, которые столкнулись с преступлениями против человечности, к примеру, в Армении. Предлагаю утвердить официальную дату 20 июня, день расстрела грузинскими меньшевиками 13 коммунаров, мирных участников сопротивления. Этот кровавый день также является звеном в цепочке трагических событий 20-х годов прошлого столетия», – заявил Пухаев. Цхинвальские сепаратисты даже не скрывают того, у кого они учатся своему «геноцидному» мифотворчеству у Армении. В связи с выдумыванием и использованием геноцидных мифов цхинвальскими сепаратистами «по армянскому образцу» возникает вопрос – а так ли «безобидны» массовые акции, которые устраивают армянская община Грузии каждый год в дни мифического «армянского геноцида» в 20-х числах

апреля? Мало того, что при этих акциях идет нагнетание ненависти, национальной и религиозной вражды, воспевание «арцахского» сепаратизма. Молодому поколению армян внушаются миф о об их якобы «исключительном страдании» и поэтому вседозволенности по отношению к другим народам. Мол мы «жертвы геноцида» нам все можно. В том числе убивать и изгонять представителей народов, которые «от геноцида не пострадали», и тем более якобы «виновников геноцида». Сейчас геноцидной истерией явно по режиссуре армянских националистов заражаются осетины. Цель ее понятна, не только «зафиксировать» этнические чистки, но и сделать невозможным примирение осетинского и грузинского народов их жизнь в едином грузинском государстве. Т.е. цель все та же – расчленение единой Грузии. Тем более что еще одни так называемые «жертвы геноцида», армянские сепаратисты в Самце-Джавахе только и выжидают момента, чтобы поднять сепаратистский мятеж и «добить» Грузию. Если у цхивальских сепаратистов и их армянских покровителей эксперимент с «геноцидным» мифом удастся, то нет сомнения, аналогичный миф выдумают и для сепаратистов Абхазии. Там сейчас напряженно перебирают мифические «исторические обиды», полученные якобы абхазами от грузин. Пока ничего не нашли, но это дело «поправимое». Чтобы не отставать от армянских и осетинских националистов, абхазский «геноцид» могут придумать «с нуля». При этом потихоньку осуществляя реальный геноцид абхазского этноса, который сегодня «под чутким присмотром» армянских националистов деградирует и вымирает. Расчленяющие Грузию лживыми вымышленными «геноцидными» мифами, армянские националисты при том имеют наглость продолжать требовать от Грузии признания их мифического «геноцида 1915 г.».

Транзитный сепаратизм

Представим, чтобы было, если бы на российско-финляндской границе с финской стороны на финской таможене появились грузинские таможенники. И они бы стали досматривать все грузы, которые идут из РФ в стра-

ны ЕС (а Финляндия – член ЕС) и в обратном направлении. Причем в первую очередь стали бы пропускать грузы из Грузии или в Грузию, а остальные бы стали задерживать под предлогом «перегруженности таможенного терминала». Или под другими предлогом. Как бы на это отреагировали российские патриоты? Даже если бы между Россией и Грузией были бы прекрасные отношения? Наверняка расценили бы как нонсенс и как наглое вмешательство той же Грузии, в дела, которые касаются только России и Финляндии (и в лице последней – Евросоюза). Но вот в ближайшее время Великая Россия, сверхдержава, должна уступить часть своих суверенных функций, а именно контроль на таможене одной небольшой стране. Которая во первых, с Россией не граничит, но во вторых полностью от России зависит. Речь опять об Армении. Дело в том, что российскую таможену на КПП «Верхний Ларс» по факту будет контролировать Таможенная служба Армении. Причем официально. По заявлению председателя Комитета доходов Армении Давида Ананяна в скором времени на российском контрольно-пропускном пункте «Верхний Ларс» появится представитель армянской таможни. По его словам, об этом Ереван уже договорился с российской таможней, сейчас полномочия представителя Армении на «Верхнем Ларсе» проходят стадию согласования. «Вопрос был решен, согласие есть. Остается лишь в ближайшее время обсудить вопрос подходящей кандидатуры, после чего у нас появится свой представитель на КПП», - приводит news.am сообщение Давида Ананяна. Формально, конечно этот представитель армянской таможни должен «облегчить» прохождение через Верхний Ларс грузов из Армении и в Армению. Но при этом ничего не говорится о том, что этот представитель армянской таможни будет досматривать исключительно «армянские» грузы. И самое главное, от того что на таможене он будет в первую очередь пропускать «армянские» грузы, страдать будут грузоперевозчики из других стран, в том числе и Грузии, Турции, Ирана, Азербайджана. Их грузовые автомобили будут «тупо» задерживать и они будут сутками стоять в очереди пока таможену не пройдут «привилегированные» армяне. Спра-

шивается, какое отношение имеет Республика Армения к российско-грузинской границе? И какое право имеет представитель той же Армении знать, что ввозит Грузия в Россию и что вывозит. Как и другие страны, чьи грузы идут транзитом через российско-грузинскую границу. И тем более чинить препятствие торговому обороту Грузии и других стран через российско-грузинскую границу. Даже если никаких препятствий не будет, важен сам факт вмешательства в двухсторонние отношения. Почему это можно только Армении? И сильно бы «обрадовалась» та же Армения, если бы с российской стороны границы проявились еще таможенники Турции и Азербайджана. Более того, армянские таможенники на Верхнем Ларсе могут сознательно чинить препятствия торговле России и Грузии. С целью банального шантажа. Не секрет, что Армения давно уже добивается разрешения транзита своих грузов через оккупированные территории Абхазии и Цхинвальского региона без их деокупации и без возвращения беженцев. Грузия дала понять Армении, что без деокупации о транзите не может идти даже речи и в последнее время армянская сторона несколько снизила свое давление на Грузию в этом вопросе. Но если у Армении появится возможность контроля над Верхним Ларсом, то давление и шантаж могут возобновиться с новой силой. Грузия должна реагировать на факты такого наглого вмешательства Армении в ее отношения с другими странами. Иначе поставив под контроль границы Грузии, в дополнение с фактически подконтрольными армянскому лобби сепаратистами в Сухуми и Цхинвали, Армения получит возможности для ограничения суверенитета Грузии. А в данном случае надо учесть, что армянское лобби еще и поддерживает на грузинской территории сепаратизм (в той же Самцхе-Джавахети – это может быть опасно для грузинского государства).

Как показывают последние заявления хорошо осведомленных экспертов, Республика Армения и армянское лобби не только не отказались от идеи организации транзита через оккупированные грузинские территории Абхазии и Цхинвальского региона, но намерены добиваться своего с новой силой, делая ставку на фактически «международную легализацию

сепаратизма».

В частности известный своими грузинофобскими взглядами и поддержкой сепаратистов в Сухуми и Цхинвали эксперт Российского института стратегических исследований (РИСИ) Артур Атаев заявил, что лоббизма армян недостаточно для начала реальных переговоров по открытию абхазского участка железной дороги между Грузией и РФ. Кроме того Артур Атаев недоволен тем, что Абхазия, т.н. «Южная Осетия» и Армения прямо не вовлечены в процесс открытия коридоров, но для них выгода от коридоров очевидна, особенно, в условиях периодических перебоев на Верхнем Ларсе. «Но на мой личный взгляд, лоббистских действий пока недостаточно. Армянская община Москвы делала какие-то шаги в период Иванишвили, но их было недостаточно для актуализации разговора об открытии абхазской железной дороги», — сказал Атаев. По мнению Артура Атаева армяне должны быть активнее в вопросе открытия абхазского участка железной дороги. При этом, ни о каком возврате грузинских беженцев в Абхазию и Цхинвальский регион армянское лобби, требуя себе «транзитные коридоры» даже не заикается. Более того, судя по словам находившегося 25-26 декабря 2017 г. в Тбилиси Сержа Саргсяна свою позицию по грузинским беженцам Армения, которая регулярно в ООН голосует против их возвращения в Абхазию и в Цхинвалский регион, менять не намерена. Самое интересное, что данные сепаратистские территории армяне считают не иначе как «независимыми государствами» и намерены с ними разговаривать в таком качестве. Эти грузинские земли Грузией армяне не считают. Более того в социальных сетях появились грузинофобские и даже в чем то русофобские заявления о том, что дескать вопрос транзита будут решать «Ереван и Сухум и никто больше». В частности такое высказывание оставил в сети Facebook под обсуждением статьи «Кавказ плюс» «Террористические методы Саргсяна и армянского лобби: грузины Абхазии взяты в заложники» известный своими грузинофобскими и армянскими националистическими взглядами Veritas Brener. «Транзит через Абхазию решать ТОЛЬКО Сухуму и Еревану. И больше никому.», — написал он.

Т.е. даже России армянскими националистами отказано в праве влиять на «великие и независимые» Абхазию и т.н. «Южную Осетию», если они решают ради «братской Армении» организовать транзит. То есть получается, что есть транзит через оккупированные сепаратистские территории будет организован то сепаратисты, по сути, получают своеобразное «международное транзитное признание». Это делает их даже в чем-то «независимыми» от России, но более зависимыми от армянского лобби. Ведь именно армянское лобби, а также препятствующая возвращению грузинских беженцев Республика Армения будет гарантом сохранения этнических чисток границ сепаратистских образований с остальной территорией Грузии. К сожалению, в России пока не до конца понимают, какую опасность такого прецедента «повышения статуса сепаратистов» вследствие организации через их территории транзита может носить для самой России. Между тем, очевидно, что имея пример «транзитных Абхазии и Южной Осетии» по аналогии иметь свою «долю» от транзита в качестве «независимых субъектов международного права» рано или поздно захотят российские национальные образования – причем не только на Северном Кавказе, но и в Поволжье, на севере РФ, в Сибири или на Дальнем Востоке. Получится, что властям РФ относительно транзита грузов с тем же Дагестаном, Бурятией или Карелией нужно будет договариваться отдельно и отдавать им львиную долю дохода от транзита, а это уже прямой путь к развалу самой России. В России также не до конца понимают убийственности для русского государства пропаганды и поддержки сепаратизма на постсоветском пространстве, которую давно и последовательно осуществляет армянское лобби, и которое имеет своей конечной целью как раз уничтожение

России. Напомним, что еще в годы СССР не иначе как с подачи своей жены – армянской националистки Елены Боннэр – академик Андрей Сахаров вступил с проектом преобразования России в аморфный «союз суверенных государств», где независимость предоставлялась всем без исключения национальным автономиям в РФ. Понятно, что это делалось, чтобы признать, в конечном счете, «независимость» Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана и по факту присоединить ее к Армении. Но именно с подачи Сахарова и Боннэр тогда начали разжигать сепаратизм в Грузии, которую Сахаров «назвал «малой империей», в частности в Абхазии и Юго-Осетинской АО. Но изначально само собой подразумевалось, что конечная цель развал «Большой империи» т.е. России. Поражает удивительная недалководидность русских патриотов, которые по-прежнему продолжают поддерживать своих смертельных врагов – армянских националистов, которые в своих планах давно вынесли России смертный приговор. И сегодня Армения даже не скрывает свои намерения распространять и поддерживать сепаратизм, где только можно. Тем более Республика Армения уже не боится остаться без «российского покровительства» – она по факту предала Россию и вроде бы нашла себе новых покровителей (которые как раз и мечтают Россию развалить) – Запад в лице США и ЕС. То же недавно подписанное соглашение о партнерстве Армении с Евросоюзом именно признак того, что Армения окончательно нашла себе новых западных хозяев, и сейчас будет стремиться разваливать Россию. Здесь поддержка Арменией сепаратизма на территории Грузии, «легализация» сепаратистов через их участие в международном транзите – первый шаг для того чтобы по аналогии начать разваливать и Российскую Федерацию.

Литература:

- [1]. Трусо - Исторические и этнокультурные проблемы. Под общей редакцией Роланда Топчишвили и Натии Джалабадзе Тб., 2021
- [2]. Вызовы грузино-осетинских взаимоотношений на фоне войны в Украине 2024
- [3]. Нодира Рахмонбердиева. Массовая культура и информационно-психологическая безопасность в современном процессе. // THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific

Journal.Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал.// ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X.// DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16> №27, Тб., 2021, №23, с. 160-184

[4]. INDEPENDENT INTERNATIONAL FACT-FINDING MISSION ON THE CONFLICT IN GEORGIA, REPORT, VOLUME I-III : Официальный журнал Европейского союза, 2009

[5]. Амиран Бердзенишвили, Каха Кецабая.О некоторых особенностях постсоветской трансформаций общества.// THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал.// ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X.// DOI:<https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16> №27, Тб., 2021, №23, с.143-148

SAMSON JOJUA

PHD student of Sukhumi State University (Georgia)

OCCUPIED REGIONS OF GEORGIA - GEOPOLITICAL MOUTHPIECE OF RUSSIA

Summary

The geopolitical worldview of the Ossetian people in Georgia is based on the fundamental principle that the guarantor of security and peace is Russia, and the source of the threat to the existence of the people of the so-called South Ossetia is Georgia and some of its allies. For some reason, the Ossetians self-determined in Georgia, and not in Russia. The Ossetian people in Georgia today believe that they live in an independent country called «South Ossetia» and do not at all perceive the historical truth that this part of historical Georgia called North. Kartli is occupied by the Russian Federation.

Based on this, we believe that the international academic community must be provided with reliable information about the systematic war crimes committed by representatives of the Ossetian people and their associates in the Kremlin. The presented article aims to inform the international community about the violations of the fundamental principles of international law by separatists.

Today, the historical Georgian region of North. Kartli, which is under Russian occupation, is presented to the international community as the independent state of South Ossetia, but in reality it is an occupied region of Georgia and, first of all, represents a geopolitical and military outpost of Russia directed against the independence of the Georgian state.

Among the instruments of pressure on Georgia, the Armenian lobby and Ossetian nationalists have long been trying to take advantage of the factor of Ossetians originating from the deserted villages of Stepantsmidsky (Kazbegi municipality) - the historical Georgian region of Khevi, especially the Trusovsky gorge in the upper reaches of the Terek River. By the way, these villages began to empty during the years of the USSR and not because of «Georgian persecution», as Ossetian nationalists like to say, but simply because of the desire of local Ossetians for a comfortable life. Local residents moved en masse to Vladikavkaz, although the authorities of the Georgian SSR did everything to provide the residents of Ossetian villages with a decent life. After the Ossetian nationalists had driven the Ingush out of the Prigorodny District of Vladikavkaz en masse, many Ossetians of the Trusovskoye Gorge who still remained in their villages left them en masse, receiving Russian citizenship and settling in «trophy» Ingush houses. So, despite the false claims of the Ossetian nationalists that «the Georgians forced them to leave their native places», the situation is exactly the opposite - the Trusovskoye Ossetians themselves coveted other people's property, the houses and property of the Ingush expelled from the Prigorodny District. At the same time, the Ossetian nationalists have long laid claim not only to the Trusovskoye Gorge, but also to the entire historical region of Khevi. They would not be averse

to carrying out the same ethnic cleansing here as they did to the Ingush of the Prigorodny District and to the Georgian population of the Tskhinvali Region. And there is no doubt that they would have called for help from the Russian occupation army long ago, if not for one “but”.

The only highway that connects the main instigator of separatism in the Caucasus, the Republic of Armenia, with the outside world passes through Khevi and the Upper Lars checkpoint. Aggression against Georgia in Khevi would block this highway. Therefore, Armenian and Ossetian nationalists, figuratively speaking, are «torn» between the desire to do nasty things to Georgia and Armenia's dependence on transit through Upper Lars. Nevertheless, work is underway to create another hotbed of aggression in Khevi with the prospect of occupying this Georgian territory. Saboteurs and provocateurs are deliberately sent to Khevi, and especially to the Trusov Gorge. The Georgian authorities limit the subversive activities of the sent emissaries as much as they can. The far western part of the Trusov Gorge, adjacent to the Russian border, which can be reached from Russia through an unguarded pass, is a border zone. In order to prevent the formation of a «sabotage channel», the Georgian authorities control visits to the Truso Gorge. However, local residents or people from the Truso Gorge who have not been noticed in anti-Georgian activities are allowed in without any problems. Attempts at provocations in the Truso Gorge have become more frequent since the 2008 war. They are trying in every possible way to send provocateurs there. Commenting on the situation with the Ossetians who were denied entry from the occupied territories of the Tskhinvali region in 2015, the head of the Caucasus Center for Strategic Studies Mamuka Areshidze noted that this group of Ossetians who previously lived in the Truso Gorge of Georgia were given the task of crossing the de facto border with Georgia from the Akhalkori side and heading to their former place of residence. According to the political scientist, their task is to call for help from representatives of the Russian security forces if their return is obstructed. Last summer, another scandal was provoked. A group of natives of Ossetian villages of the Kazbegi region, who participated in the separatist activities of Tskhinvali and are employees of the Russian special services, was specially organized in order to allegedly «get to the holiday in their native places.» A large-scale provocation was clearly being prepared. But the Georgian authorities were vigilant and many of these provocateurs, who were on the list of undesirables for Georgia, were denied entry at the border. There was a fuss in the North Ossetian media - but since the «friends» and allies of the Ossetian nationalists - the Armenian lobby - were actively «push[ing] through» alternative transit routes for Armenia through the same Tskhinvali - then this matter was not given a go. But it became obvious that, despite all the efforts of the Armenian lobby, it would not be possible to organize the transit of Armenian cargo through the occupied Georgian territories.

კავკასია და მსოფლიო
საერთაშორისო სამეცნიერო ჟურნალი

THE CAUCASUS AND THE WORLD
International Scientific Journal

Кавказ и Мир
Международный научный журнал

გეოისტორიის და გეოპოლიტიკის კვლევის კავკასიის საერთაშორისო ცენტრის პერიოდული ჟურნალი „კავკასია და მსოფლიო“ წარმოადგენს რეფერირებად, საერთაშორისო სამეცნიერო გამოცემას. ჟურნალი გამოდის ყოველთვიურად. ჟურნალი დარეგისტრირებულია LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE, მისამართი: საქართველო, თბილისი 0179, კოსტავას ქ. 47, ტელ., (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76- 18,
E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com,
www.lazika.com.ge

Journal “The Caucasus and the World” is the periodical, monthly published, summarized scientific edition of The Caucasian International Research Center For Geohistory and Geopolitics. The journal is registered at LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE, adress: Kostava St N 47, Tbilisi 0179, Georgia. Phone: (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76- 18,
E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com.
www.lazika.com.ge

Журнал „Кавказ и Мир” – периодическое, реферированное международное научное издание Кавказского Международного Центра Исследования Геоистории и Геополитики, публикуется ежемесячно. Журнал зарегистрирован в LEGAL PERSON OF PUBLIC LAW INSTITUTE по адресу: Грузия, Тбилиси 0179, ул. Костава 47, тел., (995 32) 233-53-15, (995 32) 298-76-20; Fax 298- 76- 18,
E-Mail: caucasus.editor@yahoo.com
www.lazika.com.ge